ЛОРА БЕКИТТ

ОСТРОВ СУДЬБЫ

Остров судьбы
Лора Бекитт

Аннотация
Лора Бекитт. Остров судьбы
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Часть вторая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Глава 9
Глава 10
Часть третья
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Аннотация

Любви Орнеллы и Дино мешает давняя вражда их семей. В ответ на признание юноши Орнелла ранит его выстрелом из ружья, а потом понимает, что сердечная страсть сильнее господствующих в XIX веке на Корсике традиций кровной мести. Цена их тайных свиданий высока: на одну чашу весов положены чувства, на другую — угроза проклятия со стороны близких людей и изгнание с острова…

Лора Бекитт
Остров судьбы

Корсиканцы больше чем любой другой народ верят, что на свете существует нечто таинственное и могущественное, властвующее над всем людским родом, то, что зовется судьбой.

Жители острова издавна считают, что ни один человек не способен противостоять року. Его жертвой может стать как готовый броситься в бездну, так и тот, кому кажется, будто он вот-вот расправит крылья в полете над миром.

Вместе с тем корсиканцам известно: на свет еще не родился последний, который не способен стать первым, и Бог не создал мечты, которая не может воплотиться в реальность.

Часть первая

Глава 1

Горная цепь — нерушимые оковы Корсики — тянулась вдоль западного берега и уходила далеко вглубь острова. На рассвете и закате каменные вершины алели, будто политые кровью, а днем казались изваянными из чистого золота.

Орнелла Санто не боялась высоты; она с детства привыкла спускаться с кручи. Поединок со скалами рождал в душе пьянящий восторг и чувство свободы от всех земных уз. А еще — ощущение того, что она не такая, как все, потому что может справиться с любой опасностью. Совладать с судьбой.

В первый раз она сильно ободрала колени, ладони и локти и здорово перепугалась, но теперь ее пальцы чутко выискивали выбоины и трещины, превращая их в ступени, а тело то изгибалось, то замирало, безошибочно сохраняя равновесие. Лицо Орнеллы горело, а растрепавшиеся волосы полоскались на ветру.

Очутившись внизу, она поднимала голову и смотрела на скалы с торжествующей улыбкой. Первый спуск был вынужденным, тогда Орнелла спасалась от недругов. Она могла бы прыгнуть в

море, если бы не острые обломки скал, торчавшие из воды, будто зубы гигантского чудовища, или взмыть в небо, если б у нее были крылья. Орнелла помнила выражение, появившееся на лицах обидчиков. Тогда ей почудилось, будто она бросила вызов не только им, но и самим Небесам.

С тех пор ей никто не угрожал, но она полюбила опасную игру. У подножия скал Орнелла переводила дыхание, потом снимала платье и бросалась в воду. Она могла плавать и час, и два, позабыв обо всем на свете; тело, свободное от пут одежды, наслаждалось лаской моря, а душа пела.

Местами камни поросли нежно-зелеными водорослями, в крохотных трещинках скал прятались крабы размером с ноготь, с глазами-бусинками и острыми, как бритва, клешнями. Вода была такой прозрачной, что Орнелла могла видеть рыб, проплывавших возле самого дна.

Она любила природу родного острова, но к людям относилась с настороженностью и опаской. Да и как можно было относиться к мужчинам, которые берут с собой оружие даже в поле? К женщинам, которые всегда носят черное, редко улыбаются, а оплакивая покойника, призывают к мести? К людям, благодаря которым земля Корсики впитывает кровь так же легко, как воду!

Законы, правящие жителями ее родной деревни Лонтано, висевшей над обрывом, будто птичье гнездо, были непоколебимы и нерушимы, как древние скалы. Мир, в котором была вынуждена существовать Орнелла, был деспотичен и жесток, в нем жизнь тесно переплеталась со смертью.

Спустившись вниз, она увидела человека, которого желала встретить меньше всего, и поняла, что сегодня ей не доведется поплавать.

Он стоял, слегка расставив ноги, и на его лице застыло выражение, какое бывает у хищника, внезапно обнаружившего добычу. Но в голосе не было злобы, только легкая насмешка:

— Мне кажется, во младенчестве мать уронила тебя, Орнелла, и ты крепко ударилась головой! Почему бы тебе не спускаться вниз по тропинке, как это делают обычные люди?!

Орнелла стиснула зубы.

— Тебе больше нечем заняться, кроме как выслеживать девушку?

Он расхохотался.

— Разве можно назвать девушкой такое оборванное и чумазое существо, как ты! Ты когда-нибудь смотришься в зеркало?

Орнелла вспыхнула. Дино Гальяни, которого она с детства ненавидела, удалось задеть ее

самолюбие. Она вспомнила его сестру Бьянку, которая полностью оправдывала свое имя[1], нежную белокожую красавицу, и представила свое загорелое, обветренное лицо, покрытые коростой мозолей руки и жесткие от морской воды волосы. Подумала о старом залатанном платье и башмаках, которые она редко надевала, потому что они почти развалились.

Даже в будни Бьянка, единственная дочь и младший ребенок в богатой по местным меркам семье, надевала вышитую ярким шелком рубашку, бирюзовый корсаж, коричневую складчатую юбку и изящные кожаные туфли!

Дино был одет так, как обычно одевались мужчины на острове, — в простую суконную куртку, холщовую рубаху и тиковые штаны, но в праздник и он, и его братья любили щеголять выходными костюмами. В деревне мужчин семейства Гальяни считали красивыми, но Орнелла не желала видеть ни в Дино, ни в его отце и братьях ничего привлекательного.

— Лучше быть такой девушкой, как я, чем таким мужчиной, как ты и твои братья!

— Чем же мы плохи?

---

[1] Примечания: 1
Бьянка — по-итальянски «белая».

Не сдержавшись, Орнелла выкрикнула:

— Тем, что вы выродки!

Дино сузил стальные глаза.

— Осторожнее с выражениями, не то я швырну тебя в воду, как котенка!

— Прежде я размозжу тебе голову камнем!

Она в самом деле подняла камень и бросила в Дино. Он увернулся.

— Самым лучшим днем в моей жизни станет тот, когда ты уберешься с острова!

— Этот день никогда не наступит, потому что я очень хочу взглянуть на того сумасшедшего, который возьмет тебя в жены, а поскольку такой не отыщется…

Ему снова пришлось отпрыгнуть в сторону, потому что Орнелла швырнула второй камень.

— Как ты смеешь издеваться надо мной, ты, сын человека, который убил моего отца!

Взгляд Дино потемнел.

— Это байки, — отрезал он, — домыслы твоей матери.

— Это правда!

Он молча повернулся и пошел прочь. Орнелла осталась стоять на берегу.

Она раздумала плавать и решила вернуться домой. Пока Орнелла взбиралась по крутой тро-

пинке, солнце успело подняться высоко в небо. Иногда поднимался ветерок, но он нес не прохладу, а лишь пряный аромат маки, низкорослого, жесткого кустарника, покрывавшего больше половины острова. Кто-то сказал, что так пахнет в Эдеме, но Орнелла сомневалась, что этот дикий запах похож на благоухание рая.

Вспомнив слова Дино, она вновь покраснела. Проклятый Гальяни! Она решила выстирать платье и вымыть волосы.

Орнелла не любила свой дом, сложенный из грубого камня, с изъеденными червями ставнями и гнилой крышей. Они были бедны, но то была не благородная бедность, а бедность отчаявшихся, опустившихся существ.

Беатрис Санто возилась на крохотной кухоньке. Орнелла знала, что сегодня, как и вчера, на обед будут печеные каштаны, если только ее младший брат Андреа не принесет какой-нибудь дичи.

Заслышав шаги, Беатрис обернулась и неприветливо спросила:

— Где ты была?

— Гуляла.

— Так долго?

— Я задержалась, потому что встретила Дино Гальяни, и мне пришлось отвечать на его на-

смешки.

— Я не хочу слышать это имя! — отрезала мать и вновь занялась каштанами.

Орнелла вздохнула и опустилась на колченогий стул. Когда-то Беатрис, без сомнения, была красива, однако годы вдовства стерли с ее лица следы привлекательности. Она выглядела ожесточенной, суровой и никогда не улыбалась. Люди считали, что она не в себе, но Беатрис говорила, что это Гальяни, представители самого богатого и влиятельного в округе семейства, настроили жителей деревни против нее.

Дверь отворилась, вошел Андреа, пятнадцатилетний юноша, такой же хмурый и неулыбчивый, как мать. Он часто уходил на охоту, ставил и проверял силки, но редко приносил в дом добычу. Орнелла думала, что ему не хватает сообразительности и ловкости, пока однажды брат не признался, что просто не любит убивать зверей и птиц.

Андреа был молчаливым, диковатым, у него не было друзей, и только Орнелла знала о том, что он обладает трепетным, жалостливым сердцем.

Так повелось в их краях: человек, тем более мужчина, был вынужден скрывать свои слабости.

Увидев, что сын опять пришел без добычи, Беатрис со вздохом произнесла:

— Когда тебе исполнится шестнадцать, я куплю хорошее ружье.

Андреа вздрогнул и ничего не сказал, но Орнелла заметила, что взгляд его больших темных глаз полон затаенной боли.

После обеда Орнелла согрела воду и вымыла волосы, а потом уселась на солнцепеке. В трещинах каменных стен копошились пауки. В жарком воздухе жужжали насекомые, ветер доносил с гор запах тимьяна и лаванды. Она смежила веки и погрузилась в блаженную дрему.

— Когда мне исполнится шестнадцать, моей жизни придет конец, — услышала Орнелла и открыла глаза.

Перед ней стоял Андреа. Его штаны были продраны на коленях, а суконная жилетка, надетая на голое тело, пестрела кое-как приделанными заплатами. Однако он был гибким и стройным, с густыми черными волосами, выразительными глазами и обещал стать красивым мужчиной.

— Всю свою жизнь я только и слышу о том, что должен убить Леона Гальяни! Каким образом? Встретить его на улице и выстрелить ему в сердце? Заманить его в ловушку и столкнуть со

скалы? Меня тошнит от слов «убийство», «месть» и «ненависть».

— Ты не обязан это делать, если не хочешь, — неуверенно произнесла Орнелла.

Андреа тряхнул головой.

— Нет, обязан! Иначе мать меня проклянет!

Орнелла понимала, что он прав. Погребальный плач Беатрис у гроба мужа наложил на Андреа — единственного мужчину в семье — обет отмщения. Вендетта считалась главным принципом справедливости, пусть варварским, зато основанным на искренних чувствах.

— Леон Гальяни не считает себя виновным в гибели нашего отца. Говорят, он даже давал клятву на Библии.

При иных обстоятельствах Орнелла ни за что не произнесла бы таких слов, но ей было жалко брата. Сейчас, как и в детстве, Андреа выглядел растерянным, неприкаянным, не могущим себя защитить. Местный священник, отец Витторио, организовал при церкви школу, где обучал ребятишек Лонтано грамоте, но в десять лет Андреа перестал туда ходить, потому что дети (особенно Джулио, средний из братьев Гальяни) смеялись и издевались над ним.

— Подумать только, когда это случилось, я еще

лежал в колыбели!

Орнелла кивнула.

— Я тоже ничего не помню.

— Как думаешь, быть может, мать напрасно обвиняет Гальяни? — тихо спросил Андреа.

— Не знаю. Она никогда не рассказывала о том, что произошло на самом деле.

— Леона Гальяни нельзя назвать трусом. Едва ли он стал бы отпираться, если бы был виновен.

— Тогда почему мать так уверена в этом?

— Неизвестно. Однако я не встречал ни одного человека, который мог бы сказать, что видел, как Гальяни убивал нашего отца, — твердо произнес Андреа.

— Жаль, что мы с тобой не можем поменяться местами, — сказала Орнелла. — Я знаю, что в твоем сердце нет ни ненависти, ни жажды мести. Мне было бы проще это сделать.

Дино Гальяни спешил домой. Он понимал, что отец отругает его, если узнает о том, что он бродил по берегу без дела. Глава семьи держал детей в строгости; достаточно было одного-единственного сурового взгляда, чтобы любой из них ощутил слабость в коленках.

Его полное имя было Джеральдо, но все, кроме Леона, звали молодого человека Дино, сокращен-

но от Джеральдино, так, как когда-то в детстве мать ласково нарекла своего первенца. Даже Орнелле Санто, считавшей Дино своим врагом, не приходило в голову обратиться к нему иначе.

Помимо воли Дино мысленно возвращался к разговору с девушкой. В ней жило нечто неистовое, неукротимое, ее душа была полна тайного огня, который не чаял вырваться наружу. А еще у Орнеллы Санто был самый красивый и сильный голос, каким когда-либо обладала женщина. Однажды Дино удалось подслушать, как она поет, блуждая по горам: казалось, ее песня способна пересечь океан.

Мать Орнеллы поклялась отомстить Леону Гальяни, хотя отец Дино уверял, что невиновен в смерти Симоне Санто. Между ними что-то произошло, но что именно, Дино не знал. Он верил своему отцу, однако эта сумасшедшая Беатрис Санто всякий раз плевала в сторону Леона и его сыновей и извергала проклятия.

Орнелла вела себя не лучше. Когда-то Дино вместе с братьями решил подшутить над девчонкой. Они загнали Орнеллу на скалы и угрожали, что заставят ее спрыгнуть вниз, если она не даст клятву не швырять в них камнями. Дино чуть не лишился дара речи, увидев, как девчонка при-

нялась спускаться вниз по немыслимой круче. Второй раз он онемел, когда узнал, что Орнелла Санто продолжает лазить по скалам, не думая о том, что когда-нибудь свернет себе шею!

Сам Дино не совершал неблагоразумных поступков. Отец постоянно напоминал старшему сыну о том, что он должен служить примером для остальных детей. Дино всегда слушался отца, никогда не притворялся, не лгал. Кроме разве что одного случая.

Полгода назад отец наведался в Тулон, ближайший французский порт на материке, и взял с собой Дино. Прежде никто из его детей не покидал Корсики: Леон Гальяни считал, что до поры до времени лучше держать потомство вдали от соблазнов большого мира. Однако Дино уже исполнилось двадцать, он был серьезным и умным юношей, и отец решил, что ему пора увидеть берега Франции, подданными которой они считались, несмотря на то, что были итальянцами.

Дино с детства знал эту историю. Несколько десятилетий назад остров принадлежал Генуэзской республике. В те времена Корсика пребывала в жалком состоянии: поля были запущены, селения лежали в развалинах, одичавшие, раздираемые кровавыми распрями люди обитали в горах.

Человека, который вывел страну из хаоса, звали Паскаль Паоли[2]: в устах отца Дино это имя было овеяно легендой. Однако в 1768 году генуэзский сенат принял решение продать остров Франции. Армия Паоли, выступившая против французов, была разбита, а сам он уехал в Англию.

Теперь надежды корсиканцев были связаны с другим великим соотечественником, Наполеоном Бонапартом, два года назад ставшим императором французов[3]. С его помощью корсиканский народ примирился с участью жить под французским владычеством.

Дино любил свой остров. Каменная нагота западного побережья Корсики рождала у его обитателей такие же обнаженные, четкие мысли; живущий здесь человек обладал особой независимостью и гордостью и осознавал смысл своего существования иначе, чем люди с материка.

Каждый корсиканец с детства знал: жизнь такова, какова она есть, с дикими, но справедливыми законами, неотвратимыми страданиями, суровой, зачастую враждебной природой. Жить

---

[2] Примечания: 2

Паскаль Паоли (1725–1807) — корсиканский политический и военный деятель, участник наполеоновских войн.

[3] Примечания: 3

Империя была провозглашена 18 мая 1804 г.

— значит уметь приспосабливаться и бороться.

Ветер наполнял паруса, волны пенились вдоль бортов, небо казалось бездонным. Сначала Корсика заслоняла горизонт, потом сделалась похожей на большой, поросший мхом камень, а после превратилась в туманное облачко. Тогда Дино перестал оглядываться и стал смотреть вперед.

Когда лодка вошла в тулонскую гавань, он широко раскрыл глаза и лихорадочно всматривался в пейзаж, словно боялся пропустить что-то необыкновенное.

Дино постигло разочарование. Вода возле берега была мутной и затхлой; множество кораблей жалось к причалам, буквально сталкиваясь бортами. Отец с трудом нашел место, где можно пристать, а после долго и тщательно привязывал суденышко, ворча, что лодку могут украсть.

Портовый район был опутан сетью узких улочек, напоминавших сточные канавы — столь силен был запах трущоб. Привыкший к свежим ароматам Корсики, Дино задыхался; он шел за отцом, не чуя под собой ног.

Когда они явились на рынок за покупками, Дино был поражен чудовищной смесью языков, на которой общались Леон и торговцы. Ему казалось, что французы смотрят на него и его отца, как

на дикарей, что они втайне смеются над ними, и был готов выхватить нож. Самое худшее заключалось в том, что самому себе Дино тоже казался неотесанным, невежественным и грубым.

Леон накупил кучу полезных вещей, выбрал подарки для жены и дочери, нашел место для ночлега и решил немного погулять по городу. Завтра утром им предстояло отправиться в обратный путь, а сегодня можно было немного отдохнуть.

Они бродили по Тулону, гудящему от криков возниц, грохота повозок, щелканья бичей. Дино с любопытством глазел на высокие здания и толпы народа, изо всех сил пытаясь сохранить независимый, гордый вид.

Он не знал, каким образом они попали на *эту* улицу. Она напоминала извилистый коридор, а над дверями домов горели яркие фонари. Дино не сразу сообразил, что эти дома — лавки, набитые живым товаром, женщинами.

Он никогда не встречал такого множества женщин, юных, молодых и не очень и, что самое главное, полураздетых. Они не бежали от мужчин, они стремились к ним, пытаясь затянуть в невидимые сети. Дино видел груди, выпиравшие из бархатных лифов, ноги, выглядывавшие из-под слишком коротких юбок. Единственное, чего

он ни разу не осмелился сделать, это посмотреть в глаза хотя бы одной из этих женщин, ибо ему чудилось, будто он увидит там нечто ужасное.

Скорее всего они очутились здесь случайно, потому что Леон тоже выглядел ошеломленным и смущенным. Отец что-то говорил о продажности и пороке, но юноша не слушал. Он внезапно почувствовал, что его томит любовный голод, и впервые испугался себя. Дино был взбудоражен и разгорячен близостью такого количества соблазнительной плоти и был готов бежать отсюда сломя голову.

Отец и сын поужинали в таверне и выпили вина, которое не шло ни в какое сравнение с вином из винограда, выращенного Леоном. Мясо было слишком сильно приправлено чесноком, а хлеб, напротив, казался чересчур пресным.

В гостинице витали чужие, подозрительные запахи и было слишком много посторонних звуков. Слышалась речь, которой Дино не понимал. Впрочем, он не мог заснуть не из-за этого.

Юноша думал о женщинах. До сего дня он не задумывался над тем, для чего они созданы. Для того, чтобы олицетворять прекрасное, внушать восхищение или чтобы быть спутницами жизни, помогать в работе, рожать детей. Или… для того,

чтобы сбросить узы того запретного и постыдного, что властно рвалось на волю, стремилось обрести полноту жизненных сил.

Потом Дино приснился сон, который обернулся тайным и преступным побегом из реальности. В этом сне одна из *тех* женщин завлекла его в свой таинственный дом. Он ощущал теплоту и пряный аромат ее тела; его терзала неутоленная страсть, и он с испугом и восторгом ожидал того, что будет дальше, мечтал о том, как они превратятся в единое существо, сгорающее в огне плотских желаний. Больше всего на свете Дино боялся, что женщина откажет ему, потому что догадается, что он всего лишь неопытный, диковатый и невежественный островитянин.

Утром он прятал глаза от отца. Когда Леон спросил Дино, понравился ли ему Тулон, тот не знал, что ответить. Путешествие разбередило его душу, выбило почву из-под ног, перевернуло представление о привычных вещах.

Он мечтал поскорее вернуться на остров. Увидеть женщин, к которым привык с детства, которые были умными и доверчивыми, гордыми и застенчивыми, страстными и неподкупными. На Корсике никто не жил искусственной жизнью, не восторгался фальшивыми бриллиантами, не

пресыщался тем, что видел день ото дня.

Дино сам не знал, как случилось, что, начав рассказывать братьям и друзьям про Тулон, где они никогда не были, он солгал, что отец дал ему денег и отпустил его гулять одного, а он, Дино, отыскал дом, в котором женщины торгуют своим телом, и купил одну из них.

Собственно, он всего лишь рассказал им свой сон. Мальчишки слушали, затаив дыхание и разинув рты, а потом дружно потребовали подробностей. Дино был уже не рад, что затеял все это. Он сумел выкрутиться, приняв неприступный вид и заявив, что они еще слишком малы для таких откровений.

Младшие братья, Джулио и Данте, были потрясены. Дино познал тайны взрослой жизни, лишился невинности, а самое невероятное — солгал отцу! В их глазах это было, все равно что ослушаться веления Господа Бога.

Позже Дино вспоминал об этом с неловкостью и стыдом. Что заставило его попытаться возвыситься над Джулио и Данте таким нечестным, дешевым способом?

Прошло время, и впечатления потускнели, а переживания утихли. Но любопытство осталось, как никуда не делись тайные волнения души

и тела.

На Корсике и юношей, и девушек воспитывали в строгости, внебрачные и добрачные связи были достаточно редки. Случалось, что относительно зажиточные молодые люди соблазняли своих служанок или влюбленные бросались друг другу в объятия, не дождавшись свадьбы, но все это быстро открывалось и осуждалось.

В их доме жила красивая молодая служанка по имени Кармина. Однако сама мысль о том, чтобы обесчестить какую-либо девушку, казалась Дино кощунственной. Он знал, что отец подумывает о его женитьбе, и понимал, что подчинится решению Леона, даже если будущая жена не будет ему по сердцу.

Глава 2

В лучах яркого солнца утесы из красного порфира горели как расплавленный металл, а окаймленное белоснежным прибоем море сверкало, будто золотая чаша. Бухта поражала своим безлюдьем: в этот час на глади воды не было видно даже рыбацких лодок.

Деревня представляла собой массу серых домов, построенных прямо на скалах. Нижний этаж дома Гальяни был каменным, а верхний — деревянным, с широкой галереей, на которую вела наружная лестница. Вокруг дома располагалась масса хозяйственных построек: сушильня для каштанов, амбар для зерна, винный погреб, коптильня, где на массивных крюках были подвешены запасы провизии — колбасы, окорока, пузыри топленого свиного сала.

Леону Гальяни принадлежали не только два больших, по корсиканской традиции огороженных каменными стенами поля, но и виноградники, расположенные террасами на склонах гор и требующие большого ухода. Каждый год приходилось вскапывать землю заступом, разрыхлять почву между лозами, выкорчевывать старые рас-

тения и заменять их новыми, подрезать побеги.

Зато если другие жители деревни наслаждались вином только по праздникам, погреб Гальяни всегда был полон больших деревянных бочек с превосходным хмельным напитком. В сезон сбора урожая Леон нанимал работников, как мужчин, так и женщин. Только Беатрис Санто и ее дети — едва ли не самые бедные жители деревни — никогда не переступали границ владений Гальяни.

Пол в доме родителей Дино был каменным, в отличие от земляного — в жилищах бедняков. Окна, высеченные в толще стен, узкие снаружи и расширявшиеся внутрь, в не столь давние времена служили бойницами, через которые убивали врагов.

В комнате, где обычно собиралась семья, был камин, устроенный в большой нише. На протянутых вдоль стен полках хранилась кухонная утварь: вертела, решетка для жарения, медные блюда. Посредине помещения стоял деревянный стол, во главе которого красовалось массивное резное кресло хозяина дома. Остальные сидели на скамьях.

Дино успел домой вовремя: отец только что занял свое место, а мать, Бьянка и служанка при-

нялись подавать обед. Еды было много: жареная свинина, печеные каштаны, сыр трех сортов, соленые оливки.

Мать, Сандра Гальяни, и служанка Кармина сохраняли серьезность, и только Бьянка лукаво подмигивала и улыбалась братьям.

Шестнадцатилетняя Бьянка Гальяни, бесспорно, была самой красивой девушкой в деревне. Если глаза Леона и его сыновей имели серый, почти стальной цвет, то у Бьянки они были ярко-голубыми, а волосы, светло-каштановые у отца и братьев, — почти белокурыми. Она обладала точеной фигурой, белоснежной, оттененной нежным румянцем кожей, и скорее походила на горожанку, чем на сельскую жительницу.

Девушка обожала хорошую одежду и красивые вещи. Покрой ее нарядов был таким же, как у других островитянок, но на них всегда шла более дорогая и яркая материя. Так, ее мецарро, традиционное головное покрывало, было сшито из разукрашенной диковинными цветами индийской ткани, которую Леон привез из Тулона, а кожаные башмачки расшиты бисером. Когда по деревне двигался свадебный кортеж, именно Бьянка, как первая красавица Лонтано, несла на покрытой ярко-красной материей голове кув-

шин, с которым невеста будет ходить за водой к источнику. Эта девушка была похожа на лучик света, оживлявший мрачный каменный мир.

— Жители соседней деревни снова жгли маки на наших землях, — сказал Леон, когда семья уселась за стол. — Сдается, скоро нам вновь придется браться за оружие и уходить в горы.

Война между двумя селениями шла испокон веку. Никто не помнил и не знал, что послужило причиной, однако самый незначительный повод вызывал кровопролитные столкновения, малейший неосторожный шаг рассматривался как намеренное оскорбление.

— Маки покрыт весь остров, не все ли равно, где их жечь и пасти скот. Да и как можно разделить лес! — осмелился вставить Дино.

Только ему, да еще Сандре было позволено отвечать на реплики отца, когда семья собиралась за обедом или ужином. Впрочем, мать чаще всего благоразумно молчала.

Маки поджигались издревле, с тем чтобы на земле росли свежие побеги травы и скотине было чем питаться. Дино не понимал, почему из-за столь ничтожного повода надо было без конца преследовать и убивать друг друга.

— Пусть жгут кустарник по ту сторону горы

— я не скажу ни слова! — прогремел Леон. — А здесь они делают это нарочно, чтобы показать свое презрение к нам, дать понять, кто хозяин этого острова!

Дино поймал сочувственный взгляд Кармины и слегка покраснел. Он понимал, что нравится ей, но это не вызывало в нем ничего, кроме неловкости и смущения.

Кармина была круглой сиротой; она пошла в услужение к Гальяни еще девочкой. Сандра всегда хорошо относилась к ней, но было трудно представить, чтобы Леон или его жена приняли бы эту девушку в лоно семьи.

После обеда глава семьи намеревался оправиться в поле вместе с сыновьями, а Сандра занялась домашними делами. Убрав посуду, Кармина взяла большой кувшин и направилась к винному погребу. Ей нравилась прохлада этого места, его дурманящий запах, ряды пузатых бочек. Здесь она могла немного передохнуть в одиночестве и тишине.

Она тихонько напевала, потому не заметила, как скрипнула лестница и в погреб спустился еще один человек.

Это был Джулио, средний из сыновей Леона. Спрятавшись за бочками, он смотрел на девушку

так, как забравшийся на крышу кот смотрит на безмятежно прогуливавшихся по карнизу голубей.

Ему исполнилось восемнадцать, и плотские видения тревожили его во сне и наяву. Кармина была его ровесницей и давно созрела для любовных утех. У нее были черные вьющиеся волосы, большие темные глаза. Пленительные изгибы и мягкие округлости ее тела волновали Джулио. Мелкие капельки пота блестели на коже Кармины, как живые драгоценности, а полные губы напоминали сочные ягоды. Легкое колыхание ткани на ее груди, чуть заметный трепет складок юбки рождали в его воображении соблазнительные картины. Ему казалось, будто вот-вот сбудется один из его чувственных снов.

Заслышав шаги, Кармина повернулась и заметила:

— Ты меня напугал.

Он приблизился к ней, томясь беспокойством, мучаясь своей нерешительностью, и сказал совсем не то, что хотел сказать:

— Ты зря сохнешь по Дино. Он никогда на тебя не посмотрит.

Ее лица залила краска смущения и обиды.

— Почему? Я недостаточно хороша для него?

— Дело не в тебе, а в Дино. Он слишком правильный и никогда не пойдет против обычаев, не ослушается отца. А вот я всегда стремился делать то, что мне хочется. — И, собравшись с духом, заявил: — Ты мне нравишься!

— Что тебе от меня нужно? — настороженно произнесла Кармина.

— Для начала — хотя бы один поцелуй! И не говори, что не желаешь узнать, что это такое! Да и не только это.

Джулио сделал последний шаг, отделявший его от девушки. Он попытался ее обнять, но она уклонилась и отступила в сторону.

Кармина не знала, как он догадался о том, что ее тоже волнуют запретные тайны. С некоторых пор она часто ждала сна, лежа на спине, ждала, пытаясь отогнать постыдные образы, чувствуя, как тело становится горячим и влажным, и воображая, что к нему прикасается мужчина. Она мечтала о чувственном вихре, способном затмить рассудок и подарить несравнимое блаженство, только при этом перед мысленным взором вставал образ не Джулио, а Дино.

— Что вы здесь делаете?

Услышав голос, оба вздрогнули и обернулись. Перед ними стоял Дино.

— Я видел, как ты спустился в погреб, Джулио. Я не знал, что здесь еще и Кармина, — продолжил он, окидывая младшего брата строгим, проницательным взглядом.

Служанка схватила кувшин и бросилась вон из погреба, а Джулио процедил сквозь зубы:

— Кто велел тебе следить за мной?! Отец?

— Причем тут отец? Просто мне не нравится, что ты стремишься остаться наедине с Карминой.

— Какое мне дело до того, что тебе нравится, а что — нет? Кто она тебе? Невеста? Я всего лишь хотел ей помочь!

— Не думаю, что ты спустился в погреб для этого, — заметил Дино и покачал головой. — Я бы советовал тебе…

— Я уже взрослый, и мне не нужны твои советы, — грубо перебил Джулио. — Я не собираюсь брать с тебя пример, «безупречный Дино»! Спорим, ты соврал, когда заявил, будто спал с женщиной?! У тебя на лице написано, что ты еще не дотрагивался ни до одной из них! У тебя духу не хватит, потому ты не только лжец, но еще и трус!

Дино выхватил нож. Мгновенье спустя Джулио последовал его примеру. Они стояли друг против

друга, напряженные, бледные, с блестящими глазами. Их губы подергивались, а на руках вздулись жилы. Каждый понимал, чем может закончиться потасовка, и, несмотря на всю силу гнева, не осмеливался напасть первым.

Наконец Дино заткнул нож за пояс, перевел дыхание и холодно произнес:

— Если еще раз увижу, как ты вьешься возле Кармины, расскажу об этом отцу!

— Ты только и способен жаловаться, — пробормотал Джулио. Он старался не подать вида, что не на шутку испугался, и попытался поддеть брата: — Если то, что ты рассказывал по возвращении из Тулона, правда, тогда поклянись!

— Зачем мне клясться в том, что грешно? — сказал Дино и покинул погреб.

Джулио был до того раздосадован и зол, что не смог заставить себя послушно, как овца на веревке, последовать в поле за отцом и старшим братом.

Он вылез из погреба и решительным шагом направился прочь из деревни, к морю. Он шел по узким улочкам без тротуаров, зажатым между стенами домов и продуваемым сквозным ветром, и его сердце терзала ярость.

С некоторых пор атмосфера, в которой Джулио

воспитывался с раннего детства, вызывала в нем невыносимое раздражение. По мнению Леона, все живое было подчинено суровой необходимости и исполнено строгой определенности. Каждое время дня или года было создано для той или иной работы, занятия или молитвы.

Он вечно твердил о том, что истинное прибежище и святилище человека — это семья, надо держаться сплоченно, ибо в этом единственный залог благополучного существования. Отец не допускал и мысли, что кто-то из его отпрысков может мыслить не так, как он. Леон не позволял сыновьям бездельничать, не разрешал высказывать свое мнение, относился к ним так, будто они дали обет послушания и целомудрия.

Джулио спустился к морю и присел между камней, вдыхая крепкий запах водорослей и морской воды. Был отлив, и на мелководье виднелись остовы старых лодок, напоминающие мертвых животных, которым переломали ребра. Эти «ребра» из просмоленного дерева были утыканы ржавыми гвоздями, в щели забился песок и водоросли. Когда-то эти лодки казались непотопляемыми, а теперь превратились в гнилье: такова судьба всего, что существует на земле.

Джулио увлекся разглядыванием хлама и сво-

ими мыслями, потому не сразу заметил девушку, которая бродила по берегу, беспечно заткнув подол за пояс и обнажив загорелые стройные ноги.

Песок был податливым, упругим, как живая плоть; босые ступни девушки оставляли на нем четкие следы, которые почти мгновенно наполнялись водой.

Джулио узнал ее, это была Орнелла, дочь Беатрис Санто, дерзкая дикарка, которой все нипочем.

Подумать только, эта полунищая, презираемая всеми девушка может спокойно бездельничать, тогда как он вынужден подчиняться приказам отца! Полный желания подшутить над Орнеллой каким-нибудь изощренным, жестоким способом, Джулио выбрался из укрытия и направился следом за ней.

Море убегало вдаль; было сложно различить границу, отделяющую песок от воды. Джулио помнил, как однажды Дино нашел во время отлива серебряный экю, но это был один случай на миллион, потому Джулио не знал, что может искать на обнажившемся морском дне эта странная Орнелла Санто.

Чуткое ухо Орнеллы уловило посторонние звуки. Она оглянулась и увидела Джулио. Ее губы

презрительно изогнулись, а глаза потемнели. Орнелла остановилась, одернула юбку и выразительно положила пальцы на рукоятку заткнутого за пояс кинжала.

Джулио проследил за ее взглядом. От этой сумасшедшей можно ожидать чего угодно! Кинжал был старый, но искусно сделанный, с хорошим клинком и украшенной резьбой рукояткой из рога горного козла.

— В твоей семье оружие носят только женщины? — развязно произнес он. — Кажется, твой брат давно не сосет грудь и не цепляется за материнский подол?

— Убирайся! — прошипела Орнелла. — Я не хочу с тобой разговаривать! И не смей трогать моего брата!

— Ты сумеешь защитить его, не так ли? — усмехнулся Джулио. — Что еще остается делать, если твой брат трусливый недоумок!

Когда она выхватила кинжал, он молниеносно схватил ее за руку и стиснул запястье так, что Орнелла вскрикнула. Оружие упало на песок. Джулио быстро схватил его и отпрыгнул в сторону.

— Тихо, тихо! — воскликнул он, видя, что она готова наброситься на него. — Осторожнее, не то

поранишься!

— Отдай!

— А что ты мне за это дашь? — Джулио дразнил ее, поигрывая кинжалом. — Может, попросишь прощения за все те оскорбления, которые я слышал от тебя с детства?!

— Ни за что на свете!

— Тогда я заберу кинжал себе.

— Верни его мне, — в голосе Орнеллы звучало неподдельное отчаяние, — это память о моем отце.

Джулио почувствовал, что едва ли не впервые в жизни сумел по-настоящему задеть загадочную, своенравную девчонку, но ему было мало этого, и он принялся играть с ней как кошка с мышью: замедлял шаг, делал вид, что вот-вот уступит, а после внезапно убегал. Ему было недостаточно видеть муку в ее глазах и растерянность в лице, он желал окончательно восторжествовать над ней, растоптать и унизить. Он хотел заставить ее умолять о пощаде и плакать.

Они двигались все дальше по желтой, усеянной водорослями, ракушками и камнями равнине, пока не достигли того участка отмели, где начиналась полоса зыбучих песков. Все жители деревни знали об этом гиблом месте, каждая мать

предупреждала своих детей, чтобы они не смели бродить там во время отлива. Никто не знал, что за сила увлекает живую добычу в недра земли. Многие считали, что здесь находятся врата в Преисподнюю.

В конце концов Джулио порядком надоело дразнить Орнеллу и выслушивать ее проклятия. Оказавшись у границы зыбучих песков, он остановился и спросил:

— Так ты согласна как следует попросить меня о том, чтобы я отдал тебе этот злосчастный кинжал?

Орнелла по-звериному оскалила зубы. Неотступный жгучий взгляд ее черных глаз поневоле пробуждал страх.

— Я тебя ненавижу!

Услыхав ее ответ, Джулио размахнулся и бросил кинжал.

— Держи!

Оружие вонзилось в песок, и вокруг тотчас появилась лужица воды, образующая смертоносную воронку. Ни один здравомыслящий человек не попытался бы нарушить границу жизни и смерти, чтобы достать кинжал, однако Орнелла без колебаний устремилась вперед.

Перед ее глазами стояло белое лицо лежащего

на столе отца, а в ушах звучали безумные вопли матери. Потом Беатрис внезапно погрузилась в жуткое молчание, взяла кинжал, который принадлежал ее мужу, и глубоко оцарапала руку. Когда потекла кровь, женщина воздела глаза к небу и мысленно дала себе клятву.

С тех пор она носила траур, и Орнелла тоже обходилась без ярких лент, цветных оборок, нежных кружев и позолоченной тесьмы. Отцовский кинжал был для нее куда дороже этой мишуры. Разумеется, оружие должно было достаться Андреа, но Орнелла упросила брата отдать кинжал ей.

— Ты куда, сумасшедшая! — завопил Джулио, но не сдвинулся с места, чтобы попытаться ее удержать.

Сделав несколько шагов, Орнелла увязла в песке. Она видела, как неведомая сила втянула оружие в землю, и оно навсегда исчезло.

Между тем ее ноги были скрыты уже по щиколотку; Орнелла почувствовала, как на нее накатывает паника. Стояла жара, но она дрожала всем телом, и ее зубы выбивали дробь. Она дала себе слово, что не оглянется и не попросит Джулио о помощи, но тот и не думал ее выручать.

Поняв, что дело плохо, Джулио бросился прочь.

Не надо, чтобы кто-нибудь увидел его здесь и заподозрил в том, что это он погубил Орнеллу Санто. Эта безумная девчонка сама во всем виновата! Ее будут искать, но не найдут — через несколько часов песчаную равнину затопит вода: там, где прежде простиралась пустыня, будет плескаться море.

Орнелла представила, как ее поглотит неведомая бездна: свяжет руки, забьет рот, засыплет глаза. Как она станет биться в предсмертных судорогах, захлебываясь влажным песком. Что она увидит потом вместо яркого света, чистого горизонта и мерцающего моря?! Ее ждет ужасная смерть в трясине под толщей песка и воды!

Орнелла закричала, и ее отчаянный вопль разнесся по побережью. К несчастью, во время отлива бухта словно вымерла: вокруг не было ни души.

Ее крики услышал лишь один человек, который стоял на мысу и смотрел в море. Сначала он не понял, что происходит, и не сразу заметил Орнеллу, а увидев, ужаснулся.

Он не стал задаваться вопросом, как эта выросшая на острове девушка могла угодить в такую ловушку, он принялся быстро спускаться вниз, надеясь успеть до того момента, когда Орнеллу

затянет в песок.

Узкая тропинка петляла в порыжелой от зноя траве, порой приближаясь так близко к краю, что любой неверный, неосторожный шаг грозил смертельной опасностью. Дино Гальяни об этом не думал, он бежал вниз, бесстрашно перепрыгивая с камня на камень.

Вихрем пронесся по берегу, схватил удачно подвернувшуюся под руку длинную доску и ступил на отмель. Пустота в его душе была так же велика, как полоса воды между берегом и горизонтом, а нервы напряжены до предела.

Остановившись на краю коварной бездны, Дино бросил доску на мягкий пружинистый песок и крикнул:

— Ложись и держись покрепче.

Орнелла послушалась. Дино видел ее глаза: в них было море страха и капля безумной надежды.

Он принялся тянуть изо всех сил, стиснув зубы, напрягая все мышцы. Пески не желали расставаться с живой добычей. Дино видел, как песок оседает под тяжестью человеческого тела, превращаясь в жидкую кашу, в коварное месиво, и чувствовал: если ему придется отпустить доску, на которой лежала Орнелла, он сойдет с ума.

Дино победил; смерть разжала свои челюсти, и он выволок девушку на безопасное место. Орнелла сделала несколько глубоких судорожных вдохов, а потом вдруг безудержно и горько разрыдалась, закрыв лицо ладонями. Она не могла идти, и Дино пришлось взять ее на руки. Она оказалась неожиданно легкой и странно безвольной, однако когда Дино опустил ее на берег, тут же вскочила на ноги и бросилась на него с кулаками.

— Ты сумасшедшая! — сердито произнес он, отталкивая ее. — Зачем ты полезла в пески?!

— Там остался кинжал моего отца! — закричала Орнелла с таким выражением, будто в этом был повинен Дино.

Он пожал плечами: ее поведение ставило его в тупик.

— Забудь о нем. Иди домой.

Она побежала прочь, а Дино стался стоять на месте, с изумлением глядя ей вслед.

Орнелла спешила к дому. Перед мысленным взором стояло побледневшее лицо Дино с расширенными от ужаса глазами, его судорожно искривленные губы и вздувшиеся на руках вены.

Орнелла подошла к дому, окна которого, словно

черные глазницы черепа, смотрели на мир пустым взглядом. Нелепо торчащие, полусгнившие колья ограды напоминали голые кости, выпирающие из остова.

В дверном проеме появился Андреа. Орнелла поняла, что ей не удастся скрыть от него то, что случилось, но она и не собиралась этого делать. Брат был единственным человеком, которому она могла довериться.

— Что с тобой? — с тревогой спросил он, и она рассказала ему все без утайки.

— Мне всегда казалось, что Дино не такой подлый, как Джулио. Да и Данте неплохой парень, — задумчиво произнес Андреа.

Орнелла едва не задохнулась от возмущения.

— Это же Гальяни!

Андреа невольно втянул голову в плечи.

— Ты права. Я забыл. Я должен убить Джулио за то, что он едва тебя не погубил!

Орнелла осторожно прикоснулась к напряженной руке брата.

— Нет. Никто не видел, как это произошло. Поверят не нам, а Джулио и… его отцу.

— В конце концов я обязан отомстить хотя бы кому-то из Гальяни!

— Не сейчас. Надо немного подождать.

— Пока мне не исполнится шестнадцать и мать не купит ружье?

Андреа невесело усмехнулся. В последнее время он часто видел изнуряющие сны. Ему снилось, как он входит во двор дома Леона и начинает стрелять. Он слышит предсмертные вопли своих жертв и видит море крови. Андреа ощущал величайшее облегчение, как будто сбрасывал с плеч вековой груз. Он поворачивался к воротам, чтобы уйти, и словно невзначай пускал последнюю пулю себе в голову.

— Мать не купит ружье, — вздохнула Орнелла. — У нас нет денег и нечего продать.

Андреа знал, что это правда. Они питались каштанами, моллюсками, иногда дичью. Еще у них была белорыжая коза, которую звали Фина, и Беатрис говорила, что скорее позволит отрезать себе руку, чем лишится этого животного.

— Мне очень жаль отцовского кинжала. По-моему, это плохой знак. Нам никогда не одолеть ни Гальяни, ни… нашу судьбу, — добавила Орнелла и посмотрела на брата.

У него всегда был суровый, трагический взгляд, словно он родился с пониманием своей участи. Орнелла не помнила, чтобы он когда-нибудь шалил, веселился, смеялся, играл, как другие дети.

— Ничего, — ответил Андреа, — мы как-нибудь справимся.

Глава 3

На следующее утро, едва солнечные лучи коснулись земли, к берегу причалила парусная лодка. Единственный пассажир заплатил лодочнику и тут же забыл о нем: его жадный взгляд был устремлен на берег, затянутый тонкой пеленой рассветного тумана.

Рыбаки, в этот час выходившие в море, застыли в изумлении, глядя на его синий мундир с высоким воротом и эполетами, кивер со шнуром и султаном, узкие панталоны, заправленные в высокие, блестящие сапоги, и сверкающую на солнце саблю. А он, приняв бравый и неприступный вид, направился к деревне.

Амато Форни не знал, каким предстанет перед ним родной остров после восьми лет отсутствия: грязной, глухой, нищей дырой или потерянным раем.

Когда ему удалось уехать с Корсики, он был несказанно счастлив, однако в воспоминаниях и снах она представала перед ним не обездоленной оборванкой, а роскошной красавицей: головокружительные вершины, благоухающие маки, живописные бухты в оправе изумрудной зелени.

Восемь лет назад у него не было ничего, кроме сознания того, что он — корсиканец, как и великий Бонапарт, выходец с полудикого острова, сумевший стать генералом. Теперь Амато был унтер-офицером великой армии, армии победителей. Он приехал повидать свою родину, тех людей, которым был обязан своим появлением на свет, а еще — тех, кому хотел отомстить.

Очутившись на улицах родной деревни, Амато Форни с гордостью и жалостью глядел на бывших односельчан, чья убогая жизнь состояла из каждодневных забот, печальных воспоминаний о прошлом и скудных надежд на будущее. Только местные девушки были по-прежнему хороши: Амато не переставал удивляться, насколько грациозны и естественны их движения.

Без сомнения, появление Амато не осталось незамеченным жителями деревни, но он не сумел поймать ни одного прямого взгляда.

Исключение составляли мальчишки. По улице то и дело проносились ватаги детей; многие ребята останавливались и откровенно глазели на незнакомого военного.

Выхватив взглядом из толпы ребятни самого бойкого, быстроглазого мальчишку, Амато поманил его пальцем и задал вопрос:

— Скажи, кто сейчас живет в доме Марио Форни?

Польщенный вниманием незнакомца, мальчик гордо тряхнул головой и ответил:

— Там никто не живет. Старик Форни умер, и тетка Франческа тоже. Их старший сын погиб во время последней стычки с соседями, а младший давно уехал и, как говорят, куда-то пропал.

Амато судорожно сглотнул и промолвил:

— Старший сын, Николо, не был женат?

— Нет, не успел.

Из уверенного в себе бравого офицера Амато вмиг превратился в неприкаянного странника, одинокого человека. Он не знал, куда ему идти. Душа опустела, на сердце легла тяжесть.

Он стиснул зубы, а после быстро проговорил:

— Дом Гальяни стоит на прежнем месте?

Мальчишка ухмыльнулся.

— Куда ж ему деваться!

— Леон все так же нанимает работников?

— Конечно. Каждую весну и осень. Мой отец часто работает у Гальяни.

— Что ж, — произнес молодой человек, глядя куда-то внутрь себя и обращаясь к самому себе, — наверное, стоит наведаться в гости.

Амато Форни шел, не видя дороги. Он зря

надеялся, что найдет здесь хотя бы короткое успокоение после грохота пушек, моря крови, рева сотен человеческих глоток, пусть мимолетный отдых от множества тяжелых дорог и бесчисленных полей сражений, над которыми витает смерть. Что его встретят с восторгом и радостью, как героя: отец заключит в объятия, молча прощая за давний побег, а чудотворные руки матери проворно накроют на стол.

Когда Амато подошел к дому Гальяни, из ворот выходили Леон и его сыновья. Дино и Джулио выглядели молчаливыми и мрачными: вчера отец крепко пробрал их за то, что они увильнули от работы в поле. Ни один, ни второй брат не рассказали друг другу об Орнелле, и Джулио размышлял о том, как себя повести, когда девчонку станут искать. Едва ли кто-то из жителей деревни видел, что произошло, иначе слухи еще вчера постучались бы в ворота.

Увидев Амато, Леон остановился и уставился на него, очевидно, не узнавая, а тот уверенно произнес:

— Здравствуй, Леон.

— Кто вы? — с несвойственной ему растерянностью произнес мужчина.

— Амато. Сын Марио Форни.

— Ты жив?! Тебя не узнать! — Леон развел руками. — Подумать только! Ты приехал в отпуск?

— Да. К несчастью, мои родители умерли, брат погиб.

— Ты уже знаешь? — Амато почудилось, что в голосе мужчины прозвучало облегчение. — Такова судьба. Дом стоит пустой. А потому добро пожаловать к нам! Дома женщины — они тебя накормят, и ты сможешь отдохнуть, а вечером поговорим и выпьем вина за упокой души твоих родственников и во славу твоих побед!

Амато кивнул. Он не спешил произносить слова благодарности и оценивающе разглядывал Леона и его подросших сыновей. Прежде Гальяни ни за что не пригласил бы его в свой дом! Впрочем, Амато уже привык к тому, что военные всюду в почете, а офицерский мундир является пропуском в любые двери.

Когда-то его отец работал у Гальяни и был пойман на краже. Марио Форни напрасно просил прощения, умоляя Леона не рассказывать о случившемся жителям деревни, тот остался непреклонен. «Среди корсиканцев нет воров!» — эта фраза стала приговором для Марио. Отмеченный невидимым клеймом, он изменился и опустился — односельчане презрительно шепта-

лись за его спиной. В результате даже Николо и Амато стали стыдиться отца. Старший сын подался в маки, а младший и вовсе сбежал с острова.

Леон велел Данте проводить Амато в дом и сказать матери, чтобы она приняла его, как дорогого гостя.

Молодой человек поздоровался с Сандрой Гальяни и был представлен единственной дочери Леона, Бьянке.

Когда Амато уехал с Корсики, она была еще ребенком, а теперь превратилась в прелестную девушку. Даже горе, вызванное недавним известием о смерти родных, не могло притупить восхищение, которое он испытал при виде ее красоты. Едва ли его можно было поразить выразительными глазами, густыми волосами или соблазнительной фигурой. Амато давно понял, что женщины благосклонны к тем, кто овеян бранной славой, что им нравятся яркие мундиры и блестящее оружие, а суровость судьбы военных придает отношениям с ними особую остроту.

Как истинная корсиканка, она обладала иными достоинствами. У Бьянки было удивительное лицо, тонкое, как на старинной фреске, и вместе с тем поразительно живое. Полный страстной силы и природной гордости взгляд и наивная,

обезоруживающая улыбка. Она была полна сознанием своей прелести и вместе с тем не вполне понимала, каким оружием обладает. Амато с первого взгляда почувствовал, что перед ним истинный бриллиант, и холод в его сердце начал таять.

Амато отдохнул в отведенной ему комнате, а вечером сел за стол вместе с семейством Гальяни.

Как и следовало ожидать, Леон принялся расспрашивать Амато о том, в каких военных кампаниях тот участвовал.

Амато рассказал о том, как он прибыл на материк, как вступил в армию и как храбрость помогла ему получить чин унтер-офицера.

Леон поддакивал и уважительно кивал, женщины молча внимательно слушали, тогда как братья Гальяни пребывали в полном смятении. Им и не снились такие подвиги! Дино замер в раздумье, Джулио тайком усмехался и покусывал губы, и только Данте с искренней жадностью ловил каждое слово.

— Ты приехал надолго? — спросил Леон гостя.

— На десять дней.

— Мы будем рады предоставить тебе свой кров.

— Благодарю. Вы всегда были добры к моей се-

мье, — сказал Амато, глядя в глаза хозяина дома.

Леон не потупил взор. Он не делал этого никогда. Он умел подавлять свои чувства и оставаться твердым при любых обстоятельствах.

— Я бы хотел узнать, как погиб мой брат, — добавил Амато.

Леон принялся рассказывать и в заключение заметил:

— Он был мужественным и храбрым. Ты можешь им гордиться, как он гордился бы тобой, если бы был жив.

После ужина Амато попросил позволения отправиться в свою комнату, но перед этим вышел во двор.

Ему не хотелось пропустить почти мгновенный переход от света к тьме. Стоит на секунду закрыть и открыть глаза, и из сочащегося красками вечера ты попадаешь в непроглядную ночь! Все тонет во мраке, остается лишь многозвездное небо, шум моря и вечный, как время, запах маки.

Амато стоял, глядя в небо, пока не услышал рядом какой-то шорох. Это была Бьянка, она вышла следом за ним, сделав вид, будто ей что-то нужно во дворе. Амато разгадал нехитрый маневр и окликнул ее:

— Синьорина Бьянка!

Она обернулась с притворным удивлением.

— Да?

— Я помню вас еще ребенком, и мне приятно наблюдать перемены, которые с вами произошли.

— Какие именно?

У нее была забавная манера говорить, причудливо сочетавшая в себе простодушие и не свойственное местным жительницам кокетство. Амато улыбнулся и произнес, не отвечая на вопрос:

— Надеюсь, ваши родители позволят нам побеседовать?

— Отец отправился в конюшню проведать лошадей, а мама занята в доме.

Амато вдохнул свежий вечерний воздух и сказал:

— Я давно не был на Корсике. Я даже забыл, о чем чаще всего думают местные жители.

Бьянка рассмеялась. Ее ответ показался бы Амато неожиданным, если б он сам не родился на этом острове:

— О ветре! Почти всегда о ветре, потому что от него зависит все!

— Едва ли девушки думают только об этом!

— Нет. Однако едва ли молодые люди способны догадаться, что волнует девушек, — лукаво про-

молвила Бьянка.

— Кое о чем они все-таки догадываются. Например, мне хорошо известно, что девушки интересуются нарядами. Я прав?

— Конечно.

— Хотите, расскажу, что носят в Париже?

Бьянка прижала руки к груди и ответила:

— Очень хочу.

Амато принялся говорить. Он рассказывал о шелковых платьях, отороченных лебяжьим пухом пелеринах, туфельках светлого атласа с острыми носами и длинными лентами, обвивавшими щиколотку. Об украшениях и прическах, а еще о том, что Париж дарит радость жизни, кучу возможностей и удовольствий, свободу выбора и решений. Любой человек, посетивший этот город, волшебным образом сживается с его обликом, с его запахами и звуками и меняется на глазах.

Бьянка слушала, затаив дыхание. Ее глаза заблестели, в них появилась смесь возбуждения и робости. Она ощутила прикосновение к более яркому, живому и интересному миру, чем тот, что ее окружал.

— Вы не похожи на корсиканку, синьорина Бьянка. Скорее, на парижанку, — заявил Амато.

— Почему?

— Потому что вы веселая, живая и любопытная. Надеюсь, вы не рассердитесь, если я спрошу, помолвлены ли вы?

Она склонила голову набок.

— А вы как думаете?

— Мне кажется, нет. Едва ли в этой деревне для вас найдется подходящая пара!

— Вы становитесь дерзким, — сказала Бьянка, но Амато видел, что она не сердится.

— Простите. Я отправляюсь спать. Увидимся утром.

Коротко поклонившись, он направился к дому. Бьянка осталась на месте. Она стояла, мысленно глядя в ту даль, где мечтала очутиться, где, как ей сейчас казалось, притаилось ее счастье.

Когда Амато открыл глаза, его захлестнули волны света. Скромную обстановку комнаты скрашивал пейзаж за окном: мерцающее море, ослепительно-синее небо, сияющие, как полированный мрамор, скалы.

Было воскресенье, и семейство Гальяни отправилось в церковь. Амато Форни пошел вместе с ними. С молчаливого согласия и одобрения Леона молодой человек взялся сопровождать Бьянку.

Ему в самом деле нравилась эта девушка. Нравилось смотреть, как шевелятся ее нежные

губы, когда она произносит какое-нибудь слово, нравился ослепительный блеск ее кожи в скромном вырезе платья, волнующий голос, выразительный взгляд светлых глаз. Однако он вовсе не собирался терять голову и бросаться в омут чувств.

Жители Лонтано почтительно раскланивались с Леоном и с любопытством смотрели на Амато. Многие не узнавали его, другие каким-то чудом соединяли в памяти образ статного офицера и нескладного мальчишки.

После многих лет отсутствия Амато казалось, что этим людям неведомы неожиданные повороты судьбы, головокружительная страсть, полные приключений путешествия. В их жизни существуют лишь несколько важных событий: замужество или женитьба, рождение детей, смерть кого-либо из родственников. О да, а еще вендетта, неумирающая всесильная вендетта!

Большинство людей было в черном — их неспешное шествие напоминало траурную процессию. Они в самом деле неуклонно двигались по жизни навстречу собственным похоронам.

Молодой офицер подумал о том, что островитяне ничего не знают о мире за пределами Корсики, их жизнь ограничена строгими рамка-

ми, а будущее удивительно предсказуемо. Они, будто деревья, вросли корнями в эту землю и сделались узниками острова.

Внезапно взгляд Амато упал на странную девушку. Подол ее черного платья был рваным, босые ноги покрыты пылью, а растрепавшиеся темные волосы развевались по ветру. В ее облике было что-то вызывающее, дерзкое и трагическое, а самое главное — она гордо шествовала в сторону, противоположную той, куда текла толпа. Не удержавшись, Амато оглянулся и внезапно столкнулся с каким-то юношей.

— Смотри, куда идешь! — бросил молодой офицер.

Незнакомец посторонился и ничего не ответил, однако Амато задел его пристальный, мрачный взгляд.

— Что это за заморыш? — довольно громко произнес он, обращаясь к Бьянке.

— Андреа, сын женщины, которую в Лонтано считают сумасшедшей. Беатрис Санто.

— Беатрис Санто? Не та ли, что обвиняла вашего отца в убийстве ее мужа?

— Да, она самая, — сказала девушка и нахмурилась, но после вновь улыбнулась.

Увидев, как Бьянка засмеялась и что-то отве-

тила идущему рядом с ней молодому военному, Андреа опустил глаза и ускорил шаг, чтобы догнать сестру.

Увидев Орнеллу Санто живой и невредимой, Джулио Гальяни вытаращил глаза и едва не свернул себе шею, провожая ее взглядом.

Заметив это, Дино спросил брата:

— Чего ты на нее уставился?

— Неважно, — процедил Джулио и заметил: — Эта безумная девчонка похожа на колдунью. А еще она очень живучая!

— Это верно.

— Надеюсь, когда-нибудь она переломает кости, прыгая по скалам! — добавил Джулио.

Дино ничего не ответил. Внезапно он принялся мечтать о том, какой могла бы быть его, нет, не жена, а… возлюбленная. Он думал не о тех желаниях, которые пробудил в нем грубоватый, чувственный Тулон, а о непостижимом слиянии душ. Дино догадывался, что его отец и мать никогда не любили друг друга, и подозревал, что такая же участь ждет его самого. Он будет вынужден жениться на женщине, которую выберут родители, она станет верной помощницей в повседневных делах и заботах, но никогда не пробудит в нем глубокой сердечной жажды.

Орнелла Санто… Что-то в ней цепляло за душу: это тревожило Дино и пробуждало в нем непонятную досаду. Он сказал себе, что Джулио прав: эта девушка не заслуживает, чтобы к ней относились по-человечески. Он спас ее от смерти, рискуя собой, а она набросилась на него с кулаками!

Встретившись глазами с Джулио Гальяни, Орнелла гордо вскинула голову и презрительно фыркнула. Однако рядом с ним шел Дино, и она поспешно отвела взгляд. Она слишком хорошо помнила безмерную тревогу во взоре его серых глаз, когда он освобождал ее из плена зыбучих песков, и силу его рук, когда он нес ее к берегу. Его кожа была бархатистой и влажной, как у разгоряченного скакуна, а в волнистых волосах запутались солнечные блики. После случившегося вчера Орнелла не могла не признать, что не испытывает к нему прежней ненависти.

Когда Гальяни и их гость подошли к скромной каменной церкви, их окружил народ. Односельчане приветствовали Амато, как героя, и выражали соболезнования по поводу гибели его родных.

Леон убедился в разумности своего решения поселить молодого человека в своем доме, однако когда они возвращались обратно, Сандра сказала

мужу:

— Мне кажется странным, что сын Марио Форни согласился остановиться у нас.

Глава семьи нахмурился: он не выносил, когда кто-то обсуждал, а тем более осуждал его поступки.

— Ты имеешь в виду ту давнюю историю? Тогда я был прав: Форни в самом деле таскал мое вино! Я всего-навсего уличил его в краже и рассказал об этом людям. Любой на моем месте поступил бы так же.

— Амато может думать иначе.

Леон покачал головой.

— Едва ли он затаил на нас зло. Теперь он взрослый мужчина, военный, человек, хорошо знающий жизнь.

Сандра хотела заметить, что корсиканец способен пронести чувство мести сквозь годы и никакие обстоятельства не смогут заставить позабыть обиду, но решила не спорить с супругом. Вместо этого она сказала:

— Он слишком много разговаривает с Бьянкой!

— Я не вижу в этом ничего страшного, — заявил Леон. — Едва ли ему удастся вскружить ей голову за десять дней!

Сандра молчала, глядя себе под ноги. Она могла бы сказать, что для того, чтобы влюбиться, достаточно одного мига, но знала, что муж ее не поймет. Леон обладал здравомыслием, практичностью и расчетливостью, но был поразительно слепым во всем, что касалось чувств.

Сандра думала о любви, как думала бы нищенка о бриллиантовой диадеме. Ей не было суждено ни полюбить, ни быть любимой; со временем она примирилась с потерей, и все же в ее душе сохранилось вспоминание о жажде чего-то невероятного и сильного, способного перевернуть и изменить жизнь.

В каждой женщине было нечто, роднящее всех дочерей Евы, и потому Сандра боялась за дочь. Бьянка отличалась от юных жительниц Лонтано не только внешностью; похоже, ее желания и мысли также были далеки от того, чем жило большинство островитянок.

Вечер прошел спокойно, как проходили все вечера в семье; Амато выглядел расслабленным и довольным, чего нельзя было сказать о Джулио и Дино. Присутствие молодого офицера явно действовало им на нервы.

Леон вновь расспрашивал Амато о жизни на материке, о войне, об армии, так что в конце кон-

цов братья почувствовали, что больше не в силах слушать о чужих успехах. Обоим начало казаться, будто жизнь стремительно вытекает сквозь пальцы, а счастье равнодушно проходит мимо.

Когда стемнело, Дино под каким-то предлогом вышел во двор: ему хотелось побыть одному.

Если верить рассказам Амато, жизнь за пределами острова меняется очень быстро, там дни не похожи друг на друга, как на Корсике. Дино не знал, хочется ли ему очутиться в том мире, однако мысли о нем волновали его воображение и будоражили душу.

Погруженный в раздумья, Дино невольно вздрогнул, когда кто-то окликнул его по имени.

Это была Кармина. Она стояла перед ним, прижав руки к груди и глядя ему в глаза.

— Что случилось? — спросил он, с трудом скрывая недовольство.

— Нам надо поговорить.

— Сейчас?

— Да. Пойдем, — сказала она и потянула его за руку.

Дино послушался; они остановились меж хозяйственных построек, где их едва ли могли заметить, и все-таки он тревожно поглядывал по сторонам.

— Не бойся. Если твой отец нас увидит, я возьму вину на себя, — сказала Кармина.

Дино стало стыдно, и он ответил:

— Я не боюсь. Что ты хотела сказать?

— Я больше не могу молчать. Ты мне нравишься. Я думаю о тебе, когда работаю, когда отдыхаю, когда ем, когда просыпаюсь и засыпаю. Ради тебя я готова на все. Потому мне нужно знать, как ты ко мне относишься! — выпалила Кармина.

Даже в темноте было видно, как горят ее щеки, а грудь тяжело вздымается в такт взволнованному биению сердца.

Дино так растерялся, что не мог вымолвить ни слова; между тем Кармина взяла его ладонь и приложила к своей груди — от этого бесстыдного и вместе с тем наивного жеста Дино бросило в жар.

— Если б ты знал, как у меня болит вот здесь! Прошу, не мучай меня!

Дино отнял руку. Кармина говорила ему о любви, а он не чувствовал ничего, кроме смущения и досады.

— Ты для меня как сестра, Кармина, — неловко начал он, боясь, что не сможет подобрать подходящих слов. — Это немало, но это не то, что тебе нужно. Наверное, ты будешь огорчена, но сейчас

я не могу сказать тебе ничего другого. Прости, — добавил он, желая смягчить правду, — мне надо привыкнуть к тому, что я услышал, и немного подумать.

В ее темных глазах появилось странное, молящее и отчасти вызывающее выражение.

— Я уже сказала, что ради тебя я готова на все. Ты знаешь, что я ночую на чердаке. Если тебе покажется, что ты был неправ, ты можешь прийти и сказать мне об этом, — быстро проговорила служанка, потом повернулась и исчезла во тьме.

Дино сомневался, правильно ли он понял смысл этого приглашения, и, поразмыслив, решил, что Кармина не могла так открыто заявить о своей готовности и желании пойти на столь немыслимую жертву.

Зато Джулио, который стоял за углом и слушал их разговор, был совершенно уверен в этом.

Вдоволь наплакавшись, Кармина привычно свернулась клубочком в сене, устилавшем пол чердака. Ей нравилось это место: сквозь чердачное окно можно было наблюдать за путешествием луны и полетом звезд, воображая все, что только способна вообразить влюбленная душа.

Кармина задумалась о своем поступке. Для

Дино ее признание явилось полной неожиданностью, тогда как она много дней мечтала об этом юноше. Она влюбилась в него еще подростком, тогда, когда впервые почувствовала, осознала, какой он красивый, порядочный, великодушный.

Она была уверена в том, что именно порядочность не позволит Дино прийти к ней сегодня ночью. А если бы он все-таки пришел? Была ли она к этому готова? Кармине казалось, что да. Ей безумно хотелось трепетать и гореть в его объятиях, не думая ни о последствиях, ни о том, что это грешно.

Она почти заснула, когда услышала какой-то шорох, а вслед за ним — тихий шепот:

— Кармина! Ты здесь? Это я, Дино. Я подумал и разобрался в себе. Я тебя люблю!

Девушка замерла. Учащенное дыхание и порывистые движения приближавшегося к ней мужчины не оставляли сомнений в его намерениях.

Стояла безлунная ночь, и Кармина безуспешно вглядывалась во тьму. В сердце притаился червячок странного неверия в происходящее, и она вытянула руку, желая дотронуться до того, кто пробирался ей навстречу. Пальцы девушки коснулись шва на рукаве его одежды, и она об-

легченно вздохнула. Не далее как вчера Кармина сама аккуратно и любовно зашила дыру на рукаве куртки Дино. Она помнила запах его одежды, запах его тела и не перепутала бы его ни с каким другим.

Одна рука скользнула по голой ноге Кармины, другая проникла в вырез сорочки и сжала грудь. Поцелуи Дино были требовательными и страстными, а движения поспешными и резкими: казалось, он совсем потерял голову. Все это было так не похоже на то, что она представляла, не похоже на Дино! Впрочем, ей лишь предстояло узнать его как мужчину, а себя — как женщину.

Кармина не стала сопротивляться, и постепенно новые ощущения захватили ее душу и плоть. Наяву они оказались куда более сильными и яркими, чем в ее воображении. Он трогал ее и ласкал, его руки и губы были везде. Дино освободился от одежды, и их тела соприкасались так тесно, как это было возможно, а потом он с хриплым стоном овладел ею и обладал исступленно и страстно, пока они оба не вскрикнули в едином порыве освобождения.

Кармина тяжело дышала. В ее теле тлели сладость и боль, а в душе дарил хаос. Она должна была освоиться с новыми ощущениями и чув-

ствами, осознать то, что произошло.

Кармине захотелось услышать от него какие-нибудь слова, захотелось поговорить.

— Дино! — прошептала она. — Скажи что-нибудь!

— Я буду приходить к тебе каждую ночь, — промолвил он, и это было не то, что она ожидала услышать.

Кармина села. Молодой человек тоже поднялся; в его серых глазах отражался свет луны, которая внезапно выплыла из-за туч, и это были глаза не Дино, а Джулио.

Кармина закричала, но он вовремя зажал ей рот рукой.

— Тише!

Она вцепилась в его ладонь зубами, а когда он с шипением отнял руку, сдавленно произнесла:

— Ты не Дино! Ты обманул меня!

— Мой брат ничего не знает. Он спит. Я уже говорил тебе: ты ему не нужна. Зато нужна мне. И теперь ты моя.

— Нет, не твоя, не твоя! — отчаянно произнесла она и заколотила руками по сену.

Джулио пожал плечами.

— Тебе было так же хорошо, как и мне. Не думаю, что в этом смысле между мной и Дино есть

большая разница. Другое дело, он никогда тебя не хотел.

— Убирайся! — воскликнула она и зарыдала.

Джулио спустился во двор. Его сердце было полно восторга. Он только что обладал женщиной, он стал мужчиной первым из братьев, обойдя даже Дино, который никогда не уступал ему дорогу! Насчет Кармины Джулио был спокоен: едва ли она осмелится пожаловаться его матери или отцу, а когда буря в ее душе уляжется, наверняка, позволит прийти еще.

Глава 4

Орнелла никогда не испытывала того волшебного единения с матерью, какое иные счастливцы обретают с момента рождения. Андреа — она была уверена в этом — тоже никогда не чувствовал ничего подобного.

Беатрис не раскрывала детям своих тайн, и иногда Орнелле чудилось, будто горести и неудачи превратили сердце ее матери в камень. Ей казалось, будто Беатрис всю жизнь идет по туго натянутому канату, способному оборваться в любой момент. Сохранились ли в ее сознании воспоминания о минутах счастья, воспоминания, которые причиняют боль и вместе с тем заставляют жить? Орнелла никогда не могла предугадать поступков матери и отчаялась в попытках прочитать ее мысли.

Она лишний раз убедилась в этом, когда после трех дней отсутствия Беатрис принесла домой ружье, о котором было столько разговоров.

Орнелла и Андреа онемели от удивления, когда увидели новенький кавалерийский карабин. В отличие от пехотных и драгунских мушкетов это оружие было небольшим и сравнительно

легким.

Оно показалось Орнелле изящным хищным животным; девушка с восхищением и опаской провела пальцами по стволу и спросила у матери:

— Где ты его взяла?!

— Я ездила в Аяччо, — ответила Беатрис, и в ее мрачных глазах вспыхнуло темное пламя.

— Но такое ружье наверняка стоит кучу денег!

— Я продала Фину. А еще заложила наш дом.

— Фину! — Орнелла застыла. — И… дом?! Значит, теперь нам негде жить?!

— Пока мы можем в нем жить. Остальные деньги я заняла.

— И как мы будем их отдавать?

Во взоре Беатрис появился укор.

— Разве это имеет значение?

Орнелла не знала, что сказать. Она не любила этот похожий на высохшую ракушку дом, однако сейчас почувствовала, что у них с братом отняли последнее, что они имели.

Андреа, которому предназначался дорогой подарок, тоже молчал. Он видел перед собой то, чего не пожелал бы узреть и врагу. Мать выглядела изможденной и вместе с тем пылала, словно факел. Ее ноздри раздулись, глаза широко

раскрылись, пальцы хищно переплелись, будто готовые задушить врага. Ненависть разлилась по телу женщины, словно яд, пропитала ее сердце, отравила душу.

— Из него не так уж сложно стрелять, — сообщила Беатрис. — Можно спокойно попасть в цель даже с двухсот шагов.

— В человека? — уточнила Орнелла.

Андреа вздрогнул. Он не понимал этой разрушительной бесчувственности, слепой одержимости жестоким желанием.

Беатрис сурово посмотрела на сына.

— Главное решиться в первый раз, а потом все будет просто. — Она протянула ружье Андреа. — Завтра тебе исполнится шестнадцать. Я сдержала обещание. Теперь ты сможешь исполнить свой долг.

Андреа взял мушкет и ощутил его мертвый вес, как ощутил гнет судьбы, тяжесть неумолимого рока. У него не было и не могло быть свободы выбора, свободы воли, он принадлежал семье, был опутан сетями невидимой тайной войны.

— Надо отлить побольше пуль, — деловито произнесла Орнелла, и мать согласно кивнула.

— Почему ты интересуешься оружием? — спросил Андреа сестру, когда они остались одни.

Орнелла рассмеялась, и это был смех человека, который знает, чего хочет от жизни.

— Кто знает, быть может, я тоже сумею убить кого-нибудь из Гальяни!

Юноша вспомнил красивую, нарядную девушку, идущую в церковь рядом с молодым офицером в ярком мундире, ее задорный и вместе с тем обидный смех.

— Кого? Бьянку?

Орнелла нахмурилась.

— Эту белоручку? На что она мне сдалась! Я говорю о ее братьях.

Девушка сделала вид, что прицеливается и стреляет; при этом ее неподвижное загорелое лицо было красиво пронзительной мрачной красотой. После она легко вскинула ружье на плечо и улыбнулась брату.

— Ты никогда не задумывалась о свадьбе? — вдруг спросил Андреа.

— О чьей?

— О своей собственной.

Она прищурилась, а ее губы презрительно растянулись.

— С кем?

— Не знаю. В деревне много парней.

— Все они — приспешники Гальяни. Я нико-

гда не выйду ни за одного из них, — отрезала Орнелла.

Андреа молча повернулся и направился к морю. Он не знал, с кем поговорить о своих желаниях, о своих муках, о своей зависимости. Он знал: чтобы не быть одиноким, надо любить, а не ненавидеть, но, похоже, этого не могли понять ни его мать, ни его сестра.

Очутившись на берегу, он нашел тихое местечко и, нашарив в кармане кусок вчерашнего хлеба, принялся кормить рыб.

Солнечные лучи пронизывали прозрачную голубую воду, отчего по ее поверхности змеились короткие, сверкающие молнии. Зеленые, желтые, синие, полосатые рыбки, казалось, были созданы для того, чтобы радовать глаз. Все вокруг выглядело чистым и светлым. Этот мир был вечным, вместе с тем каждый день будто рождался заново. Андреа был уверен: где бы ему ни довелось очутиться, он оставит здесь крупицы своего сердца.

Окунув руку в воду, он зачерпнул горсть мелких камушков, и ему почудилось, что это самоцветы, прищурил глаза, и ему привиделось, будто с неба струится золотой дождь. Андреа знал, что он нищий, что в глазах односельчан он выглядит оборванцем, что кое-кто и вовсе считает его

недоумком, и все-таки сейчас он ощущал себя счастливым.

Да, у него не было ничего, кроме проклятого ружья, бездушного чудовища, подарка его матери. А еще завтра ему исполнялось шестнадцать лет.

Настроение испортилось; он спрыгнул с камня и побрел по мелководью.

Андреа не понимал, откуда в нем взялось это яростное непринятие материнского мнения, способность по-своему видеть и оценивать вещи, поступки и жизнь и абсолютная убежденность в том, что именно эти взгляд и оценка являются единственно правильными.

Он задумался и не сразу различил посторонние звуки, долетавшие сквозь ритмичный гул моря. Неподалеку были люди, мужчина и женщина; они разговаривали и иногда смеялись.

Обогнув каменистый выступ, Андреа поднял голову: молодой офицер и дочь Леона Гальяни стояли на выступе скалы. Фигура Бьянки купалась в солнечных лучах, отчего девушка выглядела еще прекраснее.

Андреа смотрел на нее так, будто впервые увидел. Слова слетали с ее нежных губ и растворялись в воздухе, глаза ловили яркий свет и лучились, будто звезды, а ее наряд казался со-

тканным из беспечности и веселья.

— Я отвык от скромности и суровости моей родины, — говорил Амато. — В Париже в доме любого преуспевающего ремесленника можно увидеть мебель красного дерева и зеркала.

Бьянка слушала, распахнув глаза и слегка приоткрыв рот. Складки ее темно-синей юбки колыхались от ветра, завитки волосы, выбившиеся из-под мецарро, казались золотыми.

Плеск воды заглушил несколько последующих реплик, а потом Андреа вновь разобрал слова Амато:

— Парижанки не способны вызвать настоящее чувство, потому что не обладают искренностью. Их блеск фальшивый, он быстро тускнеет; они годятся для того, чтобы быть предметом роскоши, но не предметом любви.

Андреа видел жесткий целеустремленный взгляд молодого офицера, и ему казалось странным, что воздыхатель Бьянки говорит о женщинах, как о вещах, и что дочь Леона Гальяни не понимает этого.

— Вы другая! — продолжил Амато. — Именно потому я хочу, чтобы вы уехали со мной.

Бьянка потупилась, но Андреа успел заметить, что ее взор искрится радостью.

— Нет, — ответила она после паузы, — я не могу. Сначала вы должны пойти к моему отцу и попросить моей руки.

Андреа затаил дыхание. Ему почудилось, что ее простодушие развеселило и тронуло Амато, однако тот не собирался сдаваться.

— Да, знаю, но я тоже корсиканец, и мне известны обычаи. Между обручением и свадьбой должно пройти несколько месяцев, а я уезжаю завтра утром.

— Я могу подождать до того времени, когда вы приедете в следующий отпуск. Обещаю хранить вам верность.

— Я не сомневаюсь в ваших обещаниях, синьорина Бьянка, но ваш отец может решить иначе. Захочет ли он обручить дочь с человеком, чья судьба столь неверна? Меня в самом деле могут убить на войне, а вы будете связаны клятвой! Между тем стоит вам тайно уехать со мной, и уже завтра вы станете женой офицера французской армии, а через несколько дней увидите Париж!

Бьянка закрыла глаза. Ее щеки горели, длинные ресницы трепетали. Наверное, она представляла череду торжеств, сверкающие бриллиантами наряды дам, восхитительную музыку, гирлянды цветов и множество восковых свечей. Лошадей и

кареты, улицы и площади, дворцы и дома — царство волшебства и богатства.

— А как же отец?

— Вы ему напишете, и он вас простит.

— Я не умею писать, — смущенно промолвила Бьянка.

— Вы очень быстро научитесь и грамоте, и французскому языку. Париж не Корсика, там жизнь летит стрелой, время кажется умопомрачительно коротким и вместе с тем восхитительно длинным; каждый день полон событий, какие на острове не произошли бы за десяток лет!

Андреа не имел никакого опыта в любовных делах, он не знал, был ли честен Амато, говоря о женитьбе, и все-таки что-то в поведении, словах, взгляде молодого офицера внушало ему настороженность.

Амато Форни понимал: не пообещай он жениться на Бьянке, эта девушка, воспитанная в строгих корсиканских традициях, никогда не решится с ним убежать. Сам он рассматривал это бегство как рискованное, но приятное приключение, а также месть заносчивому, непримиримому Леону Гальяни. Леон не убивал Марио Форни, и Амато не мог объявить вендетту, однако он знал, что, украв Бьянку, основательно ранит сердце и

заденет самолюбие того, кто некогда не пощадил гордость его отца.

Амато и сам не знал, женится ли на Бьянке. Немногие из низших офицеров наполеоновской армии решались вступить в брак. Мешала полная опасностей кочевая жизнь, частые периоды безденежья, доступность женщин, как во Франции, так и в завоеванных странах. Сделать карьеру, будучи обремененным семьей, было практически невозможно, потому большинство военных женилось по достижении высоких чинов, а то и после выхода в отставку.

Ему нравилась эта девушка, и он решил развлечься с ней, вручив будущее в руки судьбы.

— Мы выберемся из дома на рассвете, на берегу нас будет ждать лодка! — настойчиво произнес Амато, сжимая руки Бьянки в своих ладонях. — Любовь дарит нам такую возможность и вместе с тем не дает иного выхода!

Бьянка не знала, что ответить. За те дни, что им довелось общаться, он вскружил ей голову и поработил ее чувства. Она была очарована не столько внешностью и умом Амато, сколько его рассказами о той жизни, какую ему довелось изведать за пределами Корсики. В свете этих повествований родина представлялась Бьянке не

приютом красоты и покоя, а отрезанным от мира захолустьем.

Андреа не замечал, что его одежда намокла и даже волосы покрылись серебристыми бусинками воды. Он не понимал, почему с такой жадностью слушает разговор этих чужих для него людей.

Юноша был уверен в том, что Амато обманывает Бьянку. Он видел истинное лицо человека, проглоченного Парижем, ставшего чужаком на земле, когда-то бывшей его родиной. Андреа представил, как Амато бросает Бьянку в Тулоне или где-то еще, как она мечется и тоскует, а потом возвращается домой опозоренная, с разбитым сердцем и загубленным будущим.

Пока Андреа размышлял о том, как предупредить дочь Леона Гальяни, Амато заметил его и сказал:

— Внизу кто-то есть! Кажется, нас подслушивают!

Бьянка проследила за его взглядом и воскликнула:

— Это тот полудикий мальчишка! Что он там делает?

— Эй ты! — крикнул Амато. — Что тебе нужно? Ты следил за нами?

Андреа медленно помотал головой.

— Я никогда не слышала, чтобы он говорил. Наверно, он немой, — пожала плечами Бьянка.

— Уходи отсюда! И если ты что-то слышал, не смей никому рассказывать! — приказал Амато и столкнул носком сапога увесистый камень.

Тот шлепнулся в воду в двух шагах от Андреа, обдав его фонтаном брызг. Не промолвив ни слова, юноша повернулся и скрылся из виду.

В эту ночь он плохо спал и проснулся еще до рассвета, В распахнутой двери чернела ночь. Мир был молчалив и пуст. Андреа казалось, будто он слышит удары своего сердца.

Он подумал о своем отце. Мать ничего не рассказывала о Симоне Санто, Ни слова о том, что он был великодушным, храбрым, любящим или добрым. Она только говорила, что за его смерть нужно отомстить.

Пролитая кровь давно остыла, годы похоронили прошлое. Остались только призраки; призраки, которые не давали спокойно жить.

Андреа поднялся с кровати и натянул одежду. Он решил выйти в море, чтобы проверить закинутые накануне сети. Не свои сети. Иногда ему приходилось это делать, чтобы добыть на ужин рыбы. Когда-то у него была своя сеть, но она была так сильно изорвана, что не имело смысла ее

чинить.

Ему хотелось подышать прохладным морским воздухом, послушать скрип весел и плеск воды и немного привести в порядок мысли. Сегодня ему исполнялось шестнадцать, он переходил некий рубеж. Становился взрослым. Вспомнив об этом, он, сам не зная зачем, взял с собой подаренное матерью ружье.

Никем не замеченный, Андреа спустился к воде. На волнах играл лунный свет, шум моря напоминал тихий, монотонный напев.

Семейству Санто принадлежала старая, много раз латанная лодка. Андреа отвязал ее и столкнул в воду, предварительно положив ружье на дно.

Обогнув мыс, он увидел то, что ожидал увидеть: Амато и Бьянка садились в небольшую лодку. Они намеревались добраться до рыбачьего бота, стоявшего на якоре примерно в полулье от берега. Девушка держала в руках узел и небольшой сундучок.

Небо было испещрено звездами, их отражение тонуло в море, от чего оно походило на серебряное зеркало. Извилины гор, окаймлявших берег, были изрезаны черными тенями.

Андреа взялся за весла. Ему удалось догнать беглецов; поравнявшись с бортом их лодки, он пе-

рестал грести, выпрямился во весь рост и сказал:

— Синьорина Бьянка, вы совершаете ошибку. Этот человек вас обманывает. Я слышал ваш разговор, я видел его лицо, его глаза! Он вас не любит, он просто хочет потешиться! Перебирайтесь в мою лодку — я отвезу вас на берег, и вы вернетесь домой, пока никто ничего не заметил.

Бьянка смотрела на него так, будто он был существом, прежде не умевшим ни говорить, ни мыслить.

— Ты сошел с ума, щенок! Убирайся прочь!

Лицо Амато исказила злоба, но Андреа не дрогнул. Он не понимал таких людей, людей, которые стремятся взять от жизни как можно больше, словно завтра будет поздно, взять, не взирая ни на какие запреты.

— Вы знаете наши законы, синьор, вы родились на этом острове. Не надо идти ни против обычаев, ни против… совести.

— Кто ты такой, чтобы читать мне проповедь!

— Синьорина Бьянка, давайте руку! — промолвил Андреа, посмотрел ей в глаза и увидел в них отсвет странной задумчивости.

Казалось, она силилась понять, что привело его сюда, развязало ему язык, вооружило неодолимой смелостью.

— Ты прав, — внезапно проговорила Бьянка и повернулась к своему спутнику: — Простите, синьор Амато, но я должна вернуться. Я в самом деле ошиблась. Я… я так не могу.

— Не слушайте этого мальчишку. Оставайтесь в лодке. Я никуда вас не отпущу.

— Вы не смеете удерживать ее силой! — запротестовал Андреа и повторил, обращаясь к девушке: — Идите ко мне!

Амато оттолкнул руку юноши и, подавшись вперед, отвесил ему пощечину. Хотя молодой офицер вырос на Корсике, где косой взгляд или неосторожное слово могли привести к кровопролитию, не говоря об ударе по лицу, нынешнее положение внушало ему уверенность в безнаказанности самых дерзких поступков.

Наступившая пауза была полна растерянности, напряжения и ненависти. Она длилась не больше нескольких секунд, однако Андреа успел проститься с прошлым, с детством, с наивными мыслями и мечтами, с былыми сомнениями и обидами и осознать себя другим человеком.

Он нагнулся и взял в руки ружье. В следующую минуту юноша всадил пулю в грудь Амато, и тот без звука свалился на дно лодки.

Бьянка пронзительно вскрикнула, но тут же

прижала ладони ко рту и застыла, словно статуя.

— Садись в мою лодку! — резко произнес Андреа. — Я отвезу тебя на берег, а с остальным… разберусь сам. Не надо, чтобы кто-то увидел тебя здесь.

Как ни была напугана и растеряна Бьянка, она понимала, что он прав. Когда она осознала, что Амато мертв, налет волшебства улетучился в одну секунду; единственное, чего ей сейчас хотелось, это очутиться дома, в своей постели и начать день так, как она его начинала всю свою недолгую жизнь.

Андреа не ощущал ни ужаса, ни раскаяния, ни торжества. Когда Бьянка перебралась в его лодку, он снял в себя куртку и набросил на голову Амато. Потом взял лодку с мертвецом на буксир и налег на весла.

Андреа поплыл не к берегу, а к боту, который по-прежнему мирно стоял на якоре. Бьянка ничего не понимала, но не осмеливалась задавать вопросов.

Несколько минут они плыли в темноте, а после на горизонте возникла кровавая полоска: день встретился с ночью, и свет принялся медленно поглощать мрак. Легкий ветерок тронул зеркальную гладь моря, и по ней побежала золотистая

рябь.

Поравнявшись с ботом, юноша остановился, встал на ноги и облегченно вздохнул: с борта судна на него смотрел человек, который — один из немногих — хорошо относился к Андреа. Беатрис говорила, что он был другом его отца.

— Дядя Витале!

— Андреа! Что произошло? Я слышал выстрел.

— Я убил человека.

Мужчина поглядел на обе лодки и все понял.

— Ты убил Амато Форни?! Я ждал его, чтобы отвезти на материк. Почему ты это сделал?

— Он оскорбил меня, ударил по лицу. Я не мог не ответить.

— А девушка? Что она здесь делает?

Лицо Андреа сделалось суровым.

— Я хотел попросить, чтобы вы никому не говорили о том, что видели Бьянку Гальяни. Амато собирался взять ее с собой, но теперь будет лучше, если слухи об этом не дойдут до жителей деревни.

— Амато не говорил, что с ним будет дочь Леона. Я думал, он едет один, — растерянно произнес Витале, разглядывая испуганное девичье лицо.

— Теперь это неважно. Так вы никому не скажете?

— Не скажу. Но что станет с тобой, сынок?!

— Я отвезу тело на берег и признаюсь в том, что совершил, а потом будет видно. Главное, спасти честь Бьянки.

Витале кивнул. Если речь шла о мщении или спасении чести, истинный корсиканец не боялся ни опасности, ни страданий, ни смерти.

Добравшись до берега, Андреа пришвартовал лодку и помог Бьянке выбраться на сушу. Он смотрел на едва колышущиеся под легким ветром пряди волос на ее лбу, на изящный овал лица, на стройную фигурку и башмачки, которые остались сухими. Андреа знал, что в его распоряжении осталось всего несколько секунд для того, чтобы запечатлеть в памяти этот светлый, наивный образ, образ девушки, из-за которой его судьба и жизнь переломились пополам.

Ему хотелось, чтобы Бьянка что-нибудь сказала, но она молчала, и тогда он промолвил:

— Постарайся пробраться в дом незамеченной и, если получится, сделай вид, что спала.

Она быстро пошла по тропинке, и Андреа смотрел ей вслед. Потом повернулся к лодкам. Надо было вытащить тело на берег и сообщить жителям деревни о том, что случилось. Андреа не хотелось думать о поступке, осквернившем его

понятие о человечности, он не желал, чтобы раскаяние или страх сокрушили остатки его воли. Он чувствовал, что в ближайшем будущем ему понадобится немало выдержки и сил.

Глава 5

После того, что произошло на чердаке, Кармина была похожа на тень. Случалось, не слышала обращенных к ней слов, двигалась медленно, словно во сне, все валилось у нее из рук. Она старательно избегала Дино и испуганно вздрагивала при виде Джулио. Ей было мучительно стыдно вспоминать о том, сколь беззастенчиво она навязывалась первому и с какой страстью отдалась второму, пусть не зная, что ее обманывают. Между тем Дино ничего не замечал, а Джулио выжидал, как выжидает хищник, знающий, что добыча никуда от него не уйдет.

Между тем Кармина была веселой, живой, упрямой девушкой, и ей не хотелось думать, будто действительностью правят разочарования сердца, бесплодные ожидания, преступный обман. В конце концов она решила вновь поговорить с Дино.

Кармина подкараулила его ранним утром возле винного погреба и попросила помочь поднять наверх два полных кувшина. Дино спустился следом за ней в темноту, где привычно пахло вином, виноградными выжимками и дубовыми

бочками.

Очутившись внизу, Кармина встала так, чтобы преградить ему путь к отступлению, и промолвила:

— Я решила поговорить с собой еще раз, последний раз. Но прежде хочу узнать: ты не передумал?

Дино нахмурился. Ему было больно ее обижать, но он был обязан сказать правду:

— Если дело касается чувств, доводы разума имеют мало значения. Тут все просто: или да, или нет.

— И что ты мне ответишь?

Дино вздохнул:

— Я говорю «нет». Это ясно как день, и я не в силах ничего изменить.

Раненная в самое сердце, она смотрела на него во все глаза. Ей хотелось его обнять, ощутить сквозь тонкую ткань рубашки твердые мускулы его рук и плеч, ощутить сладость его губ, услышать стук его сердца.

Карминой овладело неумолимое желание сделать невозможное реальным, а раздельное — единым, добиться своего любой ценой.

Она распустила шнуровку корсажа, и на волю выпрыгнули две белые, полные, упругие груди,

которые с такой страстью целовал Джулио.

Дино отшатнулся.

— Не надо, Кармина! Я не могу и… не желаю.

Она тряхнула густыми, вьющимися волосами и проговорила, едва сдерживая иронию и гнев:

— Разве у тебя есть невеста?

— Пока нет, но это не значит…

Она прервала его настойчивым жестом и с нажимом произнесла:

— Я не хочу, чтобы ты на мне женился, я хочу, чтобы ты меня полюбил!

— Я уже сказал, что этого никогда не будет. Ты добра и красива, но я не испытываю к тебе иных чувств, кроме братских. Прости за прямоту, но я не желаю тебя обманывать.

Кармина пнула кувшин, и вино растеклось по полу. Одновременно из ее глаз хлынули слезы отчаяния, злобы и боли.

— Ты просто трус! Когда отец выберет для тебя невесту, ты пойдешь с ней под венец покорно, как ягненок на заклание, даже если у нее будет один глаз и три ноги! — воскликнула она и добавила: — Будь ты проклят, Джеральдо Гальяни! Я тебя ненавижу!

Дино молчал в растерянности, не зная, что делать. Его невольно выручил отец, который

громко звал старшего сына.

Презрительно усмехаясь, Кармина отступила в сторону и дала ему пройти.

Выйдя на яркий свет, Дино невольно зажмурился. Он пробыл в подвале несколько минут, но за это время окружающий мир сбросил с себя серебристо-серое покрывало рассвета, сгустки розоватого тумана растаяли в высоком небе, и верхушки гор вспыхнули червонным золотом. Из-за этого Дино казалось, будто с того момента, как он спустился вниз, прошел не один час.

Леон стоял посреди двора с непривычно тревожным видом.

— Джеральдо! Ко мне только что прибегал мальчик, которого послал наш священник, отец Витторио. Амато Форни мертв. Его убили. Убили в море, выстрелом из ружья.

Дино замер от неожиданности, а потом задал самый простой и естественный вопрос:

— Кто?

— Андреа Санто.

— Андреа Санто! — воскликнул вмиг очутившийся рядом Джулио, глаза которого блестели от возбуждения. — Откуда у этого голодранца взялось ружье?!

— Не знаю. Только тому есть свидетель, Ви-

тале Мартелли. Он собирался отвезти Амато на материк.

— Где тело? — спросил Дино.

— На берегу. Думаю, именно нам придется заняться похоронами, ведь Амато гостил у нас. А еще я намерен позвать жандармов.

— Вы хотите отдать Андреа в руки закона? Задержать его, как преступника?

— Да, если он не успел убежать.

— Обычно мы поступаем иначе, — с сомнением произнес Дино. — Вспомните, сколько убийств совершено с начала года, но мы никого не выдали властям.

— Только не в этом случае! — Леон повысил голос. — Амато Форни офицер французской армии, и я не намерен укрывать человека, который его застрелил. Ты останешься дома, Джулио, присмотришь за работниками, а Данте и Дино пойдут со мной.

Дино вовсе не хотелось участвовать в задержании Андреа. Дело было не только в том, что он не испытывал неприязни к этому мрачному, диковатому подростку: Дино представил искаженное ненавистью лицо его сестры. Она наверняка решит, что они, Гальяни, делают это для того, чтобы извести ее семью, в которой Андреа был

единственным мужчиной. Однако он не мог возразить отцу.

Леон взял оружие и вышел за ворота вместе с сыновьями. Весть о случившемся разнеслась по деревне быстрее ветра, по дороге к ним то и дело присоединялись люди, так что когда мужчины семейства Гальяни подошли к дому Санто, их окружала целая толпа.

Они были уверены, что Андреа сбежал, но он вышел им навстречу, прямой, окаменелый и бледный. Когда после беседы со священником он явился домой и рассказал матери и сестре о том, что убил Амато Форни, обе заклинали его бежать в маки, но он словно оцепенел. А теперь было слишком поздно.

Беатрис выскочила вперед и заслонила собой сына.

— Зачем вы пришли? Что вам надо? — закричала она.

— Нам придется задержать твоего сына до прибытия жандармов, — сказал Леон.

Беатрис одарила его таким взглядом, что он невольно отпрянул. Леону почудилось, что она в самом деле безумна. Ее темные глаза ввалились, худые руки тряслись, а кожа прибрела пергаментный цвет.

— Ты хочешь окончательно разделаться со мной? Отобрать у меня последнее и самое дорогое? Тебе мало того, что ты уже совершил?!

Леон смотрел на эту женщину, женщину, чье сердце было изуродовано невидимыми шрамами. Когда-то они были очень близки, но теперь их разделяли взаимные обвинения, вековые предрассудки и годы, которые было невозможно ни изменить, ни прожить снова. Подумав об этом, мужчина постарался взять себя в руки и сказал:

— Если твой сын объяснит властям, почему он это сделал, возможно, его оправдают. Я бы рад поступить иначе, но не могу. Амато Форни офицер французской армии, если мы укроем его убийцу, нам всем не поздоровится.

Беатрис кидалась на мужчин с кулаками, плевалась, царапалась и кусалась, но их было много, и ее оттащили в сторону.

— Не надо, мама, — проговорил Андреа, с трудом разомкнув губы, — я пойду с ними.

— Я постараюсь тебе помочь, — шепнул оказавшийся рядом Витале.

Андреа опустил голову и пошел по дороге в окружении мужчин. Его спрашивали, где ружье, из которого он застрелил Амато, но он молчал.

Дино нашел глазами Орнеллу. Она стояла, при-

слонившись к полусгнившему косяку. Ее волосы струились, словно ночной водопад, а глаза напоминали темные вишни. За черными зеркалами зрачков скрывался мир, в который было невозможно проникнуть. Она казалась невозмутимой, но Дино видел, что в ее душе пылает огонь.

У него не оставалось сомнений, что теперь эта девушка возьмет ружье, которое принадлежало ее брату, и распорядится им согласно тому единственному желанию, которое переполняло ее сердце и разум.

Пока Леон, Дино и Данте участвовали в задержании Андреа Санто, Джулио спустился в подвал и застал там Кармину, которая сидела в углу и тупо смотрела прямо перед собой. Ее корсаж все еще был расшнурован, а лицо залито слезами.

— Убирайся! — бессильно произнесла она, заметив Джулио.

— Я пришел сказать, что не должен был тебя обманывать, притворяться, будто я — это он, — с непривычной кротостью промолвил тот, присаживаясь на корточки. — Я пошел на это от отчаяния, из-за любви к тебе! Я понимал, что по доброй воле ты никогда меня не выберешь, потому что тебе нравится Дино.

— Отныне я не желаю слышать это имя!

— Я и сам бы его не слышал, — усмехнулся Джулио, — да еще по сто раз на дню!

В подвале сильно пахло пролитым вином; поднявшись на ноги и оторвав башмак от липкого пола, Джулио спросил:

— Что здесь произошло?

— Я разлила целый кувшин вина. Твой отец меня убьет!

— Я скажу, что это я его уронил, — сказал Джулио и повторил: — Я люблю тебя!

Не обращая внимания на его слова, Кармина продолжала твердить свое:

— Я не могу здесь оставаться. Я уеду в Аяччо. Там тоже можно пойти в услужение.

— Не уходи. Я не могу допустить, чтобы ты принадлежала другим мужчинам!

— Что тебе нужно? — прошептала Кармина.

— Будь моей! Сейчас! Всегда! Дино — кусок мертвого дерева, сухарь, ему бы податься в монахи, тогда как я схожу от тебя с ума! Вспомни, разве тебе было плохо со мной?

Он смотрел на нее голодным взглядом, взглядом пылкого юнца, впервые дорвавшегося до плотских удовольствий.

«Мне было хорошо, потому что я думала, что ты — Дино», — хотела ответить Кармина.

Теперь, когда она знала, что старший из братьев никогда ее не полюбит, ей оставалось поверить в то, что несмотря на свой подлый обман, Джулио всецело предан ей и не может думать ни о ком другом.

Когда Кармина ощутила исходящий от его тела жар, когда его рука осторожно потянулась к ее шнуровке, а после мягко коснулась груди, она закрыла глаза и перестала сопротивляться.

Дино оскорбил ее, унизил, отверг. И она не могла отомстить ему иначе, чем сблизившись с его братом, отдав себя тому, кто ее желал.

За стенами дома царило слепящее послеполуденное пекло, тогда как в комнате притаилась смерть и ее спутницы — ладан, святая вода, причитания, осторожный шепот и горькие вздохи.

Бьянка сидела у гроба, в котором лежал Амато, на мертвом лице которого не отражалось ни одного чувства, ни единой мысли. Иногда по его спокойному лицу скользили тени, и тогда казалось, что он шевелится и дышит, однако его грудь не вздымалась, ресницы не трепетали.

На Бьянке было черное платье, оттенявшее матовую белизну ее кожи и прозрачную голубизну глаз. Она выглядела растерянной, поникшей. Казалось, с нее слетел легкий и яркий, как пыль-

ца на крыльях бабочки, слой легкомыслия и кокетства.

На кухне мать распоряжалась приглашенными по случаю подготовки поминок женщинами. Временами в комнату заходил кто-то из соседок или братьев, но в основном Бьянка проводила время наедине с мертвым телом, и это мрачное одиночество усугубляли мысли о невысказанной тайне, тайне, которая была не до конца понятна даже ей самой.

Она сидела, окутанная дымкой печали, когда услышала позади шаги. Кто-то вошел в комнату; обернувшись, Бьянка с облегчением увидела, что это Данте. Данте, а не Джулио, который не скрывал торжества по поводу того, что этот, совсем недавно похвалявшийся своими подвигами молодой офицер превратился в кусок гниющего мяса, и досады на то, что их дом стал похож на склеп.

Бьянка грустно улыбнулась брату. Они были младшими в семье, к тому же погодками, и она понимала его лучше, чем старших братьев. В детстве они с Данте нередко вместе проказничали и покрывали проделки друг друга.

Бросив взгляд на дверь, она быстро прошептала:

— Данте! Я должна кое в чем признаться. Я не могу рассказать об этом ни родителям, ни Дино, ни тем более Джулио. Пообещай, что не выдашь!

Он сел рядом, скрестил пальцы, поднес их к губам и сказал:

— Говори!

Когда она умолкла, Данте привстал от изумления.

— Ты решила сбежать из дому с Амато Форни?! О чем ты думала? Что на тебя нашло? Отец убил бы тебя, если б узнал!

Бьянка уставилась на лицо мертвеца и промолвила:

— Мне безумно жаль, что он умер, но я не могу оплакивать его так, как иная девушка оплакивала бы своего возлюбленного. Вернувшись домой, я поняла, что ошиблась. Стало быть, Андреа Санто спас мою честь.

— Ты должна молчать об этом, ты все равно ему не поможешь.

— Расскажи, что с ним случилось, куда его повели?

— Не знаю. Думаю, жандармы забрали Андреа в Аяччо, но если его осудят по-настоящему, то, наверное, отправят на материк.

— Он что-нибудь говорил?

— Он сказал, что они с Амато повздорили, и Амато его оскорбил, однако не мог толком назвать ни причины ссоры, ни объяснить, как и почему он там оказался. Мне кажется, ему никто не поверил.

— Значит, его накажут? Надежды на оправдание нет?

— Думаю, да, — ответил Данте и заметил: — Этот парень всегда казался мне неудачником.

— Мне жаль его, — призналась Бьянка. — Из-за меня один из них нелепо погиб, а судьба другого навсегда искалечена.

— Перестань терзаться, — твердо произнес ее брат и неожиданно признался: — Я понимаю, почему тебе захотелось сбежать отсюда. Я и сам мечтаю уехать с Корсики.

— Ты?!

Данте смотрел на сестру пасмурно-серыми, как у отца и братьев, глазами.

— Почему нет? Здесь я навсегда останусь тенью Дино и Джулио. Куда интереснее было бы уехать на материк, а там записаться в армию, армию Бонапарта, чья судьба может служить нам примером!

— Поклянись, что ты этого не сделаешь! — воскликнула Бьянка, и Данте сурово ответил:

— Такого обещания я дать не могу.

Он ничего не сказал сестре, однако его поразило, с каким спокойствием Бьянка глядит на мертвое тело и ведет откровенные разговоры в присутствии того, чья душа, наверняка, еще находится где-то рядом. Данте понимал: дело не в черствости; просто корсиканские женщины с рождения привыкли к смерти, к ее неизбежности, внезапности, власти над жизнью.

Вскоре явилась Сандра и сообщила, что все готово и пора ехать на кладбище.

На похороны Амато собралась вся деревня, не было только Беатрис и Орнеллы, но никто и не ожидал их увидеть.

Путь на кладбище пролегал по узкой каменистой дороге, по обеим сторонам которой простирались сожженные маки. Дино знал, что можно спалить их дотла, но корни упрямых кустарников останутся невредимыми, и через год или два вновь появятся зеленые ростки.

Дино думал о том, что кладбище напоминает маленький город и что его дома, в отличие от домов живых, ухожены так, что может показаться, будто корсиканцам куда лучше живется на том, а не на этом свете.

Еще он размышлял о том, почему брат Орнеллы

Санто не убежал в горы, а предпочел сдаться в руки правосудия.

«Она ни за что меня не простит», — сказал себе Дино, хотя и не мог объяснить, в чем он виноват. Разве что в том, что был сыном Леона Гальяни?

Внезапно его постигло острое понимание того, о чем он догадывался и прежде: Орнелла нравилась ему гораздо больше других девушек, вернее, она была единственной девушкой, которая ему нравилась. Дино многое бы отдал за то, чтобы узнать, есть ли в ее душе место для нерастраченной любви.

А еще ему пришла в голову мысль, что в этой слепой, непонятной, сводящей с ума ненависти повинны не он и не его братья, не Орнелла и Андреа, а их родители.

После похорон и поминок все в доме валились с ног, потому Джулио с завидной легкостью пробрался на чердак, где ночевала Кармина.

Ночь была полна резких ароматов, недвижима и беззвучна. Время от времени во тьме вспыхивали серебристые искры светлячков и бесшумно проносились летучие мыши.

В этой беспредельной тишине даже скрип старого дерева, шуршание сена, судорожные вздохи и сдавленные стоны казались удивительно гром-

кими.

Утром, в подвале, Джулио лишь немного потискал Кармину, а потом ему пришлось уйти. Зато сейчас они по-настоящему занимались любовью — второй раз в своей жизни. Джулио был полон восторга, он растворялся в запахах их тел, в откровенных прикосновениях, полных новизны ощущениях и непривычных звуках, которые порождали наслаждение и страсть. Сознание того, что он совершает нечто греховное и запретное, обостряло его чувства. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы вымолить у девушки прощение, заставить ее поверить в то, что он сходит с ума от любви к ней и что именно любовь подвигла его пойти на обман, но награда этого стоила.

— Скажи, — прошептала Кармина, когда они, отдыхая, лежали рядом, — что будет, если кто-то узнает?

— Никто не догадается, — беспечно произнес Джулио. — Отцу и в голову не может прийти, что здесь творится нечто подобное. А если заметят братья, я заставлю их молчать.

У нее помимо воли вырвалось:

— Только не Дино!

Джулио приподнялся на локте и с отвращением произнес:

— Будь он проклят, этот праведник!

Кармина попыталась что-то сказать, но он закрыл ей рот поцелуем и властно вдавил ее мягкую плоть в упругое, душистое сено. Кармина зажмурилась. Мрак был испещрен золотыми точками — она неслась сквозь вселенную к тому непередаваемо сладостному телесному ощущению, которого ждала так же сильно, как прежде желала сердечной любви.

Глава 6

Хотя Андреа совсем недавно покинул родину, ему чудилось, будто Корсика находится на расстоянии тысячелетий. Он вспоминал запахи острова, запахи, что будили его на рассвете и усыпляли в полночь. Они тревожили, не отпускали; казалось, они пропитали его душу. Ароматы лаванды, вереска, ладанника, чабреца, властный дух моря, запахи нагретого солнцем камня и мелкой пыли.

Андреа думал о полуденном солнце, стирающем тени, о больших белых облаках, плывущих по небесной синеве. Когда-то ему казалось, что если запрокинуть голову и долго-долго смотреть наверх, то можно узреть в их просветах Божественный лик.

Теперь ему хотелось закрыть глаза и ничего не видеть, а еще лучше — заснуть и никогда не просыпаться.

Сперва его привели в Аяччо, где допросили и составили бумаги. К сожалению, показания Витале Мартелли ничем ему не помогли, хотя мужчина солгал, будто видел, как Амато Форни ударил Андреа по лицу. Пусть местные жандармы хорошо знали привычки корсиканцев, судебным властям

Тулона, куда собирались отправить юношу, не было до них никакого дела. Удар по лицу не мог оправдать убийство, да еще и унтер-офицера французской армии.

На суде Андреа пытался рассказать про ссору, но, похоже, ему никто не поверил. В конце концов он разозлился и заявил, что ему подарили ружье, он решил его опробовать и выстрелил. В человека. Эти фразы толмач, прежде с неохотой подбиравший слова, перевел четко и правильно.

На суде Андреа впервые услышал слова «travaux forces»[4], которые должны были стать его судьбой.

Его отвезли в тулонскую каторжную тюрьму, чтобы затем отправить на галеры. Он остался один в незнакомом, враждебном мире, без надежды на спасение, без веры в будущее.

Юноша вспоминал, как, прощаясь с ним, мать поднесла ладонь к его лицу, словно собираясь погладить по щеке, но потом уронила руку. Андреа не оправдал ее ожиданий: он должен был убить кого-нибудь из Гальяни, а вместо этого застрелил Амато Форни!

На Корсике люди, что держали его в заточе-

---

[4] Примечания: 4
«Каторжные работы» *(франц.)*.

нии, проявляли к нему какие-то чувства. На материке он был никем. Грязным итальянцем, островитянином, дикарем, который не говорил по-французски.

Он провел в тюрьме несколько недель, пребывая в каком-то сонном отупении. Андреа съедал положенную ему порцию жидкой похлебки, после чего валился на солому и впадал в забытье. Он ни на что не реагировал, не понимал и не хотел понимать, что ему говорят.

Однажды его разбудили пинками и велели куда-то идти. Вывели из тюрьмы в компании других осужденных, провели по городу, и… Андреа увидел море, море, без которого он не мог жить.

Водяная громада колыхалась от берега до горизонта, заполняя собой мир. Поверхность моря походила на плотный синий шелк и плавно перетекала в небо, по которому плыли облака и пролетали быстрокрылые птицы. У кромки воды виднелись ряды лодок, казалось, вросших в песок, а на рейде стояло множество кораблей.

Плененный знакомыми запахами и звуками, Андреа едва не задохнулся от радости, но потом понял, что действительность изменилась, стала другой, враждебной, чужой.

Отряд каторжников заставили подняться на

корабль, где их осмотрел врач: он бесцеремонно ощупывал и разглядывал узников, словно скотину на рынке. Офицер охраны записал возраст, приметы и имя каждого и сообщил номер, под которым каторжник был вынужден провести годы заключения, назначенные судом.

Андреа достался номер триста четырнадцать — он был вытиснен на латунной бляхе, прикрепленной к зеленому колпаку. Кроме колпака ему выдали две пары парусиновых рубах, штаны и блузу из красной саржи.

Потом позвали кузнеца, который заковал узников попарно. Компаньоном Андреа оказался мужчина лет сорока под номером двести три, со спокойным, умным лицом; он с любопытством оглядел юношу, но ничего не сказал.

Их отвели в тесный отсек, находившийся в трюме, в самом низу корабля, где было душно и сыро. Как ни был потрясен Андреа неожиданной суровостью приговора, он испытывал неловкость от того, что ему придется делить столь малое пространство с чужим человеком. Между тем мужчина что-то спросил. Андреа пожал плечами и помотал головой, пытаясь объяснить, что не понимает.

Мужчина прищурился и, мгновенье подумав,

произнес слово, которое юноша запомнил еще в тюрьме:

— Итальянец?

Андреа кивнул.

— Тебе повезло — я знаю твой язык. Сколько тебе дали?

— Семь лет.

Мужчина покачал головой.

— Это очень много.

Судя по всему, напарник знал, о чем говорит. Когда Андреа осознал, что, возможно, это место — единственное и последнее, где он будет пребывать до самой смерти, ему стало жутко. Глаза обожгли слезы, а в горле застыл ком боли.

— Откуда ты? — спросил мужчина.

— С Корсики.

— Корсиканец! Что ж ты не попросил помощи у императора?

В его голосе и взгляде появилось что-то зловещее. Из-за перегородки послышался грубый смех других заключенных, и Андреа нахмурился.

— Ты еще мальчишка, тебе придется нелегко, но я постараюсь тебе помочь, — неожиданно произнес товарищ по несчастью. — Меня зовут Жорж Рандель. А тебя?

— Андреа Санто.

— Не вешай нос, Андреа! — Рандель подмигнул ему, но не улыбнулся. — Все будет хорошо.

Принесли обед: гороховую бурду без кусочка мяса, ломоть хлеба и кружку воды. Андреа ел, не морщась, под удивленным взглядом своего напарника: дома он редко видел обильную и сытную пищу. Молоко, печеные каштаны, хлеб, козий сыр — вот и все, чем они обычно питались.

— Здесь все ужасно, — сказал Рандель, — и еда, и сон, и день, и ночь, и весна, и лето, и осень, и зима. А особенно — люди.

Выходить на работу предстояло завтра, а сегодня они могли «отдохнуть». Привыкший к постоянному движению и безграничному простору, Андреа с трудом дотянул до вечера.

Охранник обошел камеры, проверил решетки и цепи, после чего узникам было велено ложиться.

Андреа опустился на жидкую подстилку и закрыл глаза. Он слышал, как за бортом сонно вздыхает море, слышал шаги охранника и звон кандалов. Его заковали на семь долгих лет, заковали не только его тело, но и душу! Андреа испытывал мучительную внутреннюю борьбу, как всякий человек, которому прямо и жестоко указали, кто он, еще до того момента, как он

успел разобраться в себе, одним махом выделили определенное место, которое он отныне не мог покинуть. Андреа предчувствовал грядущие унижения, и его охватывала паника.

Он не мог спастись, не мог бежать! Возврата в нормальный мир не существовало! Андреа чудилось, будто с момента осуждения прошло не менее сотни лет, и те, кто остался на острове, давно о нем позабыли. Он ощущал себя призраком, живым мертвецом, бездушным номером триста четырнадцать, у которого отняли и гордость, и надежду, и веру.

С того момента, как Андреа исчез из ее жизни, Орнелла мучительно пыталась хоть чем-то себя занять. Она бродила по округе с ружьем, которое они с матерью успели спрятать от жандармов, лазила по скалам, плавала, ныряла. Ничего не помогало: перед глазами стояло растерянное, помертвелое лицо младшего брата.

Беатрис молчала о случившемся и никогда не вспоминала Андреа; по крайней мере, вслух. Она вела себя как обычно, но дочери казалось, будто из матери высосали жизнь: душа погибла, осталась одна оболочка.

Орнелла использовала любые причины, чтобы улизнуть из дому, и вскоре у нее появился повод

уходить на целый день: возобновилась война с соседями. Эта борьба то разгоралась, то затухала в зависимости от времени года, настроения сторон и всяких мелочей. В любом случае пару раз в году мужчины Лонтано бросали жен, детей, хозяйство, работу и устремлялись в дебри маки, в горы, пещеры, ущелья, где прыгали по камням, как горные козлы, и с азартом стреляли друг в друга. Никого не волновало, что эти игры зачастую заканчивались серьезными ранениями или смертью.

Как правило, в борьбу вовлекались все жители деревни: женщины врачевали раненых, подростки и даже дети доставляли мужчинам продовольствие и боеприпасы.

В этом смысле Корсика, погруженная в тишину высоких скал и окруженная шумным прибоем, была особым замкнутым миром: ее жители стойко хранили вековые привычки и причуды, доставшиеся по наследству от предков. Среди населения жила традиция оказывать помощь каждому обитателю маки.

Потому Орнелла, хотя у нее не было ни отца, ни брата, ни мужа, ни даже жениха, который принимал бы участие в этой борьбе, воспользовалась случаем и целыми днями пропадала

в горах. Она возвращалась домой лишь затем, чтобы отлить новые пули или пополнить запас лекарственных трав.

На сей раз война началась из-за пустяка, смешной нелепицы, послужившей в глазах жителей деревни тяжелым оскорблением их гордости и достоинства.

Однажды Леон Гальяни вернулся с традиционного деревенского схода бледный от гнева и рассказал, что на главной улице, ведущей к церкви, найден дохлый осел. Труп животного лежал посреди дороги, источая смрад. Этот осел не принадлежал никому из жителей, значит, его подкинули «враги». Подобное оскорбление считалось смертельным, и мужчины мгновенно приняли решение отомстить. Разошлись по домам и стали немедленно собираться на войну.

— Ты пойдешь со мной, Джеральдо, — сказал Леон, — и ты, Джулио. Данте останется дома — приглядывать за хозяйством и охранять дом.

Дино покорно кивнул, Данте недовольно нахмурился, а Джулио, минуту назад презрительно скаливший зубы, зашелся от злости. Его незаконный медовый месяц с Карминой был в самом разгаре, и он считал верхом глупости бегать по горам с оружием из-за какого-то осла!

— Сами они ослы, — сказал он старшему брату, когда они чистили ружья. — Кровная месть из-за падали! Оттащили бы этого осла обратно и подкинули соседям!

— Тогда те первыми объявили бы нам войну, — рассудительно произнес Дино. — Ситуация безвыходная, ты сам это понимаешь.

Джулио поднял голову и встретился взглядом с темно-серыми глазами брата.

— Неужели ты согласен с отцом?

— Согласен я или нет — не имеет значения. Так или иначе, нам приходится ему подчиняться.

— Пусть бы отправил в горы Данте, тому не терпится пострелять, — процедил Джулио. — А я бы остался дома. Не вижу ничего полезного в том, чтобы бегать по жаре и подставлять себя под пули!

— Твое мнение никого не волнует, — заметил Дино. — Если ты начнешь говорить то, что думаешь, тебе придется уехать отсюда.

— Возможно, я так и сделаю! — с досадой произнес Джулио.

Дино вспоминал этот разговор, когда возвращался из дома в маки после того, как отец велел ему сходить домой и принести запасное ружье, а заодно узнать, как Данте, работники и женщины

справляются с хозяйством. Дино подозревал, что скоро война закончится: приближался сезон сбора винограда, когда мысли отца и других мужчин всецело поглощены урожаем.

Дино сказал брату правду: если ты нарушаешь устои, становишься изгнанником, изгоем. Это понимали все корсиканцы и предпочитали жить по правилам. Иные воспринимали это как само собой разумеющееся, другим приходилось себя ломать. Хотя Дино не принадлежал к первым, ему вовсе не хотелось разделить судьбу вторых.

Его путь пролегал по выгоревшему маки. Земля была покрыта белесым пеплом, напоминавшим муку. Кое-где из земли торчали почерневшие мертвые кустарники, а в иных местах пробивались зеленые ростки. Дино соблюдал известные предосторожности: осматривал кусты, изгороди, часто останавливался, чтобы прислушаться к шуму полей и понять, не доносятся ли откуда-то посторонние звуки.

А потом он увидел девушку. Она шла, не прячась, и несла на правом плече ружье, а в левой руке — небольшой узелок. Подол ее черного платья полоскался на ветру, а походка была свободной и легкой. И она, она — пела: ее голос был похож на реку, которая вышла из берегов, а слова

бередили душу.

Это была Орнелла Санто. Дино бесшумно двинулся следом за ней под прикрытием густого кустарника, растущего по обочинам дороги.

Утром мать сказала Орнелле:

— Ты зря ходишь в маки и носишь мужчинам пули.

— Почему?

— Потому что ты чужая для них, а они — для тебя.

Орнелла вопросительно посмотрела на мать.

— Если б они принимали нас за своих, ни за что не выдали бы Андреа жандармам, — пояснила Беатрис. — Вспомни, такого никогда не случалось!

— Все дело в том, что Амато был офицером французской армии, — сказала Орнелла.

— Неважно! Мы чужаки, чужаки в родной деревне, и все потому, что так решили Гальяни!

— Почему тогда они берут у меня пули?

— Потому что они им нужны. При виде оружия и боеприпасов мужчины не могут думать ни о чем другом.

— Хорошо, — согласилась Орнелла, — сегодня я схожу туда последний раз.

Она брела по выжженной земле в растерянности и тоске и от тоски слагала песню. Орнелле

была невыносима мысль о том, что она осталась совсем одна, без малейшей поддержки, а главное — без смысла жизни. Она не знала, что стало с Андреа, но была уверена в том, что он не вернется на Корсику. По каким-то понятным только ей соображениям Беатрис не поехала в Аяччо и не попыталась узнать о судьбе сына.

— Так будет тяжелее и ему, и нам, — сказала она дочери, и Орнелла не нашлась, что ответить.

Будь у нее деньги, друзья или побольше жизненного опыта, она бы сама отправилась в город. Однако пока Орнелла размышляла о том, что делать, время было упущено: Андреа наверняка перевезли на материк, туда, где его след мог потеряться безвозвратно.

Дино боялся окликнуть Орнеллу, подумав, что она сразу начнет стрелять, и молча шел за ней. Неожиданно он подумал, что на острове даже искусство подчинено войне: мужчины всегда украшали оружие и крайне редко — свои дома или предметы быта. Некоторые женщины вели себя не лучше. Что мешало Орнелле Санто надеть цветное платье и нацепить пусть дешевые браслеты и бусы? Впрочем, она была красива и без этого, красива диковатой, таинственной красотой.

Внезапно Дино решил, что не стоит ждать. Иной возможности для важного разговора, разговора наедине, может не представиться. Хотя на острове редко случались большие перемены, судьбы его жителей были ненадежны, как зыбучий песок. Кто знает, вдруг завтра его убьют!

Дино собирался окликнуть Орнеллу, как вдруг увидел дуло ружья и голову — за каменной оградой ближайшего поля. Человек не замечал Дино, он следил за Орнеллой. Сердце юноши пронзило острое волнение. Он боялся, что вот-вот увидит вспышку выстрела и тело девушки, падающее в белую пыль. Медлить было нельзя — он прицелился и нажал на курок. Послышался короткий вскрик, и голова исчезла за оградой.

Орнелла стремительно обернулась, и Дино увидел ее удивленное лицо и широко распахнутые глаза. Он выскочил на дорогу и схватил ее за руку.

— Бежим! Мне кажется, я его убил, но он мог быть не один!

К счастью, Орнелла не стала сопротивляться; они побежали в сторону рощи, где росли огромные каштаны, потом спустились по крутой тропинке и очутились на каменном выступе, откуда открывался захватывающий душу вид.

Вдали разверзлись суровые ущелья, вздымались голые скалы самых причудливых очертаний, зеленели рощи оливковых деревьев и пиний. Море сверкало в лучах солнца; даже отсюда было слышно, как оно гудит, будто огромный орган.

Орнелла остановилась под одиноким деревом; тень, упавшая на лицо, скрыла от Дино выражение ее глаз.

Она передернула плечом, поправляя ружье, и нехотя промолвила:

— Ты второй раз спасаешь мне жизнь.

— Да, — согласился Дино.

— Почему? — в голосе Орнеллы звучал привычный вызов.

— Именно об этом я хочу с тобой поговорить.

— Ты считаешь, нам есть о чем разговаривать? — все так же жестко произнесла она.

Уголки ее губ опустились, мышцы лица были напряжены.

— Почему нет? — мягко промолвил Дино. — Мне давно кажется, что мы занимаемся не тем, чем должны заниматься.

Темные глаза Орнеллы округлились.

— Чем это мы должны заниматься?!

— Я имею в виду нашу… неприязнь друг к другу.

В чем причина? Мы стали взрослыми, нам пора забыть о детских стычках.

— Причина тебе известна, — отрезала Орнелла, и Дино спокойно и твердо произнес:

— Нам внушили мысли о ненависти; на самом деле мы не знаем, что произошло между нашими родителями. Мой отец не говорит правду, и твоя мать тоже. Однако Леон поклялся на Библии, что не убивал твоего отца! Я сам это видел. Такой клятве стоит поверить!

— Допустим, это так, — осторожно проговорила Орнелла, — и все же я не понимаю, к чему ты ведешь?

Собравшись с силами, Дино взволнованно произнес:

— Ты мне нравишься. И я считаю, что мы, все мы, ведем себя неправильно. Мы не должны скрываться в горах и стрелять друг в друга, не должны становиться жертвами слепой ненависти. Жажда мести не может пересиливать жажду жизни и… любви.

Неожиданные, искренние, полные чувств слова были подобны светилам, сыплющимся на землю во время звездопада. Орнелла смотрела на Дино во все глаза. Мягкие зеленоватые тени, упавшие на лицо старшего сына Леона Гальяни, подчерки-

вали правильность и чистоту его черт. Высокий, стройный, с вьющимися каштановыми волосами, большими глазами, сейчас казавшимися синими от близости яркого неба, Дино выглядел удивительно красивым.

Этот молодой человек, которого она с детства считала своим заклятым врагом, только что признался ей, Орнелле Санто, в любви!

Оба долго молчали, словно боясь нарушить полную откровения тишину. Наконец Орнелла решилась заговорить; в ее голосе прозвучал страх, страх перед чем-то неведомым и опасным:

— Чего ты от меня хочешь?!

— Чтобы ты подумала над тем, что я сказал, и дала ответ, дала и себе, и мне: возможно, я тебе тоже небезразличен?

Вспомнив о недавних сомнениях по поводу Дино, о его странных взглядах, которые ловила всякий раз, когда он оказывался неподалеку, Орнелла залилась краской и едва нашла, что сказать:

— Это… это невозможно, особенно после того, как твой отец сдал Андреа жандармам!

— Поверь, мне очень жаль. Я помешал бы этому, если б смог. Хочешь, я съезжу в Аяччо и узнаю, что стало с твоим братом?

В его тоне было столько сожаления, заботы, любви, что по коже Орнеллы пробежали мурашки.

— Твой отец не одобрит твоих чувств.

— Мое сердце принадлежит только мне. Наши родители — это наши родители, а мы — это мы. Орнелла! — у него перехватило дыхание. — Я тебя люблю! Люблю и ничего не могу с собой поделать!

— Не ты ли говорил, что я некрасива? — упрямо произнесла она.

— Мне не нравилось, что ты всегда ходишь в черном, я думаю, тебе подошли бы другие цвета. Я имел в виду одежду. Сама по себе ты прекраснее всех девушек, каких мне доводилось видеть.

— Ты прав: у меня ничего нет, а ты из богатой семьи.

Дино рассмеялся.

— Из богатой семьи?! Все наше богатство сосредоточено на этой земле; стоит нам ее покинуть, и мы станем бедняками.

— Ты собираешься уехать из Лонтано?

Его взгляд стал серьезным.

— Время покажет. Если родители будут против наших отношений, я вполне способен на это.

Орнелла онемела от неожиданности и возму-

щения. Каких еще отношений? Дино говорит о том, чтобы уехать *с ней*?! Он все решил, решил без ее участия? Орнелла понимала: он чувствует ее смятение, видит, что она растеряна, обезоружена, польщена. В их *отношения* помимо ее воли проникло нечто тайное, непозволительное, неодолимое. Каким-то непостижимым образом слова Дино мигом уничтожили то, что годами возводилось в ее душе, и это значило, что все, чем она жила до сих пор, было ненастоящим, фальшивым, внушенным другими людьми.

Неожиданная яркая вспышка чувств, озарившая и действительность, и ее душу, превратила Орнеллу в другого человека: она будто только что родилась на свет.

Пока она размышляла, что предпринять, как вновь обрести почву под ногами, Дино обнял ее и прикоснулся губами к ее губам. Орнелла задохнулась и… оцепенела. Она никогда не была так близко к мужчине, ни разу в жизни не ощущала ничего столь сокровенного и… прекрасного.

Незримый тугой узел, завязанный глубоко внутри, внезапно ослаб; между ними словно протянулась невидимая, но осязаемая нить. Сладостное потрясение, трепет, невольный испуг двух людей слились воедино. Они словно долго

бежали от чего-то, а потом вдруг обрели мгновенный покой. То было волшебное прикосновение к истине, мечта, соединенная с реальностью, глубинная суть, доселе придавленная глупыми и жестокими предрассудками. Это была любовь.

Дино целовал Орнеллу, и она отвечала на его поцелуи. Потом он осторожно прикоснулся губами к ее шее, и Орнеллу обожгло пламя доселе неведомых ощущений, пронзивших тело от головы до пальцев ног. Она желала большего, она желала его всего, и с трудом нашла в себе силы оттолкнуть Дино, потому что ей стало невыносимо стыдно и страшно.

Они вернулись в реальность, в ослепительную, нестерпимую, полную противоречий реальность, в которой отныне ничего не могло стать прежним.

— Ты подумаешь, правда? — спросил Дино, когда они вышли на дорогу.

Их пальцы все еще были сплетены; юноша смотрел на девушку сияющим, гордым взглядом. Орнелла повела плечом и внезапно ощутила тяжесть ружья, о котором совсем позабыла.

— Подумаю, — сказала она, прекрасно понимая, что уже дала ему ответ, дала поцелуем, взглядом, откликом пораженного непонятной сладостью

тела, трепетом предательского сердца, которое не слушалось разума.

— Давай встретимся завтра на том же месте?

— Хорошо. — Орнелла протянула ему мешочек. — Здесь пули. Ты ведь идешь в маки?

— Да, — ответил Дино и нахмурился. — Наверное, будет лучше, если я провожу тебя домой?

В его голосе и манере держаться проскальзывало намерение взять на себя ответственность за ее безопасность и судьбу. Однако Орнелла не хотела, чтобы их видели вместе.

— Нет. Я сама доберусь. А ты позаботься о теле того человека, которого подстрелил.

— Да, я скажу нашим. Мы вернемся за ним.

Когда он наконец отпустил ее руку, Орнелла пошла по дороге, не чуя под собой ног. Она обнималась и целовалась с Дино из рода Гальяни, Гальяни, привыкших всегда одерживать победу!

Внезапно на память пришли слова матери: «Гальяни известно много способов подчинять себе людей». Странно, но о таком Орнелла даже не догадывалась!

Потом она вспомнила старую корсиканскую песню, песню, в которой были слова: «Моя пуля найдет твое сердце!».

Она не могла балансировать на грани между

черным и белым, надо было выбирать что-то одно.

Орнелла остановилась, обернулась и крикнула:

— Дино!

Он тоже повернулся, помахал рукой и улыбнулся.

— Что?

— Я не буду думать, я отвечу сейчас.

С этими словами Орнелла сняла с плеча заряженное ружье, направила его на Дино и выстрелила.

Гулкое эхо понеслось по горам, над деревьями пронеслась стайка вспугнутых птиц. Мгновение Дино стоял, глядя на Орнеллу изумленным, непонимающим взглядом, а потом беззвучно рухнул на землю.

Глава 7

Орнелла бежала к своему дому, голому, темному, нищему дому, где не было и не могло быть ценных вещей и украшений, потому что Беатрис все равно променяла бы их на оружие. Беатрис, которая с детства внушала и сыну, и дочери, что вендетта главнее жизни, а руки мстителя всегда чисты, даже если они по локоть в крови. Она же говорила им, что терзаться муками совести — пустое дело; если человек сомневается, он должен просто выстрелить.

— Мама! — закричала Орнелла, едва заскочив во двор. — Я убила Гальяни!

Женщина вышла из дому и остановилась на пороге. В глубине ее глаз вспыхнул странный огонь.

— Которого из них? — спокойно спросила она.

— Дино! — прохрипела Орнелла и внезапно упала на колени.

Ее пальцы судорожно скребли твердую землю. Она уронила ружье, и оно валялось рядом.

— Вставай, — сказала Беатрис дочери, заботливо поднимая оружие. — Где он?

— Я оставила его на дороге. Я не осмелилась к

нему подойти, но он не шевелился и не стонал, значит, умер!

Женщина взяла прислоненную к стене лопату.

— Идем.

Беатрис молча шла по каменистой тропе, где под ногами шныряли юркие песочно-желтые ящерицы. За ней плелась бледная, как труп, Орнелла, на лице которой не читалось ни одного чувства, ни единой мысли, кроме безграничного ужаса, ужаса, который, казалось, лишил ее способности и переживать, и размышлять.

Наконец она выдавила:

— Зачем ты взяла с собой лопату?

Беатрис посмотрела на дочь черными, глубокими, враждебными глазами.

— Если он мертв, его надо похоронить.

Орнелла остановилась, словно споткнувшись, о камень.

— Похоронить?! Ты хочешь сделать это сама?! Не на кладбище?! Разве мы не отнесем Дино к его родителям? Они должны знать, что произошло с их сыном!

Безжизненная, не выражавшая никаких эмоций маска внезапно слетела с лица Беатрис, и она гневно произнесла:

— Разве я знаю, что случилось с *моим* сыном, с

Андреа? Леон всегда ставил себя выше всех, никогда не думал о том, каково приходится другим людям! Пусть он наконец поймет, что есть боль человеческого сердца!

Орнелла подумала о том, что отец Дино славился обещанием держать слово. В Лонтано Леона Гальяни уважали именно за это, а не за его богатство. Недаром он был избран старостой деревни.

Потому Дино сразу сказал ей всю правду: он привык отвечать за свои слова и надеялся, что поток обещаний поможет ей преодолеть неуверенность и страх.

Подумать только: целый мир, неизведанный, нежный, прекрасный был готов лечь к ее ногам, а она собственными руками расстреляла свое будущее!

Присыпанная белым пеплом земля была похожа на саван. Дино лежал на спине, глядя в бездонное небо. Орнелла подумала о том, какой цвет имеют его глаза теперь, когда их навек затуманила смерть, а после задала себе вопрос: способен ли Бог изменить неизбежное, совершив невозможное? Например, повернуть время вспять или оживить Дино?

Она остановилась поодаль, а Беатрис подошла к телу и небрежно тронула его ногой, после чего

повернулась к дочери и с досадой промолвила:

— Он жив. Он дышит.

Охваченная безумной надеждой, Орнелла в три прыжка преодолела расстояние, отделявшее ее от лежащего на дороге Дино, и склонилась над ним. Ей показалось, что его ресницы слегка трепещут, а уголки губ чуть заметно вздрагивают, как у человека, погруженного в глубокий сон. Как и прежде, его лицо было красивым и спокойным, только слишком бледным. Левый рукав куртки набух от крови, но грудь вздымалась от прерывистого дыхания.

Орнелла ощутила невероятный прилив надежды и сил. Вероятно, ее рука дрогнула, а быть может, ее отвел Господь!

— Надо ему помочь, — сказала Беатрис.

Орнелла кивнула. Безудержная радость, которую она испытала, узнав, что промахнулась, что Дино жив, не сразу позволила ей понять, что именно имела в виду мать, когда сказала, что хочет помочь раненому. Между тем Беатрис хладнокровно приставила дуло к груди Дино и собиралась нажать на курок, но потом деловито произнесла:

— Нет. Так его разнесет на части. Пожалуй, стоит отойти.

Орнелла выпрямилась. Ее глаза казались огромными, руки были вымазаны в крови, а губы беззвучно шевелились. В эти минуты она поняла, что желает разделить с Дино жизнь, любовь, а если нужно, то и смерть.

— Если хочешь выстрелить в него, для начала убей меня! — воскликнула она и припала к неподвижному телу.

— Отойди. Это Гальяни, — в голосе Беатрис звучал металл.

— Это человек, беспомощный и беззащитный человек, а не бешеная собака!

— В этом случае для меня нет никакой разницы.

— Зато для меня есть.

Беатрис опустила ружье.

— Почему же ты выстрелила в него?

— Потому что ты всю жизнь внушала нам не то, что нужно, учила нас ненавидеть. Из-за тебя пострадал Андреа! Ты просто вынудила его нажать на курок этого злосчастного ружья!

Отмеченное печатью несчастья лицо Беатрис исказилось от противоречивых чувств, но она ответила:

— Вендетта священна. Она может быть запоздалой, но она всегда неизбежна. Ты знаешь, как

люди относятся к тем, кто не смыл обиды кровью врага!

Собравшись с духом, Орнелла призналась:

— Я не верю в то, что отец Дино убил моего отца.

Беатрис покачнулась и, чтобы не упасть, оперлась на ружье.

— Вот как? Значит, Гальяни обратили тебя в свою веру?!

— У нас одна вера, мама, вера в Бога, который учит людей милосердию!

Воцарилась мучительная пауза, после чего женщина сказала дочери:

— Выбирай: или они, или я. Если ты останешься с ними, можешь не возвращаться обратно, ибо я тебя прокляну!

Орнелла не двинулась с места и не произнесла ни слова. Выждав несколько секунд, Беатрис повернулась и побрела по дороге.

Когда мать скрылась из виду, Орнелла поднялась на ноги. Они затекли и подламывались; руки дрожали от напряжения и растерянности. Орнелла знала, что нельзя медлить ни секунды, и в то же время боялась бежать в маки за помощью, оставив Дино одного.

Между тем он очнулся и пытался вспомнить,

что произошло. Кажется, его ранили, и возможно, он пребывал между жизнью и смертью. Дино знал, что будет мучиться, если покинет землю, только не мог сообразить, почему, а потом понял. Приоткрыв глаза, он увидел девушку в темной одежде и золотой короне солнечного света на черных волосах. Она смотрела на него, улыбаясь и плача.

— Дино! Я тебе помогу! Приведу твоего отца. Ты можешь сказать, где его найти?

Она поднесла к его губам плоскую тыквенную фляжку и помогла напиться. После этого он сумел заговорить.

Орнелла обрадовалась. Судя по всему, Леон находился совсем рядом. Дино встал на ноги и добрел до обочины, где опустился на землю в тени кустов.

Орнелла перевязала рану, после чего бросилась бежать по дороге. Она не думала о том, что может чувствовать Дино после того, как она столь подло обманула его доверие, сейчас ее одолевали лишь заботы о том, как ему помочь.

Орнелла нашла Леона и других вооруженных до зубов мужчин на широкой площадке, огороженной гигантским частоколом гранитных глыб. Чтобы попасть в это место, ей пришлось долго

взбираться по крутой и узкой тропинке.

Леон Гальяни, красивый мужчина с открытым и умным лицом, заметно выделялся среди остальных своей суровостью и статью. Он смотрелся в роли вождя так естественно, словно она была дана ему от рождения самим Господом Богом.

— Леон! С Дино случилось несчастье! Он ранен! — воскликнула Орнелла и внезапно похолодела.

А если Леон спросит о том, как это произошло? Как сказать, что хотела и пыталась убить его сына?!

Он не спросил. Он подался вперед, и на его лице промелькнула тревога.

— Где он? Он жив?

— Да. Ему надо помочь. Идите за мной!

Девушка вела мужчин сквозь маки: она шла впереди, за ней двигался Леон, следом — остальные. Орнелла всей кожей ощущала взгляд отца Дино, и по ее спине пробегал холодок. Этот мужчина внушал ей робость, пожалуй, даже страх, и ей было трудно представить, какой смелостью, пожалуй, даже безрассудством должен обладать человек, чтобы открыто воспротивиться его воле. Из всех живущих на свете людей она знала лишь одного такого безумца: то была ее мать.

Леон не стал задавать сыну вопросов, а сразу занялся раной.

Орнелла ждала, сама не зная чего. Она глядела то на сухую, твердую, как железо, землю, то в вылинявшее небо. Помощи ждать было неоткуда: истина надвигалась неотвратимо, как шторм или буря.

Наконец Леон поднялся на ноги и произнес:

— Все в порядке. Рана чистая. Пуля прошла навылет. Просто он потерял много крови. Полежит с неделю, и все пройдет.

Мужчины облегченно закивали. Потеря любого бойца была существенной, но гибель сына их предводителя могла обернуться непредсказуемыми последствиями: даже такие твердые люди, как Леон Гальяни, далеко не всегда умеют держать сердце в кулаке.

— Орнелла! — позвал Дино, а потом обратился к отцу: — Я должен кое-что сказать.

Леон кивнул. Он не спешил благодарить Орнеллу за то, что она привела его к раненому сыну, он вообще не смотрел в ее сторону.

Она подошла, вся дрожа, и наклонилась к раненому.

Каштановые волосы, покрытое золотистым загаром лицо, глаза, несмотря на страдания, вновь

казавшиеся синими, как небо. Орнелле чудилось, что в ней самой было что-то непримиримо-мрачное, тогда как в нем — ослепительно-солнечное.

— Отец! — промолвил Дино, переводя взгляд на Леона. — Орнелла Санто спасла мне жизнь. За оградой тело мужчины, который хотел меня убить. Орнелла заметила его первой и подстрелила.

Леон посмотрел на нее и снова кивнул. Этот кивок больше походил на поклон, и Орнелла поняла, что таким образом отец Дино выражает свою благодарность.

Она покраснела, увидев, что Дино улыбается ей глазами. От него веяло уверенностью, надежностью, а еще — любовью.

Орнеллу охватила такая радость, что ей стало трудно дышать. Он простил ее, он выздоровеет, и они смогут любить друг друга, смогут быть вместе, несмотря на все препятствия, потому что главное уже произошло: жизнь победила смерть.

Когда мужчины ушли, она долго бродила по округе, не зная, чем заняться. У Орнеллы не было подруг, и она не знала никого, кто мог бы приютить ее хотя бы на одну ночь. Разве что Летиция Биррони? Когда-то она была приятельницей Беатрис, и хотя те времена давно прошли, эта

женщина хорошо относилась и к Орнелле, и к Андреа.

Она бродила в зарослях до темноты, а потом отправилась в деревню.

Орнелла быстро шла по узкой улице, и ей чудилось, будто черные небеса, свидетели обета ее матери, пристально следят за ней. Невдалеке расстилалось кладбище, но оно не внушало страха: оттуда веяло вековой тишиной и вселенской гармонией, тогда как мир живых тонул в хаосе вечных противоречий.

Орнелла разрывалась между любовью к Дино и чувствами, которые внушала ей мать. В самом деле: справедливо ли поступил Леон, когда сдал Андреа жандармам? Традиции повелевали жителям деревни сплачиваться в борьбе против общих врагов и поддерживать друзей, даже если первые были правы, а вторые неправы.

Летиция удивилась приходу Орнеллы, однако провела ее в дом, усадила на скамью и предложила поужинать.

— Где ваши? — спросила Орнелла, разглядывая жилище: массивную резную мебель из дуба, медные черпаки, блюда и миски на полках.

— Муж и старшие сыновья ушли в маки вместе со всеми, а младшие дети уже спят, — ответила

Летиция, проворно собирая на стол.

Она подала гостье броччиу — сыр из смеси козьего и овечьего молока, ливерную колбасу, хлеб и оливки.

— Вы не боитесь оставаться дома одна, без мужчин? — поинтересовалась Орнелла, набивая рот едой.

— Нет. — Женщина показала на приставленное к стене ружье. Из-за пояса Летиции выглядывал кривой кинжал, напоминавший стальной клюв.

Орнелла понимающе кивнула, с тоской глядя на оружие. Она так привыкла носить его с собой, что, лишившись и ружья, и кинжала, ощущала себя так, будто ей отрезали руку.

— Почему ты пришла? — спросила Летиция, присаживаясь к столу. — Тебя прислала Беатрис? Что-то случилось?

— Я хотела попросить у вас приюта на эту ночь, — ответила Орнелла и призналась: — Мать выгнала меня из дому.

— Выгнала из дому?! Не думала, что Беатрис способна на такое. Что на нее нашло?

— Все потому, что я влюбилась в Дино Гальяни.

Похоже, Летиция удивилась. Она была ровесницей Беатрис, и ее волосы уже тронула седина,

от уголков глаз разбегались морщинки, и кожа была обветренной, как у человека, который много времени проводит на открытом воздухе, под лучами солнца, но в глубине ее глаз не было той глубокой боли, какую Орнелла привыкла видеть во взгляде своей матери.

— А… он?

— Он тоже. Дино первым признался мне в своем чувстве. Когда мама узнала об этом, она сказала: «Или я, или Гальяни».

— И ты выбрала?

— Да, но я хочу быть уверенной в том, что не ошиблась, потому мне нужно знать: что произошло между моей матерью и Леоном Гальяни? Что породило ненависть Беатрис?

Она смотрела на Летицию огромными глазами, казалось, вобравшими в себя частицу беспросветного мрака, что царил за окном. Напряженный изгиб рта, потерянный взгляд — совсем как у ее матери. Летиции стало жаль эту издерганную девочку, не знавшую ласки. Она протянула руку и погладила Орнеллу по щеке.

— Наверное, я не имею права говорить правду, и я не сделала бы этого, если б не видела твоего отчаяния, твоих сомнений. История Леона и Беатрис начиналась не как история ненависти, а

как история… любви.

Когда она произнесла эти слова, в доме стало так тихо, что было слышно, как за окном трещат цикады и звенит мошкара.

Орнелла с силой сплела пальцы и резко произнесла:

— Я не ослышалась?

— Нет. В юности Беатрис служила в доме Гальяни. Они с Леоном полюбили друг друга и не удержались от плотского греха. Леон был единственным наследником и сыном своего отца, и было трудно представить, что родители позволят ему жениться на прислуге. Они скрывали свою связь до тех пор, пока Беатрис не забеременела. Леон поступил честно: он пошел к отцу, во всем признался и попросил позволения взять свою возлюбленную в жены. Разумеется, последовал отказ, и Беатрис выгнали из дома. Она была сиротой, и на какое-то время ее приютила моя мать. Беатрис ждала, что Леон предложит ей бежать из Лонтано: ей-то нечего было терять! А вот ему… Он долго сомневался, а потом… решил подчиниться воле отца. Родители быстро нашли ему невесту, Сандру Ормано, которая тоже происходила из зажиточной и уважаемой семьи. Это был брак по договоренности, едва ли там

присутствовала хотя бы капля любви. Конечно, о случившемся знала вся деревня, но Леон и не собирался отрицать свое отцовство, более того, он был намерен помогать Беатрис и ребенку. К сожалению, новорожденный мальчик умер, и с тех пор твоя мать возненавидела Леона. Она на каждом шагу говорила про него гадости, преследовала его беременную жену и желала ей всяческих несчастий. Однако первенец Сандры родился здоровым, и позже, как ты знаешь, она подарила Леону еще троих детей. Беатрис вышла замуж за Симоне Санто. Он был очень беден, и в деревне его считали неудачником. Он всегда выглядел каким-то растерянным, все валилось у него из рук. Ни мне, никому другому не известно, был ли виновен Леон в его смерти. Знаю только, что Гальяни первым пришел в дом Беатрис, чтобы сообщить ей о том, что Симоне сорвался с тропинки и разбился о скалы, потому что видел, как это произошло. Твоя мать решила, что именно Леон столкнул Симоне в пропасть, при всех объявила его убийцей своего мужа и поклялась отомстить. Несмотря на это, Леон предложил ей помощь. Беатрис в гневе отказалась и плюнула ему в лицо. Со временем многим стало казаться, что она сошла с ума. Когда-то я считала, что твоя

мать пойдет до конца и в любви, и в ненависти, но сейчас мне кажется, что в ней осталось только второе. Стоит человеку сказать хотя бы слово в защиту Гальяни, и он становится ее врагом!

— Ее ненависть — обратная сторона любви! Возможно, моя мать до сих пор любит отца Дино! — прошептала Орнелла.

Подумать только, ее мать и Леон Гальяни были любовниками! У нее мог быть брат, который приходился бы братом и Дино.

Летиция покачала головой.

— Думаю, ее сердце давно остыло, а душа изъедена пустотой. Она сама не знает, чего ищет.

— А Леон?

— Этого я не знаю. О его сдержанности ходят легенды. Никому не известно, что он чувствует и о чем он думает. С Сандрой они живут в полном согласии; если она и не видела от него любви, то, по крайней мере, заслужила его уважение.

Орнелла опустила голову и некоторое время молчала. Потом подняла глаза и заговорила о том, что Летиция ожидала услышать меньше всего:

— Я хочу попросить вас поговорить со мной о том, о чем матери говорят с дочерьми накануне их свадьбы. У меня нет подруг, и мать никогда не рассказывала мне о таких вещах, потому я мало

что знаю о тайнах плотской любви.

Женщина насторожилась.

— Зачем тебе это?

Орнелла усмехнулась и тряхнула волосами.

— После того, что мне довелось услышать, я больше чем когда-либо понимаю, что у меня нет ни малейшей надежды стать женой Дино. Потому я отдам ему себя просто так.

— Орнелла! Не повторяй ошибки своей матери! Думаю, Дино Гальяни еще не сделал для тебя ничего такого, что позволило бы тебе идти на подобные жертвы!

— Он сделал для меня очень многое: освободил мою душу. Показал, *что* один человек может простить другому во имя любви. Но я не жду, что он оставит прежнюю жизнь ради того, чтобы мы были вместе.

Летиция покачала головой.

— Не торопись. Возможно, для вас найдется какой-нибудь выход. Пойдем, я уложу тебя спать. А перед этим поговорим о том, что ты хочешь знать.

— Спасибо, — сказала Орнелла, — спасибо за все.

Летиция отвела глаза и промолвила:

— Ты знаешь, что я не смогу оставить тебя на-

всегда: к сожалению, у нас слишком мало места.

— Завтра я уйду.

— Куда ты пойдешь?

— Неподалеку есть небольшая пещера — когда-то я укрывалась там от непогоды. Принесу мха и листьев — сделаю постель.

— Чем ты будешь питаться?

— Развести костер и напечь каштанов — для меня привычное дело. Нарву винограда, яблок, и буду сыта.

Несмотря на усталость, Орнелла долго лежала без сна и думала. Один из главных законов мира, в котором она родилась и выросла, гласил: если ты держишь в руках ружье, будь готов к тому, что когда-нибудь придется нажать на курок. Променяв ненависть на любовь, тоже стоит идти до конца.

Глава 8

Когда приходила пора сбора винограда, Данте Гальяни терял счет времени. Тишина наполнялась звонкими голосами, пространство между виноградными рядами — множеством плетеных корзин. Земля щедро делилась с людьми своими богатствами, и люди не уставали наслаждаться запахами, вкусами, звуками, множеством незабываемых картин.

Данте нравилось бродить по зеленым тоннелям, любуясь красотой мощных лоз, образующих удивительные переплетения, узорами изумрудных листьев, тяжестью и одновременно прозрачной легкостью впитавших солнце гроздей.

Леону Гальяни принадлежали самые большие виноградники в округе, потому на сборе урожая работало много людей. В основном это были женщины; завидев Данте, они осыпали его смехом и шутками.

— Явился на смотрины? Давай выберем тебе невесту!

Данте покраснел. Он спрыгнул с отцовского коня и отцепил от седла связку корзин. Очутившись в окружении девушек, замужних женщин и вдов,

чувствуя жар и жизненную силу их тел, слыша запахи пота, трав, каких-то неизвестных ему ароматических веществ, он испытывал невольное смущение.

— Правда, что Дино обхаживает эту диковатую Орнеллу Санто? — спросила Эрнеста Корти, одна из самых бойких кумушек. — Не думаю, что Сандре придется по вкусу такая невестка!

Данте удивился, как быстро женщины узнают и разносят новости. Он и слыхом не слыхивал, что Дино ухаживает за Орнеллой, однако ни одна из жительниц деревни не выразила удивления по поводу того, что сказала Эрнеста.

— Дино ранен, он лежит дома, — неловко произнес Данте и внезапно встретился взглядом с вдовой Луки Боллаи. Это была миловидная женщина в черном платье, с гладко причесанными волосами, покрытыми траурным мецарро.

В отличие от остальных она не улыбалась. Впрочем, могла ли улыбаться женщина, которая только что лишилась мужа! Когда пришла пора собирать урожай, война закончилась для многих, но только не для нее. Отныне в ее судьбе будут присутствовать мрачные тона, унылая скорбь и вечная забота о том, как прокормить детей, прожить без мужской поддержки.

В период кровавых стычек с соседями жители деревни потеряли восьмерых человек, их враги — немногим больше. Односельчане помогли Анжеле Боллаи похоронить мужа, собрали кое-какие средства для нее и детей и… вернулись к своим делам.

Только Леон через несколько дней нагрузил корзины продуктами и велел сыновьям отвезти их вдове Боллаи. Дино был ранен, Джулио не проявлял интереса к таким поручениям, потому к женщине поехал Данте.

Анжела Боллаи приняла помощь и поблагодарила его. Она казалась задумчивой, говорила мало, казалось, с трудом подбирая нужные слова. У нее была чистая бледная кожа и прекрасные серые глаза. Дом содержался в идеальном порядке и был полон тихой грусти; здесь словно витали остатки былых мечтаний или нерассказанных снов. Дети женщины были такими же скромными и молчаливыми, как и она сама. Было трудно представить, что могло бы вдохнуть истинную жизнь в печальное существование этой семьи. Сердце Данте сжалось от боли, и он поспешил уйти.

После этого визита что-то в нем безвозвратно переменилось. Данте не хотел вдаваться в при-

чины. Возможно, он стал взрослым и наконец задумался над тем, как хрупка и переменчива жизнь? Или вдова Боллаи привлекла его внимание больше, чем следовало?

В любом случае между ними не могло возникнуть никаких отношений. Женщина была на несколько лет старше Данте и имела двоих детей. А еще он собирался уехать с Корсики после того, как отец женит Дино. Леон обмолвился об этом, когда было объявлено перемирие и мужчины вернулись из маки к своим семьям. К тому времени, как люди соберут урожай, Дино поправится, и в доме Гальяни сыграют свадьбу. Леон сказал, что присмотрел для старшего сына хорошую невесту.

Данте был уверен в том, что речь шла вовсе не об Орнелле Санто. Интересно, что думает об этом сам Дино?

Если бы он, Данте, решил жениться, ему бы хотелось, чтобы его суженая была похожа на Анжелу Боллаи. Подумав об этом, юноша смутился. Он был младшим из братьев, и его черед придет не раньше, чем Леон подберет спутницу жизни для Джулио.

Между тем Джулио с облегчением вернулся к приятному времяпровождению с Карминой.

После двух недель воздержания он овладел ею с таким пылом, что оба едва не потеряли сознание, а затем продолжал пробираться на чердак почти каждый вечер, пользуясь тем, что Данте спал очень крепко, а раненый Дино ночевал в другой комнате.

Ночь была полна острых и душных запахов. В квадратном окне дрожал узор из перекрещивавшихся ветвей деревьев. По стенам, потолку, обнаженным телам скользили лунные блики.

— То, что мы делаем, большой грех, Джулио, — сдавленно произнесла Кармина.

— Не такой уж и большой!

Он беспечно улыбнулся и протянул руку, чтобы погладить ее грудь. Кармина отстранилась.

— Самое плохое, что нами движет не любовь, а похоть!

— Я много раз говорил, что люблю тебя, — небрежно произнес он.

— Такими признаниями не бросаются! Иногда мне кажется, что для тебя это всего лишь слова и что ты произнес их только для того, чтобы получить доступ к моему телу. Мне давно пора рассказать обо всем на исповеди.

— Ты сошла с ума! — в голосе Джулио прозвучали ярость и страх. — Отец Витторио наверняка

шепнет об этом отцу!

Кармина холодно усмехнулась.

— Ты боишься Леона?

— Хотел бы я посмотреть на того, кто его не боится, — процедил Джулио и заметил: — Если ты до сих пор сохнешь по Дино, можешь спуститься вниз и танцевать вокруг него вместе с матерью и Бьянкой.

— Мне не нужен твой брат. Говорят, он влюбился в Орнеллу Санто, — сдержанно проговорила Кармина, пытаясь скрыть новую обиду, которая терзала ее последние дни.

— В Орнеллу?! В эту сумасшедшую грязную девчонку?! — Джулио едва сдержался, чтобы не расхохотаться. — Дино не такой дурак. К тому же тебе известно, как мои родители относятся к Санто.

— Я слышала, Орнелла спасла ему жизнь.

— Вранье! — отрезал Джулио. — Я куда охотнее поверю в то, что она хотела его подстрелить!

— Быть может, он просто не сумел совладать с собственным сердцем?

— Кто, Дино? Да он шагу не ступит, не подумав о том, какие последствия это будет иметь для семьи и что об этом скажет отец!

— А что будешь делать *ты,* если о нас узнает

Леон? — с нажимом произнесла Кармина.

Джулио ничего не ответил. Он грубовато сгреб ее в охапку, подмял под себя, и через минуту звуки протеста сменило прерывистое жаркое дыхание и сдавленные сладкие стоны.

Леон Гальяни никогда не жалел о том, что не покинул Лонтано, что стал хозяином этого дома, этих виноградников и полей. Много лет он находил успокоение в обычных вещах, наслаждался тем, сколь естественно дело человеческих рук сливается с тем, что сотворил Господь. Леон жил так, как жили его предки, действовал строго в рамках традиций, тащил на себе груз предрассудков, никогда не пытался скинуть привычную оболочку и посмотреть на вещи со стороны. Он не любил Сандру, но ценил и уважал ее за трудолюбие и преданность. Он воспитывал детей в строгости, потому что знал: судьба проявит к ним куда больше суровости, чем те, кто произвел их на свет.

В тот вечер Леону не спалось, и он решил обойти свои владения. Небеса были усыпаны звездами. Время от времени одно из светил срывалось с вышины, стремительно прочерчивало небо и исчезало за кромкой горизонта. Леон знал, что звездные ливни можно увидеть только осенью,

когда плоды падают с деревьев, а гроздья винограда становятся тяжелыми, как груди женщины, кормящей младенца.

Леон слышал, что в такие моменты надо загадывать желания, но у него не могло возникнуть столько желаний: не потому, что пора его молодости осталась позади, а потому, что грешно просить у судьбы больше, чем она ему подарила.

В этом году выдался хороший урожай винограда, и Леон подумывал о том, чтобы отвезти несколько бочек самых лучших сортов прошлых лет в Аяччо, где он лично знал нескольких торговцев. А еще ему хотелось разведать насчет женихов для Бьянки: Леон не собирался отдавать свою единственную дочь за деревенского парня.

Сперва он женит Дино, старшего сына, свою главную надежду и будущую опору, потом устроит судьбу Бьянки, а после можно будет прикинуть насчет Джулио и Данте.

Какие бы желания ни роились в головах у сыновей, они должны остаться на Корсике. Леон знал, что чувство глубокого слияния с родным островом появляется не в дни мятежной юности: оно просачивается в душу постепенно, чтобы со временем укорениться там на всю жизнь.

Удовлетворенный своими мыслями, Леон соби-

рался пойти спать, как вдруг различил странные звуки. Он явственно слышал их, стоя возле стены, над которой возвышалось чердачное окно.

Недолго думая, Леон вскарабкался по приставной лестнице и заглянул в отверстие.

Впоследствии он удивлялся тому, как сумел удержать равновесие, не упал вниз и не свернул себе шею! Разумеется, он никогда не считал, что делать детей — неприятное или крайне постыдное занятие, но эта пара отдавалась друг другу с такой раскованностью и страстью, что Леон невольно смутился. Он словно видел себя и Беатрис: они впервые сблизились именно на этом чердаке.

— Бесстыжие! Да как вы посмели!

Увидев в окне искаженное бешенством лицо отца, Джулио схватил одежду в охапку и бросился удирать, как вспугнутый собаками заяц. Кармина осталась на месте. С мгновение она тупо смотрела в глаза Леона, потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

Утром Леон позвал среднего сына в зал, где уже ждала расстроенная, растерянная Сандра, которой муж без обиняков выложил все свои соображения сразу после случившегося. Джулио, бледный от ночных переживаний, тонко усме-

хался, небрежно привалившись к косяку, и, тем не менее, не смея поднять глаза на отца. Кармины не было. Леон намеревался потолковать с ней после разговора с сыном.

— Ты женишься на ней, — мрачно сообщил глава семьи своему отпрыску. — Я сегодня же распоряжусь насчет оглашения.

Это было последнее, что Джулио ожидал услышать.

— Жениться?!

— Тебе приходит в голову что-то другое? Каким еще образом ты можешь покрыть свой и ее позор?

— Кармина всего лишь служанка!

— Неважно. Она живет в моем доме, и я отвечаю за ее честь. Я и мои сыновья.

— Я не женюсь на ней только потому, что так велите вы! Я не Дино, чтобы ходить на поводке!

Джулио нашел в себе силы оторвать взгляд от пола и посмотреть на Леона. Это было нелегко — смотреть в глаза человека, рожденного для того, чтобы опустошать завоеванные страны, человека с беспощадными инстинктами охотника, волей судьбы вынужденного стать земледельцем.

Не выдержав, Джулио перевел взор на Сандру и увидел в ее лице выражение нескрываемого

сочувствия.

Женщина вспоминала давние обиды и страхи, когда Беатрис наскакивала на нее, выкрикивая проклятия. Она вела себя, как сумасшедшая, и не скрывала своей ненависти к Леону, тогда как он ни разу не сказал ничего плохого ни ей, ни о ней. Потому что она была его первой любовью, потому что, возможно, он любил ее до сих пор. Сандре казалось, будто муж защищает не Кармину, а свое прошлое; заставляя Джулио жениться на соблазненной служанке, пытается исправить собственные ошибки.

Молчаливая поддержка матери придала Джулио сил.

— Ты смеешь отказываться?! — вскипел Леон.

— Да, — подтвердил сын, — я отказываюсь.

— Тогда убирайся на все четыре стороны!

— Как скажете, — холодно произнес Джулио и, не оглядываясь, вышел за дверь.

Сандра хотела броситься следом, но взгляд мужа пригвоздил ее к месту.

— Пусть уходит, — сказал Леон, — не смей его удерживать. Он всегда был хитрее остальных мальчишек, но я не знал, что в нем кроется столько дерзости и подлости.

— Мне кажется, эта девчонка сама соблазняла

моих сыновей! Я замечала, как она кружит возле Дино, какие взгляды на него кидает! Наверное, он не обратил на нее внимания, и она переметнулась к Джулио.

— Даже если это так, он не должен был делать того, что сделал, — сказал Леон и поднялся с кресла, давая понять, что разговор окончен.

— Ты выгнал Джулио, а как же Кармина? — глухо произнесла Сандра.

— Она останется в нашем доме.

Когда муж ушел на виноградники вместе с работниками, женщина бросилась на поиски сына. Джулио нигде не было. Бьянка видела, как он шел по тропинке в сторону моря, однако она решила, что брат отправился куда-то по поручению отца. Сандра побежала на берег.

Под известняковыми глыбами, застывшими, подобно огромным часовым, бурлило и кипело море. На Сандру обрушился каскад мельчайших брызг, но она не обратила на это внимания и поспешила вдоль шипящего прибоя.

Заметив рыбаков, женщина подбежала к ним и спросила, не видели ли они Джулио. Те покачали головами, и Сандра пошла дальше, не ощущая тяжести мокрого подола, липнувшего к ногам. Потом остановилась, нагнулась, взяла горсть пес-

ка, подняла и смотрела, как он тонкой струйкой сыплется вниз и как песчинки уносит ветер.

Она всегда знала, что этот день придет: кто-то из детей вырвется из дому и уйдет навсегда. Но она никогда не подозревала, что в этом будет повинен Леон.

Сандра вернулась домой и напрасно прождала сына до самого вечера. За ужином Леон объявил, что Джулио покинул дом и не вернется обратно. Это ошеломляющее известие, произнесенное спокойным и веским тоном, было встречено гробовой тишиной.

Кармина вела себя тихо, как мышка; убирая со стола посуду, умудрилась не громыхнуть ни одной миской и ни разу не подняла взгляд.

Сандра тоже не смотрела на служанку. Однако когда мужчины и Бьянка удалились, она подошла к Кармине и отвесила ей пощечину, а после вцепилась в волосы.

— Убирайся отсюда, слышишь! Я не могу и не хочу тебя видеть! Шлюха, неблагодарная тварь!

Женщина произносила ругательства, какие никто и никогда не ожидал от нее услышать. Перед глазами Сандры стояла Беатрис Санто, ее обтянутое черным платьем тощее тело, скрюченные злобой пальцы, раскосматившиеся волосы,

острые злые глаза. Мало того, что Сандру выдали за Леона, не спросив ее согласия, так она еще была вынуждена терпеть унижения со стороны брошенной им любовницы!

— Куда я пойду! — рыдала Кармина. — Сейчас ночь!

— Мне все равно! Из-за тебя я лишилась сына!

Сандра выволокла служанку за ворота и что есть силы толкнула в спину.

— Иди! И не вздумай пожаловаться Леону!

Кармина в страхе бросилась прочь от дома; пробежала по нескольким улицам, а потом нашла укрытие среди груды камней, сваленных для починки церкви.

Дул прохладный ветер, но ей было нечем укрыться. Сандра не позволила Кармине забрать даже жалкие пожитки, не говоря о жалованье за прошедший месяц. Девушка заплакала, вспомнив, что деньги, которые она заботливо складывала в мешочек, тоже остались в ее каморке. Вероятно, Сандра сочла такое решение справедливым, потому что Джулио тоже ушел из дому без гроша в кармане.

Постепенно Кармина начала осознавать весь ужас своего положения. Она согрешила, а потому ее никто не примет и не поймет. Вся правда

будет на стороне Гальяни. Если она обратится за помощью к Леону, Сандра сживет ее со свету. Ей неоткуда ждать помощи.

Кармина знала, что должна винить только саму себя. Она спала с Джулио потому, что ей нравилось с ним спать, да еще оттого, что внешне он был похож на Дино, любви которого она безуспешно добивалась. Она догадывалась, что Джулио всего-навсего развлекался с ней, хотя он и твердил ей о чувствах.

Заглядывала ли она в себя, воздевала ли заплаканные глаза к темному небу, на бесконечный поток вопросов был один-единственный ответ: она должна навсегда уйти из деревни, попытаться укрыться в ином месте, среди других людей, там, где никто не слышал ни о семействе Гальяни, ни о Кармине Бернарди.

Андреа мучили картины прежней жизни, являвшиеся во сне или возникающие перед мысленным взором днем, когда он на мгновение расслаблялся, опуская тяжелые весла. Они были хаотичными, разрозненными, мимолетными, но острыми, живыми. Он видел плывущую над обрывом луну, развешанные на солнце пестрые тряпки, влажный зеленый мох, мрачные ущелья, похожие на разомкнутые челюсти гигантского

чудовища.

Осколки воспоминаний ранили сердце и заставляли душу исторгать безмолвный вопль.

Андреа с тоской вспоминал утра на Корсике, когда в окно врывался теплый свежий ветер, когда воздух над морем был наполнен тонкими жемчужными парами, тогда как очертания гор вдали были удивительно чисты. Дни, когда он мог часами слушать медленную речь родника, лежа в тени кустарника, и ночи, когда небо казалось серебрящимся покрывалом, расшитым руками искусной мастерицы.

Его теперешняя реальность была совсем другой. Жизненное пространство ограничивалось несколькими футами; в отсеки, где спали каторжники, проникала соленая вода и разъедала кожу; кормили бобами и сухарями, поили сырой водой. Жорж Рандель сказал, что мясо положено заключенным четыре раза в год, вино — по большим праздникам. Некоторым узникам родственники посылали деньги, на которые можно было что-то купить у охранников, но таких счастливцев было немного. За малейшую провинность, нерасторопность, лень, лишнее слово или дерзкий взгляд били палками, бичами, подбитыми железом башмаками: вскоре тело Андреа, как и тела

многих других каторжников, покрыли ссадины и шрамы.

Безветренная погода, царившая на море в летние месяцы, затрудняла плавание парусных судов, потому они приводились в движение тяжеленными веслами, на каждое из которых приходилось до пяти гребцов. От равномерного движения весел зависела скорость судна; тот, кто запаздывал, получал помимо удара бича надсмотрщика удар веслом от того, кто сидел сзади, отчего, случалось, терял сознание.

В остальное время года каторжники трудились в каменоломне на холмах в окрестностях Тулона, откачке воды в доке, погрузке, разгрузке и починке кораблей. На любой из этих работ приходилось напрягать все физические и душевные силы.

Дух Андреа был сломлен, а от решимости не осталось и следа. В былые дни он восхищался бы величием и мощью кораблей средиземноморской эскадры, неистощимостью ветра, способного переламывать реи и гнуть мачты, смелостью неутомимых мореходов. Теперь все было иначе. Его ничто не интересовало, он думал только о том, как сохранить остатки сил.

Жорж Рандель поддерживал напарника, как мог. Делился с ним советами, пищей; если видел,

что тот устал грести, принимал на себя основную нагрузку, а перед сном прилежно учил французскому языку. Вскоре Андреа стал понимать, что ему говорят, а после и сам смог составлять фразы.

Иногда ему казалось странным, что их сковали вместе. Обычно пару подбирали так, чтобы заключенные как можно меньше подходили друг другу. Это делалось для того, чтобы узникам было сложнее договориться о побеге.

Жорж Рандель никогда не рассказывал о себе и, в свою очередь, не расспрашивал Андреа о том, за что тот угодил на каторгу. Юноша догадывался, что его напарник был образованным человеком: его речь была правильной, он нередко употреблял слова и обороты, которых Андреа, почти не умевший читать и писать, никогда раньше не слышал. Однажды юный корсиканец обратил внимание на руки напарника: хотя его нельзя было назвать слабым человеком, прежде он явно не занимался тяжелой работой.

Кое-что прояснилось в тот день, когда Рандель наконец просил рассказать Андреа о том, за что его осудили.

Пока Андреа говорил, его напарник лежал на досках, прикрыв глаза рукой, с виду спокойный и

безучастный. За бортом рокотало море. Казалось, они погребены на самом дне.

Иногда, проснувшись ночью, Андреа впадал в панику, потому что ему чудилось, будто он лежит на дне могилы, похороненный заживо.

Его отрезвляло звяканье цепей и невнятное бормотание товарищей по несчастью. От этого не становилось легче, ибо жалкая каморка без окон в самом низу трюма была ничуть не лучше гроба.

— Теперь ты знаешь, что у меня не было выбора. Я с детства знал, что когда-нибудь убью человека, — сказал он, закончив рассказ.

— Выбор есть всегда. Даже сейчас, — медленно, словно нехотя, произнес Рандель.

Андреа усмехнулся.

— Сейчас? Какой?

— Ты можешь возненавидеть своих тюремщиков, а можешь их простить.

— Что это изменит?

— Милосердным помогает Бог.

Андреа не видел лица напарника, потому не мог понять, шутит он или нет.

— Отец Витторио, наш священник, тоже так говорил. Однако жизнь доказывала другое: не словом, а делом.

— Жизнь тут ни при чем. Просто вы стремились быть такими, какими вас желало видеть ваше общество. Убивали, потому что так принято.

— Ты не понимаешь! Желание отомстить за оскорбление у нас в крови, мы рождаемся с этим.

Рандель убрал руку, открыл глаза и посмотрел на Андреа.

— Пытаясь оправдать себя, ты повторяешь чужие слова.

Андреа вздохнул.

— А что мне остается делать?

— Вам кажется, что вы гордые и смелые, но на самом деле вы отождествляете свободу с покорностью: отцам, как бы они ни были неправы, обычаям, какими бы дикими они ни казались, — сказал Рандель, не отвечая на вопрос.

— Если ты такой справедливый и милосердный, как и почему ты оказался на каторге?

— Я совершил политическое преступление. Больше ничего сказать не могу.

— Не хочешь — не говори. Это не имеет значения, — уныло проговорил Андреа. — Мы оба несвободны, и это главное.

— Нет, — возразил Рандель, — я свободен. Внутри.

Андреа невольно рассмеялся.

— Вот как? Такое возможно? Тогда научи меня этому!

— В твоей душе должно быть что-то вроде ростка, тянущегося к солнцу. И ты должен стараться сделать так, чтобы он не завял. Для начала побольше думай о том, что тебе дорого, что пробуждает в твоей душе свет.

Андреа задумался. Он вспомнил, что давно не видел неба, между тем днем ему просто стоило поднять голову! На самом деле ему хотелось укрыться от палящих лучей солнца; он прикрывал веки, пытаясь отгородиться от яркого дня, равно как от своих воспоминаний.

— Я люблю свою родину, природу, но мысли о ней причиняют мне боль. А людей… людей я ненавижу!

— Всех до единого? Неужели на всем свете не отыщется человека, которого ты мог бы уважать?

Андреа задумался, а после ответил:

— Хорошо. Я стану думать о Бонапарте.

Рандель вздрогнул.

— О Бонапарте? Почему?

— Он тоже корсиканец. Он прославил наш остров. Он сумел удивить мир.

К полной неожиданности Андреа напарник

посмотрел на него с таким выражением, что он едва не проглотил язык.

— Его слава это диктатура, если ты вообще понимаешь, что это такое! Этот человек недостоин представлять нашу нацию!

Как ни был неопытен юноша, он все понял. Вероятно, Рандель совершил преступление против Бонапарта. Потому его и поставили в пару с Андреа: трудно было представить людей, более чуждых друг другу.

Несмотря на обуревавшие его чувства, он попытался быть разумным.

— Корсиканцы надеются на него.

— Корсиканцы? Он давно о них позабыл. Он думает только об имперской короне, ради которой готов принести в жертву сотни тысяч людей!

— Мне все равно, о чем он думает. Он полководец, и его правда — на острие ножа. Его выбор — победить или погибнуть — достоин уважения.

— Вы, дикие островитяне, не видите того, что выходит за рамки интересов ваших семей, а он — того, что находится за пределами его честолюбивых замыслов. Да, он умнее вас, тем не менее он всего лишь жалкий корсиканский выскочка!

Андреа набросился на Ранделя, намереваясь придушить его цепью. Он стиснул зубы и давил

что есть силы: холодный металл впился французу в горло, и напарник извивался и хрипел. Он ударил Андреа коленом, отчего тот невольно ослабил хватку. Они покатились по разъеденному соленой водой деревянному полу; между тем по проходу уже спешили два охранника. На головы и спины ослушников обрушились тяжелые удары.

— Двойные кандалы обоим и железный ошейник! Три дня в карцере без еды и питья!

— Оставьте мальчишку, — прохрипел Рандель, судорожно хватая ртом воздух. — Я начал первым, он только защищался!

Его выволокли в проход, пинками поставили на ноги и увели в темноту.

За перегородками ворочались и переговаривались люди, пытаясь узнать, что случилось, из-за чего началась ссора. Подобные стычки были нередки. Узники сходили с ума от кошмарных условий, в которых приходилось существовать.

Оставшись один впервые за много дней, Андреа не испытал облегчения, ему стало страшно. Он привык к обществу Жоржа Ранделя и не представлял, что будет делать, если тот не вернется.

Юноша закрыл лицо руками и задумался. Он понял, что хотел сказать этот человек в самом

начале их разговора. Андреа Санто, номер триста четырнадцать, приписанный к тулонскому острогу, не должен поддаваться тому, чему его могла научить каторга. Внезапные, инстинктивные, необдуманные поступки — это одно, злодейство, основанное на ложных понятиях, — совершенно другое. Его напарник был прав: за семь лет с ним может произойти что-то пострашнее смерти.

С другой стороны, его глубоко задело отношение Ранделя к Бонапарту. Представителем побежденного народа, *своего* народа, молодым офицером с грандиозными замыслами и дерзкими мечтами, ставшим полководцем и императором, восхищались все корсиканцы. Даже он, Андреа Санто, нищий мальчишка, имел право гордиться этим человеком. А кем ему было еще гордиться? Отцом, которого он никогда не знал и не помнил? Тем, что он отомстил за оскорбление и убил человека? Андреа находился среди закоренелых преступников, которых было трудно поразить тем, что он застрелил кого-то из ружья.

Ему не хотелось, чтобы у него отнимали последнюю веру во что-то светлое и великое.

Рандель вернулся через три дня: точнее, его привели, ослабевшего, шатающегося, как былинку. Он свалился на жесткое ложе и простонал:

— Пить!

Андреа схватил кружку и бросился к нему.

Тот принялся жадно поглощать воду, глядя на напарника поверх ободка. Один его глаз заплыл, другой был открыт, но под ним чернел огромный синяк.

— Почему ты хорошо относился ко мне, помогал, учил языку? — прошептал Андреа. — Ты же с самого начала знал, что я корсиканец, и, наверное, догадывался, что я… не разделяю твоих взглядов.

— Ты мальчишка, — бессильно произнес Рандель, — ты напомнил мне моего сына, сына, которого я, скорее всего, никогда не увижу. Тебе бы учиться, влюбляться, засыпать с улыбкой на губах, думая о завтрашнем дне, а вместо этого ты вынужден терпеть то, что не под силу и взрослым мужчинам. — И неожиданно добавил: — Пожалуйста, прости. Я говорил о взаимопонимании и милосердии, а сам не сдержался и оскорбил тебя.

— Это ты прости меня, — с искренним раскаянием произнес Андреа. — Я… я готов слушать тебя, как отца, которого у меня не было.

— Он умер?

— Да. Когда я был еще младенцем.

Жорж Рандель попытался улыбнуться.

— Хорошо, слушай. Но при этом оставайся при своем мнении. Любишь Бонапарта, люби. Плохо иметь ложные идеалы, однако еще хуже — вообще ни во что не верить.

— Мы все равно не спасемся, о чем бы ни думали, — промолвил Андреа и замер, услышав тихий, но твердый ответ напарника:

— Спасемся. Надо устроить побег.

Глава 9

Орнелла не уставала удивляться тому, как много способен увидеть тот, кто думает не о мести, а о любви. Они с Дино шли по каштановой роще, сквозь плотно сплетенные кроны деревьев сияло небо, а под ногами расстилался травяной ковер.

Они вышли на луг, полный растений, многие из которых уже отцвели. Пушистые семена взлетали вверх, а после медленно плыли обратно к земле. Но иные — Орнелла была уверена в этом — возносились прямо к небесам.

Окруженная белесым облаком, она шествовала по лугу, приминая траву босыми ногами. Иногда Орнелла принималась танцевать, взмахивая руками, приподнимая подол ветхого одеяния.

А еще она пела, пела так, что звуки парили над землей, будто сильные, свободные, легкие птицы.

Неожиданно Дино остановился, присел на корточки, осторожно коснулся пальцами ее огрубевшей, покрытой царапинами ступни и сказал:

— Когда-нибудь я куплю тебе самые красивые туфли, какие только сумею отыскать в лавках Аяччо.

— Аяччо? — повторила Орнелла.

— Да. Именно туда люди ездят за красивой одеждой и вещами.

— И когда это будет?

Он встал и посмотрел ей в глаза.

— Перед нашей свадьбой.

— Дино, — голос Орнеллы дрогнул, — ты же знаешь, что это невозможно.

— Нет, — возразил он, — просто после ухода Джулио все стало сложнее. Если прежде я был намерен уехать, сбежать, то теперь мне необходимо убедить отца согласиться на наш брак. — И добавил: — Отныне ему не на кого рассчитывать, кроме меня.

— Есть еще Данте!

— Ему лишь недавно исполнилось семнадцать. Он младший сын, а старший — я.

— Для тебя так важно получить наследство? — в отчаянии проговорила Орнелла.

— Дело не в наследстве. В долге, — ответил Дино.

Издалека доносился мирный звон колокольчиков. Пасущиеся внизу овцы казались маленькими точками, а фигура пастуха — отлитой из бронзы статуэткой. По склону горы лениво расползалось облако дыма: там снова горели маки.

Орнелла опустила глаза, будто желая отдохнуть от ослепительного сияния солнца. Могла ли она в чем-то винить Дино после того, как едва его не убила?!

Он понял, о чем она думает; приподнял ее голову за подбородок, нежно прикоснулся своими губами к губам девушки и сказал:

— Не надо об этом. Главное, ты поняла, что месть не может быть ни смыслом, ни целью жизни. У нас есть счастье двигаться, дышать, любить. Счастье надеяться. Что еще нужно человеку? — Потом напомнил: — Ты обещала показать мне место, где ты теперь живешь.

— Да, — Орнелла улыбнулась, — это недалеко.

Она взяла его за руку, и они пошли по тропинке.

— Мне кажется, отец верил в то, что Джулио вернется, — сказал Дино. — Да, брату было глубоко наплевать и на хозяйство, и на войны в маки, и все-таки я никогда не думал, что он сможет все бросить и сбежать неведомо куда без гроша в кармане.

Орнелла вспомнила, как брат Дино выбросил ее кинжал в зыбучие пески, из-за чего она едва не погибла. Она считала Джулио способным на любую подлость; он наверняка сбежал не пото-

му, что был храбрым, а как раз оттого, что в нем жил трус.

— Неужели он ушел из дому только потому, что ему не хотелось жениться на Кармине?

— Полагаю, все куда сложнее. Джулио было проще сбежать, чем подчиниться отцу.

— Тебе не показалось странным, — Орнелла остановилась и посмотрела ему в глаза, — что твой отец был готов женить Джулио на служанке? Гораздо проще было бы свалить вину на девушку и выгнать ее из дома!

— Что и сделала моя мать, — заметил Дино и ответил: — Мой отец всегда был порядочным человеком; он с детства учил нас отвечать за свои поступки.

— Мне кажется, причина не только в этом, — сказала Орнелла и, внезапно решившись, выпалила: — Ты знаешь о том, что когда-то давно моя мать и твой отец были любовниками?!

На лице Дино появилось смешанное чувство изумления и ужаса. Он сжал руку Орнеллы так, что ей стало больно.

— Не может быть!

— Может. Мне сказала Летиция Биррони, бывшая подруга Беатрис. Зачем ей лгать?

И без промедления и жалости поведала о том,

что ей довелось узнать.

Дино выслушал ее с каменным лицом.

— Что ж, — глухо произнес он, — в каком-то смысле это развязывает мне руки.

— В том-то и дело, — с горечью проговорила Орнелла, когда они пошли дальше, — они исковеркали свою жизнь и продолжают глумиться над нашими!

— Иногда мне кажется, — подхватил Дино, — что до этого дикого края никогда не долетят ветры перемен! Одни будут вечно повторять, что корсиканцы должны умирать во имя глупых законов, как прежде люди умирали за веру, другие станут отказываться от любви из-за понятий о чести и долге в том случае, когда это вовсе не нужно делать! Наши родители не понимают: приходит молодая кровь, и все меняется! Да, существуют «мертвые узлы», не допускающие иной развязки, кроме кровавой, и все же во многих случаях куда проще решить дело с помощью прощения и любви!

Они подошли к пещере. Вокруг были раскиданы валуны, в окраске которых при ярком солнечном свете неожиданно возникали ядовито-зеленые тона: то была медная руда. Дино внимательно разглядывал изумрудные прожилки, напомина-

ющие изящные древние письмена.

— Идем, — сказала Орнелла и повела его внутрь.

Внутри было много естественных углублений и уступов, но в целом пещера выглядела как уютный домик, надежно защищенный от палящего солнца и непогоды. Свод почернел от копоти, а пол был устлан крошками породы и белесым пеплом.

Дино заметил кучу веток и тряпья, служивших Орнелле ложем, и нахмурился.

— Не нравится? — спросила она, поймав его взгляд.

— Когда я вижу, где тебе приходится обитать, испытываю чувство вины. Я-то каждый день засыпаю в чистой постели, и мне не нужно готовить пищу на костре.

— Это временное убежище, — сказала Орнелла и положила руки ему на плечи.

Дино глубоко вздохнул. В дни болезни он передумал о многом. В мечтах он был дерзким, даже бесстыдным; в своих тайных грезах он ласкал тело Орнеллы так, как едва ли осмелился бы сделать это наяву.

Они поцеловались, а после незаметно опустились на подстилку, где продолжили неловкие

стыдливые ласки.

Орнелла приподняла подол платья и положила руку Дино чуть повыше своего колена. Прикосновение его горячей, покрытой мозолями ладони к обнаженной коже было таким приятным, что она зажмурила глаза. Рука Дино несмело двинулась дальше, и Орнелла с готовностью приняла запретную ласку. Это был путь к свободе, свободе выражения сокровенных чувств, свободе любви.

Это было ужасно, прекрасно, непередаваемо и стыдно. Орнелле чудилось, что от прикосновений Дино она сгорит дотла. Жар разливался по всему телу, струился по жилам. Одежда влюбленных пришла в беспорядок, они ощущали друг друга всем телом.

Помня о том, что рассказывала Летиция, Орнелла приготовилась почувствовать боль, как вдруг Дино отстранился и сел. У него были затуманенные страстью глаза и совершенно безумный вид. Тем не менее он прошептал:

— Нет, не сейчас и не здесь! После свадьбы, в постели.

— Чтобы наутро было не стыдно показать соседям простыни? — Орнелла не удержалась от иронии.

— Не ради этого.

— Ты боишься, что у нас не получится пожениться? — догадалась она.

— Мы поженимся, обещаю! Я добьюсь этого любой ценой, ибо мне не нужна другая. Просто я не хочу начинать все так, как… они. Не желаю искушать судьбу. Разве тебе не страшно?

Орнелла тоже села и провела рукой по растрепавшимся волосам. Ее сердце билось неровно и часто, как в лихорадке; вместе с тем она ощущала странное облегчение.

— Ты прав: будет лучше, если я останусь девственницей до первой брачной ночи. Мне и правда немного страшно. Но я вовсе не против, чтобы мы получше узнали друг друга.

— Я тоже, — ответил Дино и потянулся губами к ее губам, а руками — к вороту платья.

— Оно такое уродливое, — неловко произнесла Орнелла, имея в виду свою одежду.

— Это всего лишь платье, — прошептал Дино. — Твоя кожа, твое тело прекраснее любых, самых изысканных нарядов!

— Я сниму его. Ты тоже можешь раздеться.

Серые глаза Дино смеялись.

— Я сделаю это с большим удовольствием.

После договора, который они заключили, им было удивительно легко друг с другом. Ничего не

стыдясь и не боясь, они упивались откровенными ласками, при этом не переходя определенной границы. Дино сказал, что у него тоже никого не было и что она первая девушка, которую он поцеловал.

— В деревне о тебе ходят слухи, как о заправском соблазнителе, — засмеялась Орнелла.

— Если мне не доведется соблазнить тебя, лучше я стану монахом!

— Дино, — она вдруг стала серьезной, — пообещай, что никогда не будешь спать с другой.

— Я обещаю больше. Клянусь, что именно ты, Орнелла Санто, станешь моей первой женщиной, что я никогда не буду спать с другой, а самое главное — что я всегда буду любить только тебя!

При этом он держал руку на ее груди. Орнелла не выдержала и прыснула.

— Видел бы тебя отец Витторио! Он бы упал в обморок!

— Мне всегда казалось, что ни твоя мать, ни ты не боитесь ни Бога, ни дьявола, — заметил он.

— Не знаю. Она приучила меня ни на кого не надеяться и никогда ни о чем не просить. И теперь мне кажется, если я обращусь к Господу с первой и единственной просьбой, Он не сможет мне отказать.

— О чем ты Его попросишь?

— Чтобы Он не позволил нам расстаться.

Часом позже, выбравшись из пещеры, они вновь шли по лугу к дому Беатрис. На этом настоял Дино.

— Мать не захочет нас слушать! — возразила Орнелла.

— И все же я должен с ней поговорить. В случае удачи я приду к отцу, заручившись ее согласием.

— Она прогонит нас прочь.

— Посмотрим.

— Она знает, что я едва не убила тебя, — напомнила Орнелла.

— Ты вдохнула в меня новую жизнь. Преодолеть то, что я чувствую сейчас, так же невозможно, как обломать крылья ветру.

Беатрис Санто возилась на крохотном огородике. Она не знала, зачем делает это теперь, когда лишилась и сына, и дочери. Женщина вполне могла питаться дикими каштанами и съедобными травами, хотя чаще всего ей вообще не хотелось есть.

Беатрис надеялась, что Орнелла вернется и покается, но этого не случилось. Значит, то была не просто блажь, стало быть, дочь в самом деле решила променять ее, свою мать, на этого парня!

Она разогнула усталую спину и внезапно окаменела.

К ней приближался юный Леон Гальяни. Женщина видела его стройную фигуру, каштановые кудри, глаза, казавшиеся серебристо-стальными в тени и пронзительно-синими — на ярком солнце. Беатрис задрожала. Она дрожала так, когда он на нее смотрел и когда он прикасался к ней. Он, Леон, единственный мужчина, с которым она могла быть счастлива. Чувствуя, что вот-вот упадет в обморок, женщина бессильно прислонилась к косяку.

Нет, это был не Леон, а его старший сын. Беатрис хорошо помнила, как проклинала беременную Сандру, желая, чтобы ее первенец не родился на свет. Сейчас этот юноша обнимал ее дочь. Обнимал по-хозяйски, так, словно она давно принадлежала ему.

Между ними существовало что-то глубоко потаенное, что нельзя выразить словами, пожалуй, даже большее, чем телесная близость, которую они, наверняка, уже испытали.

— Синьора Санто, — произнес Дино, подойдя ближе, — я могу с вами поговорить?

Он опустил руки и уже не обнимал Орнеллу за талию. Девушка сжалась, ее темные глаза мета-

ли молнии. Она молчала, но Беатрис явственно ощущала упорство дочери, ее несгибаемую силу. С Орнеллой всегда было так: если она принимала решение, то непременно добивалась своего.

— Синьора Санто, — голос Дино звучал почти кротко, — я прошу у вас руки вашей дочери. Мы любим друг друга. Пожалуйста, позвольте нам пожениться!

Беатрис попятилась. Она не знала, что сказать, однако чувствовала, что если уступит этому натиску, ей придется отказаться от той ненависти, которая столько лет давала ей чувство удовлетворения, была смыслом ее жизни. Женщина понимала, что должна на что-то решиться: середины быть не могло.

Она вспомнила крохотное личико в маленьком гробу. У ее первенца тоже могли быть каштановые волосы и серые глаза, как у этого сильного, стройного, красивого парня. А еще Беатрис подумала о Симоне, несчастном Симоне, которого вечно преследовала тень его былого соперника. И — об Андреа.

— Вы не заслуживаете благословления! Вы достойны только мести! Убирайтесь отсюда!

— Если я уйду, мама, то уже никогда не вернусь! — закричала Орнелла, и в ее голосе звенели

слезы.

Лицо Беатрис оставалось каменным.

— Именно этого я и хочу.

Они побрели прочь понуро, однако не разнимая рук, и это было ударом для женщины. Беатрис поняла, что побеждена. Чувства этой пары не могли обуздать ни законы, ни правила. Вся надежда была на отцовскую волю, волю Леона, который тоже не допустит этого брака.

Дино остановился перед камином, над выступающей частью которого была укреплена деревянная полка с бронзовым распятием, и перекрестился, мысленно прося у Бога благословения и помощи.

В его душе жили воспоминания о часах, проведенных в пещерке, о том, как они с Орнеллой перед тем, как расстаться, купались в море, и ее длинные волосы полоскались в волнах прибоя, а темные глаза сияли от счастья.

Сколько радостей, удивительных радостей простого существования сможет подарить ему жизнь, если отец скажет «да»! Дино вздохнул. Он мог бы сбежать, как сбежал Джулио, но тогда его станет терзать чувство вины перед матерью, отцом, домом, землей, перед тем, без чего он не мыслил ни себя, ни своей жизни.

Леон вошел в зал тяжелой поступью и остановился. Женщины ушли к себе; теперь они с сыном могли поговорить наедине.

— Я хочу обсудить твою женитьбу, — промолвил Леон.

— Я тоже, — взволнованно ответил Дино и добавил, отрезая пути к отступлению: — Я уже выбрал девушку и согласен жениться только на ней.

Отец молчал, и тогда сын продолжил, без обиняков выложив все, о чем думал, и — как последнюю и единственную надежду — то, что узнал о былых отношениях Леона и Беатрис.

— Да, — согласился отец, после того, как Дино умолк, — это так. Когда-нибудь ты должен был об этом услышать.

— Я хочу, чтобы моя судьба сложилась иначе, — прошептал Дино.

Леон размеренным шагом прошелся по комнате.

— Разве моя судьба сложилась плохо?

Дино затаил дыхание. Его воспитали в условиях, где слепое подчинение отцу было сродни религии. Мог ли он осуждать его поступки, его жизнь? И все-таки Дино решился заметить:

— Ты женился не по любви.

Леон приподнял брови.

— Если б я мог вернуть прошлое, ничего бы не изменилось.

— Разве ты не выбрал бы Беатрис?

— Я бы выбрал твою мать, — сказал Леон и с усмешкой продолжил: — Мой отец видел истину, а я — нет. В темноте все женщины одинаковы. Главное предстает перед нами при свете дня. Из Беатрис никогда бы не вышла верная жена и заботливая мать. Достаточно вспомнить, как она относилась к собственным детям, которые вечно ходили оборванные и голодные. К тому же она слишком быстро задрала подол — порядочные женщины так не поступают. Надеюсь, ее дочь не пошла по стопам своей матери?

Дино густо покраснел. Вспоминая о том, как они с Орнеллой ласкали друг друга в полутьме пещерки, он гордился тем, что почти стал мужчиной. Он не думал, что это разврат, что девушка, позволяющая такое возлюбленному, безнравственна и бесстыдна, ему казалось, будто в те сокровенные мгновения они впервые по-настоящему узнали друг друга, заговорили на одном языке.

— Между нами ничего не было, — быстро произнес он и, не желая уступать, повторил: — Но мы любим друг друга!

Леон облегченно вздохнул.

— Я рад, что ты удержался от соблазна и не повторил моей ошибки. Что касается любви… День назад ты был спокоен и счастлив, знал, для чего живешь, а теперь мечешься и не находишь себе места — вот что такое любовь. — Он подошел ближе и положил руку на плечо сына. — Ты нужен мне, Джеральдо. Я на тебя рассчитываю. Сейчас тебе кажется, будто ты жертвуешь собой, однако придет день, когда ты поймешь, что родная земля стоит сотен женщин. Не женись на Орнелле Санто! Дело не в том, что она бедна. Она слишком похожа на свою мать. Что-то подсказывает мне, что связь с ней не принесет тебе счастья. Обещаю подобрать для тебя работящую, покладистую, честную и красивую девушку, о браке с которой ты не будешь жалеть.

Рука Леона лежала на плече сына, и Дино казалось, будто на него обрушилась вся тяжесть мира. Тяжесть ответственности, традиций, долга.

— Расскажите, что случилось между вами и Симоне Санто, — попросил он.

Леон убрал руку, опустился в кресло и указал на скамью:

— Садись. Я не покривлю душой, если скажу, что мне жаль Симоне. Он всегда был бестолковым и вялым, вечно бродил по горам и мало с кем

общался. Даже дом построил вдалеке от другого жилья. Едва ли кто-то пошел бы за этого угрюмого парня, кроме Беатрис. Быть может, у них все бы сложилось, но только Беатрис не давала Симоне покоя. Она замучила его своей ненавистью ко мне. Ее не отрезвило даже рождение детей.

В тот роковой день я случайно встретился с Симоне на узкой тропинке. Один из нас должен был уступить другому дорогу. Это сделал я, ибо мне было нечего с ним делить. Однако он принялся оскорблять меня, говоря, что когда-то я обесчестил его жену, сделал ее несчастной. Я пожал плечами и предложил Симоне расстаться по-хорошему, но он не отступал и замахнулся на меня ножом. Я был сильнее и попытался отнять у него оружие. Завязалась борьба. К несчастью, Симоне оступился и сорвался с тропинки. Я пытался его удержать, но не сумел. Я пришел к Беатрис, рассказал о том, что случилось, предложил свою помощь. Однако она повернула дело так, будто это я убил ее мужа, и объявила вендетту. Когда Симоне не стало, эта безумная женщина принялась изводить своих детей. Тебе известно, что случилось с ее сыном. Если б я не позвал жандармов, ответственность за его преступление легла бы на меня как на старосту нашей деревни, а его все

равно бы арестовали. — Леон поднялся, скрипнув креслом, и завершил свой рассказ словами: — Вот что принесла мне любовь.

— Так ты все же любил Беатрис? — недоверчиво произнес Дино.

Леон с силой сцепил пальцы в замок.

— Любил. Но потом сотню раз проклял себя за это! То, во что я свято верил, обернулось против меня! Я не хочу, чтобы это случилось с тобой.

Решив, что разговор окончен, Леон отправился к себе. Он шел усталой походкой, и Дино не мог сказать, что утомило отца: воспоминания, прожитая жизнь или сегодняшний день.

Сандра Гальяни не спала. Женщина не знала, что не давало ей уснуть: черные пласты мрака, в которые превратились горы, или звезды, падающие с неба, будто серебряные монеты. А быть может, то, что она лежала не в супружеской спальне, а в комнате Бьянки.

Они с Леоном не ссорились. Когда Сандра выгнала из дома Кармину, муж ни словом не обмолвился об этом. О Джулио он тоже не заговаривал. Все шло своим чередом, просто в доме стало на два человека меньше.

То, что отныне Сандра спала в комнате дочери, тоже не вызвало у Леона ни вопросов, ни возра-

жений. Супружеские отношения для него давно превратились в привычку, а для нее всегда были не слишком приятной обязанностью. В брачную ночь муж овладел юной женой без единого слова, резко, грубо, словно злясь на нее или на что-то досадуя. И хотя с тех пор прошло больше двадцати лет, женщина не простила ему этой первой обиды и боли. Возможно, Сандра полюбила бы мужа, если б он позволил ей это, впустил бы ее в свою душу.

Убедившись, что Бьянка уснула, она тихо встала и прошла в комнату сыновей. Данте как обычно спал так крепко, что его не разбудило бы даже землетрясение, зато Дино лежал, уставившись в потолок неподвижными глазами, похожими на светлые зеркала.

Заметив мать, он удивленно привстал, и Сандра кивнула.

— Идем!

Они остановились у потухшего камина, и мать с невольной грустью смотрела на то место, где по вечерам, случалось, собиралась вся семья. Леон и сыновья плели корзины или занимались резьбой по дереву, Сандра, Бьянка и Кармина чинили одежду, вязали или ткали. Когда и как внутреннее равновесие семьи нарушилось, на

поверхность вылезло нечто уродливое, то, что принято скрывать от посторонних и что невозможно скрыть от себя?

Сандра с болью смотрела в лицо Дино, красивое, юное лицо. Она всегда любила своего первенца больше других детей, и он никогда не обманывал ее ожиданий.

— Думаю, ты удивишься тому, что я скажу, сынок, — ее голос звучал тихо и нежно. — Я слышала твой разговор с отцом и хочу заметить, что Леон не прав. Земля это не главное. Главное, чтобы ты получил девушку, о которой мечтаешь.

Дино замер.

— Ты хочешь, чтобы я…

— Идите в Аяччо. Я дам тебе денег. Женись на Орнелле Санто, я благословляю тебя вместо отца. Своим материнским сердцем.

Он в волнении сжал руки матери. Он очень любил Сандру, и все же до сей поры она казалась ему похожей на других корсиканских женщин, зависящих от воли мужчины и безраздельно покорных ей. Дино не знал, было ли мнение Сандры выстраданным или мать поддалась внезапному порыву.

— Когда мне идти?!

— Сейчас. Пока в тебе есть решимость. Пока

Леон окончательно не заморочил тебе голову.

— Я стану нищим, — робко произнес он, и она возразила:

— Не станешь. Тот, кто обретает настоящую любовь, никогда не бывает нищим.

— А как же ты?!

— У меня есть Данте и Бьянка.

Дино знал, что это слабое утешение. Рано или поздно Бьянка выйдет замуж и тоже покинет дом. А Данте… Справедливо ли взваливать на плечи младшего брата тот груз, который не смогли и не захотели нести они с Джулио?!

Однако Сандра была настойчива, почти неумолима. Она принесла мешочек с деньгами, кое-какую еду и одежду.

— Возьми. Когда устроишься на новом месте, пожалуйста, напиши.

— Непременно. Спасибо, мама. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделала!

Ночь сверкала огнями. Пелена лунного света напоминала серебряную пыль. И все же небесные врата были заперты, как была заперта церковь: Бог спал, и все ответы Дино мог найти только в своей душе. Несмотря на угрызения совести и страх перед гневом отца, ему казалось, что мать права. Если он сознательно отвернется от мечты,

откажется от любви, ему придется замкнуться в пустоте собственной души, навсегда утратить тот невидимый огонь, который питал его сердце.

За деревней было темно, и Дино двигался почти на ощупь. Иногда ему чудилось, будто корни деревьев и стебли трав обвивают его ноги, не желая отпускать.

Как всякий корсиканец, он хорошо ориентировался и в лесу, и в горах, запоминал дорогу с первого раза не только зрением, а еще какими-то неуловимыми и необъяснимыми чувствами и вскоре очутился перед входом в пещеру, который зиял как огромная черная пасть.

У Орнеллы был чуткий сон; услышав шаги, она встрепенулась и испуганно проговорила:

— Кто здесь?

— Это я, Дино. Я пришел за тобой. Мы идем в Аяччо.

— Как ты обещал?! — ее голос срывался, она не верила своему счастью.

— Да.

— Сейчас?

— Нет, утром. А сейчас я хочу, чтобы ты меня согрела. Я немного замерз.

Дино шагнул вперед и обнял Орнеллу. На самом деле он совсем не замерз, он был разгорячен

быстрой ходьбой и кипевшим в крови волнением. Озноб пробирал его по другой причине — от страха, страха перед будущим и тем, что он оставлял позади.

— Неужели твой отец разрешил?! — прошептала она.

— Нет. Нас благословила моя мать. Мы поженимся в Аяччо и начнем новую жизнь.

Глава 10

Аяччо занимал большой мыс, на оконечности которого стояла цитадель. Длинный ряд домов на берегу небольшого залива — вот и весь город, маленький, пыльный, раскаленный, как горн.

Его улицы были так же узки, как и улочки Лонтано; загорелые женщины, куда более бойкие, чем деревенские жительницы, развешивали пеструю одежду на веревках, перекинутых из окна в окно, переговаривались, переругивались, смеялись. Опускали вниз корзину с монетой, взамен которой торговцы клали пахнущие землей овощи, свежую рыбу или горячий хлеб.

Никто не обращал внимания на Кармину, которая устало брела по улице, глотая жаркий ветер и душную пыль. Завидев фонтан, она останавливалась, подставляла ладони под жидкую струйку, пила, умывалась и шла дальше. Ей не хотелось есть, ее мучила только жажда, а еще — беспрестанная тошнота.

Лишь очутившись в Аяччо, Кармина, наконец, заметила некоторые неполадки в своем теле. Теперь она почти не сомневалась в том, что беременна, беременна от Джулио, который сбежал из

дому, не сказав ей ни слова! Она его ненавидела, как ненавидела Сандру, выгнавшую ее вон как собаку из-за того, что она якобы соблазнила ее драгоценного сынка!

Кармина искала место служанки — никто не хотел ее брать. Пыталась устроиться в мастерскую или лавку — ее гнали прочь, как назойливую муху. Кармина ночевала под оградами, под кустами и согласилась бы на все что угодно, лишь бы очутиться в прохладе комнат какого-нибудь дома, лечь спать в настоящей постели.

В конце концов Кармина не нашла ничего лучшего, чем просить милостыню. Места возле церкви были заняты, и она обратилась к хорошо одетому господину, который шел навстречу.

Выслушав ее лепет, незнакомец оглянулся — в знойный полдень вокруг не было ни души — и спросил:

— Откуда ты?

— Из деревни.

— Из какой? Далеко отсюда?

— День пути, если идти пешком.

— Что заставило тебя добираться в Аяччо пешком?

Мужчина спрашивал если не с участием, то с интересом, и в сердце Кармины зародилась

надежда.

— Хозяева выгнали меня из дома, не заплатив жалованья. Я сирота, и мне некуда было идти.

— Выгнали? За что?

Кармина молчала. Она боялась, как бы мужчина не подумал, что она воровка, но признаться в истинной причине было выше ее сил.

А мужчина разглядывал ее гибкую шею, полную грудь, крутые бедра, пышные волосы, пухлые губы, большие глаза под тяжелыми веками. В ней было много жаркой плоти, она казалась истинной дочерью природы. Ощутив внутреннюю дрожь, мужчина подумал, что, возможно, эту девушку ему послала сама судьба.

Его звали Винсенте Маркато, он был богатым человеком, хорошо известным в Аяччо. Ему исполнилось тридцать два года, он недавно овдовел, а до этого его жена долго и тяжело болела. Когда она умерла, Винсенте испытал тайное облегчение и вскоре принялся думать о новом браке. Эти мысли будили в нем вожделение, однако он сразу решил подойти к делу ответственно и разумно.

Винсенте решил, что вторая жена должна быть лет на десять — пятнадцать моложе его самого, здорова, красива, честна. Помимо этого ему хотелось, чтобы она обладала зачатками изысканно-

сти, некими ужимками, предназначенными для обольщения, невинным кокетством, какое он не раз подмечал во француженках. Своеволие, пусть и мнимое, украшало их, а капризность вызывала умиление.

Таких девушек в округе не было, как не было и тех, с кем Винсенте мог бы утолить телесный голод. Когда его жена умерла, женская часть прислуги ушла: чопорные корсиканцы не считали возможным отпускать своих жен и дочерей в услужение к одинокому мужчине.

— Почему ты просишь милостыню, а не ищешь работу? — спросил он Кармину, не дождавшись ответа на предыдущий вопрос.

— Я искала, но меня нигде не берут.

Она смотрела с надеждой, и Винсенте решился:

— Я вдовец, живу один. Мне нужна служанка. Возможно, такая, как ты. Иди за мной. Если ты мне подойдешь, я тебя оставлю и буду хорошо платить.

К его удивлению, девушка не заставила себя упрашивать и сразу согласилась. Вероятно, ей и впрямь некуда было деваться. Они молча шли по жаркой и пыльной улице, и Винсенте продолжал размышлять. Он давно знал, что у здешних людей

не по два, а по четыре глаза. Стоит ему вступить в незаконную связь с кем-то из местных, как об этом тут же станет известно всему Аяччо! Другое дело, если он приютит девушку-сироту, которая станет молчать о том, что происходит между ней и хозяином.

Когда Винсенте привел Кармину в свой дом, она была поражена. Как и в деревенских жилищах, здесь были лари с выпуклой резьбой, длинные скамьи и массивные шкафы с изображением крестов и дароносиц. Однако стены в спальне, куда хозяин не замедлил ее провести, были обтянуты узорной тканью с изображением диковинных цветов и птиц, а в комнате, которую он назвал гостиной, стояло необычное ложе с гнутыми ножками.

— Застели постель, — приказал хозяин, а сам опустился в кресло.

Он закинул ногу на ногу, и его прищуренные глаза прошлись по ее телу сверху вниз.

Кармина расправила простыни так, что они стали походить на водную гладь в полный штиль, взбила подушки и выпрямилась.

— Давай начистоту, — сказал Винсенте, вставая с места и беря ее за руку. — Ты невинна?

Кармина зарделась, прикусила губу, опустила

ресницы и покачала головой.

— Я так и думал, — с удовлетворением произнес хозяин и придвинулся к ней вплотную. Он тяжело дышал, от его тела исходил жар вожделения, и она с трудом заставила себя удержаться на месте. — Покажи, на что ты способна в постели. Остальное меня мало интересует.

Она вздрогнула от неожиданности и стыда, и ее глаза наполнились слезами, но потом она покорно расстегнула платье, и Винсенте поспешно повалил ее на кровать.

Пока он делал свое дело, Кармина размышляла. Этот мужчина не стар, и его даже можно было бы назвать красивым, если б не хищное лицо, колючий взгляд и кровавые прожилки в глазах. А главное — он богат. Он был хладнокровен и умен, но при этом одержим похотью, а значит, по-своему уязвим.

Что ей стоит обмануть его так, как судьба обманывала ее?! Она должна позаботиться о себе и о ребенке, раз уж от него невозможно избавиться. Если мужчины видят в ней девку для удовольствий, она тоже вправе кое-чем поживиться.

Винсенте трудился старательно и долго, и в конце концов Кармина застонала, но не от наслаждения, а оттого, что он больно мял ее груди,

набухшие и чувствительные из-за беременности.

— Ты сладкая, — прошептал он, — и я вижу, тебе нравится.

Вспомнив обещание показать, чего она стоит, Кармина задвигала бедрами и впилась ногтями в спину мужчины, который даже не удосужился узнать ее имя и назвать свое, прежде чем уложить ее в кровать.

Вскоре Винсенте прерывисто вздохнул и отпустил Кармину. Он был прав: эта девушка появилась в его доме как нельзя вовремя. Ему давно хотелось настоящей свободы, хотелось ощутить на губах пряные ароматы женской кожи, познать истинное неистовство плотской любви.

— Великолепно, — промолвил он, — ты остаешься. Будешь убирать в доме, ходить за покупками, а по ночам — ублажать меня в постели.

Кармина тонула в мягкой перине, в своем отчаянии и грехе. Ей хотелось сказать, что она не животное, которому нужен хозяин, и не вещь, которая не распоряжается собой. В эти минуты она поклялась себе, что когда-нибудь встанет на ноги и перестанет зависеть от мужчин, от их постыдных желаний и лживых слов.

В Лонтано накануне свадьбы жених дарил

невесте красный платок и золотое кольцо, а она вручала ему ножичек с костяной рукояткой, кошелек или вышитое полотенце. Свадебный кортеж был тем пышнее, чем богаче были семьи брачующихся. В назначенный день отец жениха посылал повозки для вещей невесты в дом ее родителей; при этом шеи волов были украшены бархатными хомутами, а рога — колокольчиками и лентами. Кортеж двигался под звуки флейт и ружейные выстрелы. Это был праздник не только для молодых, но и для всей деревни.

Дино столько раз присутствовал на брачной церемонии, что ему и в голову не приходило, что его свадьба может проходить как-то иначе, без строгого соблюдения множества мелких обычаев. Он был угнетен этими мыслями, но не подавал вида, тем более Орнелла с самого начала их путешествия вела себя столь восторженно, что он только диву давался.

Аяччо с его мрачными закоулками, путаницей лестниц и переулков, зноем, духотой, запахом нечистот и гниющей рыбы поразил ее так, будто она очутилась в самом прекрасном городе мира, тогда как на Дино город произвел противоречивое впечатление. Много солнца и ветра, чужих взглядов и голосов, бесконечного мелькания

незнакомых людей, среди которых он ощущал себя неуверенно и скованно.

Когда Дино купил Орнелле темно-синюю юбку, красный корсаж, коралловые бусы, белую кружевную накидку и черные туфли из мягкой кожи, она задохнулась от счастья. Возможно, дамы с материка сказали бы, что его невеста одета слишком ярко и безвкусно, однако Дино казалось, будто он зажег на небе новую звезду.

Словно повинуясь некоему странному ритуалу, он сжег черное платье Орнеллы. Девушка в трауре, чьи губы всегда были плотно сжаты, а глаза полны ненависти, принадлежала прошлому. Сейчас Дино видел перед собой легкое, жизнерадостное существо, охваченное жаждой новизны и любви.

Дино начал с того, что снял скромную комнатку в доме немолодых супругов, комнатку, где стояли только узкая кровать и большой сундук, а на чисто выбеленной стене висело распятие. Юноша сообщил хозяевам, что они с невестой приехали в Аяччо, чтобы пожениться, и, возможно, поживут здесь некоторое время.

Дино пришлось сказать синьору Фабио правду о том, что они с Орнеллой сбежали из дому без родительского благословения. Хозяин добродушно

усмехнулся, пообещав, что поможет договориться со священником, а его жена, синьора Кристина, нахмурилась. Она пробормотала несколько слов, среди которых Орнелла различила слово «распутство».

Влюбленные обвенчались в местной церкви. Дино все время чудилось, будто в Аяччо каждому прохожему известно имя Леона Гальяни, однако он беспокоился напрасно: его отца не знали даже служители церкви. Синьор Фабио и синьора Кристина (последняя не без некоторого сопротивления и недовольства) стали их свидетелями, в чем Дино и Орнелле несказанно повезло: священник относился к этой чете с большим уважением и без лишних проволочек согласился обвенчать их постояльцев, которых впервые видел. Когда Дино вынул два тонких колечка, которые приобрел у местного ювелира, на глазах Орнеллы появились слезы изумления и радости.

Во время свадебного обеда, состоявшего из мясного бульона, заправленного кусочками хлеба и сыра, свиных сосисок, соленых оливок и кислого вина, молодые, как и было положено, ели из одной тарелки и пили из одного бокала. Но хотя они с Орнеллой по возможности соблюли все традиции, Дино невольно ощущал себя грешником.

Он также чувствовал себя страшно неуклюжим, когда случайно касался ногой колена своей новоиспеченной супруги или задевал ее локтем.

Когда они очутились в отведенной им комнатке, оба внезапно ощутили неловкость.

Если прежде их отношения были похожи на опасную игру, то теперь они сочетались браком и были связаны навеки. Если раньше, скованные запретами, они изнывали от предвкушения близости, то теперь должны были отдаться друг другу по обязанности.

В комнате горела свеча. Как и прежде, Орнелла оказалась смелее и первой потянулась к одежде Дино. Вспыхнув от смущения, он сделал то же самое. Пальцы обоих дрожали от нетерпения и страха. Прежде они ласкали друг друга под покровом одеяний или темноты, теперь пришла пора полностью обнажить и тела, и чувства.

Эта ночь казалась нереальной и вместе с тем будто созданной дня них двоих.

Кровать была узкой, на ней можно было лежать, лишь тесно прижавшись друг к другу. Не было ни слов, ни границ, ни времени, лишь потрясающе естественное, легкое слияние душ и тел. Дино вошел в сердце и лоно Орнеллы, она овладела его естеством и его душой. Они стали

супругами — перед Господом Богом, перед людьми, перед самими собой.

Дино проснулся первым. За окном покачивались усики винограда, в гуще листвы щебетали птицы. На горизонте плавился солнечный диск, знаменующий рождение нового дня. В этом дне они с Орнеллой были мужем и женой, мужчиной и женщиной, принадлежавшими друг другу.

Его новоиспеченная супруга спала. На ее шее едва заметно пульсировала жилка. Плечи и грудь белели в утреннем свете, а рассыпавшиеся по подушке волосы были черны, как безлунная ночь.

Дино задумался. Впервые в жизни ему не надо было вставать на рассвете и приниматься за работу. Между тем в жизни отца, матери, Данте и Бьянки в этом смысле ничего не изменилось, несмотря на его отсутствие. Его и Джулио. О чем бы они ни думали и как бы ни страдали, им не удастся разорвать круг привычных обязанностей и дел, ибо скотина, виноградники, посевы равнодушны к людским горестям. Мать может украдкой причитать и плакать, Данте и Бьянка недоумевать и тревожиться, а отец впадать в гнев — земля все равно родит то, что должна родить, семя, упавшее в плоть или почву, неминуемо даст всходы, но — не без помощи человеческих рук.

Дино казалось, будто его окружает невидимый океан, без берегов и волн, в котором он — всего лишь незаметная, крохотная песчинка. Хотя он навсегда покинул дом, жизнь в Лонтано будет идти своим чередом.

Дино был спокоен и счастлив, и вместе с тем ему чудилось, будто с неприметного уголка его сердца содрана оболочка и там кровоточит маленькая, но ощутимая рана.

Он задал себе вопрос, чего на самом деле хотела для него мать, когда пошла на такую жертву? Чтобы он освободился от всего наносного, стал самим собой? Можно ли стать самим собой, отрешившись от долга, невидимой печати, полученной при рождении, способен ли человек окончательно разорвать эту связь?

Дино представил себе брак неизвестно с кем, жизнь, исполненную послушаний, когда даже сахар может показаться горьким, а самая острая приправа — безвкусной и пресной, и пришел к выводу, что поступил правильно.

К тому времени, когда Орнелла проснулась, Дино вновь чувствовал себя окрыленным, и его сердце было готово петь от любви.

Они посмотрели друг на друга и молча сказали друг другу все, что хотели сказать. А потом по-

следовало то, что было до боли желанно и уже не грешно.

Волосы Орнеллы пахли ветром и зноем, она излучала жаркую чувственность и безудержную радость. Целуя жену, Дино думал о блаженном забытьи, о том, что ему впервые не хочется двигаться вперед, что он желает навсегда остаться в настоящей минуте.

В дверь постучали, и влюбленные услышали недовольный голос синьоры Кристины:

— Молодые, вы думаете вставать? Завтрак готов.

Дино неохотно выпустил жену из объятий, и она засмеялась. Они быстро оделись, и Орнелла отперла дверь.

Синьора Кристина стояла на пороге и с любопытством заглядывала в комнату. Ее губы были скептически поджаты, а взгляд полон неверия.

В мгновение ока Орнелла повернулась, сняла с кровати простыню и протянула женщине.

— Взгляните. Мы стали мужем и женой только нынешней ночью.

В ее тоне был вызов, а в глазах сверкали озорные искорки. Стоявший позади Дино был готов провалиться сквозь землю. Хозяйка изумленно попятилась и пробормотала:

— Я накрыла завтрак на кухне. Мы с мужем любим сидеть там по утрам.

На столе их ждали хлеб, сыр, мед, молоко. Орнелла без малейшего стеснения опустилась на стул рядом с синьорой Кристиной. Дино подумал о том, что было бы хорошо, если б ее беззастенчивые манеры помогли ей сходиться с людьми. Она вела себя как дикарка, но иных это подкупало, как когда-то подкупило и его самого.

— Здесь можно найти работу, — сказал синьор Фабио. — Народ занимается кто чем: ловят рыбу, губки, кораллы. Кто-то что-то мастерит и продает. Я плету корзины, но больше для развлечения: сыновья посылают нам деньги.

— Они на материке, — с гордостью пояснила его жена, — служат в армии.

— А я бы хотела научиться готовить и шить, — сказала Орнелла.

— Разве у тебя не было матери, которая обучила тебя всему, что должна уметь девушка? — удивилась синьора Кристина.

Орнелла засмеялась.

— Она учила меня обращаться с ножом и ружьем. И я была бы счастлива, если бы мне больше никогда не пришлось брать их в руки! Ведь теперь у меня есть муж, который сможет меня

защитить.

Дино очень порадовали эти слова.

— Ты намерен искать работу? — спросила Орнелла, когда они встали из-за стола и вернулись в комнату.

— Не сегодня. Этот день принадлежит нам. Нам двоим.

— Мне кажется, все куда серьезнее, — прошептала Орнелла, обнимая мужа, — нам принадлежит вечность!

Поверхность воды искрилась мириадами солнечных бликов, узкая лента берега казалась золотой, а горизонт был ровным, как лезвие меча. На рассвете сирокко — горячее дыхание Африки, доносящееся из-за моря, еще не коснулось острова, и тело овевал прохладный ветерок.

Джулио стоял на деревянной палубе небольшого суденышка, чувствуя под босыми ногами накаленные солнцем доски, и смотрел на море. Хотя привычная картина должна была радовать глаз, в его душе невольно поднималась досада. Джулио и подумать не мог, что Аяччо, поездка в который всегда обставлялась отцом с такой важностью, — всего лишь жалкий и грязный городишко!

Здесь было все то же самое, что и в родной

деревне: борьба с морем и ветром, изнуряющая работа, монотонное существование. В Аяччо, как и в Лонтано, попытка вырваться из тех оков, которые мучили его с рождения, была обречена на поражение.

С другой стороны, он корил себя за то, что не сбежал раньше, все продумав и как следует подготовившись, ибо ему давно опостылела жизнь в семье. Дино считал его трусом, хотя на самом деле у Джулио просто доставало изворотливости избегать откровенных глупостей, которые порой выдумывал отец.

В уме Леона все складывалось проще некуда: семья это святилище, земля — единственная ценность, работа на земле и во благо семьи — смысл жизни. Дино отличался безукоризненным послушанием, а потому имел определенные привилегии (которыми ему так и не хватило ума воспользоваться), тогда как в душе Джулио всегда жила скрытая непокорность и недовольство деспотизмом отца.

Он решил выяснить, чем занимаются местные жители, и попытаться заработать себе на пропитание. Это была первоочередная задача. Джулио не собирался задерживаться в Аяччо, но он не мог отправиться в путь без денег и без

конкретной цели.

Большинство местных мужчин ловило рыбу. Побережье было поделено на множество участков, закрепленных за одной или несколькими лодками. Джулио знал, что море не везде одинаково богато рыбой. Кое-где оно по скудости улова напоминает пустыню. Случается и иное: рыба буквально кишит в воде, но берег настолько изрезан и каменист, что невозможно устроить самую примитивную пристань и вытащить лодку на сушу.

Как правило, рыбаки не составляли команду, это делали только ловцы губок и кораллов. Джулио было известно, что люди занимаются этим промыслом не от хорошей жизни. Труд ныряльщиков тяжел и опасен, их век недолог; они рано стареют: кожа покрывается морщинами, глаза разъедает соль. Впрочем на первое время могло сойти и такое занятие. Джулио отлично плавал и нырял, они с братьями с детства развлекались тем, что доставали с морского дна кораллы. Он нашел человека, нанимавшего ловцов губок, и попросил взять его на работу.

В море выходили засветло, бросали якорь меж отполированных волнами скал. Чтобы поскорее погрузиться на дно, ныряльщики брали с собой

большой плоский камень. Привязывали к поясу веревку и вешали на плечо корзину для улова. Кто-либо из оставшихся на палубе держал конец веревки, ожидая сигнала ныряльщика.

Если работавший на дне дергал веревку, этот человек вытаскивал ловца из воды. Когда губок набиралось достаточно, их начинали обрабатывать, давить и промывать, после чего оставляли сушиться на палубе и мачте судна. Работать приходилось целый день, даже когда солнце стояло в зените и его горячие щупальца проникали в толщу воды.

Между тем наступила осень, и вечерами было прохладно. В конце рабочего дня ныряльщики, случалось, отогревались на берегу у костра. Ночевать приходилось на палубе, где тело до костей пробирал холодный ветер.

Как правило, ловцы губок ныряли в море голыми; и сейчас Джулио не спешил одеться, ожидая, пока солнце высушит кожу. Он знал, что красив, и, не в пример скромным деревенским жителям, не стыдился наготы.

Его стройное тело было покрыто бронзовым загаром, каштановые волосы выгорели на солнце до золотой рыжины, а серые глаза на фоне яркого неба казались пронзительно-синими. Девушки

исподволь бросали на него заинтересованные взгляды, но Джулио знал, что здесь ему не на что надеяться: местных красавиц всегда сопровождали их матери или замужние родственницы.

Он почти не вспоминал о Кармине, и его не волновала ее судьба. Да, он говорил ей о любви, но такие слова — просто мусор, они вылетают сами собой, когда хочется уложить девчонку в постель!

Теперь Джулио мало думал о женщинах: его работа была слишком тяжела, а будущее чересчур неопределенно.

Он старался на совесть и вскоре собирал за день столько губок, сколько и остальные, более опытные ныряльщики. Джулио рассчитывал, что получит не меньше других, однако его надежды развеялись в тот день, когда Давид Фарина, владелец лодки, приехал рассчитаться с ловцами.

Заметив хозяина, ныряльщики принялись наводить порядок на палубе. Давид Фарина отличался тяжелым характером и любил придираться к мелочам.

Джулио поспешно натянул штаны и провел пальцами по волосам, разделяя густые, слипшиеся от морской воды пряди.

Когда он увидел, сколько заплатили ему и

сколько — его новым товарищам, его лицо обиженно вытянулось.

Джулио сверкнул глазами на хозяина.

— Почему так мало?

Тот опешил от такой наглости и веско произнес:

— Потому что ты — новичок в деле. Прибыл неизвестно откуда, и мы тебя не знаем. Ты еще никак себя не проявил.

Остальные ловцы молчали, и в их молчании Джулио уловил поддержку словам хозяина.

Он дерзко усмехнулся.

— Разве я не жарился на солнце вместе со всеми? Разве я не наловил губок столько, сколько другие члены команды?

Ныряльщики прятали усмешки. Давид Фарина побагровел.

— Продолжайте нырять. Завтра приеду за уловом, — небрежно произнес он и добавил, не глядя на Джулио: — Ночью лодку будет охранять Гальяни, лодку и то безумное количество губок, которое ему удалось собрать!

Ловцы рассмеялись, и Джулио почувствовал себя уязвленным. Его маленький бунт смог породить лишь неприязнь окружающих. Отныне его будут считать выскочкой.

Хозяин сел в лодку и отчалил. Ныряльщики продолжили работу. Сегодня вечером они отправятся к своим семьям, а прежде зайдут в портовый кабак и выпьют по стакану кислого вина. Джулио смотрел на огрубевшие, обветренные лица, в которые намертво въелся загар, на израненные жилистые руки и удивлялся людям, которые никогда не задумывались о том, что жизнь может быть другой, не похожей на ту, к какой они привыкли с детства.

Когда подошла его очередь нырять, Джулио взял груз и опустился вниз, где принялся быстро отрывать губки от морского дна.

Здесь было потрясающе красиво. Желтый песок, черные камни, покрытые пышными шапками водорослей и острыми створками раковин. Меж изумрудных стеблей вились маленькие рыбки, чья чешуя вспыхивала золотом в солнечных лучах, проникавших сквозь толщу воды. Камбалы зарывались в песок так, что был виден только контур их плоского тела. То тут, то там мелькали прозрачные купола медуз; иные были розовыми или фиолетовыми, с пышными кружевными оборками. Оранжево-желтые, с черными пятнышками крабы угрожающе щелкали клешнями.

Джулио было не до подводных красот. Собирая губки, он вел отсчет секундам, проведенным в воде. Чуть зазеваешься, и в ушах зашумит, голову опоясает боль, а желание вдохнуть станет нестерпимым.

Удушье, судороги, резь в глазах, порезы на руках и ногах, причиненные кораллами и раковинами, — со всем этим ныряльщики были знакомы не понаслышке. Да еще свинцовая тяжесть в теле, вялость после бесконечных погружений, носовые кровотечения и головные боли.

Почувствовав, что запас воздуха в легких подходит к концу, Джулио дернул за веревку. Никакого ответа. Не чувствуя подвоха, он дернул сильнее и похолодел.

Джулио без сожаления бросил корзину и усиленно заработал ногами и руками, пытаясь всплыть. Он погрузился слишком глубоко, и ему было трудно справиться без посторонней помощи. Виски сдавило, перед глазами замелькали звездочки. Силы иссякли. Вместе с тем в недрах его души, всего существа зародилась такая паника, всколыхнулась такая воля к жизни, что Джулио рванулся на поверхность как безумный.

Когда он решил, что все кончено, ловцы сжалились над ним и втащили на палубу.

Джулио распростерся на мокрых досках, неподвижный, как труп. Потом сел, схватился за горло и принялся кашлять.

— Мы хотели немного проучить тебя, сынок, — назидательно произнес один из старших ныряльщиков. — Не надо связываться с теми, кто сильнее тебя. Любое неосторожное слово может стоить куда дороже, чем ты себе представляешь. Твой долг подчиняться старшим и слушаться их.

— Фарина может прогнать нас на берег и набрать другую команду из тех, кто посговорчивее, а у нас семьи, — добавил другой на тот случай, если до Джулио не дошел смысл предыдущих слов.

Убедившись, что его жизни ничто не угрожает, ныряльщики покинули суденышко.

Немного очухавшись, Джулио встал и, сам не зная, зачем, сложил высушенные губки в мешки. Он помнил, как хозяин сказал, что завтра заберет улов. Недавно вытащенные из воды губки выглядели черными и непривлекательными. На берегу их обрезали и осветляли, так, что они становились пригодными для продажи. У Джулио чесались руки выбросить мешки за борт, он с трудом удержал себя от неразумного поступка.

Солнце понемногу садилось, по воде бежала кровавая рябь, а у горизонта сгущались багровые

тучи.

Джулио сел на палубу и задумался. Сегодня он вновь услышал слова о долге, слова, которые преследовали его с детства, как преследуют удары бродячую собаку. Услышал от людей, которые едва не заставили его проститься с жизнью.

Всюду одно и то же! Джулио казалось, что судьба затягивает на его шее удавку, и он не чаял вырваться из этой петли.

Он лениво следил за скользящими по заливу лодками. Скоро стемнеет, судна вернутся в гавань, на берегу зажгутся огни, и он останется один на один с шумом прибоя и невеселыми мыслями.

Мимо проплывала лодка, которой правил юноша лет семнадцати. Джулио узнал его: это был Элиа Валенти. Его отец, как и многие другие, занимался обработкой губок, кораллов и раковин. Однако Давид Фарина обычно продавал товар не Валенти, а другому человеку. Приехав в Аяччо, Джулио пытался устроиться в мастерскую отца Элиа, но безуспешно. Именно там они и познакомились.

Внезапно Джулио пришла в голову мысль, от которой его бросило в жар. Выпрямившись на палубе во весь рост, он окликнул:

— Элиа! Привет! Куда правишь?

Тот поднял голову.

— Это ты, Джулио? Остался на ночь сторожить улов?

— Да.

— Я еду к северному мысу: отец велел забрать товар у одного из ловцов.

Джулио пожал плечами и прищурился.

— Зачем ехать так далеко? Посмотри на эти губки! Они уже сложены в мешки, и я готов их продать!

Элиа сложил весла. На его лице была написаны растерянность и сомнение.

— Мой отец не берет товар у Фарины.

— Точнее, Фарина не продает его твоему отцу! Сегодня особенный день. Хозяин велел мне сбыть товар побыстрее, кому угодно.

— С чего бы это?

Джулио рассмеялся.

— Может, он хочет начать новую жизнь? Ты хотя бы взгляни на губки! Они превосходные. Поднимайся сюда. Никто тебя не укусит.

Он помог Элиа забраться на палубу и сказал:

— Они хорошо промыты, отбиты и высушены. Две монеты по пять франков за всю партию. Что тебе еще надо?

— Не знаю, — пробормотал юноша, трогая губки, — все это как-то странно. Нет, я должен слушаться отца. Пусть он сам поговорит с Фариной.

— Я с детства слышу о том, что надо слушаться отца, и, на мой взгляд, трудно придумать что-то более нелепое! — процедил Джулио, приставляя к боку Элиа нож. — Видит Бог, я не убийца и не вор! Забирай эти проклятые губки, давай мне деньги и проваливай!

— Ты сошел с ума! Фарина тебя прикончит!

— Думаю, я с ним больше не увижусь.

Элиа отцепил от пояса кошелек и отсчитал деньги. При этом его руки слегка дрожали. Джулио хладнокровно ждал. Получив плату, он велел Элиа спуститься в лодку и принялся кидать вниз мешки с губками. Покончив с этим, посоветовал Валенти убираться на все четыре стороны и с неприкрытым торжеством наблюдал за тем, как тот испуганно гребет к берегу.

Оставшись один, Джулио вытащил якорь, поставил парус и направил судно в открытое море.

Единственный способ вырваться из пут старой жизни и начать новую — действовать против правил и при этом не бояться ни Бога, ни дьявола!

Впереди его ждала ночь, неизвестность и дол-

гие мили пути, но он не задумывался об этом. Для того чтобы расстаться с опостылевшей Корсикой, Джулио был готов рискнуть жизнью.

По морю протянулась длинная золотая дорожка. На небе полыхали багряные облака, а берег был далеко-далеко: черная цепочка гор, ускользающая за туманный горизонт.

Вскоре ветер начал усиливаться. Осенью шторма в открытом море были нередки; некоторые из них могли запросто превратить маленькое суденышко в щепки, особенно если налетит подветренный шквал. Джулио это знал, но он скорее умер бы, чем согласился признать свое поражение и повернуть назад.

Ветер сдувал с поверхности моря тонкую водяную пыль и бросал ее в воздух. Волны поднимались все выше, выстраивались рядами. Потемневший воздух готовился вступить в схватку с черной водой.

Слева и справа от борта с шипением и шумом разбивались пенистые гребешки, осыпая Джулио каскадом острых брызг. Ему чудилось, будто в ответ на его попытки сразиться со стихией море разевает черную пасть и насмешливо скалит белые зубы.

Ветер нарастал, сотрясая воздух ужасным сви-

стом. Нос суденышка то и дело зарывался в воду. Лодка жалобно скрипела, сопротивляясь напору волн, укладывавших ее то на левый, то на правый борт. Все старания правильно развернуть парус ни к чему не приводили: ветер рвал его, как тряпку. Дабы не быть смытым потоком воды, Джулио что есть силы ухватился за мачту.

Темная бездна клокотала, возносилась и оседала, швыряя лодку, словно щепку. В какой-то миг Джулио почувствовал, что ноги лишились опоры, а руки продолжают сжимать обычную палку, в которую превратилась сломанная мачта. Его накрыло тяжелой волной и отбросило в сторону. У Джулио перехватило дыхание, и он глотнул соленой воды.

С трудом вынырнув, он попытался осмотреться. Кругом было море и небо без горизонта, вода и чернота.

Как ни странно, отчаяние влило в него новые силы, и он поплыл, поднимаясь на гребни волн и соскальзывая с них, как с горы. Джулио плохо соображал и ничего не видел; порой ему чудилось, будто все это происходит во сне. В памяти было пусто, как в пересохшем колодце. Его куда-то тащило, переворачивало, волокло, и все же он изо всех сил цеплялся за жизнь.

Когда Джулио увидел впереди силуэт огромного, похожего на айсберг судна с огнями на борту, он не поверил своим глазам.

Темная громада словно буравила стихию, то поднимаясь, то оседая. Десяток лье, отделявших пловца от корабля, где были люди, могущие его спасти, казался огромным расстоянием. Джулио кричал и махал руками, пытался вскарабкаться на гребень волны, дабы стать заметнее и выше.

К счастью, его увидели. С корабля спустили шлюпку. Джулио не мог забраться в нее сам, и его втащили за шиворот. Он с жадностью глотал пресную воду из фляжки, которую ему протянули. Его завернули во что-то сухое и теплое. Больше он ничего не помнил.

Очнувшись, Джулио не сразу понял, где очутился. Вокруг были люди, много людей. Он ощущал жжение в горле и в глазах. Ладони были ободраны в кровь, все тело болело и ныло. И все же, похоже, это путешествие обошлось ему сравнительно дешево. Он вспомнил о десяти франках, своем единственном богатстве, и о кинжале, своем последнем оружии. Все было на месте: кинжал на поясе, мешочек с деньгами — на шее.

Джулио приподнялся и осмотрелся. Вода и небо, очищенные штормом, казались удивительно

спокойными. Чайки выныривали из сгустков утреннего тумана и вновь исчезали в них.

Корабль, на котором он плыл, был огромен: настоящий гигант с невероятным количеством канатов, дерева, железа и парусины. Легко рассекавшее волны судно своей мощью напоминало легендарных морских чудовищ.

Глядя на матросов, проворно поднимавшихся по вантам, расходящихся по реям и разворачивавших их веером, освобождавших и крепивших паруса, Джулио невольно почувствовал себя маленьким и ничтожным.

К юноше подошел молодой офицер в сине-белой форме, резко очерчивающей и выгодно подчеркивавшей линии тела, и заговорил с ним сперва по-французски, а после — на хорошем итальянском:

— Откуда ты взялся?

— С Корсики.

Офицер удивленно покачал головой.

— Далеко же тебя отнесло! Повезло тебе, парень! Не иначе в рубашке родился. Марсовой заметил тебя по чистой случайности и едва поверил своим глазам!

— Спасибо за то, что вы меня подобрали.

— Вообще-то это не пассажирское судно, а во-

енный корабль «Амазон» Тулонской эскадры.

Джулио облизнул потрескавшиеся губы.

— Куда держите курс?

— В Тулонский порт.

— Вы отвезете меня туда?

— Не кидать же тебя обратно за борт! Кстати, как ты там очутился?

— Я рыбачил, лодку унесло течением и…

— Ладно, — перебил офицер, — отдыхай. Как тебя зовут?

— Джулио Гальяни.

— Ты счастливчик, Джулио! Другого на твоем месте давно бы съели рыбы, — повторил офицер и заметил: — Только вот как добираться обратно на Корсику, тебе придется придумывать самому.

Джулио спрятал усмешку и кивнул. После того, как он заглянул в лицо смерти, в его душе не осталось страха перед будущим: он знал, что никогда не вернется обратно.

Корабль летел вперед, как огромная птица, бесстрастно разрезая волны, разводя пенные струи, поскрипывая и позванивая снастями. Он казался чем-то пограничным между живым и неживым, созданным человеческими руками и изваянным волей и прихотью Господа Бога. Глядя на эту красоту, Джулио впервые задумался над

тем, что не всегда разумно противопоставлять себя миру, иногда полезно стать малой частью чего-то великого.

Его высадили в Тулонском порту. Кругом звучала речь, которую Джулио не понимал, сновали люди, занятые своим делом и не обращавшие на него никакого внимания.

Джулио казался самому себе невежественным пилигримом, прибитым к неизвестному берегу штормовым ветром и капризной судьбой. Он в очередной раз разозлился на отца, считавшего, что кроме того мира, в котором они родились и выросли, ничего не существует.

Джулио побрел по пристани. В какой-то миг он заметил, что навстречу плывет огромная темная масса. Это были люди, много людей, они двигались тесной толпой. Мужчины были скованы цепями, чей лязг и звон заглушал даже плеск волн. Эти люди были одинаково одеты, а на шее каждого из них красовался железный ошейник. Мало кто из них смотрел прямо, большинство уткнуло глаза в землю. Все вместе они напоминали гигантскую сороконожку, которая неуклюже, вразвалку двигалась по пристани, что вызывало не смех, а ужас. Колонну каторжников тулонского острога, направлявшихся на ежедневные работы,

сопровождали вооруженные до зубов жандармы.

Джулио невольно отшатнулся. Вдруг один из узников поднял голову и посмотрел на него взглядом, полным мрака и боли. Джулио понял, что видит перед собой знакомое лицо. Это был Андреа Санто, исхудавший, с уродливым зеленым колпаком на обритой голове, в бесформенной ветхой одежде, закованный в кандалы, сломленный и униженный. И все же его еще можно было узнать.

Джулио пробрала дрожь. Он застыл как вкопанный, потом обернулся, чтобы еще раз взглянуть на узника. Тот тоже оглянулся, однако на него тут же обрушился безжалостный удар палки, и он обреченно втянул голову в плечи.

Так вот что стало с этим парнем, братом Орнеллы Санто, над которым он нередко издевался в детстве! Джулио был потрясен до глубины души. Он сжал кулаки и взглянул на небо. Как же все-таки ужасно изведать низшую степень позора, очутиться в последнем круге земного ада! Подумав об этом, Джулио разжал пальцы, расправил плечи и вздохнул полной грудью. Он был одинок и беден, но у него осталась свобода, а значит — надежда на будущее.

Часть вторая

Глава 1

Подобно другим девушкам, желавшим узнать свою судьбу, Бьянка Гальяни увлекалась гаданием. На зимних посиделках, когда юные жительницы Лонтано вытаскивали из мешочка зерна фасоли, ей неизменно доставалась фасолина в шелухе, что позволяло надеяться на обручение с богатым человеком. В канун Дня святого Джованни[5], когда девушки помечали лентой куст, растущий поблизости от церкви, а на рассвете приходили взглянуть, какие насекомые расположились на нем, Бьянка почти всегда обнаруживала на своем пауков, что также сулило немалый достаток.

По вечерам мать и дочь готовили приданое: ткали ковры-паласы, покрышки на свадебные сундуки, варили растительные краски и окрашивали ткани в черный, ржавый, гранатовый цвета, шили одежду, плели кружева.

Бьянка прекрасно понимала, что ей придется выйти за того, кого выберет отец. После неудачной истории с бегством, закончившейся нелепой

---

[5] Примечания: 5
24 июня.

гибелью Амато и арестом Андреа, она едва ли вновь рискнула бы испытывать судьбу.

Данте также осознал, что бегство старших братьев из отчего дома лишило его возможности выбора. Вскоре после исчезновения Джулио и Дино он вошел к сестре, которая сидела у себя в комнате и шила, и сказал:

— Я остаюсь в Лонтано. Родители не переживут, если я тоже уеду. Меня не надо уговаривать и удерживать, я сам так решил.

Оба догадывались, сколь нелегко было Леону сохранять прежнюю гордость, ведь слухи о том, что двое его сыновей сбежали из дому, распространились по деревне со скоростью урагана.

Внешне Леон выглядел еще более сдержанным и спокойным, чем прежде. Вместе с тем в нем если не исчезли, то значительно ослабли всегдашняя самоуверенность и непреклонность воли.

— Мне кажется, родители не до конца поняли, что Дино и Джулио никогда не вернутся, что отныне им стоит рассчитывать только на меня, — добавил Данте.

Бьянка кивнула. Она тоже часто забывала, что старшие братья покинули дом, и, накрывая на стол к ужину, привычно ожидала, что сейчас в комнату войдет Дино и посмотрит на нее серьез-

ным и любящим взглядом, или появится Джулио и примется беззлобно подтрунивать над ней.

— Отныне с нами все ясно, Данте. Ты заменишь Дино, а моя судьба — это замужество.

— Отец не говорил о том, за кого собирается тебя выдать?

— Нет. Не представляю, кто бы это мог быть.

— У него наверняка есть какие-то планы, — заметил Данте и спросил: — А тебе кто-нибудь нравится?

Бьянка невольно рассмеялась и ответила:

— Я не могу назвать ни одного парня, за которого хотела бы выйти замуж.

— Это неудивительно, ведь среди других девушек ты всегда выглядела как жемчужина среди фасолевых зерен!

— Из-за чего всегда ощущала себя одинокой. Потому будет лучше, если я уеду из Лонтано. Вот только… куда?

— Возможно, ты так растеряна потому, что не можешь забыть Амато? — осторожно проговорил Данте.

Бьянка тряхнула волосами и сцепила тонкие пальцы в замок. Легкая белая ткань с красной каймой соскользнула с ее коленей и распласталась возле ног подобно раненой птице.

— Нет, не поэтому. То было наваждение, а не любовь. Возможно, взамен красоты Бог отобрал у меня способность влюбляться?

— Не знаю, — задумчиво произнес Данте. — Только мне бы не хотелось жить без любви.

— Безрассудная любовь, которой поддался Дино, способна принести большое несчастье. Сбежать с Орнеллой Санто — кто бы мог подумать! Далеко не всегда стоит приносить себя в жертву чувствам.

Девушку терзала сестринская ревность. Дино мог бы выбрать кого-то получше, чем эта неопрятная дерзкая девчонка, которая всегда ходила, гордо задрав подбородок, и никогда ни с кем не здоровалась!

Бьянку поразила реакция матери, когда в минувшее воскресенье на подходе к церкви впервые за долгое время перед ней внезапно возникла Беатрис Санто и принялась выкрикивать оскорбления. Сандра не испугалась и не дрогнула; она внимательно и сочувственно посмотрела женщине в глаза, а после спокойно пошла дальше.

Когда урожай был собран, Леон принялся готовиться к поездке в Аяччо. Он заявил, что Сандра и Данте останутся дома; с ним поедет Бьянка. Девушка удивилась и обрадовалась: до сих пор

путешествия считались привилегией мужской части семьи.

Несколько дней она ломала голову над тем, как одеться. Наряд должен быть практичным и скромным; в то же время она не должна выглядеть хуже, чем городские красавицы. В конце концов Бьянка выбрала юбку из черной орбаче — заложенной в мелкие складки тяжелой ткани, такого же цвета корсаж, отделанный кусочками красного атласа, короткую куртку, украшенную филигранными позолоченными пуговицами, и кожаные туфли с медными пряжками. Под стать наряду было расшитое золотыми блестками мецарро, из-под которого выглядывали уложенные полукольцами каштановые косы.

Леон окинул разрумянившуюся, сияющую красотой дочь удовлетворенным взглядом и ничего не сказал.

Он ехал верхом на гнедом коне, а Бьянка и работники, которых Леон взял в подмогу, — на груженой бочками и корзинами и запряженной волами повозке.

Долина напоминала огромную, наполненную зеленью чашу; со всех сторон она была замкнута вершинами. По обочинам дороги росли сосны-пинии с изумрудными кронами, напоминающими

огромные зонтики.

Путники ехали, не останавливаясь, несколько часов, пока от яркого света и зноя не начала кружиться голова. В длинной, извилистой расщелине протекал ручей; заметив его, Леон решил сделать привал.

Работники ели возле повозки, а отец с дочерью отошли подальше и расстелили ткань на шелковистой траве. Девушка догадалась, что отец не случайно уединился с ней: обычно Леон обращался с работниками, как с членами семьи, и всегда сажал их за стол. Бьянка разложила на холсте хлеб, вяленое мясо, сыр и зелень, разлила вино по деревянным чашкам, какие обычно брали в дорогу.

Девушке не терпелось завести разговор о цели их путешествия. К счастью, Леон начал первым.

— Сбуду товар, а потом проведаем знакомых. У иных есть неженатые сыновья.

Бьянка смутилась и покраснела и все же осмелилась спросить:

— Вы хотите, чтобы я уехала из Лонтано, отец?

— Я хочу, чтобы тебе выпала лучшая доля, чем остальным женщинам деревни, — коротко произнес Леон.

— Я никогда не мечтала о чем-то большем, чем

то, что достается другим, — промолвила Бьянка, слегка покривив душой.

После трагедии, разыгравшейся в родном доме, она твердо решила играть роль послушной дочери и самоотверженно принять все, что судьба надумает вручить в ее руки.

Леон усмехнулся.

— Зато этого желаю я.

Бьянке хотелось поговорить с отцом о Дино и Джулио, но она знала, что Леон из тех людей, которые раскрывают свое сердце разве что перед Господом Богом.

Когда, немного подкрепившись и слегка отдохнув, они отправились дальше, Бьянка продолжала размышлять о разговоре с Данте, словах отца и своем будущем.

Леон был прав: едва ли в Лонтано нашелся бы парень, решившийся открыто ухаживать за ней. Они робели перед красотой Бьянки и побаивались ее отца. Она выбрала Амато, потому что он не был похож на других, но смерть поспешила забрать его к себе.

Чувствуя себя виноватой в гибели молодого офицера, Бьянка изредка посещала его могилу. О несчастном Андреа Санто, с которым судьба обошлась не менее жестоко, она почти не вспо-

минала.

Ее размышления прервал неожиданный выстрел, к счастью, не достигший цели. Путники отреагировали мгновенно. Мужчины схватили ружья и укрылись за корзинами и бочками, которые мигом свалили на землю и поставили кругом. Бьянка низко присела, стараясь подобрать подол юбки так, чтобы не испачкать его в пыли.

Леон надеялся, что нападавшие не станут убивать драгоценную лошадь; что касается людей, то пока они были надежно укрыты.

Долгое время в кустах не было никакого движения, ни малейшего шума. Потом раздались звуки перебранки: тот, кто выстрелил первым, поспешил, не позволив товарищам застать путников врасплох.

Началась ленивая перепалка. Леон и работники стреляли по очереди, чтобы было время перезарядить ружья. Противники тоже отвечали одиночными выстрелами. Отец Бьянки привык к изнурительным многочасовым засадам и пока что не сильно тревожился. Патронов было много, а до темноты — еще далеко.

Примерно через час вдалеке послышались крики и лай собак. Вскоре на дороге появились всадники. Леон растерялся, потому как не знал,

противники это или защитники. В это время один из работников заметил, как по склону горы, явно удирая, карабкается несколько человек, и вытянул руку.

— Смотрите!

Однако Леон не спешил расслабиться и по-прежнему держал ружье наготове.

Возглавлявший группу мужчина спешился и без малейшей опаски подошел ближе. Он не видел Бьянку, которая с осторожным любопытством выглядывала из-за колеса. Девушку удивила смелость незнакомца и заинтересовала… его одежда: ладно скроенный темно-синий сюртук, узкие желтые брюки и высокие черные сапоги. Хотя в руках у мужчины было ружье, создавалось впечатление, что он носит его не по необходимости, а из чистого щегольства. Все это, вкупе с высокой круглой шляпой с прямыми полями и белоснежным шейным платком, согласно ее понятиям, свидетельствовало о благородном происхождении.

— Вы направляетесь в город? — спросил незнакомец.

Леон выпрямился, опираясь на ружье. Бьянка тоже поднялась из-за повозки и тут же заметила, как мужчина сделал стойку и вперился в нее

взглядом.

Она привыкла к скромному восхищению парней в своей родной деревне, ко откровенный интерес взрослого, да к тому же городского мужчины польстил ее самолюбию.

— Да. На нас напали. Вы появились вовремя.

— Я ехал на охоту со своими людьми, когда увидел вас.

— Не ожидал такого происшествия в окрестностях Аяччо, — сказал Леон.

— Увы, с каждым днем все хуже, — усмехнулся мужчина. — Если прежде эти люди вели мирную жизнь и лишь изредка сходились для разбоя, то теперь постоянно промышляют на дорогах. И если раньше они охотились только на богатых или на тех, кто как-то связан с властями, то сейчас не щадят никого. Даже я, обычный торговец, вынужден содержать отряд для защиты, будто являюсь важной птицей!

— Те, кто нападают на простых крестьян, не корсиканцы, а грязные псы, — пробормотал отец Бьянки и заметил: — Я бы хотел узнать имя того, кто нам помог. Меня зовут Леон Гальяни.

— Я ничего не сделал, — возразил мужчина и тут же представился, сняв шляпу: — Винсенте Маркато. — После чего обратился к девушке:

— А как зовут вас, мадемуазель?

Подобное обращение вместо привычного «синьорина» удивило Бьянку. Вообще-то девушкам не пристало разговаривать с посторонними мужчинами, однако она прочитала на лице отца одобрение и с достоинством произнесла:

— Меня зовут Бьянка.

Мужчина улыбнулся.

— Прелестное имя! Вы испугались?

— Благодарю вас. Нет.

У нее был приятный звонкий голос, а еще Винсенте разглядел в ней ту самую простоту, которая граничит с изысканностью, чистоту, что насквозь пронизывает душу. Ее ясные глаза и гладкая белая кожа вызвали в нем воспоминания об изделиях из драгоценного саксонского фарфора. Если нанести на этот фарфор немного позолоты, красота Бьянки Гальяни станет совершенной.

— Моя дочь родилась в краю, где не стихают выстрелы. Мы привыкли к играм со смертью, — пояснил Леон.

— Вот как? Приятно видеть девушку, которая нежна, но не изнеженна. Вы настоящие корсиканцы. Откуда вы?

— Из Лонтано. Это деревня в горах.

— Не слыхал. Впрочем неважно. В любом слу-

чае, приглашаю вас отужинать со мной. А сейчас мы, пожалуй, проводим вас до города.

Бьянке не понравилось замечание отца о «простых крестьянах», однако польстило приглашение синьора Маркато, который наверняка назвал себя обычным торговцем лишь для того, чтобы ненавязчиво снизойти до новых знакомых.

Леон, ошеломленный неожиданным приглашением, ничего не ответил и принялся грузить бочки и корзины в повозку.

Бьянке было радостно въезжать в Аяччо в сопровождении такого кортежа. Будучи первой красавицей в деревне, она не хотела быть последней и в городе.

Время от времени Винсенте Маркато с интересом поглядывал на девушку, не рискуя заговорить с ней при ее отце. Корсиканские женщины то оденутся в черное и ходят по улицам, будто стая ворон, то нарядятся так пестро, что рябит в глазах! В юности они довольно милы, однако с годами их лица приобретают выражение, которое можно назвать мученическим или стоическим.

Винсенте вспомнил об экземпляре «Дамского вестника», парижского журнала мод, который лежал у него дома, и в его темных глазах вспыхнули веселые искры.

— Я буду ждать вас и вашу дочь возле цитадели в шесть часов вечера, — сказал он Леону, когда они въехали в город. — В это время уже не жарко. Не волнуйтесь, я знаю приличное заведение, где можно появиться вместе с юной особой.

Отец пробормотал слова благодарности и кивнул. Бьянке оставалось надеяться, что он не сочтет возможным отказаться от встречи.

Прощаясь, Винсенте Маркато прикоснулся рукой к шляпе и послал девушке полный приветливости и обещания взгляд. Она не смутилась, не отвела и не опустила глаза. Согласно нравственным законам Лонтано, это считалось нескромным. Однако Бьянка быстро постигала разницу. Родная деревня — это еще не весь мир. За ее пределами все течет и меняется куда скорее, а правила не столь строги и дремучи.

Ей понравился Аяччо. Пусть этот город был одет в древний, местами замшелый камень, а его улицы походили на узкие коридоры, образованные прилепившимися друг к другу стенами домов, он казался куда больше и интереснее Лонтано.

Зелень росла в горшках и кадках, вдоль и поперек улиц сушилось белье. Женщины громко переговаривались друг с другом, не покидая домов. Центральная площадь кишела людьми,

среди которых было много приезжих. По набережной гулял ветер, разнося запахи дыма, жареных каштанов и мяса, смолы, соли и сырой рыбы.

— Правда, что в этом городе родился Бонапарт? — спросила Бьянка.

— Да. Надеюсь, вечером синьор Маркато расскажет об этом, — ответил Леон, и у девушки отлегло от сердца.

Отец торопился сбыть привезенный товар: это подтверждало его слова о том, что получение прибыли не является единственной и главной целью нынешней поездки. Он справился до вечера, после чего довольные работники отправились в местный кабачок, а Леон и Бьянка пошли к цитадели.

По вечерам улочки Лонтано тонули в кромешной тьме, тогда как берег, на котором распростерся Аяччо, сиял огнями, отчего город казался украшенным к праздничному торжеству.

— Мне не слишком понравилось, как этот господин на тебя смотрел, — заметил Леон. — Впрочем, ты умная девушка и не наделаешь глупостей. К тому же синьору Маркато, как видно, уже за тридцать, и он наверняка женат.

Об этом Бьянка почему-то не подумала. Она медленно подняла руку и поправила мецарро,

сверкающее блестками, подобно покрывалу восточной красавицы.

— Полагаю, он воспитанный человек и прекрасно знает, как себя вести.

— Надеюсь, — коротко ответил Леон.

Винсенте встретил их на подъеме к цитадели. Увидев отца и дочь, он широко улыбнулся и сделал несколько быстрых шагов.

— Пришли? Я опасался, что вам помешают дела.

Бьянка вздрогнула, когда отец не слишком приветливо произнес:

— Я всегда держу свое обещание.

Винсенте повел Леона и Бьянку в небольшой, уютный кабачок, хозяин которого встретил их с любезностью, граничившей с подобострастием, и сразу провел за небольшую перегородку. Им подали окорок, оливки, хлеб, сыр, засахаренные каштаны и два сорта вина.

— В Тулоне я заказал бы другие блюда, но здесь приходится соблюдать традиции, — усмехнулся Винсенте.

— Вы там бывали? — осмелилась спросить Бьянка.

— Неоднократно. В основном по делам. Возможно, когда-нибудь я окончательно переселюсь

на материк.

— Так вы торговец? И чем торгуете? — спросил Леон, желая поддержать вежливый разговор.

— Всем понемногу, — ответил Винсенте, не сводя глаз с Бьянки. В его взгляде было странное напряжение, от которого ее невольно бросало в жар. Возможно, Леон тоже это заметил, потому что нахмурился и спросил:

— Как поживает ваша супруга?

— Я вдовец. Моя жена скончалась полгода назад. И, к сожалению, она не оставила мне детей.

— Приношу свои соболезнования. Трагический случай?

— Она долго болела, — ответил Винсенте, разливая вино, и Бьянка не услышала в его голосе особого сожаления.

Наступило неловкое молчание, во время которого она исподволь старалась разглядеть собеседника и составить о нем собственное мнение. Что-то подсказывало Бьянке, что от ее нынешнего впечатления об этом человеке будет зависеть слишком многое.

— Моя дочь спрашивала меня, правда ли, что в Аяччо родился Бонапарт? — наконец промолвил Леон.

— Правда. Представьте себе, его дом ничем не

отличается от остальных, — сказал Винсенте, пригубил вино и добавил: — Говорят, Бонапарт позабыл о своем народе. Хотя на самом деле мы должны быть благодарны, императору хотя бы за то, что отныне корсиканцам, кажется, ничего больше и не нужно, кроме как быть корсиканцами! А еще он показал людям, что значит верить в свою звезду. Его пример зажег в молодых людях желание перебороть судьбу, доказать миру, на что они способны.

— Наша судьба — часть Божьего замысла. Нельзя становиться пленниками дерзких желаний и напрасных грез, — сказал Леон.

— Так же, как и опасно сковывать молодежь бесконечными запретами. Рано или поздно всякий человек пытается разорвать путы, — заметил Винсенте, и Бьянке почудилось, будто она никогда не слышала более мудрых слов.

— Главное не забывать о семье. Пример Бонапарта это доказывает. Для настоящего корсиканца семья — превыше любого золота и всех бриллиантов мира.

— Мадемуазель Бьянка — ваша единственная дочь? — поинтересовался Винсенте.

— Кроме нее у меня есть еще сын Данте, он на год старше, — ответил Леон.

Ни слова о Джулио и Дино! Только теперь Бьянка по-настоящему ощутила, насколько сильно уязвлен и унижен отец поступком своих сыновей.

Далее речь пошла о нынешнем урожае и ценах на вино, но она видела, что эта тема, хорошо знакомая и близкая отцу, совершенно не интересует Винсенте. Они разговаривали долго, опустошая стакан за стаканом, и постепенно к Леону вернулось превосходное расположение духа. Под конец вечера синьор Маркато спросил:

— Где вы остановились?

— У дальних родственников. Там тесновато, и я предпочел бы не обременять людей, но в Аяччо трудно найти что-то другое.

— Согласен. Если бы у меня было больше свободного времени, я бы открыл здесь гостиницу с пансионом, как это принято во Франции, — сказал Винсенте и добавил: — Вы окажете мне честь, если завтра утром согласитесь посетить мой дом.

Он выжидающе смотрел на Леона, и Бьянка видела, что в душе отца идет борьба. Завтра утром он собирался уехать, о чем накануне объявил дочери и работникам.

— Хорошо, — медленно проговорил отец, — это будет честь и для нас.

Ночью Бьянка не могла заснуть. В семье дальних родственников Леона, которая приютила их на ночлег, было много народа, и девушку уложили между двух немолодых тетушек, вероятно, для того, чтобы они охраняли ее честь.

Это был старинный дом, с дверью, пробитой столь высоко от земли, что в помещение можно было забраться лишь по шаткой приставной лестнице: так давно не строили даже в Лонтано. Перед окнами были навесные бойницы, предназначенные для защиты семьи от нападения соседей. При лишнем напоминании о том, что корсиканцы только и думают, как бы устроить засаду и пристрелить кого-нибудь из-за угла, Бьянка недовольно поморщилась.

Городок погрузился в глубокий сон. Кроме далекого шума прибоя, с улицы не доносилось ни звука. Тетушки мирно похрапывали. После долгой ходьбы тело Бьянки ломило от усталости, но голова оставалась удивительно ясной. Внезапно она поняла, почему отец хочет для нее лучшей доли. Она сама желала ее для себя, ибо каково прожить жизнь, наблюдая, как она постепенно теряет краски, чтобы в конце концов превратиться в унылое существо, от черных одежд которого веет смертью!

Бьянка осторожно выбралась из постели и попыталась выглянуть в окно.

Кто смотрел на людей из звездных глубин? Были ли звезды похожи на бриллианты или на слезы? Она никогда не задумывалась об этом. Ее не учили устремляться к небесам, ей внушали, что главное чувствовать под ногами твердую почву.

Где-то там, в темноте, дремали корабли. Провожая Леона с дочерью, Винсенте Маркато, словно невзначай, обмолвился, что некоторые суда в гавани принадлежат ему, что приятно удивило Бьянку.

Наверное, Амато Форни, юноша в красивом мундире, с ветром в голове и в кармане, в самом деле не смог бы сделать ее счастливой. Зато человек вроде Винсенте Маркато, крепко державший судьбу за вожжи, — вполне.

К тому времени, как на следующий день они с отцом отправились в гости к новому знакомому, Бьянка укрепилась в своих намерениях.

Дом Винсенте произвел на нее сильное впечатление благодаря странному сочетанию находившихся в нем предметов. Чисто выбеленные стены были украшены картинами, чего нельзя было встретить ни в одном корсиканском

жилище, как и пестрых тканей, мебели красного дерева, высоких ваз и зеркал. Вместе с тем здесь присутствовало и все то, что Бьянка могла увидеть в своем деревенском доме, но — словно бы на задворках, стыдливо запрятанное в угол. Создавалось впечатление, будто новое время стремительно вытесняет прошлое, мощные ветры перемен уносят прочь тяжелую пыль веков.

Пока Леон и Бьянка беседовали с синьором Маркато, из-за занавески, отделявшей комнату от небольшого чулана, на них ни жива ни мертва смотрела Кармина. Она смертельно боялась столкнуться с Гальяни, ибо не сомневалась, что Леон и Бьянка расскажут Винсенте, что она путалась с Джулио.

Между тем Кармина успела придумать душещипательную историю о том, как прежний хозяин взял ее силой, после чего выгнал из дому.

Неделю назад она призналась синьору Маркато в том, что беременна.

Он мрачно прищурился.

— Ты хочешь сказать, что ребенок мой?

Кармина потупилась.

— Да, господин.

— Кто знает, возможно, придя в мой дом, ты уже была брюхата! Как бы то ни было, я на тебе

не женюсь. В тебе есть что-то от шлюхи, а моя жена не должна быть шлюхой, так же как шлюха не может стать моей женой.

И все же он не выгнал ее и продолжал с ней спать. Кармина надеялась, что хозяин позаботится о ребенке, ведь за десять лет брака покойная супруга так и не родила ему детей. Теперь ее судьба вновь находилась под угрозой.

Винсенте не чаял остаться наедине с Бьянкой. Он попросил у Леона разрешения показать его дочери то, что «может быть интересно только молодой девушке». Хотя это было явное нарушение приличий, Леон не стал возражать. Он уже понял, что у синьора Маркато полным-полно денег, а спорить с такими людьми — себе дороже.

И вот Бьянка стояла в маленькой комнате, стены которой были обиты красивой материей, и держала в руках нечто такое, чего она никогда не видела. Это был журнал, напечатанный на нежной и мягкой, как кожа младенца, бумаге, со множеством украшенных изящными завитушками надписей и гравюр, многие из которых были раскрашены. С этих картинок на Бьянку смотрели ослепительные, воздушные, грациозные, кокетливые женщины в изумительных головных уборах и платьях. Они сидели на ска-

мьях под деревьями или качались на качелях, их окружали цветочные гирлянды и розовая дымка. Бьянке чудилось, что она видит перед собой изображение рая.

— Это «Дамский вестник», журнал, который читают в столице, — пояснил Винсенте. — Скажу вам по секрету, мадемуазель: я надумал жениться, и мне бы хотелось, чтобы моя будущая супруга была похожа на одну из этих красавиц. Поверьте, мне не составит труда выписать наряды из самого Парижа!

Короткое «ах» сказало ему о том, что добыча попалась на крючок.

В следующий миг Бьянка закрыла журнал, положила его на место и с достоинством произнесла:

— Ваша супруга будет очень счастлива.

Темные глаза Винсенте заблестели.

— Я тоже. В том случае, если моей женой станете вы.

Глава 2

— Нет и нет! — повторял Леон, который мог быть очень упрямым. — Моя дочь будет венчаться только в Лонтано! Я не желаю, чтобы люди думали, будто она сбежала из дому или что ее избранник стыдится будущей родни. И между обручением и свадьбой должно пройти не менее года.

— Это слишком долго.

— Если не хотите ждать, то не надо. Бьянка не засидится в девках, — с достоинством произнес Леон. — Я знаю, что вы богаты, но для нас это не главное. Положите нам на глаза хоть по пять золотых монет, это не помешает нам видеть солнце. К тому же мне не совсем понятно, почему вы остановили выбор на моей дочери? Я уже говорил вам, что мы простые крестьяне.

— Видите ли, — терпеливо произнес Винсенте, — я корсиканец и желаю жениться на корсиканке: преданной, великодушной, смелой. При этом мне хочется, чтобы моя будущая супруга имела задатки утонченности, живой нрав, способность схватывать новое.

— Вы уверены, что Бьянка такая? Вы ее совсем

не знаете.

— Поверьте моему опыту. Мне приходится общаться с самыми разными людьми, и не только на Корсике. Я хочу обучить свою жену хорошим манерам, грамоте, французскому языку, игре на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Леон вытаращил глаза и грубовато произнес:

— Это еще зачем?

Тонко улыбнувшись, Винсенте ответил:

— Чтобы она стала достойным украшением моего дома и моей жизни.

В конце концов они договорились, что о помолвке будет объявлено прямо сейчас, а свадьба состоится через семь месяцев. Винсенте приедет в Лонтано, где обвенчается с Бьянкой, и сразу увезет ее в Аяччо.

— Поверьте, я не могу надолго оставлять дела, — сказал он Леону, и тот был вынужден согласиться.

Таким образом, Бьянка вернулась в Аяччо уже помолвленной, причем с солидным, богатым человеком вдвое старше ее: все это, безусловно, производило ошеломляющее впечатление. Однако через несколько дней у девушки состоялся не слишком неприятный разговор с матерью.

Они были одни в комнате и готовились ко

сну. Бьянка расчесывала волосы, мягкие, будто облако, и такие длинные, что она могла без труда завернуться в них, как в покрывало. Сандра сидела на кровати в рубахе до щиколоток с широкими рукавами и густыми сборками вокруг шеи и запястий.

— К сожалению, я увижу твоего жениха только в день венчания, и потому хочу спросить: ты сделала этот выбор сердцем?

Бьянка вздрогнула.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что это очень важно.

— А ты любила отца?

— Чтобы уйти от ответа, я могу сказать, что уважала его и прочее, но я не стану этого делать и скажу правду: нет, не любила. Мой брак с Леоном Гальяни был сделкой. Потому я и задаю тебе этот вопрос. Потому я и отпустила Дино, благословила его брак с Орнеллой Санто.

Бьянка замерла. Она могла ожидать чего угодно, но только не того, что в бегстве Дино замешана мать!

— В самом деле?!

— Да. И теперь я жду правды от тебя.

— Я… я не знаю, — пробормотала Бьянка.

Сандра тяжело вздохнула.

— Значит, нет. Повторяю, у меня не будет возможности узнать этого мужчину, и мое сердце щемит от того, что я вынуждена отпускать тебя в неизвестность. Леон говорит, что он богат и умен, но за этими словами я не вижу человека с его достоинствами, недостатками, а главное… чувствами.

— А если бы я сказала, что люблю его? — помолчав, спросила Бьянка.

— Это оправдало бы возможную ошибку.

— Что если я просто не успела полюбить? У меня будет много времени.

— Главное, чтобы его не стало *слишком* много. Как в аду, где каждый день тянется миллион лет. Сейчас тебе трудно представить, каково жить с завистью к чужой любви, за которой словно подглядываешь через щель между досками. Будет еще хуже, если твоя собственная, истинная любовь ворвется в твою жизнь тогда, когда у тебя не будет возможности вырваться из этого плена.

— Отец одобрил мой брак с синьором Маркато. Не думаю, что он желал мне плохого.

— Леон относится к этому браку, как к хорошей сделке, и едва ли задумывается о твоих чувствах.

Они легли и больше не разговаривали. Через некоторое время женщина поняла, что дочь

заснула. Сандра же приготовилась к долгим и мучительным размышлениям. Она и впрямь нередко думала о судьбе своих детей до той поры, пока утро не прогоняло ночь, и иногда ей чудилось, будто вместо крови по жилам течет боль. Однако сегодня она на удивление быстро забылась сном, ибо чувствовала сердцем: даже если Бьянка совершает ошибку, ничто не способно заставить ее свернуть с этого пути.

Утром, во время завтрака, Сандра неожиданно сказала:

— Мы с Бьянкой остались вдвоем. Полагаю, нам не обойтись без помощницы.

Данте подумал, что отец ответит: «Ты же сама выгнала Кармину из дома!». Однако Леон произнес совсем не то, что он ожидал:

— Не думаю, что теперь кто-то с большой охотой отдаст свою дочь в услужение в наш дом.

— Можно позвать не девушку, а… женщину. Скажем, Анжелу Боллаи, которой я отвозил продукты. Ее муж погиб, и она наверняка нуждается в деньгах, — осторожно произнес Данте.

Леон приподнял брови и заинтересованно хмыкнул.

— Пожалуй. Что скажешь, Сандра?

— Хорошая мысль. Анжела Боллаи скромная,

работящая женщина. Можно попытаться предложить ей работу. Ты справишься, Данте?

Тот залился краской до самой шеи.

— Я попробую.

Он не смел и мечтать о такой удаче и вместе с тем отчаянно трусил. И все-таки он пошел к женщине, пошел, едва дождавшись полудня.

Дом Анжелы Боллаи стоял на краю ложбины, полной сверкающего, искристого гранита. На мгновение Данте почудилось, будто он видит перед собой поле, усыпанное чистейшими алмазами.

Вдова Луки Боллаи встретила юношу приветливо, хотя несколько настороженно. На ее лице появилась едва заметная, несколько принужденная улыбка, появилась и исчезла, как луч солнца в ненастье.

— Вас прислал Леон? — спросила Анжела.

Данте понравилось, что женщина обращается к нему на «вы» — это означало, что она считает его взрослым человеком, а не мальчишкой.

— Да, — ответил он, с трудом переводя дыхание. Сердце в груди стучало, как бешеное. — Отец хочет предложить вам работу… в нашем доме: помогать моей матери по хозяйству.

Анжела смотрела на него с едва заметным

удивлением. У нее было бледное лицо, печальные глаза, слегка опущенные уголки губ и гладко причесанные волосы. Ни лоскутка цветной одежды, никаких украшений! Данте знал, что траур по погибшему мужу женщины носят всю оставшуюся жизнь; очень редко вдова вторично выходит замуж.

— Я благодарна Леону и, разумеется, соглашусь. После смерти Луки мне трудно в одиночку воспитывать детей. Разумеется, мне помогают родственники, но у них свои семьи, и мне неудобно их обременять. Я могу прийти завтра?

— Конечно. Мать будет рада.

Слова о муже царапнули сердце Данте. Он знал, что у него нет никаких шансов, и понимал, что к его любви всегда будет примешиваться боль. Он утешался тем, что завтра Анжела придет в его дом, и уверял себя, что ему будет достаточно просто видеть ее каждый день.

Не найдя, что еще сказать, юноша неловко поклонился и ушел. Во время разговора дети, девочка лет семи и пятилетний мальчик, молча разглядывали нежданного гостя. Данте с горечью подумал о том, что когда Анжела выходила замуж, он сам был еще ребенком.

На следующий день она пришла в их дом, и

Сандра осталась довольна ею: Анжела была немногословна, толково и аккуратно выполняла любую работу. Она появлялась на рассвете и уходила, когда в небе зажигались звезды. Детей она с собой не приводила: оставляла их со своей матерью.

Когда Данте встречал ее во дворе или в доме, его сердце сладко замирало, а душа наполнялась теплом. Он мечтал отправиться с ней на прогулку, болтать и смеяться, бежать под деревьями, в густой тени, пронизанной потоками солнца, а когда стемнеет — лежать в траве, любуясь полетом звезд. Быть может, прохладный вечерний ветер сумел бы проникнуть в его сердце и, коснувшись открытой раны своими бесплотными пальцами, если не исцелить ее, то хотя бы немного унять боль.

Когда Анжела подавала на стол еду, Данте не мог отвести от нее глаз: ее движения были грациозны, ловки и красивы, о чем она не подозревала и не задумывалась, ибо была сдержанна и скромна.

Данте терзала ревность: он часто задавал себе вопрос, любила ли Анжела мужа или это был брак по договоренности, как часто случалось в деревне? Ночью, в постели, он грезил о ней,

томился влечением и мечтал о том, что когда-нибудь она окажется рядом. И всякий раз засыпал в тоске, потому как понимал, что это невозможно.

Бьянка готовилась к свадьбе, считала дни и недели до приезда Винсенте и ничего не замечала. Жених обещал привезти для нее муаровое платье, атласные туфли и шляпку фасона, какой носят француженки, и девушка боялась, что родители не позволят ей венчаться в таком наряде. Сандру куда больше волновала судьба дочери, которая вскоре должна была выйти замуж, а не сына, который пока что не доставлял ей никаких хлопот. Что касается Леона, ему не могло прийти в голову, что Данте мог влюбиться во вдову с двумя детьми, которая была старше его на целых семь лет.

Иногда Андреа чудилось, что свободы не существует: куда ни кинь взгляд, скалят зубы стальные решетки. И все же в последнее время в нем укрепилась надежда, надежда на то, что когда-нибудь он выйдет на волю.

Если бы не напарник, его душа сдалась бы куда прежде, чем тело. При этом самого Ранделя словно точили какие-то неотвязные мысли, подобно тому, как черви точат дерево, постепенно разрушая его, превращая в труху, хотя он и держался

изо всех сил.

— Ты умеешь читать? — однажды спросил он Андреа.

— Очень плохо. Отец Витторио считал меня бестолковым, другие мальчики смеялись надо мной. Потому вскоре я бросил ходить на занятия и вместо этого блуждал по горам.

— На самом деле ты очень смышленый. Я продолжу с тобой заниматься, причем будет лучше, если ты научишься читать по-французски.

— Зачем мне это?

— Человек, который умеет читать, всегда сможет сам докопаться до сути любых вещей, отличить правду от лжи. А это — ключ к свободе. Я стану пересказывать тебе книги, которые некогда прочитал. Надеюсь, когда-нибудь ты сам возьмешь их в руки.

— Ты думаешь, мы выйдем отсюда?

— Выйдем, — уверенно произнес Рандель, — и, надеюсь, что скоро.

Андреа слышал, что о побеге заключенных с каторги оповещают пушечные выстрелы, после чего все сведения о беглецах передаются береговой охране и жандармам префектуры. Даже если им удастся выбраться за пределы порта, где взять деньги, одежду, кров? Однако Рандель был умнее

и старше, и Андреа не задавал лишних вопросов.

Он узнал подробности только тогда, когда настала пора бежать.

— Я вытянул счастливый билет для нас двоих, — с легкой улыбкой пояснил Рандель. — Каждый год среди узников проводится своеобразная жеребьевка, которая решает, кому бежать на этот раз. Все заключенные им помогают, таков закон.

— Когда это произошло? — спросил Андреа.

— Вчера. Жеребьевка проходила, пока ты спал. Я не стал тебя будить.

— Откуда ты мог знать, что тебе повезет? Ведь ты еще раньше говорил о побеге?

Лицо Жоржа Ранделя сделалось очень серьезным, даже скорбным.

— Я верил в это, — сказал он и добавил: — Я должен вернуться в Париж. Моя жена умерла, но остались дети: сын, немногим младше тебя, и дочь, которая еще совсем мала. Возможно, их взяли к себе дальние родственники, а может, и нет. Мое имущество конфисковано; не исключено, что мои дети голодают. Мне нужно их найти.

— А как же я?

— Поедешь со мной. Если нас сковали вместе, значит, такова судьба: нам не следует разлучаться.

День побега был выбран неслучайно: в честь победы императора Наполеона над пруссаками в гавани палили пушки. Раскаты салюта слышались со всех сторон — берег заволокло пороховым дымом. Заключенным выдали по порции вина, да и сами охранники, несмотря на строгий запрет, были порядком пьяны.

— Лучшего времени не придумаешь, — заявил Клод Бонне по кличке Кувалда, признанный лидер заключенных. — Надеюсь, вам повезет, ребята.

Смеркалось. Колонну узников вывели из каменоломни. Они должны были сдать инструменты и построиться. Однако случилась заминка — кто-то споткнулся и упал, образовалось столпотворение. Охранников было меньше, чем обычно; они покрикивали на узников, но опасались пускать в ход палки, пока каторжники держат в руках кирки.

Неподалеку раздался оглушительный залп, через несколько мгновений должен был последовать второй. Бонне сделал товарищам знак, и во время второго выстрела они дружно ударили кирками по звеньям цепей Жоржа и Андреа — в том месте, где цепи крепились к кольцу на щиколотке.

Когда оковы рухнули, Андреа почудилось, что с него свалилась тяжесть весом с гранитную глыбу. Они с Ранделем спрятались за грудой камней у входа. Бонне обещал устроить неразбериху при поверке, пусть это и грозило суровым наказанием.

Жорж и Андреа долго ползли, прижимаясь к земле. Ее запах был острым и свежим — запах могилы и одновременно запах воли. Оба узника не хотели думать о том, что стояло между свободой и смертью: годы заключения, ужасное безвременье, беспросветная тьма.

Сейчас мрак был их спасением. Пушки все еще палили, но теперь их звук был далеким, будто во сне. Перед беглецами расстилались незнакомые поля, чернели овраги, высились деревья. Жорж и Андреа бежали от огней порта, от выстрелов, от людей. Иногда их ноги щекотала густая трава, порой тяжелые, подбитые железом башмаки попадали в липкую грязь.

Когда огни человеческого жилья остались далеко в стороне, Жорж Рандель остановился и сказал:

— Надо немного передохнуть.

Он тяжело дышал, его лоб покрылся испариной, руки слегка дрожали. Андреа, напротив, казался

полным сил.

— Куда мы бежим? В Париж?

— Нет, Париж в другой стороне. Мы будем двигаться к Италии.

— Почему?

— Там будет проще укрыться.

— У нас нет ни одежды, ни денег.

— Деньги есть, нам помогли товарищи. Одежду постараемся достать. Чтобы удалиться как можно дальше от Тулона, придется идти всю ночь. Днем где-нибудь спрячемся. Отныне мы обитатели мрака — солнечный свет опасен для нас.

Андреа согласно кивнул, и они продолжили путь. Стояла поздняя осень — лес был почти сквозным; в вершинах деревьев завывал холодный ветер. В черном небе ярко сияли звезды, напоминающие крохотные льдинки. В свинцовых лужах отражалась луна.

Андреа не мог надышаться свободой. Он словно пил воздух и ветер и пьянел с каждым глотком. Неожиданно на него накатило ощущение жизни, собственной жизни как чего-то единственного, удивительного, неповторимого. В этом чувстве растворялись и неуверенность, и униженность, и страх. Судьба повернулась к нему новой гранью, и Андреа ощущал, как в нем вскипают любовь

и ненависть, гордость и стыд, сомнения и надежда, которые спали под гнетом каторги, были забиты палочными ударами, задушены криками охранников.

Он и Рандель брели вдоль какой-то канавы, как вдруг услышали позади топот ног. Люди шли слишком быстро для мирных крестьян, и Андреа сразу решил, что это погоня. Он пригнулся к земле. Рандель сделал то же самое.

Андреа указал на канаву. Беглецы почти одновременно сползли в нее. Дно было вязким и склизким, и все же на нем можно было стоять. Рандель и Андреа, не сговариваясь, присели, и над ними сомкнулась зловонная жижа.

Они ничего не видели и не слышали, им оставалось только терпеть. Это были самые ужасные мгновения в жизни Андреа, ибо он ощущал себя погребенным заживо.

Наконец, будучи не в силах терпеть, он вынырнул на поверхность, весь облепленный грязью, уверенный в том, что на него и Ранделя уже наведены ружья.

Вокруг не было ни души. По дороге протянулась полоса лунного света. Стояла могильная тишина.

— Где они? Они нас не заметили?! — прохрипел

Рандель.

Прошло не меньше минуты, прежде Андреа сумел вымолвить:

— Не знаю… Возможно, нам почудилось?

— Нам двоим?!

Вопрос остался без ответа; Рандель и Андреа решили отойти как можно дальше от дороги, пусть даже они немного собьются с пути.

Они взошли на ближайший холм и остановились, чтобы отдышаться. Внизу виднелась пойма небольшой речушки, за ней — спящая деревня. Рандель и Андреа спустились к речке, чтобы помыться. Вода была холодной, но она освежила беглецов; к тому же они хотели пить.

Они лежали на берегу, дрожа в мокрой одежде, когда Рандель неожиданно сказал:

— Великая цель казалась мне важнее любви к близким. Наверное, потому Бог и забрал у меня жену. Теперь я думаю, что смысл жизни заключается в простых человеческих привязанностях, а не в борьбе против тиранов.

— Я часто вспоминаю мать и сестру, а еще — Корсику. Сказать по правде, она снится мне каждую ночь, — ответил Андреа.

— Значит, каторжное болото еще не засосало тебя так, как оно может засосать человека.

Стало быть, ты еще жив. Что касается твоей привязанности к Корсике, я уже понял, что вы, корсиканцы, прощаете своей родине все, как порой прощают любимой женщине бессердечие и жестокость, прощают ради ее красоты.

Долго оставаться на одном месте было нельзя, и беглецы продолжили путь. Они решили обогнуть деревню и поискать какую-нибудь неприметную тропинку.

Рандель и Андреа пересекали поле, когда увидели, как навстречу идет человек, очевидно, местный житель. В руках он держал ружье.

Сердце Андреа разом упало. На них была арестантская одежда, их головы были обриты, и они не успели избавиться от железных браслетов на руках и ногах. Он сомневался в том, что ночь помешает незнакомцу разглядеть все это и понять, кто они такие.

— Эй, ребята, что вы делаете на моем поле? — враждебно и без всякой опаски произнес человек, подходя ближе.

По тому, как мужчина держал ружье, Андреа понял, что оно заряжено. А еще видел, что незнакомец готов выстрелить: он прочитал это в его взгляде.

Рандель остановился и проговорил как можно

мягче:

— Мы идем своей дорогой, приятель. У нас нет оружия. Мы ни для кого не опасны.

— Как сказать! Полагаю, вы преступники и сбежали с каторги.

— Позволь нам пройти.

— Через мое поле? Нет.

— Хорошо, мы повернем назад.

Андреа дернул Ранделя за рукав. Он был уверен в том, что мужчина, ни секунды не медля, выстрелит им в спину. Корсиканцам всегда было проще всадить пулю в лицо или грудь врага. Однако здешние люди, несмотря на показную храбрость, были трусами, а трусу сложно стрелять в упор.

— Думаю, за вашу поимку назначена награда. Деньги мне пригодятся. Поднимите руки и идите к деревне. Иначе я выстрелю.

Андреа видел, что пальцы мужчины дрожат, а губы подергиваются. Он мог в любую минуту нажать на курок. Так и случилось, когда Рандель бросился на него и попытался схватиться руками за ствол.

Жорж упал на землю. Андреа закричал, а потом склонился над другом, на одежде которого расплывалось кровавое пятно.

Крестьянин попятился и бросился бежать к де-

ревне. Вскоре его фигура растворилась во мраке; беглецы остались одни.

— Зачем, Жорж?! — в отчаянии проговорил Андреа. — Мы могли бы попытаться…

— Это поражение стало бы для меня последней каплей, — прошептал Рандель, не слушая его слов. — Пусть лучше смерть. Я больше не могу, я устал. Устал бороться, устал жить.

Андреа его понимал. Случается, одно мгновенье способно украсть все силы, какие человек копил много лет.

— Беги, Андреа! — добавил Жорж. — Оставь меня здесь. Возможно, ты сумеешь оторваться от погони. Укройся, отсидись где-нибудь.

— Я тебя не покину.

— Напрасно. Я скоро умру, а этот негодяй приведет подмогу, и тебя схватят.

— Мне все равно.

Рандель облизнул посиневшие губы.

— Андреа! У меня осталось мало времени. Обещай, что, оказавшись на свободе, ты поедешь в Париж и найдешь там моего сына и дочь. Сына зовут Дамианом, а дочь — Женевьевой. Я назову свой прежний адрес, хотя там давно проживают другие люди. И все-таки вдруг остался кто-то, кто может сказать, где мои дети. Повторю еще раз:

Дамиан и Женевьева, дети Гийома Леруа, графа Леруа де Лотрек в те времена, когда титулы были в силе, — промолвил он и сказал адрес.

— Гийом Леруа? Кто это? — в смятении проговорил Андреа.

— Это я.

— А Жорж Рандель?!

— Ранделя больше нет, — ответил тот и навсегда закрыл глаза.

Андреа припал к груди убитого друга и рыдал, рыдал до тех пор, пока человек, который его застрелил, не привел за собой толпу крестьян. Андреа попытался дать им отпор — его жестоко избили и заперли в сарае.

— Что, щенок, — злобно кричали они ему, — думал, спрячешься, убежишь?!

Местные жители вызвали жандармов, которые препроводили беглеца в Тулон, где его снова били, пытаясь дознаться, кто помогал ему и Ранделю бежать, а потом заковали в двойные кандалы.

Андреа словно обезумел: он сопротивлялся, кричал, кидался на охрану, бился о стены. Первые были глухи, как и вторые; впрочем вторые хотя бы не отвечали ударами. Через несколько дней Андреа настолько ослаб от побоев, что не смог

встать и выйти на работу. Вдобавок он жестоко простудился во время купания в холодной воде.

Тем временем за побег и сопротивление, оказанное при поимке и задержании, морской суд продлил срок наказания Андреа Санто на три года. Жоржа Ранделя похоронили в общей могиле. После смерти он не удостоился даже номера двести три, того самого номера, под которым значился в списках заключенных.

Глава 3

Андреа очнулся, но продолжал лежать с закрытыми глазами. Лучше не шевелиться и не подавать признаков жизни. Он не знал, где находится, но не сомневался в том, что пробуждение повлечет за собой новые страдания. А если он уже умер и угодил на тот свет? Андреа прислушался к своим ощущениям. Он чувствовал слабость и боль в теле, земном теле, созданном для мучений, а еще его запястья и щиколотки холодили цепи. Значит, он не умер и по-прежнему находился на каторге.

В голове теснились воспоминания, вспыхивали яркие картины: побег, гибель Ранделя, перед смертью назвавшегося другим именем, изнурительные допросы, побои. Андреа очень хотелось снова впасть в забытье, но вместо этого он неуклонно возвращался в реальность. До его слуха доносился нестройный шум, гул голосов, стоны, еще какие-то звуки. Без сомнения, то место, где он очутился, было очередным приютом страданий.

Андреа осторожно поднял веки. Он лежал на кровати в большом помещении с каменными

стенами и высокими сводами. В незарешеченном оконном проеме покачивались обнаженные ветви деревьев, залитые тусклым солнечным светом. Справа и слева стояли другие кровати с тюфяками, набитыми соломой, и полотняными простынями, на которых сидели или лежали люди, но никто из них, кроме Андреа, не был закован в кандалы.

Однако юношу поразило не это: возле его постели на деревянном стуле сидела девушка с ангельски чистым лицом, обрамленным белокурыми локонами. Она читала книгу, и ее длинные ресницы слегка подрагивали, а по губам скользила улыбка.

Заметив, что Андреа открыл глаза, незнакомка улыбнулась и отложила книгу.

— Проснулись? Хотите пить?

Андреа не мог ничего ответить — от слабости, а еще — от глубокого удивления: к нему обратились на «вы»; для этой загадочной девушки он был не номером триста четырнадцать, не преступником, а человеком.

Она приподняла его голову и помогла напиться. Вода была не ледяной и затхлой, как в остроге, а прохладной и свежей. Прикосновение нежной девичьей руки волшебным образом успокоило

все страдания и сняло боль.

— Теперь спите, — сказала она, осторожно опуская его голову на подушку.

Андреа понял, что действительно может спать, спать спокойно и крепко, пока рядом находится это необыкновенное существо.

Когда девушка занималась другими больными, Андреа терзался тайной ревностью. Зато когда она вновь приходила, приносила лекарство или куриный бульон, которым заботливо и терпеливо и кормила его с ложки, он замирал от счастья.

Он заметил, что незнакомка отнюдь не брезглива: она с одинаковым участием относилась как к молодым и привлекательным пациентам, так и к старым, немощным, покрытым сыпью, нарывами или источающим неприятный запах.

Впрочем он почти не обращал внимания на то, что творилось вокруг. Он забылся и перестал тревожиться. Мысли и чувства Андреа сосредоточились на неизвестно кем посланном добром ангеле. Все, что клокотало в нем, стонало и рвалось наружу, улеглось, покорившись ее очарованию, очарованию красоты и доброты.

Однажды голос с соседней кровати произнес слово «убийца», а после Андреа услышал вопрос:

— Мадемуазель Аннета, почему вы все время

сидите возле этого преступника? Когда его отсюда уберут?

Андреа сжался, притворившись спящим, и блаженно расслабился, услышав твердый ответ:

— Вам же известно, Мартен, я всегда чувствую, кто больше других нуждается в моем утешении. Он останется здесь столько, сколько будет нужно для того, чтобы он выздоровел.

Теперь Андреа знал ее имя. А вскоре настал день, когда он узнал, кто она такая.

В окна светило солнце. В чистом небе кружились птицы. В руках у мадемуазель Аннеты как всегда была книга. Она наклонила голову, и тонкие прядки волос, выбившиеся из прически и упавшие ей на лоб, были похожи на паутинки. Маленькие ушки, в каждом из которых покачивался напоминавший слезинку камень, казались вылепленными из мягкой белой глины.

Андреа решился спросить:

— Что вы читаете? Библию?

Библия была единственной книгой, которую Андреа когда-либо видел.

В ее лице промелькнуло удивление.

— Нет, это роман. История женщины. И написала ее тоже женщина.

— Разве женщины умеют писать книги?

— Эта — умеет, — улыбнулась она и показала Андреа обложку.

— Я не умею читать по-французски, — виновато произнес он.

— Вы корсиканец?

— Да.

Ее лоб прорезала тонкая морщинка.

— Как император.

— Да. Только я…

Андреа шевельнул рукой, и цепи предательски звякнули.

— Не переживайте, — мягко перебила она, — лучше скажите, вас зовут Андреа?

— Да.

— А меня — Аннета Моро.

— Как я сюда попал? — спросил Андреа.

— Мой отец был в составе комиссии, которая инспектировала тюремные учреждения. Вы находились при смерти. Вас сняли с койки, раздели и положили на пол у входа, ожидая, что вы вот-вот испустите дух. Отца возмутило такое отношение; он нашел ваше имя в тюремных списках, узнал, за что вы осуждены и сколько вам лет, и предложил вашему начальству на время перевести вас в обычную больницу, пригрозив написать жалобу префекту. Они не хотели вас отпускать, потому

что к вам якобы необходимо приставить охрану, хотя было ясно, что вы не сможете сбежать.

Андреа был наслышан о кладбище, на котором хоронили умерших каторжников. Их трупы зашивали (а иногда и не зашивали) в холстину, складывали в повозку, а после сваливали в широкую яму и присыпали негашеной известью. Там не было ни могильных плит, ни памятников, ни надписей. Ходили слухи, что кое-кого по ошибке зарывали еще живыми. Именно на этом кладбище обрел последнее пристанище Жорж Рандель.

— Кто ваш отец? — прошептал Андреа. Он не удивился бы, если бы это воздушное создание ответило: «Господь Бог».

— Врач. Моего отца хорошо знают в городе. Он содержит здесь за свой счет несколько коек для бедных, — сказала Аннета и встала. — Вам нужно принять лекарство. А еще я принесу вам поесть. Вы должны восстанавливать силы.

Андреа не выдержал:

— Чтобы вернуться на каторгу?!

— Не беспокойтесь, — тихо сказала она, — я сделаю все для того, чтобы вы задержались здесь как можно дольше.

Он проводил ее взглядом, полным страстной тоски. Заметив это, сосед сказал Андреа:

— Только не вздумай в нее влюбиться! Хотя эта участь не миновала ни одного из нас. Мадемуазель Моро в самом деле очень умна и красива. Я слышал, она хотела изучать медицину, но для женщины этот путь закрыт. Ей придется пойти проторенной дорожкой: выйти замуж и посвятить себя мужу и детям.

Сердце Андреа невольно упало.

— У нее есть жених? — выдавил он.

— Еще спрашиваешь! Конечно, есть.

— Кто он?

Сосед пожал плечами.

— Говорят, сейчас он в отъезде, но скоро вернется. Тогда она уже не сможет сюда приходить.

Андреа вздохнул. К легкому аромату духов, который оставила после себя Аннета, примешивались другие, резкие и неприятные запахи.

— Чем ей нравится это место, место, где столько страданий и боли?

— У нее есть способность делать людей счастливыми, и она об этом знает, как знает способ заставить нас бороться за свою жизнь. Я наблюдал за тобой и могу сказать, что ты выкарабкался только благодаря ей.

Андреа закрыл глаза. Теперь он понимал, что одно мгновенье любви способно искупить годы

жестокости.

Когда Аннета вернулась, он посмотрел на нее другими глазами. Отныне ее окутывала тень принадлежности кому-то другому, пронизывали сердечные тайны, в которые ему не было доступа. Андреа понимал, что должен смириться с этим и чувствовать себя счастливым хотя бы оттого, что Аннета Моро существует на свете.

— Хотите, я почитаю вам вслух? Перескажу начало романа, а что будет дальше, узнаем вместе.

— Очень хочу, — искренне произнес Андреа и, помолчав, признался: — У меня был друг. Он погиб. Незадолго до смерти он тоже стал пересказывать содержание книг. Рассказывал только начало, а продолжать не хотел, сколько бы я ни просил. Он говорил, это для того, чтобы когда-нибудь я захотел прочитать их сам.

— И что это за истории?

— Про Рене, которого воспитал народ, называемый начезами, про приключения Кандида, которого прозвали Простодушным.

Андреа замер, вспоминая слова, которые врезались в память, потому что, казалось, были сказаны о нем: «Склонность к уединению увлекала Рене вглубь лесов; он проводил там целые дни в одиночестве и казался диким между дикими».

— Эти истории придумали Шатобриан[6] и Вольтер[7], — добавил он.

В голубых, как небо, глазах Аннеты впервые промелькнул подлинный интерес.

— У вас хорошая память. Вам известно, что на каторге существует школа для тех, кто хочет научиться читать и писать? Ее создали монахи.

— Нет.

— Вы можете ее посещать.

— Не думаю, что меня примут. Ведь я совершил побег.

— Мой отец похлопочет за вас. Я его попрошу.

Андреа увидел отца Аннеты через несколько дней. Это был холеный, холодный на вид господин, с какими юноше не доводилось разговаривать. Он пристально смотрел на Андреа, словно наблюдая и изучая, потом задал несколько вопросов, но не прикоснулся к нему. Аннета тоже держалась сдержанно, хотя в ее взгляде сквозили глубокое уважение и любовь к отцу. А Андреа втайне молился о том, чтобы господин Моро поз-

---

[6] Примечания: 6

Шатобриан Франсуа Рене (1768–1848), французский писатель и государственный деятель.

[7] Примечания: 7

Вольтер (1694–1778), урожденный Франсуа-Мари Аруэ, — один из крупнейших философов-просветителей XVIII в., поэт, прозаик, историк, публицист.

волил своей дочери и дальше ухаживать за ним.

Его надежды сбылись, и Аннета сдержала свое обещание. Она рассказала Андреа начало романа, с которым не расставалась все это время, а потом стала читать вслух. То была история женщины по имени Дельфина, написанная дамой, которую звали Жермена де Сталь[8]. Аннета искренне восхищалась этой женщиной, которую, к изумлению Андреа, Наполеон изгнал из Парижа и Франции.

— Почему? — спросил он.

— Он считал ее безнравственной. Она говорила, что человек может достичь счастья, независимо от Божьей воли. Считала, что страсть побуждает людей к изменению своей судьбы. Может ли быть безнравственной женщина, которая написала такие строки: «Мы перестаем любить себя, когда перестают любить нас»?

Последние слова были очень близки и понятны Андреа, и он рискнул рассказать Аннете свою историю. Про мать и сестру, навязчивые мысли о вендетте, дом, похожий на расшатанный старый зуб, про родной остров, с его причудливыми берегами, пугавшими жителей материка своей

---

[8] Примечания: 8

Сталь Анна-Луиза Жермена де (1766–1817), французская писательница, представительница раннего романтизма, автор романов «Дельфина» (1803), «Коринна, или Италия» (1807) и др.

дикостью и безмолвием, нарушаемым лишь плеском волн и криками птиц. О корсиканцах, чья жизнь подчинялась порывам, налетавшим внезапно, как бешеный ветер, и, случалось, оставлявшим кровавые следы.

В конце Андреа сказал:

— Я убил человека. От отчаяния, от безысходности. Жаль, что я никогда не смогу его увидеть и сказать, что сейчас мне, живому, ничуть не лучше, чем ему, лежащему в земле.

— Когда-нибудь все мы обязательно встретимся на Небесах, — сказала Аннета и вдруг спросила: — Хотите, я предскажу вам судьбу? Меня научила одна цыганка.

Она взяла его ладонь в свою — мгновение, за которое Андреа охотно отдал бы с десяток лет своей жизни! — посмотрела на линии и промолвила:

— Все сложится хорошо. Вы женитесь на красивой женщине, и она родит вам детей. И… вы будете очень богаты, Андреа, вы поможете многим несчастным. Вы сумеете прямо смотреть в глаза всему миру. За годы страданий Господь вознаградит вас годами счастья.

Богатым — он, нищий корсиканец! Счастливым — каторжник, изгой?! Судьба более невероятная, чем у самого Бонапарта.

Андреа не поверил, но все же спросил:

— Когда это случится?

Аннета нахмурилась.

— К сожалению, не в этом десятилетии.

— Да, — сказал он, — ведь мне придется пробыть на каторге еще семь лет.

Аннета выпустила его руку.

— Вы не должны отчаиваться. Каким бы странным не показалось вам то, что я скажу, но постарайтесь… мечтать.

— Сейчас я мечтаю только о том, чтобы болеть вечно, — сказал он, и Аннета улыбнулась.

Андреа впал в состояние, которое было сродни наваждению. Вокруг него сменялись люди — он ничего не замечал. Он видел и слышал только Аннету. Ему не хотелось думать о том, что за порогом больницы у нее существует другая, богатая событиями жизнь, жизнь, в которой ему не было места.

Андреа ненавидел свое тело, к которому неуклонно возвращались силы. Он больше не мог притворяться больным и занимать койку, в которой нуждались другие больные. К тому же Аннета была уверена в главном: его душевному состоянию больше ничего не угрожало. Потому она без колебаний решилась сказать ему правду:

— Вам придется покинуть больницу, Андреа. Завтра за вами придут жандармы. — И, словно желая его утешить, сказала: — Меня здесь тоже не будет.

Андреа нашел в себе силы спросить:

— Вы выходите замуж?

— Да. Мой жених — врач, как и отец. Надеюсь, я стану ему помогать, но приходить сюда, где так много мужчин, я уже не смогу.

Они говорили о ее замужестве первый и последний раз. Подробностей Андреа знать не хотел. Он молчал, стараясь сдержать слезы; видя и понимая его состояние, Аннета сказала:

— Если хотите, я подарю вам «Дельфину». Правда, у вас могут быть неприятности: эта книга числится среди запрещенных.

— Почему?

— Я уже говорила: потому что женщине не положено мыслить так же свободно, как мужчине.

— Подарите, — сказал Андреа, — отныне я ничего не боюсь.

— А еще, — промолвила Аннета, — напоследок я готова исполнить любое ваше желание.

— Я хочу, чтобы вы меня поцеловали! — неожиданное признание вырвалось из глубины его души, словно птица из клетки.

Аннета изменилась в лице и будто отдалилась на сотни лет. Андреа почудилось, будто она впервые увидела в нем преступника, а еще — мужчину, предсказуемого в своих нечистых желаниях.

— Не думаю, что мой жених будет в восторге от этого, — холодно произнесла она и поднялась с места.

— Простите меня! — сокрушенно произнес он. — Это было помутнение рассудка. Я не хотел этого говорить!

Аннета смягчилась.

— Я не сержусь. Прощайте. И будьте счастливы!

В ту последнюю ночь Андреа долго не спал. Он не понимал, почему думает о новой жизни, когда ему надо возвращаться на каторгу, отчего ему больше не кажется, что он принадлежит к числу побежденных, по какой причине ему не хочется, чтобы беспощадность людей и судьбы притупила его разум и охладила сердце.

Он незаметно заснул, и в полночь его разбудил шорох шагов. Андреа открыл глаза. В пятне лунного света возник тонкий девичий силуэт, и юноша снова зажмурился. Он лежал, не дыша, пока ему на лоб не легла легкая прохладная ла-

донь. Тогда он сделал глубокий вдох, и в этот миг его губ коснулись чьи-то дивно нежные губы.

У Андреа закружилась голова, и ему почудилось, будто он на мгновение лишился чувств.

Когда он очнулся, то увидел только ряд коек, на которых спали больные. Едва ли Аннета Моро пришла сюда ночью, пришла для того, чтобы подарить ему поцелуй! Повернув голову, Андреа вздрогнул. Рядом с его изголовьем лежала книга Жермены де Сталь. Увидев «Дельфину», он уверился в том, что случившееся было правдой.

Андреа в блаженстве опустил веки. Впервые за долгое время он был благодарен Богу. Посреди ужасов ада ему была дарована толика райского блаженства. Он перестал думать, будто однажды захлопнувшиеся двери никогда не откроются. В его судьбе осталось место для чуда. Теперь у него были силы жить дальше.

Когда за Андреа явились жандармы и вывели его из больницы, ему показалось, что мир изменился. Над мокрой от дождя землей, обвисшими от влаги деревьями, серыми глыбами зданий витала светлая тень Аннеты Моро. А его сердце словно хранило отпечаток прикосновения легкой, нежной ладони этой удивительной девушки.

Андреа ощущал себя музыкантом, которому отрубили руки, но в душе которого сохранилась музыка. Он был готов вновь ступить на территорию, находящуюся под властью злых чар, землю, которой заправляли демоны, враждебно щерившиеся ружьями, бичами и палками.

Когда он присоединился к товарищам по несчастью, Клод Бонне пожал ему руку.

— Я рад, что ты не умер, корсиканец, — сказал он и добавил, понизив голос: — Спасибо за то, что ты нас не выдал.

Расположение и покровительство Кувалды имело большое значение и все же не смогло избавить Андреа от нежелательного соседства. Его новым напарником стал угрюмый человек по имени Гастон Морель, совершивший несколько жестоких преступлений. Заметив среди вещей Андреа книгу баронессы де Сталь (охранникам каторжной тюрьмы не пришло в голову, что книга какой-то женщины могла угодить в списки произведений, запрещенных императором), он бросил:

— На что тебе эта книжонка! Хотя бумага — вещь полезная, в нее хорошо заворачивать табак.

Андреа бросил взгляд на его низкий лоб, тяже-

лую челюсть, огромные ручищи и угрожающе произнес:

— Только попробуй!

Он сразу понял, что они не уживутся; так и вышло: когда ему хотелось отдохнуть, его напарник предпочитал бодрствовать, если Андреа желал тишины, Гастон нарочно что-то говорил или бормотал. Он имел привычку грязно ругаться и смеялся над юношей, который «дрожал над дамской книжкой» и собирался записаться в школу для заключенных, когда истечет срок наказания за побег с каторги. И все же Морель не осмеливался трогать соседа, потому что видел, как Кувалда при всех пожимал ему руку.

Впереди было семь бесконечно долгих лет неволи, но Андреа старался не отчаиваться. Глядя на темную зыбь воды, багровый шар солнца или гнилые доски своего отсека, слушая скрип снастей, бесконечные удары кирки или тихие стоны спящих товарищей, он думал об Аннете Моро. Он говорил себе, что, возможно, когда-нибудь она пришлет ему письмо. Андреа ждал его, понимая, что ждет послания, которое никогда не придет.

По подушке прополз солнечный луч, скользнул по лицу спящего Дино, коснулся его ресниц. Заметив это, Орнелла неслышно встала, подошла к

окну и задернула занавеску, затем снова легла и стала жадно смотреть на мужа, будто впитывая, впечатывая в душу до боли знакомые, родные черты.

Теперь она понимала мать. Потеряв любовь, та утратила все. Иногда Орнелла думала о том, что когда-нибудь они с Дино возьмут Беатрис к себе. Она размышляла и об Андреа: в Аяччо Орнелле не удалось узнать о его судьбе, и иногда ей казалось, что ее несчастного младшего брата давно нет в живых.

Она понимала, что Дино тоскует по своим родным, но не говорит ей об этом, чтобы поберечь ее чувства. Орнелла тоже молчала о некоторых вещах, например о том, что вот уже не первую неделю ощущает по утрам легкую тошноту, а днем — внезапное головокружение. Они прожили вместе совсем недолго, тем не менее она вполне могла забеременеть.

Орнелле нравилось пребывать между неведением и знанием, летать на невидимых крыльях и лелеять свои тайные мечты. Иногда она задавала себе вопрос: принадлежит ли недавно зачатый ребенок миру живых или его душа все еще находится там, за неведомым горизонтом, плавает в океане звезд, в покое небытия?

В остальном между ней и Дино не существовало недомолвок и секретов. Орнелла впустила мужа в свой тщательно охраняемый мир и водила по неведомым тропам. Прежде он был привязан к земле и хозяйству и не располагал такой свободой, к какой с детства привыкла она, не так хорошо изучил жизнь дикой природы, не столь сильно проникся ее властью и красотой.

Орнелла умела слушать зов ветра и моря и отвечать на него в своих песнях. Однако теперь она пела только для Дино. Они гуляли, болтали, смеялись, обнимались, занимались любовью и — ни о чем не жалели. Орнелла радовалась тому, что рассталась с прежней жизнью, чужой болью и непонятными запретами.

Их счастье омрачало, пожалуй, только одно: Дино никак не удавалось найти работу. Наступила поздняя осень, и жизнь в Аяччо замерла: из гавани выходило все меньше кораблей, море все чаще трепал шторм, а то далекое пространство, где сходились вода и небо, было покрыто пеленой тумана.

Дино открыл глаза. Как и всегда, утро было наполнено свежестью, светом и криками чаек. Он улыбнулся Орнелле, и ей почудилось, будто в серую глубину его глаз упал солнечный луч.

Она обвила шею мужа тонкими смуглыми руками, и на безымянном пальце ярко сверкнуло обручальное кольцо. Орнелла не умела говорить о любви, да и Дино стеснялся откровенных признаний. Однако теперь они могли общаться на ином языке.

Дино знал, что Орнелле глубоко безразлично, во что она одевается и носит ли какие-то украшения. Однако сама по себе она была столь красива, что он не мог отвести взор. Эта живая, колышущаяся, словно водоросли в воде, масса волос, сверкающие темные глаза, гибкое, стройное тело! Обнимая жену, он думал о том, что они оба очень молоды и будут молоды еще много лет: в такие минуты ему казалось, что жизнь бесконечна и впереди их ждет только счастье.

И все же вот уже несколько дней он носил в себе боль, которой наконец решил поделиться с любимой.

Когда Орнелла встала с кровати, намереваясь одеться и приготовить завтрак, Дино сказал:

— Подожди. Мне надо рассказать тебе о… Джулио.

— О Джулио? — Орнелла нахмурилась. Она предпочла бы не вспоминать об этом человеке. — Вы встретились?

— Нет. И боюсь, никогда не встретимся. Не так давно я решил наняться на работу ловцом губок, пусть даже и за гроши, но когда члены команды услышали мое имя, я получил такую отповедь! Они сказали, что отныне человек с фамилией Гальяни не ступит на палубу ни одного судна, пришвартованного в гавани Аяччо! Я попытался узнать, в чем дело, и мне рассказали, что Джулио Гальяни угнал лодку известного торговца Давида Фарины, а перед этим продал его товар по дешевке другому человеку. Потом обломки этой лодки прибило к берегу. Торговец узнал ее. В ту ночь на море был жестокий шторм: вероятно, Джулио погиб.

Орнелла замерла. Она не могла сочувствовать Джулио. Ей хотелось ответить, что с такими проходимцами не может случиться настоящей беды, но тот был родным братом Дино, потому она промолчала.

— Значит, теперь тебя никуда не возьмут?

— Причем тут это? У меня умер брат! — с досадой и болью произнес Дино и отвернулся к стене.

Орнелла оделась и молча вышла за дверь. Она прошла в кухню, где уже хлопотала синьора Кристина. Орнелла давно поняла, что из нее самой

никогда не получится хорошей кухарки, хотя она искренне старалась перенять секреты, которыми владела хозяйка этого дома. Орнелла была слишком порывистой, нетерпеливой, любящей свободу, а не уют, запахи моря, а не кухни.

Синьора Кристина жарила улиток и варила похлебку из мелкой рыбешки, которую Орнелла наловила на мелководье.

Женщина обернулась.

— Проснулась? Будешь есть?

— Я не голодна, — ответила Орнелла, однако присела к столу. Через какое-то время она спросила: — Синьора Кристина, может ли человек заставить свое сердце чувствовать то, чего там просто нет?

Женщина не удивилась. Она уже привыкла к тому, что эта прямодушная девушка задает ей самые неожиданные вопросы.

— Думаю, нет. Правда сердца — она от Бога. Разве Богу можно солгать?

— Спасибо за понимание. Жаль, нам скоро придется от вас уйти.

— Почему?

— Дино не удается найти работу, а деньги почти закончились.

— Какое-то время вы можете пожить у нас про-

сто так, — слегка поколебавшись, промолвила синьора Кристина. — В конце концов твоему мужу должно повезти.

— Если б только я знала, как ему помочь!

Хозяйка не успела ответить; вошел Дино, поздоровался с синьорой Кристиной и отрывисто произнес, обращаясь только к ней:

— Я не буду завтракать. Мне необходимо отлучиться. Не ждите меня скоро.

Орнелла пыталась поймать его взгляд, но он упорно отводил глаза. У нее защемило сердце. Она не могла вынести ни его обиды, ни его равнодушия.

Когда он ушел, она с трудом сдержалась, чтобы не разрыдаться.

— Поссорились? — сказала синьора Кристина. — Ничего, помиритесь. Что касается того, как можно заработать… Вчера я случайно встретила на берегу торговца с материка. Он интересовался пухом и перьями наших птиц.

Орнелла подняла голову.

— Птиц?

Корсиканки почти не держали домашней птицы. Не было привычки, да и с кормом было туго. К тому же мужчины почти всегда приносили из леса достаточно дичи.

— Он имел в виду тех, что гнездятся на скалах. Их пух мягок, а перья красивы. Пух нужен для того, чтобы делать перины и набивать подушки, а перьями на материке украшают дамские шляпки. Этот человек обещал за то и другое неплохие деньги. Сейчас на скалах полно опустевших гнезд. Правда, далеко не все из них можно достать. Будь я моложе…

Орнелла расхохоталась. Ее щеки порозовели. Она порывисто вскочила со стула.

— Дайте мне корзину, синьора Кристина!

Та покосилась на нее.

— Ты умеешь лазить по горам?

— Еще как!

Женщина покачала головой.

— Только будь осторожна. Не забирайся слишком высоко. И лучше не ходи сегодня. Слишком ветрено.

— Я не боюсь ветра. С ним можно сладить.

Орнелла шла вдоль берега легкой, упругой походкой, не обращая внимания на то, что погода портилась на глазах. Солнце скрылось, волны с силой бились о берег, над пенящейся стихией кружились птицы, и на их крыльях сверкали соленые брызги. Орнелла шла мимо сараев, в которых хранились серые от морской соли паруса и

прочие снасти, различные инструменты, смола.

Берег был завален грязью, мертвыми водорослями, сломанными ветками, обломками лодок, всяким хламом, но она не смотрела под ноги. Ее взгляд был устремлен ввысь.

Орнелла знала, чьи гнезда будет искать. Пестрый буревестник предпочитал открытые пространства, он приближался к берегу, когда приходила пора выводить потомство. Эти птицы любили строить гнезда на скалистых островах, расположенных в открытом море.

Орнелла слышала, что буревестник откладывает одно-единственное яйцо, что происходит только раз в году. Перья этих птиц были удивительно красивы: серовато-бурые, переливчатые на спине и крыльях и белоснежные — на груди. Многие люди считали буревестников предвестниками несчастья, потому что по ночам те издавали звуки, похожие на жалобные крики новорожденного.

К этому времени птицы давно вывели птенцов и улетели, однако в гнездах должно было остаться достаточно перьев. Моду украшать шляпки подобным образом Орнелла находила нелепой и даже смешной, но сейчас это не имело значения.

Она не привыкла сидеть сложа руки и ждать,

пока кто-то исполнит ее желания. Не привыкла думать о трудностях и о риске.

Орнелла оглядывала пещеры, темные расселины и углубления в скалах, напоминающие трещины на коже гигантского существа, оглядывала в поисках места, с которого можно было начать подъем. Нашла, привязала корзину к спине и принялась взбираться наверх.

Внизу гремели валы. Шторм набирал силу; при каждом прикосновении к камням Орнелла ощущала их вибрацию. В ушах свистел ветер. Корзина моталась из стороны в сторону и била ее до спине. И все же она добралась до одного из гнезд и принялась выбирать перья и пух. Пахло птичьим пометом, концы веток кололи руки. Вид пустого, покинутого гнезда порождал тревожные мысли, но Орнелла отбрасывала их прочь.

Перья и впрямь были красивы. Столь безукоризненное чудо могла сотворить только природа, как только Бог мог создать существа, способные отрываться от земли.

Орнелла не ведала страха, пока ей не пришло в голову посмотреть вниз. Она оглядела пустынный рейд, небо с едва просвечивающим сквозь туман солнечным диском, берег с разбросанными то там, то сям ветхими хибарами и внезапно

поняла: что-то произошло. Орнелла чувствовала, что не сможет спуститься обратно. Став женой Дино, она утратила свой дар: будто в сказке, отдала его в обмен на любовь.

Голова закружилась, в глазах потемнело. Орнелле почудилось, что она вот-вот потеряет равновесие. Она вцепилась в камни, ожидая, пока пройдет приступ дурноты, затем осторожно вытянула ногу, коснулась небольшого выступа и принялась готовиться к следующему шагу. Однако конечности ослабели, дрожали и не слушались. В какой-то момент произошло неизбежное: Орнелла поскользнулась и полетела вниз.

Перед глазами мелькнуло небо, мимо пронеслась отвесная стена с вцепившимися в трещины уродливыми корявыми растениями. Потом Орнелла словно угодила то ли в огромные сети, то ли в лапы неведомого чудовища, после чего был сильнейший удар, и все исчезло.

Глава 4

Осенью 1806 года Наполеон Бонапарт подписал в Берлине декрет о континентальной блокаде. Если прежде Франция препятствовала возможности ввоза английских товаров в свои собственные пределы, то теперь император решил закрыть для врага весь европейский рынок. Никакое судно, идущее из Англии или ее колоний, не могло быть принято ни в одном французском порту. На торговлю было надето ярмо: Европа лишилась сахара, чая, кофе, хлопка и красителей.

Командиры военных кораблей получили приказ захватывать коммерческие суда неприятеля. Большой урон английской торговле наносили и каперы[9]. При нападении на вражеские корабли последним запрещали грабить судно прежде, чем оно будет приведено в порт для освидетельствования адмиралтейским судом, однако некоторые из них нарушали это требование и утаивали часть товаров, а то и вовсе превращались в кор-

[9] Примечания: 9

Каперы — частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства снаряжали за свой счет судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля.

саров. Перевалочной базой для «нечестных» каперов нередко служили отдаленные острова, в том числе и Корсика.

Именно на такую команду наткнулся Дино Гальяни, когда, решив привести в порядок чувства и мысли, бродил по пустынному побережью.

Валы накатывали на полоску каменистого пляжа; их грохот был способен заглушить любые звуки. Дино казалось, что он идет уже несколько часов, продрогший, промокший, потерявшийся в тумане. Он вспоминал детство, тот миг, когда отец возложил на него бремя ответственности за поступки братьев.

— Если они совершат какой-либо проступок, отвечать будешь ты, — однажды сказал Леон, и с тех пор Дино следил за поведением Джулио и Данте.

Если младший не доставлял особых хлопот, то Джулио порой намеренно выводил Дино из себя. Не выполнял поручений, лгал, портил вещи, убегал и прятался неведомо где. А после смеялся над старшим братом, дразнил его и обзывал занудой. Теперь Дино охотно простил бы Джулио его выходки.

На Орнеллу он тоже не мог долго сердиться. Дино знал, что она такая, какая есть — прямо-

линейная и честная. Да, ей не нравился Джулио, ей была безразличная его судьба, и она не могла этого скрыть. Зато Орнелла любила его, Дино, и дарила ему свои песни, в которые вкладывала душу.

За очередным поворотом скал он увидел людей, которые выгружали на берег изрядно подмокшие тюки. Их судно выглядело как обычный рыболовный бот, однако каждый из этих странных моряков был вооружен до зубов. Интересно, что заставило их пришвартоваться не в гавани, а в столь неподходящем и неудобном месте?

Не привыкший лезть в чужие дела, он собирался повернуть назад, тем более все равно было пора возвращаться, однако какая-то сила бросила его вперед и заставила спасать груз от сырости вместе с незнакомцами. Сначала они не обратили на него внимания, а после оторопели. Один из них навел на Дино ружье.

— Эй, парень! А ну-ка остынь! Положи то, что держишь, и стой на месте, — человек говорил по-итальянски с сильным акцентом, коверкал слова, но все же его можно было понять.

Дино опустил тюк на камни.

— Кто ты такой? Откуда взялся?

— Гулял по берегу, увидел, как вы разгружаете

судно, и решил помочь.

— С чего бы вдруг?

Дино пожал плечами. Он вдруг почувствовал, насколько сильно истосковался по настоящему делу.

— Мне нужна работа. Все равно, какая.

— А мы не хотим, чтобы кто-то нас видел. Прикажешь всадить в тебя пулю?

— Даю слово, я никому не скажу.

В голосе Дино не было ни капли страха, а взгляд его серых глаз казался открытым и честным.

В лице мужчины что-то изменилось, и он спросил:

— Ты живешь в Аяччо?

— Да, но я там недавно. Родился в другом месте, в Лонтано, это деревня в горах.

— Пришел в город на заработки?

Дино кивнул. По непонятным ему самому причинам он решил не говорить об Орнелле.

— Мне не повезло, — сказал он. — Сейчас трудно найти работу. К тому же в Аяччо у меня нет знакомых.

Мужчина прищурился.

— С парусами управляться умеешь?

— Да.

Мужчина помедлил, будто что-то оценивая и

собираясь с мыслями.

— Кого попало мы к себе не берем. Меня интересуют люди, способные быстро превращаться из моряков в воинов. Ты владеешь оружием?

— Я корсиканец.

— Меня зовут Жером Фавье, — сказал человек. — А как твое имя?

— Джеральдо Гальяни.

— Хорошо, Джеральдо, хочешь помочь, помогай. Я тебе заплачу. Думаю, что тебе можно верить. У нас все законно, мы охотимся на контрабандистов с разрешения властей. Однако порой мы вынуждены скрываться в укромных местах вместе с нашим «уловом». Не так давно мы потеряли троих из нашей команды, и нам нужны люди, особенно из местных, но только надежные и смелые.

У Дино пересохло в горле. У него появилась надежда на то, что его возьмут в команду. Но это означало, что он будет должен оставить Орнеллу на берегу, а еще — рисковать своей жизнью. Однако если повезет, он вернется домой с деньгами!

Разгрузка заняла несколько часов. Дино старался изо всех сил, ему хотелось показать себя с лучшей стороны. Его одежда задубела от соли, а волосы слиплись. Тюки были спрятаны в углуб-

лении между скал и надежно укрыты камнями. В конце работы Жером Фавье протянул ему деньги и сказал:

— Через день мы отчаливаем. Хочешь, приходи — поплывешь с нами. Посмотрим, на что ты способен. Если не придешь, но проболтаешься о том, что было, достану из-под земли!

Возвращаясь домой, Дино думал о том, что Орнелла наверняка его заждалась, и жалел, что у него не осталось времени зайти в какую-нибудь лавку и купить ей подарок.

На пороге его встретили синьора Кристина и синьор Фабио. Первая плакала, второй выглядел растерянным и мрачным.

— Наконец-то ты вернулся! — сказал мужчина. — Присядь. Случилось несчастье.

Синьора Кристина говорила, всхлипывая, прерываясь и охая:

— Это я виновата. Я сказала Орнелле про перья. Она взяла корзину и пошла к скалам. В молодости я тоже не боялась высоты. Она не возвращалась несколько часов, я встревожилась и послала Фабио… Он нашел ее, позвал на помощь соседей, они принесли ее домой, потом Фабио привел врача…

Дино вцепился в руку мужчины.

— Она жива?!

— Жива, но не приходит в себя, бедняжка. Синьор Росси все еще с ней.

Дино ворвался в комнату. В волосах Орнеллы виднелась кровь, на бессильно вытянутых руках ветвились синие жилки, закрытые глаза были окружены черными тенями.

— Она умирает?! — выкрикнул он.

Пожилой доктор выпрямился и ответил:

— Ваша жена родилась в рубашке. При падении она, должно быть, зацепилась одеждой за куст или дерево, и это смягчило удар. И все же у нее разбита голова, сломаны рука, нога и несколько ребер. И она до сих пор не пришла в себя.

Дино опустился на колени рядом с кроватью. Внезапно ему вспомнилась клятва, которую они давали друг другу, когда венчались. Быть вместе в богатстве и бедности, в болезни и здравии, в радости и печали. Дино приник губами к руке своей юной жены и, не таясь, заплакал.

Очнувшись, Орнелла услышала голоса, которые то отдалялись, то приближались. Громкий стук сердца мешал разобрать, что говорят люди. Сквозь закрытые веки просачивался слабый свет, но у нее не было сил открыть глаза. Мысли путались и обгоняли друг друга, словно вспугнутые птицы.

Постепенно дыхание Орнеллы выровнялось, и она сумела различить слова, которые произнес незнакомый голос:

— А еще ваша супруга была беременна, и у нее случился выкидыш.

Ее охватило острое чувство вины и потери. Собственная душа казалась Орнелле похожей на опустевшее, покинутое гнездо. Теперь она знала, чему принадлежит не родившийся ребенок — земле, которая впитала ее кровь.

Сделав невероятное усилие, Орнелла подняла веки и увидела посеревшее лицо Дино. Из-за слез его светлые глаза напоминали осколки стекла. Орнелла удивилась тому, что Дино умеет плакать. Отчего-то ей вспомнились женщины-плакальщицы, непременные участницы похорон на Корсике. У них она никогда не видела настоящих слез.

— Очнулась, — произнес все тот же голос. — Это уже хорошо.

После Орнелла вновь потеряла сознание из-за резкой боли, когда доктор вправлял ей сломанную кость и накладывал шину, а придя в себя, услышала, как синьор Фабио сказал:

— Если тебе нужно уехать, Дино, уезжай. Мы за ней присмотрим. Я понимаю, что теперь тебе

понадобится много денег.

Орнеллу охватила паника. Дино хочет уехать! Куда? Бросить ее?! С трудом разомкнув непослушные губы, она прошептала:

— Не оставляй меня!

Его взгляд просветлел от радости, а голос прозвучал надежно и твердо:

— Я никогда тебя не оставлю.

Пламя костров, разведенных на бивуаках, весело трещало, к небу вздымались клубы дыма, посеребренные восходящей луной. Сквозь туман просвечивали грозные профили пушек полевой артиллерии; их колеса и лафеты казались вырезанными из черной бумаги.

Было около четырех утра. Пехотинцы линейных частей корпуса генерала Даву готовились к наступлению на прусскую армию близ города Апольда. Набранные в сентябре призывники были пушечным мясом, но именно среди них не смолкали возбужденные, радостные разговоры. Они смеялись над опасностью и стремились навстречу славе, не задумываясь о том, что могут угодить в объятия смерти.

— Похоже, мы выступим позже, чем было условлено: туман, — заявил младший офицер, появляясь перед сидящими вокруг костра сол-

датами.

Раздались негодующие возгласы, и Джулио поморщился. Он-то с удовольствием посидел бы подольше, погрелся, возможно, даже вздремнул. Октябрьские ночи в Пруссии были холодными и сырыми. Однако остальные не собирались спать. Джулио знал, что сейчас начнутся разговоры, содержание которых, в зависимости от настроения, вызывало в нем усмешку или бешенство.

— Поскорее бы вступить в бой и задать прусакам жару!

— Надеюсь, в случае победы нам дадут по медали!

Услышав это, Джулио хищно улыбнулся. Он презирал тех, кто воевал за побрякушки. Впрочем, многие мечтали не только о них.

— В нашей армии есть возможность себя проявить. Кто знает, кем мы проснемся завтра? Маршал Лефевр начал службу как простой солдат, Мюрат был сыном трактирщика!

— А Ланна — конюшим!

— Главное, чтоб вы завтра вообще проснулись! — процедил Джулио и сплюнул.

Зря он это сказал! Теперь все взоры обратились к нему! Он без того всегда являлся героем таких разговоров.

— Тебе незачем переживать, корсиканец! Тебя охраняет тень императора!

— Правду говорят, что все корсиканцы — родственники? Если так, тебе не миновать повышения.

Выслушав еще пару подобных реплик, Джулио огрызнулся, и шутники умолкли. Его не осмеливались задевать всерьез, ибо в нем таилась холодная, как сталь, безжалостная злоба.

— Я знаю другой способ возвыситься, — сказал молоденький солдат. — Хорошо бы спасти жизнь полковнику или генералу. И чтоб у этого генерала была прелестная дочь на выданье!

Заговорили о женщинах. Джулио молчал. Женщинами, с которыми приходилось иметь дело, служа в армии, он был сыт по горло. Мужеподобные маркитантки, которых он брал в повозках или под повозками, торопливо задирая им юбки, глупые грязные шлюхи из придорожных таверн, которых хотелось ударить.

Джулио Гальяни попал в армию так, как туда попадало большинство молодых людей невысокого происхождения. Офицеров из числа дворян готовили в престижных военных школах, а простых солдат набирали путем вербовки среди сыновей ремесленников и крестьян.

Очутившись в Тулоне, Джулио не отказал себе в удовольствии заглянуть в портовый кабачок, где и попался на удочку. Он ничего не знал про вербовщиков, между тем один из них завязал с юношей разговор, угостил вином, навязал деньги и заставил подписать бумагу. Когда Джулио вздумал идти на попятную, вербовщик принялся соблазнять его высоким жалованьем, и он решил попытать счастья.

Его ожидания не оправдались. Новенькая форма быстро выгорела на солнце и вылиняла от дождей. Через месяц Джулио окружали не ярко-синие, а коричнево-серые мундиры. Пехота без устали месила ногами грязь, каждое сражение уносило жизни сотен людей. Короткий сон не мог победить усталость, суровые наказания и строгая дисциплина, призванные превратить вчерашний сброд в хорошо обученную солдатскую массу, выводили из себя.

Построение началось на рассвете. Над дорогой стелился густой туман, подъем был труден, и пехота двигалась медленно.

К сапогам прилипли комья грязи, тяжелый ранец давил на плечи. Глядя на темную, беспрестанно движущуюся массу народа, Джулио задавал себе вопрос, кто он и что здесь делает,

как пытался понять, что влечет вперед этих солдат, еще вечера бывших мирными людьми? Ненависть к неведомому врагу? Страх наказания? Сознание правоты порученного им дела? Любовь к императору? Или некая тайная сила, которой нет названия? Так или иначе, ему были совершенно ясны две вещи: он здесь лишний, и он не желает умирать. Его жизнь принадлежала не Франции, не императору и даже не Господу Богу, а только ему, Джулио Гальяни.

Никто не ожидал, что по пути следования в заданный район части генерала Даву столкнутся с главным ядром прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского. Завязался встречный бой. Пруссаки ринулись в атаку.

На Корсике Джулио не раз становился участником кровавых стычек, но то была партизанская война, стрельба из укрытия, лазанье по горам, больше похожее на игру. То, что случилось сейчас, ошеломило его и сбило с толку. Мимо летели ядра, в ушах звенело. Рядом кто-то вонзал в грудь противника штык, другой человек пытался вышибить из рук Джулио ружье. Люди боролись, стреляли, падали. Вопли идущих в атаку смешивались со стонами умирающих.

В какой-то миг Джулио решил, что с него хватит.

Быть может, для этой стреляющей, дерущейся и орущей массы не было ничего неосуществимого, возможно, она была способна сокрушить, исковеркать и уничтожить все, что угодно: он более не хотел иметь с ней ничего общего. Сознание неотвратимости и неизбежности смерти погнало его прочь с поля боя.

Сперва Джулио упал, притворившись тяжелораненым или мертвым, потом пополз через поле, после встал и рысью бросился в кусты, подальше от этой дикой свалки. Иногда кто-то из раненых хватал его за одежду или звал: Джулио не обращал на это никакого внимания.

Наконец крики и выстрелы смолкли, дым, треск, стоны остались позади, как и запах пороха и крови. Джулио продирался сквозь кусты боярышника; он стремился уйти в сторону от главной дороги и надеялся не столкнуться ни с французами, ни с пруссаками.

Выбираясь из зарослей, он услышал громкий стон. Джулио прибавил шаг, как вдруг услышал:

— Помоги! Кто бы ты ни был! Я в долгу не останусь!

Что-то заставило его остановиться. На мокрой от крови траве лежал мужчина лет сорока в офицерском мундире. Разглядев золотые эполеты,

Джулио произнес сквозь зубы:

— Мне некогда. Я послан с особым поручением. — Он не стал уточнять, к кому и куда.

— Мой отряд угодил в засаду и был расстрелян пруссаками. Подо мной пал конь. Мой адъютант заслонил меня своим телом и был убит. И все же меня ранили. Пруссаки решили, что я мертв, и ушли. После мне удалось отползти в кусты. Я полковник де Сент-Эньян; уверен, за спасение моей жизни положена награда, — пошептал мужчина, не открывая глаз.

— Ладно, — проворчал Джулио, понимая, что прежние планы идут насмарку, — я постараюсь вам помочь.

Он отстегнул металлическую флягу и напоил раненого. Хлебнув холодной воды, тот открыл глаза. Джулио расстегнул ранец и вытащил бинты.

Сделав перевязку, он уложил полковника на шинель.

— Будет лучше, если мы дождемся конца сражения, — сказал он и сел рядом.

— Кто вы? У вас странный акцент.

— Я корсиканец.

— О! — только и сумел произнести раненый.

Джулио усмехнулся. Магический ореол, окру-

жающий императора Наполеона и все, к чему тот имел хотя бы какое-то отношение, казался ему нелепым.

— Думаю, мы проиграем битву, — неосмотрительно произнес он.

— Нет, — твердо ответил де Сент-Эньян, — мы ее выиграем.

После полудня Джулио решил, что пора трогаться в путь. Он тащил полковника на шинели, размышляя о том, что ему сулит это неожиданное знакомство. Как почти все корсиканцы, он был фаталистом. Если судьба протягивает тебе конец своей нити, хватайся за нее и держись до последнего вздоха!

И все-таки он не хотел рисковать. Завидев вдали полевой госпиталь, Джулио вынул нож и, стиснув зубы, вонзил в левую руку чуть выше локтя. Кровь полилась горячей струей, забрызгав мундир. Несколько соленых капель упали на лицо де Сент-Эньяна, и тот прошептал:

— Я не знал, что вы тоже ранены.

— К счастью, не тяжело.

Прежде чем его уложили на носилки, полковник сказал:

— Этот молодой человек — герой. Несмотря на ранение, он спас мне жизнь; рискуя собой,

доставил к своим. Он достоин награды. — Потом обратился к Джулио: — Не забывайте обо мне. Я тоже вас не забуду. Если окажетесь в Париже, заезжайте на улицу Дюпоне. Там вас встретят, как доброго друга.

Джулио кивнул. Ему перевязали рану, а поскольку она была легкой, вскоре он вернулся в свой полк.

Как предрекал полковник де Сент-Эньян, сражение при Ауэрштедте принесло Наполеону блистательную победу. Генерал Даву получил звание маршала, а герцог Брауншвейгский — смертельную рану. Про семь тысяч французских солдат, положивших головы в этом бою, было упомянуто вскользь. Эти люди сыграли свою роль в истории: их телами была вымощена дорога к процветанию великой французской империи.

Глава 5

Всю зиму Бьянка смотрела на себя чужими глазами, глазами односельчан, которые непременно станут злословить, если за ней не приедет жених. Она давно приучила себя к мысли, что ее участь будет иной, чем у других юных жительниц Лонтано.

Первые признаки прихода весны появились незаметно, а затем она, как случалось каждый год, обрушилась потоками воды, бегущими с гор, и теплым влажным ветром, дующим с моря. Над берегом с пронзительными криками носились чайки, они огромными колониями гнездились на скалистых уступах. Глубокие колеи на дорогах были полны грязи, на деревьях распускались листочки.

В один из последних апрельских дней Бьянка вернулась домой с праздника, посвященного святому Георгию, на котором юные жительницы Лонтано распевали песню «Нет мая без солнца, нет девушки без любви», и увидела на сундуке небрежно брошенные дорожный плащ, шляпу и хлыст для верховой езды.

Бьянка замерла, прижав руки к груди. Никто не

предупредил ее о приезде важного гостя, и сейчас она думала только том, как будет выглядеть в его глазах.

По случаю праздника Леон оказался дома; он сидел за столом напротив Винсенте Маркато, одетый в нарядную куртку красного фабричного сукна, привезенного из Аяччо. Из-под куртки виднелась белая рубаха домотканого полотна с филейной вышивкой по воротнику.

Винсенте расположился спиной ко входу, так что Бьянка могла видеть только темно-синий сюртук, ладно обтягивающий тело, и аккуратно подстриженные черные волосы.

— Как видите, я выполнил уговор, Леон, — говорил он, — выдержал ровно семь месяцев, хотя это было нелегко, и приехал за вашей дочерью. Будет лучше, если мы обвенчаемся завтра и через день уедем в Аяччо.

— Так скоро? Нет. Для того чтобы подготовиться к свадьбе, нужно не меньше двух недель, — возразил Леон. — К тому же сейчас время выгона скота.

Винсенте откинулся на спинку стула.

— Я еще прежде говорил, что не могу оставлять дела на такой срок. Я думал, у вас было время подготовить приданое и что там еще необходимо для

соблюдения приличий. Хотя лично мне нужна только Бьянка.

Девушка была готова убить отца. Зачем он морочит синьору Маркато голову и тянет время? Пересыпанное лавандой приданое было давным-давно сложено в сундуки, и она не могла дождаться, когда наконец покинет Лонтано и сделается хозяйкой роскошного городского дома.

Неожиданно ей на помощь пришла Сандра. Женщина вошла в комнату, поздоровалась с будущим зятем и сказала:

— Мы вполне можем управиться за два дня, если наймем побольше народа. Со скотом можно повременить. Свадьба куда важнее.

Леон нахмурился от того, что жена вмешалась в его разговор с гостем, но не стал возражать.

— Что ж, — сказал он, — пойду к отцу Витторио, распоряжусь насчет оглашения. Надеюсь, он поймет, почему все делается в такой спешке!

Бьянка расцвела улыбкой. На Корсике существует поверье, что в ночь накануне посвященного ему праздника святой Георгий объезжает поля и дороги верхом на коне и прислушивается к молитвам верующих. Он наверняка услыхал ее просьбу поскорее послать к ней жениха!

В усадьбе закипела работа. Бьянка и Анжела

хлопали крышками сундуков, заново укладывая приданое. Женщины-соседки под руководством Сандры пекли, варили, жарили угощение. Данте вместе с работниками сколачивал длинные столы и скамьи, Леон распоряжался в винном погребе. Девушки из числа «подружек» (хотя на самом деле у Бьянки никогда не было настоящих подруг) украшали гривы и хвосты коней, а также хомуты яркими лентами. Обычно свадебный поезд тянули волы, но Леон, единственный в Лонтано обладатель лошадей, решил щегольнуть и запрячь в головную повозку двух породистых жеребцов.

Винсенте прохаживался по усадьбе и снисходительно взирал на хлопоты. Вечером, когда ему удалось ненадолго остаться с Бьянкой наедине на правах жениха, он сказал:

— Я привез все, что обещал: муслиновое платье, шляпку, туфли и даже перчатки!

Глаза Бьянки загорелись. Она с жадностью разглядывала гладкую розовую ткань платья, туфельки с острыми носками и длинными атласными лентами и украшенную бантами соломенную шляпку. Винсенте очень хотелось предложить ей примерить платье прямо здесь и сейчас, но он знал, что до поры до времени должен сдержи-

вать свои порывы. И все же он решился обнять и поцеловать невесту. Это произошло впервые, и Бьянка была неприятно поражена тем, как настойчиво губы Винсенте раздвигали ее губы, что его руки властно скользнули по ее плечам и спине, а особенно тем, что жених умудрился на секунду сжать ее грудь в своей ладони.

Внезапно Бьянка поняла, что мечтала о новом доме, завидном положении, нарядах, слугах, о чем угодно, только не об объятиях и поцелуях. А ведь за венчанием грядет брачная ночь!

— Я бы хотела венчаться в новой одежде, — сказала она, пытаясь взять себя в руки, — но боюсь, родители не позволят.

— Не стоит упорствовать, — с улыбкой заявил Винсенте, — когда ты станешь моей женой, я позволю тебе носить любые наряды.

Он рассказал невесте о том, что за зиму обновил обстановку комнат: заказал гнутую мебель с цветной обивкой, массивный двустворчатый шкаф для одежды, посуду из эмалированной меди. В гостиной, сказал Винсенте, стоит настоящий хронометр (ему пришлось объяснить невесте, что это такое), чеканные подсвечники и украшения из фарфоровой глины.

Бьянка радостно улыбнулась, подумав о том,

что главное — ее будущий муж богат и способен открыть для нее новый мир. Что касается объятий и поцелуев, ради муслинового платья, атласных туфель и шляпки из строченой соломки стоит и потерпеть.

Ночью Винсенте ворочался без сна. Мысль о юном, упругом и сочном девственном теле Бьянки, которая спала едва ли не в соседней комнате, сводила его с ума. Мужчина пожалел, что здесь нет смазливой покладистой служанки, с которой можно наскоро утолить телесный голод. Он обратил внимание на Анжелу; однако молодая женщина имела слишком строгий и неприступный вид.

Винсенте вспомнил о Кармине, к которой не прикасался около двух месяцев. Она вот-вот должна была родить и сделалась неповоротливой и тяжелой. Он предупредил, чтобы она не вздумала говорить правду его юной жене.

— Ты нагуляла этого ребенка, — сказал он ей, — а где и с кем, про то мне неведомо.

Анжела Боллаи, которую заприметил жених Бьянки, допоздна заработалась в доме Гальяни, потому Леон велел сыну проводить ее.

Данте вел Анжелу по темной дороге, с удовольствием вдыхая солоноватый ветер, который дул

с неспокойного моря. Отвесные берега тонули в густой тени, тогда как вода отливала белой сталью.

Мысли с бешеной скоростью проносились в его голове, обгоняя друг друга. Тайные уголки души наполняло то невысказанное и несделанное, что не давало ему покоя целую зиму.

Внезапно Данте подумал о том, что теперь, когда Бьянка выйдет замуж и уедет из Лонтано, Сандра может отказаться от услуг Анжелы, потому что справится с хозяйством одна. И он больше не сможет каждый день созерцать свою первую и единственную любовь.

— Вы останетесь у нас после свадьбы моей сестры? — решился спросить он.

— Да, если вашей матери будет по-прежнему нужна моя помощь, — ответила Анжела.

Она всегда разговаривала с ним отстраненно и холодновато, и все же Данте не покидало ощущение, что она слегка растеряна и смущена.

— Сандра очень довольна вами, — неловко произнес он.

— Я рада.

— Уже поздно. Где ваши дети, Анжела?

— Сегодня они ночуют у моей матери. Я знала, что задержусь: подготовка к свадьбе всегда отни-

мает много времени и сил.

Данте замер. Запретные слова теснились в мозгу и рвались с языка. Он знал, что должен сказать Анжеле то, что собирался сказать почти целый год, сказать сейчас, пока они одни, ибо иного случая может не представиться.

— Я… я тоже безумно рад тому, что вы появились в нашем доме, что я могу видеть вас каждый день, слышать ваш голос! Я… я люблю вас, Анжела, я схожу по вам с ума!

Женщина остановилась. Впереди расстилалась заросшая папоротником пустошь, за которой стоял ее дом. В окружающем мраке было что-то влекущее и одновременно пугающее.

— Вы не можете говорить мне такие вещи! — голос Анжелы дрожал.

— Почему, если это правда?

— Я старше вас, я была замужем, у меня есть дети.

Он знал, и это сводило его с ума. Перед мысленным взором Данте вставало ее прошлое, которое он не мог с ней разделить.

— Вы любили своего мужа?

— Разумеется, я любила Луку! — взволнованно произнесла Анжела, и Данте почудилось, будто она не понимает, о чем он спрашивает, или при-

творяется, что не понимает. Последняя мысль придала ему смелости.

— Но ведь он умер!

— Да, и я должна быть верна его памяти.

Отчасти Данте ее понимал. Жители Лонтано — непреклонные судьи, само неодобрение, осуждение и суровость которых способны извести человека. И все-таки он хотел выяснить главное.

— Я вам совсем не нравлюсь?

— Я не хочу, чтобы вы заводили такие разговоры, — сказала она, не отвечая на вопрос.

В темноте Данте плохо видел лицо Анжелы, и все же ему показалось, что она едва сдерживает слезы.

— Этого я обещать не могу, — твердо произнес он.

— Тогда я откажусь приходить в ваш дом.

— Нет! — испуганно воскликнул Данте.

— В таком случае поклянитесь забыть о том, что вы только что сказали.

— Клянусь, — обреченно прошептал он.

— Дальше я сама дойду, — сказала Анжела, и по ее тону Данте понял, что она начала успокаиваться.

— Вы придете на свадьбу?

— Я должна помочь Сандре.

— Я думаю, вы достойны того, чтобы быть гостьей на этом празднике, — неловко промолвил Данте.

Анжела не ответила. Через несколько мгновений ее траурное платье слилось с ночным мраком, и Данте потерял ее из виду.

Он шел обратно, как пьяный, не различая и не разбирая дороги. За ним пристально следил белесый глаз луны. Тропинка была залита призрачным светом, тени покачивались, словно черные занавески, блики казались серебряными монетами. Данте чудилось, что у него отобрали самое главное, что есть на свете: надежду. Он долго бродил во тьме, спотыкаясь о камни, прислушиваясь к голосу ветра, лаю собак, плеску далеких волн, несчастный и безутешный.

Между тем Анжела Боллаи вбежала в пустой темный дом и остановилась, прижав руки к груди. Удары сердца обгоняли друг друга, по лицу текли слезы. Могло показаться, что она жалеет о потерянной любви, но на самом деле это было не так. Лука был хорошим мужем и отцом, они вместе работали, ели, пили и спали, зачали двоих детей, но никогда не говорили о чувствах.

Женщина привыкла к тому, что он владеет ею, однако, ложась с ним в постель, она никогда

не ощущала ни малейшего трепета. Когда муж погиб, Анжела горько оплакивала его, потому что он был кормильцем семьи, отцом ее детей, потому что они прожили вместе восемь лет, и она привязалась к нему. Судьба отняла у нее Луку, но любви никто не отбирал, потому что ее просто не было.

Анжела давно догадалась, что Данте к ней неравнодушен, и, догадавшись, испугалась. Испугалась не его, а себя, потому что при виде юноши ее душа рвалась ввысь, сердце тревожно ныло, а тело наливалось сладкой тяжестью. Помимо воли она стала думать о нем как о мужчине. Что будет, если он ее поцелует? Что она почувствует, если запустит пальцы в его густые и мягкие волнистые волосы, проведет ладонью по гладкой, горячей коже? Анжела изо всех сил старалась избавиться от подобных мыслей, однако это было сродни наваждению.

Женщина не решалась признаться в своих мыслях даже священнику. Она заперла сердце на невидимый ключ и забросила его в самую глубокую пропасть своей души, но после признания Данте потаенная дверь вновь открылась и безудержно манила к себе.

Дома Данте ждала мать. Обратив внимание на

расстроенный вид сына, Сандра нахмурилась.

— Где ты был?

— Проводил Анжелу, а потом немного погулял, — нехотя ответил Данте. — Сегодня я сильно устал.

Сандра тревожно вздохнула. Она всегда больше думала о своем любимце Дино или о непоседе Джулио, чем о младшем сыне. Никто никогда не знал и не интересовался тем, что скрывает его душа. Он всегда был покладистым и молчаливым и словно скрывался в тени своих братьев.

— Анжела тоже устала, — неожиданно произнес Данте. — Было бы лучше, если б завтра она не прислуживала гостям, а посидела на свадьбе как гостья.

Сандра внимательно посмотрела на сына.

— Ты знаешь, что это невозможно. Нам придется подавать много блюд и часто убирать со стола. Будет дорога каждая пара рук.

— Ты намерена оставить ее здесь после свадьбы Бьянки?

— Почему нет?

Данте пожал плечами.

— Я думал, вдруг ты посчитаешь, что тебе больше не нужна помощница.

— У меня не так много сил, как в молодости, —

Сандра грустно улыбнулась, — потому, если Леон решит, что мы по-прежнему можем держать служанку, я не стану отказываться.

— Ты смотришь на Анжелу как на служанку?

— Скорее, на помощницу, как ты сказал. Она мне нравится. Работящая, разумная, скромная. Жаль, что ей придется вдоветь до самой смерти.

Данте затаил дыхание.

— Неужели она больше не сможет вступить в брак?

— В ее положении это нелегко. Наши женщины редко выходят замуж после того, как потеряют мужа. А тебе нравится какая-нибудь девушка, Данте?

Он немного помедлил, потом сказал:

— У меня не было времени задумываться об этом.

Сандра улыбнулась и ласково провела рукой по щеке сына, и он улыбнулся. Иногда Данте думал о том, что у них с матерью куда больше общего, чем кажется. Сейчас он чувствовал, что ей тоже не понравился жених Бьянки. Этот Винсенте Маркато смотрел на его сестру так, как кот смотрит на мышь или торговец скотом — на породистую кобылу. Однако Бьянка выглядела счастливой, и Данте оставалось надеяться, что ее надежды не

развеются вскоре после свадьбы.

В день венчания погода радовала глаз. По яркому голубому небу разметались легкие облака. Море мерцало как огромная серебряная чаша, горы были покрыты молодой зеленью, кудрявой и мягкой, как волосы младенца. Ветер был сильным, но теплым. Его звук и шум бьющих о берег волн создавали неповторимую мелодию, столь дорогую сердцу каждого корсиканца.

Украшенный шелковыми лентами, миртовыми ветвями и медными колокольчиками свадебный поезд был огромен. На одной повозке везли одежду и белье невесты, на другой — кухонную утварь, на третьей — мебель и ткацкий станок. Это был своеобразный показ приданого и демонстрация умений невесты. Кортеж двигался под аккомпанемент музыкальных инструментов и ружейные выстрелы.

Слегка насупленная, разодетая в пух и прах Бьянка ехала впереди кортежа верхом на покрытом роскошным покрывалом коне. Утром девушка едва не повздорила с родителями, которые все-таки не позволили ей венчаться в городском наряде.

Посмотреть на то, как дочь самого уважаемого человека в Лонтано будет сочетаться браком с

богатым торговцем из Аяччо, явилась едва ли не вся деревня. В церкви было не протолкнуться, народ стоял вдоль дороги и висел на изгородях.

В какой-то миг взгляд Леона Гальяни выхватил из людской массы лицо Беатрис Санто. Женщина выглядела оборванной и исхудавшей, однако Леон не заметил в ее взоре признаков безумия или гнева. Она неподвижно стояла и со скорбным спокойствием смотрела на свадебный поезд: несчастная корсиканка, потерявшая обоих детей.

Леон втайне надеялся, что старший сын вернется домой, и был готов его принять, пусть даже и с Орнеллой Санто в качестве законной жены. О Джулио отец думал с другим чувством. Леон предвидел, что Джулио выйдет сухим из любой переделки, тогда как в Дино таилась некая незащищенность, он был слишком порядочным, гордым и честным.

Свадебный пир был великолепен: копченые и сырокопченые окорока, сардельки, ливерные и кровяные колбасы, сыры нескольких сортов, пироги с различными начинками, жареная дичь и неизменные печеные каштаны. Вино трех, пяти и даже десятилетней выдержки лилось рекой.

Анжела Боллаи в неизменном черном платье

сновала от столов на кухню и обратно. Ее дети, семилетняя Мирелла и пятилетний Паоло, которых женщина впервые привела в дом Гальяни, сидели среди гостей. Сандра нашла, что они хорошо воспитаны: и девочка, и мальчик не болтали, ели медленно, аккуратно и со сдержанным любопытством разглядывали жениха и невесту.

Данте не удавалось встретиться с глазами Анжелы — женщина упорно отводила взгляд, и юноша с тоской думал, что она все еще сердится на него. Когда Анжела обращалась к своим детям, ее лицо преображалось, становилось на редкость одухотворенным и светлым, и Данте терзался тем, что, возможно, в эти минуты она вспоминает мужчину, который был их отцом.

Ближе к полуночи гости начали расходиться. Женщины отвели молодую в спальню, где раздвинули занавески кровати и велели Бьянке сесть на покрытую нарядным одеялом перину. Мастер славно потрудился над сооружением брачного ложа: оно было украшено рядами балясин, а верхняя рама сплошь покрыта ажурной резьбой.

Когда в спальню вошел муж, Бьянка невольно привстала и замерла перед ним, пылая румянцем.

Винсенте снял шейный платок, который по но-

вой моде носил вместо галстука, сюртук, сорочку, высокие сапоги и остался в одних панталонах.

— Не надо, — прошептала Бьянка, когда он протянул к ней жадные руки. Она вдруг поняла, что перед ней стоит совершенно чужой, незнакомый человек, который тем не менее имеет право сделать с ней все, что захочет.

— Тебе должно быть известно, дорогая, — развязно произнес муж, — что в эту ночь я обязан сделать тебя женщиной. Утром придется показать твоим докучливым односельчанам простыни.

Бьянка знала это. Свадебные гости в Лонтано вели себя сравнительно скромно и не изводили молодых пошлыми шутками, однако обычай демонстрировать жителям деревни доказательства невинности невесты соблюдался неукоснительно.

Ее губы предательски задрожали.

— Как это глупо! Какое им до этого дело!

— Согласен. Девственница ты или нет, должно волновать только меня.

Взяв волю в кулак, Бьянка позволила Винсенте снять с нее брачный наряд и слегка вскрикнула от неожиданности и стыда, когда муж сдернул с нее длинную вышитую сорочку. Он долго любовался соблазнительным телом жены, заставляя

ее мучительно краснеть, а после велел ей лечь в постель.

— Не беспокойся, все пройдет быстро и легко.

Он стянул панталоны, последнее препятствие перед полной наготой: Бьянка в смущении и страхе закрыла глаза и вскоре почувствовала, как муж навалился на нее своим тяжелым телом. Винсенте не сдержал обещания: он вновь и вновь пронзал ее нутро, больно сжимал груди, впивался поцелуями в шею, шептал слова, которые казались ей непристойными. Бьянка кусала губы, стараясь не закричать, и не могла дождаться, когда пытка закончится.

Утром она выглядела слегка растерянной, а ее улыбка казалась приклеенной к бледному лицу.

Винсенте не скрывал своего довольства. Он сказал, что они с женой уедут из Лонтано после завтрака: ничего страшного, если второй день свадьбы пройдет без них. Леон был обескуражен таким заявлением, но Винсенте дал понять, что отныне он — хозяин положения и… Бьянки.

Прощаясь с родителями и братом, последняя громко разрыдалась: впрочем таков был обычай. С повозками пришлось отправить работников, хотя Винсенте не скрывал, что в Аяччо Бьянке не понадобится ни прялка, ни медная посуда, ни

деревенская мебель.

Данте с тоской смотрел вслед уезжавшей сестре. В спешке они даже не успели поговорить. Юноша знал, что грядущее задумано силой, неподвластной никому и подчиняющей человека без остатка. Ему оставалось надеяться, что эта сила будет милостива — как к Бьянке, так и к нему самому.

Глава 6

Почти каждый год на Корсике случались пожары, нередко приобретавшие размеры стихийного бедствия. Маки вспыхивал, как хворост, и сильный ветер разносил огонь по округе. Пожар спускался с горных склонов, угрожая человеческому жилищу. В такое время корсиканцы не воевали между собой, они объединялись для куда более серьезной борьбы, борьбы с огнем. Сквозь удушливую дымовую завесу слышались удары топоров и крики жителей обоих селений, прежде враждовавших между собой, а сейчас бок о бок рубивших кустарник, затаптывающих и заливавших горящую траву. Работа находилась для всех — для мужчин, женщин, подростков и даже детей.

— Надеюсь, скоро потушим, — сказала Сандра, глядя на белое облако, медленно расплывавшееся по склону горы, и вытирая рукавом потный лоб. — Ступай в усадьбу, Анжела. Надо согреть воды и приготовить ужин.

Молодая женщина кивнула и, подобрав прожженный, пропахший дымом подол, побежала в сторону деревни.

Анжеле казалось, что она помнит короткий путь через край маки. С высоты деревня была похожа на груду огромных камней, упавших с небес. Быть может, так оно и было: некая Божественная рука бросила на эту землю горсть неведомых семян, и люди стали селиться на скалистых выступах, казалось, доступных только птицам.

Она спешила, потому не сразу заметила опасность. По траве стелились язычки пламени, бежали ручейками и сливались в небольшие озера. Анжела пыталась найти безопасную тропку и не могла: огонь был везде.

Несколько мгновений она со страхом смотрела на его чуждую, неземную красоту, потом повернула обратно. Не дай Бог очутиться в огненном кольце, лучше вернуться к людям и заодно предупредить односельчан о грозящей опасности.

Через время Анжела заметила оранжевые сполохи и справа, и слева. Хуже нет, когда пламя гонит по земле ветром: тогда жаркая пелена раскидывается веером, и бывает трудно понять, откуда идет огонь.

Она беспомощно оглядывалась, когда услышала знакомый голос:

— Анжела! Стой на месте! Не бойся, я иду к тебе!

Она оглянулась. Высокий, сильный и гибкий Данте мчался к ней большими прыжками. Анжела на секунду закрыла глаза и сразу поняла, что опущенные веки — единственная преграда между ней и той безграничной, отчаянной, слепящей радостью, которую она давно была готова впустить в свою душу.

— Надо предупредить людей, что пожар идет с этой стороны, — сказала она.

— Они знают. Заметили сверху. Мать велела мне догнать тебя.

— Вот как?

Его светлые глаза сияли.

— Я так рад, что с тобой ничего не случилось! Я знаю, куда идти.

Он вел ее через заросли, и Анжела доверчиво шла за ним. Данте куда лучше ориентировался в горах, и не мудрено: в отличие от мужчин у женщин было мало поводов покидать дом.

Здесь было тихо; густая, словно руно, зелень стояла нетронутой. Спутанные, как копна волос, травы покрывали землю сплошным ковром. Неожиданно Анжела поняла, что вокруг на много лье никого нет, что они с Данте остались наедине со своей страстью и мукой.

— Неподалеку должен быть ручей. Я хочу пить,

а ты? — спросил он, замедляя шаг.

— Да, — ответила Анжела и заметила: — Как здесь тихо!

— Люди далеко. И пожар тоже.

— Нас не хватятся? Наверное, сейчас каждая пара рук на вес золота?

— Мать сказала, чтобы я шел домой вместе с тобой и набрал воды в котлы. Я уверен, Леон и остальные справятся с огнем.

Они подошли к ручью. Анжела присела на корточки, умылась и напилась. Ее платье было покрыто сажей, пропитано потом, и она вдруг почувствовала, что если не снимет этот траурный наряд, почти год служивший ей второй кожей, броней и клеткой, прямо сейчас, то сойдет с ума. Анжела попросила Данте отойти за кусты и с несвойственной ей яростью стащила платье через голову, оставшись в сорочке и нижней юбке. Ее движения, ее взгляд были полны отчаяния. Казалось, внутри нее идет мучительная борьба.

Анжела словно не замечала, что завязки ее сорочки распустились, и Данте может видеть сквозь ветки, за которыми он стоял, ее крепкую белую грудь с темными куполами сосков. Данте почувствовал, как внутри разверзлась сияющая бездна. Он понял, что настал переломный мо-

мент, момент, который нельзя упускать, ибо в нем заключалась его судьба, его жребий и его выбор.

Он подошел к ней сзади, обнял, повернул к себе, раздвинул складки тонкой ткани, вцепился пальцами в шнуровку, распутал, разорвал хлипкие веревочки и принялся целовать упругую плоть. Анжела ахнула; словно только сейчас очнувшись, попыталась оттолкнуть его и прикрыться. Сперва он не отпускал ее, а после бессильно рухнул перед ней на колени и простонал:

— Я люблю тебя, люблю! Делай со мной, что хочешь, я схожу по тебе с ума!

Она не удивилась. Ею тоже владела любовь, та самая любовь, благодаря которой рушатся барьеры, отступает ненужная гордость и проходит нелепый стыд.

Анжела погладила волосы Данте и мягким жестом заставила его подняться на ноги. Мгновение они стояли друг против друга, а потом принялись целоваться, жарко, ненасытно, как это делают преступные любовники в редкие минуты свидания.

Она сняла нижнюю юбку и расстелила на жесткой траве. Стянула полотняную сорочку. В свою очередь Данте лихорадочно освобождался от

одежды, теряя пуговицы, обрывая завязки.

Когда Анжела разомкнула плотно сведенные колени, Данте почудилось, будто перед ним раскрыли шкатулку с невиданными драгоценностями. Он осторожно коснулся ее плоти. Она была мягкой, бархатистой и пахла весенними соками. Он с нежным трепетом целовал губы Анжелы; отвечая на его поцелуи, женщина помогала неопытному юноше отыскать вход в свое тело, который казался ему входом в рай.

В первый раз все закончилось так быстро, что Данте стало стыдно до слез. Он вспомнил, как Джулио говорил, что дабы доставить женщине удовольствие, нужны долгие, изысканные ласки. К счастью, Анжела позволила заняться с ней любовью и во второй, и в третий раз, пока он наконец не ощутил сладкую дрожь в ее теле, не услышал тихие стоны. Не открывая глаз, крепко обняв его своими дивными руками, она отдавалась ему всем своим существом.

Они не знали, сколько времени провели возле ручья. Данте не мог поверить в происходящее и вместе с тем понимал: отныне он не сможет существовать по-другому; без поцелуев, объятий и любви Анжелы будет чувствовать себя рыбой, выброшенной на берег, птицей со сломанным

крылом.

— Ты меня любишь? — прошептал он, страшась услышать ответ.

А если это был всего лишь безумный порыв, а если она раскаивается?!

— Люблю. Я влюбилась, как девчонка! Такого со мной еще не было.

— Не думай, что я развлекаюсь с тобой! — пылко произнес он. — Я люблю тебя больше жизни и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Анжела села, обняла колени и грустно покачала головой.

— Ты знаешь, что это невозможно.

— Почему? Ты вдовеешь почти год и вполне можешь вступить в новый брак.

— Твои родители никогда этого не допустят.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я старше тебя на семь лет и у меня двое детей.

— В нашем доме хватит места и еды для всех. К тому же ты очень нравишься моей матери, — неловко промолвил Данте.

Анжела горько усмехнулась.

— Как служанка, а не как будущая невестка!

— Ты для нее не служанка, а помощница, она сама мне говорила.

— Дело не только во мне. Мои дети любят и помнят Луку: я не могу предлагать им нового отца, да еще такого юного!

Данте обиженно поджал губы.

— Ты видишь во мне мальчишку?

— Нет, — сказала она, — нежно проводя рукой по его волосам, — ты мужчина. С тобой я стала такой, какой никогда не была с мужем. Возможно, это наказание и проклятие, но я не жалею об этом.

— Я никогда не понимал людей, которые сопротивлялись чувствам или стыдились их, — заметил Данте.

— Я понимаю. Но не хочу разделить их судьбу, — сказала Анжела и принялась одеваться.

— Может, нам уехать в Аяччо, сбежать, как это сделали Дино и Джулио?

Она резко обернулась, и ее густые темные волосы рассыпались по плечам.

— Представь, какое горе ты причинишь своим родителям, которые без того потеряли двух сыновей?! Потом, Джулио уехал один, и Дино с Орнеллой тоже было не о ком заботиться, кроме как друг о друге. А у меня дети. В Лонтано живут мои родственники, которые помогут мне и поддержат меня, что бы ни случилось. Здесь Мирелле

и Паоло не грозит голод, а что мы станем делать в Аяччо?

— Я найду работу и…

— Я никогда этого не допущу, — сурово прервала Анжела. — Истинный корсиканец не покидает свой дом и не забывает свое прошлое.

— Что же нам делать?

Она задумалась.

— Мы будем встречаться тайно. Пусть наши свидания будут редкими, это не страшно, главное соблюдать осторожность.

— Завтра ты к нам придешь?

— Нет. Обычно Сандра отпускает меня по воскресным дням.

— Тогда я зайду к тебе после церкви.

— Ты пропустишь воскресный обед в своем доме?

— Скажу отцу, что надо помочь тебе поправить ограду. Он не откажет.

— Завтра дома будут дети, — заметила Анжела и покраснела.

— Я хочу познакомиться с ними, — упрямо произнес Данте.

Анжела покачала головой, но не возразила. Ей пришлось надеть опротивевшее платье и кое-как привести себя в порядок.

— Я не могу сейчас идти к вам. Я не в себе, я могу нечаянно выдать нас, — прошептала она.

— Иди домой.

— Твоя мать дала мне поручение!

— Я все сделаю. Скажу, что тебе не во что было переодеться, и я отпустил тебя домой.

Данте и Анжела возвращались обратно, возвращались из мира, существовавшего вне реального пространства и времени. Вскоре стали попадаться следы пожара: выжженные полосы земли, обгоревшая трава, деревья с почерневшими, скрюченными листьями. Пахло гарью, ветер веял по воздуху белый пепел.

Завидев односельчан, идущих в Лонтано с пожара, Анжела испуганно отпрянула от Данте, наскоро пробормотав слова прощания. Она боялась, что люди могут что-то заподозрить, но жители деревни смотрели на них без удивления. Все знали, что Анжела служит в доме Гальяни, и никому не могло прийти в голову, что эта скромная, тихая вдова могла отдаться семнадцатилетнему сыну Леона в кустах на берегу ручья.

На следующий день Сандра Гальяни приветливо поздоровалась с Анжелой возле церкви, и у той отлегло от сердца. Женщины разговорились.

— Вчера мне пришлось пойти домой, — на вся-

кий случай промолвила Анжела.

— Ничего страшного. Я не подумала о том, что у тебя нет другой одежды. Данте все сделал: поставил воду на огонь, приготовил тушеное мясо, разогрел вчерашние лепешки. Мы смогли и помыться, и поесть. Кстати, сегодня он придет к тебе, чтобы починить изгородь: утром они с отцом говорили об этом.

— Вы можете гордиться своим сыном. Спасибо, что послали его за мной. Без Данте мне бы не удалось убежать от огня, — сказала Анжела, стараясь не покраснеть.

— Отныне младший — наша единственная надежда.

— До меня в вашем доме была служанка, Кармина, — вдруг вспомнила Анжела, — что с ней стало?

Сандра нахмурилась.

— Не знаю. Я не хочу об этом думать. Эта девушка спуталась с Джулио, и я ее рассчитала. В нашем доме нет места разврату.

Услышав ответ матери Данте, Анжела невольно сжалась и сникла. К счастью, началась служба, и женщины разошлись в разные стороны.

Анжела плохо слушала слова священника. Стоя в толпе молодых и старых односельчанок, она с

новым интересом разглядывала их одежду, украшения и прически. Большинство женщин было в простых головных платках, однако кое-кто надел расшитые позолоченными нитками чепцы, а иные были в разукрашенных мецарро, более подходящих для свадебного обряда. Анжела гадала, какую девушку выберут Леон и Сандра в жены Данте, и в ее сердце вскипала ревность. Она не хотела отдавать его другой, даже если та будет намного красивее и моложе.

Глядя на бусы, кольца, браслеты жительниц Лонтано, молодая женщина могла сказать, какой именно магической силой они наделены, помогают ли отвратить зло, болезни, способны ли привлечь материальное благополучие или устранить соперниц. Только она, в неизменном черном платье безо всяких украшений и в черном покрывале, была лишена защиты, равно как и надежды на будущее.

Дома Анжела навела порядок, приготовила обед и принялась ждать Данте.

Он пришел в назначенное время, застенчиво поздоровался с женщиной и ее детьми, обвел рассеянным взглядом скромную обстановку дома. Анжела взволнованно улыбнулась. Ей хотелось, чтобы Данте решил, что она хорошая хозяйка и

мать, хотя его наверняка волновало другое.

В самом деле — он любовался нежной кожей молодой женщины, белизну которой подчеркивало траурное одеяние, ее густыми черными волосами и печальными глазами, полными любви и безудержной страсти, любовался, не замечая ничего остального.

Анжела пригласила гостя за стол. Данте попробовал пюре из печеных каштанов, ливерную колбасу, сыр и медовые пирожки. Мирелла и Паоло с настороженным любопытством разглядывали Данте. Он попытался вспомнить, каким был Лука. Кажется, высоким, широкоплечим и темноволосым. Много лет подряд он садился за этот стол и ложился в кровать, которая стояла в другой комнате. Данте не был уверен, что может занять его место.

Обед прошел в напряженном молчании. Когда дочь и сын поели, Анжела дала им корзинку с пирожками и велела отнести бабушке.

— Я приду за вами, — сказала она.

Мирелла и Паоло выбежали за дверь. Данте услышал их звонкие, радостные голоса и понял, что дети Анжелы были далеко не такими молчаливыми и тихими, какими казались в присутствии посторонних.

Поблагодарив за угощение, он встал из-за стола и приблизился к хозяйке дома.

— Ты пришел, чтобы поправить изгородь? — мягко промолвила Анжела, кивая на инструмент, который он оставил в углу.

У Данте пересохло в горле, и все-таки он сумел ответить:

— Да. Но прежде я хочу лечь с тобой в постель.

Анжела молча принялась расстегивать платье, а потом они ринулись навстречу друг другу.

Бесконечность вселенной и краткость земного пути, безудержная страсть и трогательная нежность, всевидящее солнце и стыдливые тени слились воедино в их сердцах, в этих минутах, в этой постели. Простыни были смяты, губы болели от поцелуев, тела истекали жаркой влагой.

— Я боюсь одного, — призналась Анжела, когда они в бессильном блаженстве откинулись на подушки.

— Чего?

— Забеременеть, — ответила женщина, думая о том, что с момента их первой близости не прошло и двух дней, а она уже не могла сосчитать, сколько раз Данте оставлял в ее теле свое семя. — Впрочем я не должна говорить об этом с тобой.

— Почему? — удивился юноша. Он представил

на своих руках малыша, и, как ни странно, эта картина не вызвала в нем ни удивления, ни страха. — Если родители узнают, что у нас будет ребенок, им придется благословить наш брак.

— Ты слишком молод для того, чтобы становиться отцом.

— Я так не считаю. И довольно напоминать мне о моей молодости!

— Но это правда. Между нами слишком большая разница в возрасте.

— Вовсе нет. Ты прекраснее всех девушек на свете!

— Сейчас, пока мне двадцать четыре. Со временем эта пропасть станет заметнее.

— Ты говоришь, что любишь, и в то же время отталкиваешь! — с горечью произнес Данте и сделал вид, что встает с постели.

— Не слушай меня, — испуганно прошептала Анжела, хватая его за руку, — ты мой, только мой, и я никому тебя не отдам!

С трудом вернувшись в реальность, оба увидели, что провели в объятиях друг друга гораздо больше времени, чем предполагали. К счастью, Данте быстро справился с работой. Пока он возился с изгородью, Анжела застелила кровать и причесалась. Ей вдруг стало горько от сознания,

что возлюбленный скоро покинет ее дом и она вновь останется наедине со своими надеждами и печалями. Прежде она несла в себе одну боль, теперь была вынуждена принять другую. Впрочем последняя была смешана с хмельной радостью, полна острых соков, пряной сладости, как перебродившие виноградные ягоды.

— Я хочу подарить тебе что-нибудь такое, чего ни у кого нет, — сказал Данте, собираясь уходить.

— Ты уже подарил, — заметила Анжела.

— Ты говоришь о любви?

— Да. У кого есть любовь, у того есть вера в жизнь, а это самое главное.

— Ты права. Человек приходит в этот мир за любовью. А все остальное ему в общем-то и не нужно.

С той поры у них началась нескончаемая любовная кутерьма. Они целовались и обнимались по углам, исподволь обменивались страстными взглядами. Однажды Данте и Анжела отдались друг другу в подвале, куда спустились за вином по поручению Сандры, в другой раз юноша пошел провожать женщину домой, когда она припозднилась, и они уединились в придорожных кустах.

Никто ничего не замечал, между тем достаточно было увидеть, с какой заботой Анжела пришивает заплату к его куртке или заметить, как Данте спешит взять у нее из рук тяжелый кувшин, чтобы понять — это любовь, настоящая, крепкая, воистину на всю жизнь.

Данте возмужал, тогда как Анжела наоборот выглядела юной девушкой, она дивно похорошела, расцвела, и они смотрелись прекрасной парой. Их любовь невозможно было охватить мыслью и объяснить словами, вместе с тем это было нечто столь же простое, данное от Бога, как земля, вода или хлеб. Для того чтобы стать счастливыми до конца своей жизни, им было нужно совсем немного, и оба знали, что они могут получить это, если люда станут чуть-чуть понятливее, милосерднее и умнее.

В Аяччо было много черепичных кровель, причем цветных — розовых, коричневых, красных: в прошлый приезд Бьянка этого не заметила. У гранитного мола стояли на якоре бесчисленные корабли, а мертвые глыбы лавы позади города полыхали багрянцем в лучах заката.

— Кровавый остров, — усмехнулся Винсенте, следя за взглядом юной жены.

Бьянка была утомлена путешествием, но это

не помешало ей внимательно рассмотреть обстановку дома, которая представляла собой беспорядочное нагромождение дорогих вещей, едва ли свидетельствующее о хорошем вкусе.

Муж щеголял перед ней именами, которых она сроду не слышала и не могла слышать: мебель работы Шарля Персье, обои с фабрики Франсуа Одрана, посуда мастерской Риманна.

Заметив новенькие клавикорды, Бьянка спросила, для кого Винсенте их купил. Тот самодовольно усмехнулся и ответил:

— Для тебя.

— Для меня? — с удовольствием переспросила она, любуясь красным, с золотым прожилками полированным деревом, гладкими клавишами и изящными ножками инструмента.

— В тех кругах, где я намерен вращаться, принято, чтобы женщина играла на каком-нибудь музыкальном инструменте. Я уже нашел преподавателя. Французскому тебя тоже научат, как и хорошим манерам. Станешь похожей на парижанку!

— Когда-нибудь мы съездим в Париж?

— Когда-нибудь мы будем там жить.

У нее загорелись глаза.

— Правда?!

— Да, дорогая. Я хочу уехать туда, где не надо скрывать свое богатство и стараться показать, будто ты живешь, как все. Парижане — не корсиканцы, они не могут гордиться убогостью и быть счастливы в нищете.

Бьянка собралась развязать узлы со своими вещами, но, вспомнив о долге жены и хозяйки, спросила:

— Ты не хочешь есть? Я могу что-нибудь приготовить.

Прежде, чем она сообразила, что Винсенте показал ей все помещения в доме, кроме кладовок и кухни, тот ответил:

— Приготовление пищи — не твоя забота. У моей жены должны быть белые ухоженные руки. Я нанял кухарку. Правда, она прибудет только завтра, потому сегодня ужин подаст другая девушка. Сейчас я вас познакомлю.

Через несколько минут новоявленная синьора Маркато увидела перед собой странное бесформенное существо с животом почти до глаз и взглядом как у затравленной бездомной собаки. Узнав Кармину, Бьянка лишилась дара речи, тогда как несчастная девушка столь же безмолвно умоляла госпожу не выдавать правду о том, что они знакомы.

— Это Кармина, — без малейшего смущения сообщил Винсенте. — Я принял ее на работу, не зная, что она ходит не одна, а после не решился выгнать. — Он повернулся к служанке: — Это моя супруга и твоя госпожа. Спускайся на кухню — подашь нам ужин.

Кармина попыталась изобразить поклон и улыбку, что было нелегко: живот не позволял согнуться, а губы не слушались.

— Позволь, я ей помогу, — сказала Бьянка, — она еле ходит.

— Ладно, — процедил Винсенте, — только чтобы это было первый и последний раз.

Едва они спустились в кухню, Бьянка набросилась на Кармину с расспросами.

— Как ты здесь оказалась? От кого у тебя ребенок?

— Когда ваша матушка выгнала меня, — прошептала Кармина, отводя взгляд, — я пошла в Аяччо. Пыталась устроиться на работу, меня никто не брал, и мне пришлось просить милостыню. Синьор Маркато оказался единственным, кто проявил ко мне участие. А ребенок в моем животе — ваш племянник.

— Зачем ты связалась с Джулио? — строго спросила Бьянка.

— Так получилось, — пробормотала Кармина и вдруг повалилась ей в ноги: — Синьора, прошу, не говорите мужу, что мы были знакомы! Я ему солгала, придумала другую историю!

Бьянка отшатнулась.

— Зачем?

— Чтобы его разжалобить.

Бесформенное тело, распростертое у ее ног, вызывало у Бьянки смешанное ощущение сострадания и брезгливости.

— Ты испортила жизнь и себе, и Джулио, — назидательно произнесла Бьянка. — Мы до сих пор ничего не знаем о его судьбе.

— А что стало с Дино?

— Он тоже сбежал из дому вместе с Орнеллой Санто. Ладно, вставай, надо что-нибудь приготовить.

Однако Кармина не поднималась. Она ловила ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, потом схватилась руками за живот и застонала. Бьянка округлила глаза, а после бросилась бежать по лестнице. Она позвала мужа; Винсенте нехотя спустился вниз и, бросив взгляд на Кармину, побелел от гнева.

— Что с ней? — испуганно произнесла Бьянка.

— Эта девка надумала рожать прямо здесь и

сейчас, — процедил муж и распорядился: — Побудь с ней. Мне придется поискать какую-нибудь женщину. Быть может, Фелиса окажется дома!

— Кто такая Фелиса?

— Та самая кухарка, о которой я говорил.

Когда Винсенте ушел, Бьянка склонилась над Карминой, и та вцепилась в ее руку.

— Не оставляйте меня, синьора!

Бьянка досадовала на то, что ее первый вечер в доме мужа оказался испорчен. Странно, что побудило Винсенте оставить эту девушку у себя? Он не производил впечатления жалостливого человека, скорее, расчетливого и отнюдь не склонного к сочувствию.

Она негодовала до тех пор, пока не заметила, что Кармина плачет.

— Я всегда была одна, — прошептала служанка, — одна в целом свете!

— Теперь ты не будешь одна. Не беспокойся, я не выдам мужу твою тайну. Если хочешь, я стану крестной матерью ребенка, — необдуманно пообещала Бьянка.

Кармина закрыла глаза. Ее спутанные волосы напоминали охапку мертвых водорослей, лицо блестело от пота. Схватки накатывали, как волны, то унося, то принося боль. Она не

чувствовала страха, только безбрежную тоску, чудовищную усталость от жизни. Ей было девятнадцать лет, но она хотела умереть, ибо в этом лживом, несправедливом мире она была никому не нужна. Разве что синьору Маркато для плотских утех? Да теперь еще Бьянке для того, чтобы ей прислуживать.

Винсенте привел Фелису, высокую худую женщину в черном, и Бьянку выставили из кухни. Женщина сказала, что роженицу надо устроить поудобнее в какой-нибудь комнате, и они с Винсенте помогли ей перейти в ее каморку. Фелиса действовала грамотно и четко: поставила на огонь воду, приготовила чистые тряпки и нитки. Кармина кричала в голос. Неведомое существо внутри ее тела заявило о своих правах, оно безудержно рвалось наружу, в тот самый мир, который так сильно разочаровал его мать.

Винсенте и Бьянка сидели в столовой и ужинали сыром и лепешками, взятыми в дорогу и успевшими зачерстветь, запивая скудную трапезу вином из подвала Леона Гальяни. При каждом вопле Кармины Бьянка вздрагивала, а Винсенте морщился.

Наконец Фелиса появилась на пороге и объявила:

— Мальчик. Не желаете взглянуть?

Бьянка встала и пошла за женщиной. Ей не был интересен этот младенец, но она чувствовала, что должна поддержать Кармину. Она не спросила разрешения у мужа, и тот проводил ее холодным взглядом недобро сузившихся глаз.

Здоровый, крепкий, крупный младенец лежал рядом с матерью, на которую снизошло то ли умиротворение, то ли глубокая усталость.

— Есть у ребенка приданое? — спросила Фелиса.

— Нет, — прошептала Кармина, — я ничего не готовила.

— Придется мне, — проворчала женщина. — Так и так с завтрашнего дня я переселяюсь в этот дом.

Бьянке почудилось, что эта строгая, неопределенного возраста особа смотрит на нее неодобрительно. У Фелисы были круглые, черные, немигающие глаза, худое смуглое лицо и тонкие губы.

— Я стану крестной матерью этого ребенка, — заявила Бьянка.

Фелиса кивнула и обратилась к Кармине:

— Как ты его назовешь?

— Орландо.

— Кто его отец?

Кармина молчала. Она опустила большие белые веки и дышала ровно, как во сне. Она ощущала себя сосудом, медленно наполнявшимся чем-то новым, неизведанным, тяжелым и одновременно дарящим крылья.

— Что здесь происходит? — послышался мужской голос, и на пороге появился Винсенте.

Фелиса неторопливо и обстоятельно сообщила хозяину, что младенец здоров, а у матери есть молоко, что мальчика назовут Орландо, а крестной станет юная госпожа. Мужчина нахмурился и, едва взглянув на младенца, кивнул Бьянке:

— Идем!

Они вернулись в столовую, потом прошли в гостиную. Бьянке чудилось, будто с каждой минутой в ее груди ширится черная дыра — она предчувствовала грозу и беду, хотя и понимала, что сделала не так.

Винсенте вынул золотой браслет, украшенный крупными гранатами, которые напоминали капли свернувшейся крови, и застегнул его на руке жены.

— Это тебе.

Не успела она полюбоваться великолепным подарком, как муж неожиданно сжал ее запястье

так, что из глаз Бьянки брызнули слезы.

— Я могу украсить твою прелестную ручку золотом, а могу переломить ее как прутик, так, что ты завизжишь от боли. Постарайся вести себя так, чтобы я как можно чаще делал первое и никогда не совершал второго! — прошипел он.

Бьянка отшатнулась и судорожно глотнула воздух. Кровь стучала в каждой жилке, каждая клеточка тела была полна изумлением и страхом.

Она впервые подумала о том, чем может обернуться для нее этот брак. Она мечтала, чтобы ее желания стали желаниями Винсенте, чтобы он холил и лелеял ее, как оранжерейный цветок. Бьянка не была готова к жестокости и побоям, равно как и к тому, что муж будет приказывать, а она — беспрекословно подчиняться.

Она не знала, как себя вести, что сказать; между тем Винсенте заявил:

— Через год или два ты должна родить сына. Мне нужен наследник.

Бьянка кивнула, пытаясь проглотить слезы, и прошептала:

— Я смогу навестить родителей?

Винсенте развел руками.

— Конечно. Можешь поехать в следующем

месяце. Раньше не стоит — ведь мы должны соблюдать приличия.

Она не нашлась, что ответить; тем временем он прошел в спальню, бросив жене:

— Умираю от усталости!

Это была хорошая новость. Бьянка немного помедлила, собираясь с решимостью, и последовала за супругом.

Ее ожидания не оправдались: обложенный подушками, Винсенте сидел, привалившись к широкой спинке необъятной кровати. Бьянка скользнула взглядом по обнаженному торсу мужа, по его поросшей темными волосами груди. Он протянул руки и властно произнес:

— Сними с себя все и иди сюда. Я хочу тебе кое-что показать. *Этим* можно заниматься и по-другому, а не только так, как всю жизнь делала твоя матушка.

Два часа кряду Винсенте учил юную жену, что и как она должна делать, чтобы его ублажить. Бьянке было неловко, стыдно, иногда даже больно, но она терпела. Уже не ради украшений, нарядов и положения богатой синьоры, а потому, что муж сумел внушить ей страх.

Наконец Винсенте оставил ее в покое, отвернулся и мгновенно заснул, а она долго лежала,

свернувшись клубочком на мягкой перине, слушала шум моря и думала. Слишком многое свалилось на ее неокрепшую душу: свадьба, первая и вторая брачные ночи, после которых собственное тело казалось ей осквернённым, чужим, роды Кармины и неожиданная жестокость мужа.

Отчего-то Бьянка вспомнила девушку с черной гривой волос, как у дикой кобылицы, и странными огоньками в глазах, с которой уехал Дино. Она была уверена в том, что Орнелла Санто, не дрогнув, вонзила бы в сердце Винсенте кинжал, а после ушла в маки по одной из тропинок, что веером разбегаются меж камней и исчезают в горах.

Бьянка так не могла. Не могла отпустить себя на свободу, вернуться к родителям после двух дней брака, признав свое поражение, сознавшись в своей наивности и ославив отца и мать куда хуже, чем это сделали Джулио и Дино.

Она вспомнила, как они с мужем ехали из Лонтано в Аяччо. Лошади с трудом одолевали подъемы и спуски, работники, которых Леон дал в сопровождение молодым, бледнели от страха, боясь сделать неверный шаг, и только Винсенте выглядел так, будто отправился в горы на прогулку, дабы полюбоваться живописными видами. Он

производил впечатление изысканного господина и вместе с тем, как истинный корсиканец, не страшился опасности. Он был особенным, непохожим на остальных. Не о таком ли мужчине она прежде мечтала?

Бьянка лежала без сна до тех пор, пока на горные кручи не упал первый луч солнца. Море было по-весеннему неспокойным, деревья на набережной раскачивались в такт музыке ветра. Розовый свет зари покрыл стены зданий тонкой и нежной паутиной. Утро в Аяччо встретило Бьянку другими запахами, звуками, светом, чем в Лонтано. И она не знала, радоваться ли новизне, о которой так долго мечтала, или страдать от тоски по дому, который навсегда покинула.

Она привыкла к ранним пробуждениям, потому, когда муж ушел, сразу встала, оделась и подошла к зеркалу. Ее руки нервно играли с серебряным гребнем, подарком Винсенте.

Бьянка видела свое отражение — полные волнения и испуга голубые глаза, волнистые пряди густых каштановых волос, ниспадающие на блестящие белые кружева, которыми был отделан ее муслиновый пеньюар. Спальня была обставлена крытой белым лаком и украшенной позолотой мебелью. Отделанные лебяжьим пухом туфельки

Бьянки утопали в толстом ковре.

Она чувствовала, что сама по себе роскошь не способна превратить простую деревенскую девушку в элегантную даму. Она не знала, когда придут учителя музыки и французского, но боялась задавать лишние вопросы.

Бьянка окончательно запуталась, она уже не знала, чего хочет. Она считала себя достойной лучшей судьбы, чем другие девушки Лонтано, и получила ее в виде брака с Винсенте Маркато, который в первые же дни показал ей другое лицо.

Она спустилась в вымощенный каменными плитами внутренний дворик, по углам которого стояли большие кадки с цветами. Возможно, их любила первая жена Винсенте? Бьянка не знала, как ее звали и от чего она умерла.

Посреди двора был устроен каменный колодец, из которого Фелиса набирала воду. Услышав шаги, кухарка обернулась и сдержанно поздоровалась с госпожой.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — сказала она безо всякого выражения, явно для того, чтобы просто что-то сказать.

Бьянка подняла глаза на окна, защищенные изящными коваными решетками. Не станет ли этот дом ее клеткой?

— Как чувствует себя Кармина?

— Она спит, и ребенок тоже. Хотя он и незаконнорожденный, я рада, что в этом доме наконец зазвучит детский голос.

Бьянка смущенно улыбнулась, ибо «незаконнорожденный ребенок» был сыном ее родного брата.

— Вы служили здесь прежде? — догадалась она.

— При первой синьоре. Когда господин овдовел, я ушла, как и остальная прислуга. Теперь он предложил мне вернуться обратно.

— Какой была первая жена синьора Маркато? — осмелилась спросить Бьянка.

— Обыкновенная женщина. Спокойная, тихая. И далеко не такая красавица, как вы.

Фелиса подняла кувшин и направилась к дому. Потом вдруг замедлила шаг, обернулась и сказала:

— Я не хотела соглашаться, но теперь не жалею. Думаю, и вам, и этой молоденькой служанке с ее младенцем понадобится помощь.

Глава 7

Когда Дино возвращался домой, от него пахло соленым ветром и свежестью моря. Орнелла чуяла этот запах издалека, и у нее начинали дрожать ноздри, а глаза блестели от радостного нетерпения. К началу весны она начала сидеть в кровати, а потом и вставать, но еще не выходила из дому.

Дино входил в комнату, опускался на колени перед ее ложем и клал голову на грудь Орнеллы или целовал ее руки, и она пьянела от счастья и запаха свободы. Но когда муж поднимал голову, она видела его грустный взгляд и озабоченное лицо — то, что он хотел и не мог от нее скрыть, — и говорила себе, что это вызвано усталостью и тревогой за ее судьбу.

Дино не решался открыть Орнелле правду, потому что то, что он делал, он делал ради нее: чтобы у нее была хорошая еда и надежная крыша над головой, чтобы он мог покупать в Тулоне лекарства и чтобы доктор Росси приходил каждый день. Чтобы она вновь начала улыбаться и петь.

Дино давно понял, что занимается незаконным, более того — преступным промыслом. Каперы легко превращались в пиратов и грабили тор-

говые суда.

Под прикрытием ночи рыболовный бот быстро и незаметно подходил к борту ничего не подозревавшего торговца и брал на абордаж судно, малочисленный и не подготовленный к бою экипаж которого, как правило, не оказывал серьезного сопротивления. Товар привозили на Корсику и сбывали перекупщикам. Выручку делили между собой.

Жером Фавье был доволен новым членом команды, исполнительным, храбрым, немногословным. Фавье ничего не знал о душевных терзаниях Дино, и ему не было до этого никакого дела. Риск был велик, но он искупался легкой добычей и высокой платой.

Новоявленные морские хищники далеко не всегда оставались безнаказанными: ограбленные купцы обращались с жалобами в адмиралтейский суд, и тот время от времени выносил постановление увеличить число патрулей, выявлявших и задерживавших нечестных каперов.

В конце концов команда Жерома Фавье нарвалась на такой патруль, оказала сопротивление при задержании, да еще попыталась избавиться от награбленного. Бот был препровожден в Тулон, члены команды арестованы. Их участь разделил

и Дино Гальяни.

Орнелла напрасно ждала мужа: он не возвращался, и от него не было никаких известий. Она знала, что Дино не мог ее бросить — с ним что-то случилось.

Орнелла каждый день наведывалась на пристань и расспрашивала всех и каждого о судне «Доминика» и о Джеральдо Гальяни. Синьор Фабио и синьора Кристина тоже прикладывали усилия к розыску Дино, однако все было напрасно. Так прошла весна, наступило лето, корсиканское лето с невыносимым зноем, выжженной почвой и лесными пожарами.

Улицы были залиты ослепительным светом, над землей дрожал горячий воздух. Невесомая, как пепел, пыль оседала на листве и траве. Стены домов казались раскаленными добела.

Фигура неподвижно стоящей на причале молодой женщины резко вырисовывалась на светлом фоне неба. Издали она казалась одиноким деревцем, печально замершим под палящим солнцем. Орнелла опять носила траур — не потому что считала, что Дино нет в живых, а потому, что радость и свет вновь покинули ее душу.

Однажды, когда она почти потеряла надежду, к ней подошел сгорбленный старик с испещрен-

ным морщинами лицом и спросил:

— Не ты ли, дочка, спрашивала о судне «Доминика»?

Орнелла вздрогнула и почти вцепилась в старика.

— Да, я! Вы можете мне помочь?!

Он покачал головой. Нещадное солнце и тяжелый труд давно стерли с его лица всякое выражение, и только голос выдавал глубокое отчаяние и горе:

— Помочь не могу, как и сообщить что-то хорошее. Мой сын Ринальдо ушел на этом судне много дней назад. Я думал, его нет в живых, когда мне доставили письмо, — ответил старик и вынул бумагу, явно побывавшую во многих руках.

Орнелле хотелось кричать, но из горла вырвался лишь беспомощный шепот:

— Где он?

— В Тулоне. В тюрьме. «Доминика» грабила торговые суда, команда попалась, всех арестовали.

Орнелла замерла. Дино не говорил ей об этом, и было трудно представить, что он мог пойти на такое, он, человек, для которого долг, совесть и честь были неписаным законом!

У нее вырвался вопль, в котором воплотилось все разочарование и горечь:

— Не может быть!

— Ринальдо приносил хорошие деньги, и я закрывал глаза на то, чем он занимается, — продолжил старик, не обращая внимания на слова Орнеллы. — Теперь настала пора расплаты. Сын пишет, что речь идет о контрабандных товарах, потому дело не хотят предавать широкой огласке. Однако надо заплатить — сто франков за каждого узника. Тогда их отпустят.

— Сколько?!

Если бы Орнелле сказали, что нужно взять лестницу, забраться по ней на небо и снять с него несколько звезд, едва ли она удивилась бы больше.

— Вот и я говорю, — кивнул старик и грустно пошутил: — Будь я помоложе, продался бы в рабство! Я никогда не держал в руках ни одной вещи, которая бы стоила такую кучу денег, и не знал ремесла, что позволило бы ее заработать!

Орнелла бросилась домой. Она понимала, почему муж переступил через себя, через свои принципы. И она также знала, что Дино скорее сгниет в тюрьме, чем напишет ей письмо с просьбой достать такую сумму!

Выслушав ее сбивчивый рассказ, синьор Фабио и синьора Кристина пригорюнились. Они не

знали, как ей помочь. Однако спустя несколько дней синьор Фабио сказал:

— Я потолковал с людьми. Мне назвали одного человека, который, возможно, имел дело с этой самой контрабандой. Ходят слухи, он скупал и перепродавал товары с заезжих судов, таких, как «Доминика». Он очень богат, хотя и не любит это показывать. Может, он что-то посоветует? Его зовут Винсенте Маркато.

Орнелла мгновенно сорвалась с места.

— Где он живет?

Она шла по улице так быстро, как только могла. Воздух был пронзительно-синим; от его чистоты и яркости кружилась голова. Запахи лета обволакивали городок, просторы неба и моря дарили взору желанную свободу. Иногда Орнелла ловила чьи-то улыбки, обрывки разговоров, смех и старалась ускорить шаг. Чужая радость усиливала в ней ощущение собственного несчастья: Орнелле чудилось, будто кто-то невидимый и жестокий незаметно подменил ее истинную жизнь другой, в которой не было ни огня, ни надежды. Она вновь была вынуждена наглухо запереть свою душу и в одиночку бороться с судьбой.

Дом Винсенте Маркато окружала каменная стена, которую оплетали заросли бугенвиллеи.

Красные цветы казались огоньками, спрятавшимися в изумрудной чаще стеблей и листьев. Орнелла постучала в окованные железом ворота.

Из окна второго этажа Кармина случайно увидела, как Орнелла Санто подходит к дому, и похолодела. Она стояла, прижавшись к оконному переплету, будто узница — к решетке тюремной камеры.

Кармине вполне хватало того, что она была вынуждена жить в одном доме с сестрой Джулио и Дино. Она изо всех сил старалась угождать Бьянке и держаться подальше от Винсенте. К счастью, у Кармины сложились доверительные отношения с Фелисой, из рук которой Орландо принял первое омовение.

Мальчик хорошо ел и рос на глазах. У него были темные глаза и волосы, и Кармина радовалась, что он не похож на Джулио. С появлением Орландо время словно перестало существовать: дни плавно перетекали один в другой. Меньше всего Кармина хотела нарушать это неспешное мирное течение жизни, полной запахов грудного молока, младенца, свежевыстиранного белья. После родов Кармине отвели маленькую светлую комнатку во втором этаже, где ее никто не

беспокоил.

Она так сильно задумалась, что не заметила, как открылась дверь, и на пороге появился Винсенте. Он выразительно кашлянул, и Кармина быстро обернулась.

Три дня назад Бьянка уехала в Лонтано навестить родителей, и с тех пор всякий раз, когда город начинали окутывать вечерние тени, служанка изнывала от тревоги, однако Винсенте не приходил. Возможно, после женитьбы он решил оставить ее в покое.

— Как твой ребенок? — спросил хозяин, любуясь выемкой между ее грудей, выпиравших из выреза простенькой полотняной блузки.

Заметив его взгляд, Кармина поспешно скрестила руки на груди, но это не помогло: не дожидаясь ответа, Винсенте схватил служанку, резко повалил вниз лицом на сундук, где хранилась одежда, рывком задрал ее юбку и бесцеремонно овладел ею.

Когда Кармина поднялась, ее щеки были мокрыми от слез, но мужчина сделал вид, что ничего не заметил.

— С сегодняшней ночи ты снова будешь спать в моей постели, — заявил он.

— Это место вашей жены, — осмелилась воз-

разить она.

— Бьянка займет его, когда вернется.

— Зачем вам я, если у вас есть она! — в отчаянии прошептала Кармина.

— Бьянка еще слишком неопытна и наивна, а ты уже знаешь, что к чему, — сказал Винсенте, подошел к колыбели и заглянул в нее. — Крепкий парень! Кстати, тебе известно о том, что еще два года назад император подписал кодекс, согласно которому мужчина не обязан заботиться о внебрачных детях?

— Почему он это сделал?

— Чтобы женщины знали свое место.

Когда Винсенте ушел, Кармина опустилась на сундук и разрыдалась. Чудовищная каша, которую она заварила, на ее глазах превратилась в грязь, засосавшую ее по самое горло, в глину, которая пристала так крепко, что ее было невозможно отодрать.

Фелиса доложила хозяину, что к нему пришли, и Винсенте с недовольным видом вошел в гостиную. Там стояла девушка в траурном платье, с черными волосами и глазами. Она была так тонка в талии, что, казалось, ее можно было переломить одной рукой, но в ее взгляде таилась невиданная сила.

Прежде чем задать незнакомке вопрос, мужчина прошелся глазами по ее телу. Он представил, как из-под подола мелькают стройные загорелые ноги, как округлая грудь вздымается в такт взволнованному дыханию. В его дом залетела редкая птица, и Винсенте не хотелось ее спугнуть.

— Что угодно синьорине? — вежливо спросил он.

— Я пришла поговорить с вами.

— О чем?

— Я подумала, вдруг вы сможете мне помочь.

Винсенте смотрел на нее с подчеркнутым вниманием.

— К вашим услугам. Присаживайтесь и рассказывайте.

Он благосклонно улыбнулся ей, но она не ответила, и Винсенте понял, что ее улыбка — дорогой подарок, которого заслуживают немногие. Что она привыкла жечь обидчиков невидимым огнем и колоть такими же незримыми шипами. И с сожалением подумал, что, пожалуй, такая добыча ему не по зубам.

Девушка принялась говорить. У нее был красивый, сильный, мелодичный голос. Она без малейшего смущения смотрела в глаза собеседника.

— Контрабанда?! — Винсенте с притворным изумлением развел руками. — Вы знаете, что это такое? Понимаете, о чем говорите?

— Не совсем.

— Я тоже кое-что слышал об этом, но не более. Я небогатый торговец и не имею дела с тем, что запрещено законом.

Орнелла окинула обстановку гостиной выразительным взором, потом вновь посмотрела на Винсенте.

— Эти вещи ничего не стоят. Просто мишура. Подделка под столичную роскошь. Я сделал это ради своей молодой жены. Она ничего в этом не понимает, — сказал мужчина и заметил: — Жаль, что мне нечем помочь вашему мужу.

— Я не знаю, где мне взять сто франков, — в отчаянии призналась Орнелла.

— Я тоже. Хотя вы можете их получить, если захотите и постараетесь, ибо у вас есть то, что дано не каждому.

— Что именно?

— Красота. И еще что-то такое, что не опишешь словами. Я человек весьма приземленный, но это трогает даже меня. Вам нечего делать в Аяччо. Отправляйтесь на материк. Думаю, там вам улыбнется удача.

— Я смогу найти работу?

— Наверняка сможете. Не удивлюсь, если к вам обратятся с интересными предложениями прямо на пристани.

— Я мало что умею делать, — призналась она.

— Есть вещи, которым не надо долго учиться, — ответил Винсенте и поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Почему вы решили, что я занимаюсь незаконной торговлей? Вам кто-то сказал? — как бы между прочим спросил он, провожая Орнеллу к дверям.

— Я слышала, как об этом говорили люди, — просто ответила она.

Мужчина нахмурился. Разумеется, Винсенте Маркато скупал награбленное и отвозил в Тулон, где продавал по выгодной цене. В тамошнем порту у него имелись свои люди, которые оформляли, а нередко и подделывали необходимые документы, за что Винсенте делился с ними прибылью. Скверно, если о нем открыто стали болтать в Аяччо! Пожалуй, придется покинуть город гораздо раньше, чем он собирался это сделать.

Вечером, в постели, Кармина осторожно задала хозяину вопрос, который целый день вертелся у нее на языке:

— Я видела, как сегодня в дом входила девушка.

Чего она хотела?

По лицу Винсенте можно было догадаться, что Кармине не стоит лезть не в свои дела и проявлять лишнее любопытство. Однако он все же ответил:

— Она просила о помощи. Ее муж попал в беду, ей нужны были деньги.

— Она их получила?

— Разумеется, нет. За подаянием пусть обращается в церковь. Вместо денег я дал ей совет.

— Какой? — рискнула спросить Кармина.

— Отправиться на материк.

— Что ей там делать?!

— То, чего не приходится делать тебе, пока ты живешь здесь! — рассмеялся Винсенте. — Я имею в виду — делать со многими.

Кармина задумалась. Значит, Дино Гальяни все же женился на Орнелле Санто! Однако она не выглядела счастливой — по-прежнему носила траур, исхудала и немного прихрамывала при ходьбе.

— Что случилось с ее мужем?

— Я не стал расспрашивать — подробности мне ни к чему, — сказал Винсенте и предупредил: — Не говори об этом Бьянке.

— Почему? — вырвалось у Кармины.

Пусть хозяину не было известно об этом, но муж Орнеллы приходился Бьянке родным братом, и она имела право знать о его судьбе! Возможно, Винсенте помог бы Дино, если б знал, что речь идет о его шурине?

— Потому что я так хочу, — заявил мужчина, и в его глазах появилась злоба. — Может, еще расскажешь моей жене о том, что ты со мной спишь!

Кармина испуганно сжалась. Ничто не держит человека так крепко, как сети лжи! Она упросила Бьянку не говорить матери о том, что она живет в доме Винсенте Маркато и что она родила ребенка от Джулио. Девушке чудилось, будто Сандра Гальяни способна внушить своей дочери желание избавиться от гулящей девицы, какой она считала Кармину. Винсенте прав: лучше оставить все как есть. В конце концов у нее имелись веские причины для того, чтобы возненавидеть и Джулио, и Дино, и Сандру, и все семейство Гальяни.

Из дальней комнаты послышался тонкий голосок Орландо. Кармина встрепенулась.

— Мой сын плачет!

— Ладно, иди, — Винсенте зевнул. — Зайди утром — вдруг мне что-нибудь понадобится?

Орнелла не спала всю ночь. Свеча выгорела до самого подсвечника, то же самое случилось со

второй, третьей, четвертой. Она смотрела на язычок пламени, дрожащие тени, вглядывалась во мрак за окном, пытаясь решить, что делать дальше. Орнелла вновь убедилась в том, что любовь нельзя измерить ничем, равно как и жертвы, которых она может потребовать. Она также чувствовала, что Винсенте Маркато — неискренний и непорядочный человек, однако он был прав в одном: она ничем не поможет Дино, если останется в Аяччо.

Утром Орнелла сообщила синьоре Кристине и синьору Фабио о том, что уезжает в Тулон, и не стала слушать никаких возражений.

Пересилив себя, Орнелла сняла черное платье и надела синюю юбку, белую блузку и коричневый корсаж из плотного сукна. Когда Корсика стала туманной и бесконечно далекой, она не сдержалась и заплакала. Ветер уносил ее слезы в море, и Орнелла думала, не является ли огромная чаша соленой воды тайным хранилищем человеческой скорби, копившейся в ней с незапамятных времен?

Орнелле казалось, что, покидая Корсику, она не приближается, а отдаляется от Дино, от матери, от Андреа, о чьей судьбе ей так и не довелось узнать.

Осень, зима и весна были полны боли, преодолевать которую ей помогало терпение, а еще — любовь и забота мужа. Он врачевал ее переломы своими нежными прикосновениями, ободряющими словами и ласковыми взглядами. Он заново склеил ее разбитое сердце и внушил ей желание жить дальше.

Тулон произвел на Орнеллу впечатление тревожного, хаотичного города. Она не была уверена, что осмелится в одиночку покинуть порт и углубиться в переплетения улиц.

Шум и резкие запахи казались невыносимыми. Ветер гнал по земле мусор, пыль летела в глаза. Лодки уныло покачивались, постукивая друг о друга деревянными бортами. Вода у причала казалась грязной, небо над головой — выцветшим; размазанные по нему облака были похожи на следы гигантских слизняков. Вокруг сновали толпы народа.

Орнелле чудилось, что на нее вот-вот кто-нибудь налетит, и она рассыплется на мелкие кусочки. Внешне она держалась стоически, между тем ее душа была похожа на открытую рану.

За время плавания на «Доминике» Дино научился сносно говорить по-французски и, дабы скрасить те длинные зимние вечера, которые ему

доводилось проводить дома, пытался научить языку и Орнеллу. Она слышала знакомые слова, но не была уверена в том, что поймет собеседника, если к ней кто-нибудь обратится, или сможет с кем-то заговорить.

Когда Орнелле захотелось есть, она попыталась заглянуть в один из портовых кабачков, откуда пахло жареной рыбой, но быстро выскочила обратно, увидев толпу горланящих и пьющих мужчин, которые восседали в глубине прокуренной комнаты на хромоногих стульях.

Наконец она решилась покинуть порт и принялась неловко пробираться вдоль стен домов. Ее задевали и толкали, порой обругивали, один раз она едва не угодила под колеса экипажа. Вся ее дерзость, ловкость и смелость, порожденные жизнью на острове, ни на что не годились в большом городе. К тому же Орнелла еще не вполне окрепла после болезни, и ноги едва несли ее по улице.

Наступил вечер. Улицы окутал бархатный сумрак, по небу рассыпалась горстка звезд. Орнелла инстинктивно свернула в проулок, где горели самые яркие фонари, и очутилась в том самом квартале продажной любви, который некогда посетил Дино.

Муж никогда не рассказывал ей об этом, по-

тому Орнелла не могла понять, откуда здесь взялось столько празднично одетых, точнее полураздетых и ярко накрашенных женщин. В таких городах, как Тулон, бордели открывались в восемь вечера, а закрывали свои двери через два, три или четыре часа после полуночи. Двери эти зачастую выходили прямо на тротуар и отделялись от улицы тонкой занавеской. Ночи в портовых кварталах проходили бурно, рабочие, солдаты и матросы почем зря дубасили друг друга в пивном чаду, потому нередко в дверных проемах мелькали звериные лики вышибал.

Орнелла не знала, снится ли ей страшный сон или она угодила в ад. Пытаясь покинуть странный квартал, она заплутала так, что уже не чаяла выбраться. Она боялась спросить дорогу, шарахалась от мужчин, которые пытались придержать ее за локоть, и провожала изумленными взглядами женщин, которые крутили бедрами, выпячивали груди, улыбались, смеялись, выставляя себя напоказ.

В конце концов усталость, жажда и голод сделали свое дело: в глазах потемнело, и Орнелла упала в обморок прямо возле входа в одно из заведений.

Она очнулась через несколько минут внутри

помещения. Яркий свет, отражавшийся в висевших на стене зеркалах, создавал обманчивое впечатление роскоши. На самом деле обивка стульев и кресел местами была протерта до дыр, на столах виднелись следы от пролитых напитков, решетки на окнах заржавели, на полу валялся мусор.

Какая-то женщина с необъятной грудью, затянутая в бархатное платье, с искусственными цветами в пышно взбитых волосах и сильно подведенными глазами протянула Орнелле стакан с водой. Она была не одна: рядом стоял громила с тупым лицом, и толпилось несколько полураздетых девушек, напоминающих стайку ярких бабочек.

Орнелла села и попыталась отползти назад. Бежать было некуда — выход загородили люди. Заметив неподалеку пустую бутылку, она быстро схватила ее и, не раздумывая, ударила о край стола: вокруг блестящим дождем разлетелись осколки, а в руках Орнеллы оказалось опасное оружие.

— Ого! — только и сказал громила, а девушки испуганно защебетали.

— Дайте мне уйти, — твердо произнесла Орнелла.

Хозяйка не поняла ни слова и покачала головой.

— Откуда ты взялась? — сокрушенно промолвила она и спросила у кого-то: — Алонсо уже пришел?

— Да, мадам.

— Позовите его. Пусть он с ней поговорит.

Орнелла продолжала сидеть на полу, сжимая в пальцах осколок, и с опаской разглядывала столпившихся вокруг женщин. Внезапно они расступились, пропуская какого-то человека. Это был бедно, но опрятно одетый черноволосый юноша с тонким смуглым лицом. Он бесстрашно подошел к Орнелле и спросил:

— Кто ты? Как тебя зовут?

Услышав итальянскую речь, она немного успокоилась, к тому же голос юноши звучал спокойно и мягко.

— Орнелла.

— Меня — Алонсо. Дай мне руку!

— Еще чего! — воскликнула она и вдруг заметила, что собеседник — слепой. Взгляд его темных, лишенных блеска глаз был непроницаемым, неподвижным. Казалось, он внимательно смотрит куда-то вглубь себя, хотя на самом деле Алонсо просто чутко прислушивался к тому, что

творится вокруг.

Орнелла подала ему свободную руку. Он помог ей подняться и спросил:

— Ты кого-то ищешь?

— Я заблудилась, — сказала Орнелла и призналась: — Вообще-то я не знаю, куда мне идти. Я приехала в Тулон, чтобы найти работу. Мне нужно достать сто франков, чтобы внести выкуп за мужа.

— Откуда ты?

— С Корсики.

— Ты попала сюда случайно, ведь так? Тебя не интересует работа в *таком* заведении?

Орнелла содрогнулась от отвращения. Почувствовав это, Алонсо повернулся к хозяйке и сказал:

— Эта женщина заблудилась. Она приехала с острова и не знает здешней жизни. Я провожу ее и вернусь.

Хозяйка, вышибала и девушки молча отступили, освобождая проход.

Алонсо уверенно двигался по давно изученной дороге, Орнелла следовала за ним, не выпуская из рук осколка. Постепенно квартал красных фонарей остался позади, ему на смену пришел обычный портовый район, обитаемая окраи-

на Тулона, проще говоря, городские трущобы. Осыпавшаяся штукатурка, полусгнившие доски, запах нечистот, шелудивые собаки, подозрительные личности, шныряющие в темноте, лишь кое-где разбавленной жалкими лужицами света, — видя все это, Орнелла то и дело оглядывалась в поисках неведомой опасности.

— Можешь выбросить то, что держишь в руке, — сказал Алонсо, — тебя никто не тронет.

— Куда мы идем?

— Ко мне.

— Зачем?

— Разве у тебя есть место для ночлега?

— Нет, но с какой стати тебе оставлять меня у себя?

— Об этом я расскажу завтра. Сегодня ты слишком устала, чересчур напугана и взволнована.

Он держался искренне и просто, однако Орнелла была полна недоверия; в голове продолжали кружиться мрачные мысли. Вдруг слепец приведет ее в какой-нибудь притон?

— А я если я не пойду с тобой? Сбегу?

Алонсо остановился.

— Беги куда хочешь, — сказал он. — Ты же знаешь, я не сумею тебя догнать!

Они молча дошли до дома, в котором жил Алон-

со. Он снимал комнатушку под самой крышей; в крохотном помещении стояла деревянная кровать, небольшой обшарпанный сундук и два соломенных стула. Здесь пахло сыростью и плесенью. Орнелла огляделась в поисках лампы или свечи, а потом догадалась, что в обители того, кто живет в объятиях вечной ночи, она не найдет ни того, ни другого. Оставался лишь свет луны, падающий в узенькое окошко.

Алонсо пододвинул Орнелле оловянную тарелку, на которой лежал кусок сыра и ломоть хлеба. Налил в кружку воды из кувшина. Потом расправил одеяло, покрывавшее убогое ложе, и сказал:

— Поешь и ложись спать, а я пойду. Мне надо работать.

Его движения были уверенными, спокойными, как голос и выражение лица. Орнелла хотела поинтересоваться, чем он занимается, но передумала. Алонсо обещал, что она узнает об этом завтра, а сегодня у нее и впрямь не осталось сил.

— Где мне спать? На твоей кровати?

— Да. Я приду нескоро. Спи спокойно, я для тебя не опасен. Ты легко сумеешь справиться и не с таким, как я!

— Сколько тебе лет? — спросила она, принимаясь за еду.

— Точно не знаю. Возможно, шестнадцать или семнадцать.

— Как Андреа, — вздохнула Орнелла.

— Кто это?

— Мой брат.

Орнелла открыла глаза поздним утром, разбуженная грохотом какой-то повозки. По низкому потолку протянулись длинные бледные тени. Под крохотным окошком убогой каморки ворковали голуби. Пахло старым деревом и свежим хлебом.

Алонсо сидел рядом на стуле и, очевидно, ждал, когда она проснется. Чутко уловив движение, он улыбнулся одними губами.

Орнелла села. Она всю ночь проспала в одной позе, и тело затекло, онемело, но голова была удивительно ясной, нерешительность и страх испарились.

— Спасибо, — сказала она, проведя рукой по лицу и волосам.

— Ты выспалась?

— Да. Зато ты — нет.

— Я не привык много спать и не нуждаюсь в долгом сне.

— Ты обещал сказать, зачем привел меня сюда.

— Чтобы ты отдохнула, чтобы с тобой не случилась беда.

— Только поэтому?

— Нет.

После того, как Орнелла умылась, причесалась и позавтракала, Алонсо промолвил:

— Когда я услышал твой голос, мне показалось, что ты умеешь… петь.

Она вздрогнула.

— Как ты догадался?

— Потому что я умею слышать сердцем, — загадочно произнес он. — Бывают голоса усыпляющие, вкрадчивые, как шелест ночного дождя, отчаянные и резкие, будто вой зимнего ветра, безжизненные и слабые, словно шорох опавшей листвы, или полнокровные, бурные, точно шум моря. И только изредка встречаются такие, что хочется воскликнуть: «Это голос жизни!».

— Я разучилась петь, — ответила Орнелла.

— Неправда. Думаю, для тебя разучиться петь — все равно что перестать дышать.

— Что ты обо мне знаешь!

— Ничего не знаю, но многое чувствую. Расскажи о себе.

— Зачем?

Орнелла поднялась с места и вдруг увидела то, чего не заметила раньше: гитару, слегка поцарапанную, но *настоящую* гитару с шестью тускло

поблескивающими струнами.

— Так ты музыкант?

— Я играю в портовых кабачках и борделях, — ответил Алонсо и добавил, предупреждая вопрос: — Потому что больше негде. И мне давно хотелось найти человека, с которым я бы мог выступать.

— Зачем тебе кто-то еще, если ты *умеешь* играть?

— Публике нравится разнообразие.

— Неужели тебе приятно угождать людям, которые…

— Иногда за кусок хлеба продают душу. Истинная нищета способна довести человека до состояния зверя, — спокойно перебил Алонсо, взял инструмент и тронул струны. — Не надо рассуждать о том, чего ты не знаешь. Может, лучше попробуешь что-нибудь спеть?

— Сначала сыграй.

Он не стал упираться: прижал к себе гитару, склонил голову, и его гибкие пальцы пробежали по струнам. Чудесные звуки наполнили комнату, они порхали, как выпущенные на свободу птицы. Орнелле чудилось, будто стены каморки расширились, а потом и вовсе перестали существовать. Она очутилась в пространстве без границ и названия, в мире, из которого не хотелось воз-

вращаться в реальность. Естественные, сильные, неуправляемые потоки омывали ее изнутри, душа разрывала невидимые путы и летела вслед за солнцем и ветром.

Когда руки Алонсо замерли, Орнелле показалось, что ее сердце остановилось.

— Хорошо, я спою, — сказала она.

Орнелла тряхнула головой, откидывая волосы за спину, подставляя лицо воображаемому ветру, и завела одну из тех пронзительно печальных корсиканских песен, которые рвут душу на части, заставляют тело дрожать от странного озноба. Которые, кажется, могут вызвать слезы у камня и заставить поверить в то, что порой красота способна навеять мысли о смерти.

Когда Орнелла умолкла, по едва заметному движению губ Алонсо было понятно, что это не совсем то, что он ожидал услышать.

— У тебя изумительный голос, и это хорошие песни, но они слишком грустные, режут сердце, как острый нож. Люди приходят в те заведения, где я играю, не для того, чтобы думать или страдать, а для того, чтобы развлекаться. Иногда я исполняю что-нибудь печальное для девушек, но для посетителей — никогда.

Орнелла усмехнулась. Она не знала, как объ-

яснить слепому юноше, что на Корсике песни выражают разочарование, тоску по непрожитой жизни, неиспытанной любви. Они помогают корсиканкам выжить в суровом мире вендетты и камня, выжить и при этом остаться женщинами. Иногда в них поется о запретной страсти, которая заканчивается гибелью или разлукой. Эти песни не предназначены для посторонних ушей, их эхо должно слиться со звоном ручья, шумом моря, исчезнуть в горах.

— Чего ты от меня хочешь? Все корсиканские песни такие.

— Я научу тебя итальянским песням. Они куда веселее.

— Я не смогу петь веселые песни.

— Почему?

— Потому что мне невесело.

— Настоящий артист должен уметь делать то, чего желает публика, неважно, весело ему или грустно. Если твоя душа по-настоящему сольется с мелодией, все будет выглядеть искренне.

— Ты так можешь? — недоверчиво промолвила Орнелла.

— Не я, а моя гитара, — скромно ответил Алонсо. Он погладил инструмент так, будто это было живое существо, потом поднял голову и сказал:

— Тебе нужно заработать деньги. Что еще ты умеешь делать?

Орнелле было нечего возразить, и она спросила:

— А у тебя есть мечта?

— Такая, которую можно осуществить, заработав много денег? Нет, — с грустной улыбкой ответил юноша и рассказал о себе.

Алонсо не знал, где он появился на свет и кто его родители. Раннее детство он провел в Неаполе: в его воспоминаниях это время осталось похожим на огромную черную яму, кишащую пауками и змеями. Алонсо просил подаяние на улицах города вместе с другими бездомными ребятишками. Он голодал, потому что подавали немного, к тому же дети постарше, да и взрослые нищие нередко отнимали у него деньги.

Однажды Алонсо увидел Джакомо, уличный музыкант, и из жалости решил научить его играть на гитаре. К его удивлению, мальчик мгновенно запоминал самые сложные мелодии, быстро научился их исполнять, а после сам стал сочинять музыку. Времена были тяжелые, и вскоре Джакомо и Алонсо пустились странствовать по свету. Спустя два года они очутились во Франции, в Тулоне. Они играли в порту для приезжих, про-

ституток, моряков, но однажды вечером какие-то негодяи ограбили и избили Джакомо так, что он не смог оправиться и умер в больнице.

— Даже гитару сломали, — сказал Алонсо, и Орнелла почувствовала, что он вот-вот заплачет.

После смерти Джакомо Алонсо решил, что выступать на улице опасно, и постепенно перебрался в кабачки и бордели. Отныне заработанные деньги он хранил у мадам Флаш, той самой, что подобрала Орнеллу на пороге своего заведения.

— Она очень добрая, — с искренней теплотой произнес Алонсо, — ни разу не обманула.

— И все-таки ты одинок? — спросила Орнелла. — И ни в кого не влюблен?

— Нет. Такова моя судьба.

— Может быть, потому, что тебя окружает грязь человеческих душ?

— Нет, не поэтому. Джакомо говорил, что если мне доведется полюбить, в мою душу проникнет свет. Пока этот свет мне дарит только музыка, — сказал Алонсо и вдруг спросил: — А кто для тебя твой муж?

Орнелла на мгновение задумалась, потом ответила:

— Раньше, желая набраться сил, я иногда обнимала могучие деревья и долго стояла, закрыв

глаза и крепко прижавшись к ним. Тогда я чувствовала, что у меня есть дом, защита, надежда и счастье. То же самое я ощущаю, когда рядом со мной находится Дино.

— Я понимаю тебя и твой народ, ваши кажущиеся дикими обычаи, мысли о смерти. Я сам всю жизнь словно наполовину в могиле: меня окружает вечная тьма. При рождении вы выходите из нее и уходите обратно, лишь умирая, а мне приходится в ней жить, — сказал Алонсо.

После этих слов Орнелла не могла отказаться выступать вместе с ним.

Глава 8

На следующий день Орнелла и ее слепой провожатый подошли к зданию городской тюрьмы. Их надежды не оправдались, а усилия не увенчались успехом.

Никто не хотел сообщать Орнелле о том, где находится Дино, вдобавок у нее требовали паспорт. Она и слыхом не слыхивала о такой вещи, а Алонсо, едва речь зашла о документах, испуганно схватил спутницу за рукав и потащил прочь. Оставалось одно: постараться заработать деньги и прийти сюда снова — с предложением внести выкуп или дать взятку.

В течение нескольких недель слепой музыкант упорно учил Орнеллу итальянским песням, пытаясь добиться того, чтобы ее голос гармонично сплетался с голосом гитары. Длинные лирические баллады или озорные куплеты были одинаково пронизаны светом и теплом, полны ярких образов. Алонсо хотел, чтобы сильный, красивый голос Орнеллы заставил этот свет переливаться и играть, будто на гранях драгоценного камня, а тепло — согревать человеческие сердца.

Мадам Флаш первой согласилась на новшество,

однако настояла на том, что Орнеллу следует нарядить в другое платье, более нарядное и открытое, и хотя бы немного накрасить лицо. В результате ее дебют обернулся полнейшим поражением.

Голос Орнеллы срывался и дрожал, она не могла, да и не хотела скрывать своего презрения к публике, равно как и желания показать, что она пришла из другого мира. Еще не закончив петь, она увидела злобные ухмылки на губах проституток и глуповато-изумленное выражение лиц мужчин. Ей пришлось покинуть комнату под издевательские смешки и хлопки.

Однако Алонсо не расстроился. Он сказал:

— Все поправимо.

— Я не могу петь для них! — воскликнула Орнелла. — Я их не понимаю, а они не понимают меня!

— Они в самом деле не понимают тебя, и не только потому, что не знают итальянского. Но ты должна сделать так, чтобы они тебя поняли.

— Я не могу!

— Попробуй представить, что ты… слепая, как я, — промолвил Алонсо, не обращая внимания на ее слова. — Что ты способна узреть лишь свой внутренний мир. Тогда и они перестанут видеть

тебя и будут слышать только твой голос. Для начала спой для них так, как пела бы для себя. Для моря, скал, песка и неба на своей Корсике. Забудь о том, что случилось сегодня. Я поговорю с девушками, объясню им, кто ты такая и что привело тебя сюда. Думаю, они поймут. Хотя эти несчастные вынуждены принадлежать многим, каждая из них мечтает о своем единственном.

— Если кто-либо из этих мужчин подойдет ко мне…

— То он сразу поймет: чтобы тобой обладать, недостаточно просто заплатить.

— Для этого нужно быть Дино.

— Да, твоим мужем. Ведь ты пришла сюда ради него?

Орнелле стоило многих усилий преодолеть собственное сопротивление и сломить недоверие окружающих. Постепенно она перестала замечать черные пятна, замаравшие имена и души проституток, ибо у каждой из них была своя трагическая история. Словно отлакированные выражения лиц, неизменные улыбки неумело скрывали отчаяние и надлом, вечный хаос мнимого веселья помогал хотя бы немного забыть о неудачах и горе. Они любили Алонсо за его неприкаянность и талант, и им нравились песни,

которые исполняла Орнелла, потому что она пела о настоящих чувствах.

Ей не довелось подружиться ни с одной из этих девушек, поскольку характеры большинства из них были непоправимо испорчены атмосферой лжи, царящей в борделе, и жестокостью мужчин. Зато с Алонсо Орнелла жила душа в душу, они делили все радости и невзгоды и спали на одной кровати, как брат и сестра.

— У твоего голоса любовь с моей гитарой, — обычно шутил он.

Орнелла не теряла надежды увидеть Дино и каждую неделю приходила к тюрьме. Ее всякий раз гнали прочь, и она утешалась разговорами с Алонсо и… своими песнями.

Благодаря слепому музыканту она научилась петь для людей. Она обрела путь и желала следовать по нему дальше. Кучка денег, хранящихся в доме мадам Флаш, постепенно росла; тем временем Алонсо посоветовал Орнелле обратиться к писцу и отправить синьору Фабио и синьоре Кристине послание со своим адресом.

— На свете случаются чудеса, — сказал юноша, никогда не видевший света, — вдруг Дино освободят раньше, чем ты внесешь выкуп? Он не станет искать тебя в Тулоне, а поедет на Корсику!

Если они возвращались домой слишком поздно, их за отдельную плату провожал Тома, тот самый громила, которого Орнелла увидела в первый день.

Она не носила откровенных нарядов и выступала в простом черном платье, в котором чувствовала себя естественно и свободно.

Однажды после того, как она закончила петь, к ней подошел немолодой, хорошо одетый господин и заявил, что хочет с ней поговорить.

— Это не то, о чем вы, вероятно, подумали, — сказал он. — Меня зовут Пьер де Бюрн, я много лет прожил в Париже, а теперь путешествую. Мне нравится испытывать трепет при виде неожиданных красот и удивление от необычности человеческих нравов. Я несколько дней наблюдаю за вами, грустной певицей, исполняющей веселые песни, и все больше убеждаюсь в том, что вы находитесь не там, где нужно. Вероятно, вас привела сюда трагическая необходимость? Ваш голос бьется об эти стены, как птица о прутья клетки. Почему-то я сразу представил вас на сцене, ибо вы поете так, будто стоите на берегу обрыва и сейчас броситесь вниз. Или… полетите.

Орнелла настороженно слушала, с трудом воспринимая витиеватую речь, а когда собеседник

умолк, не слишком вежливо спросила:

— Что вам нужно?

— Я только хотел спросить, зачем петь в портовом борделе, если можно украсить своим исполнением какой-нибудь музыкальный салон или прославить «Опера»? Поезжайте в Париж, там для вас с вашим талантом и внешностью откроются двери, о которых вы даже не подозревали!

Перед мысленным взором Орнеллы промелькнуло что-то радужное и яркое, но она была не из тех, кто легко поддается неведомым чарам, а потому сухо произнесла:

— Я плохо говорю по-французски.

— Большинство опер написано на итальянском языке, да и французский изучить не сложно. Главное, в вас есть сила, некая глубина, необходимая для того, чтобы находить отклик в сердцах слушателей. Подумайте об этом, — сказал он, поклонился и отошел.

Орнелла проводила его недоверчивым взглядом, но зерно было посеяно, и она принялась размышлять о том, о чем никогда не задумывалась: о далеком таинственном Париже и о собственном призвании. То были необычные, дерзкие мысли, ибо на Корсике женщины за-

нимались только домашним хозяйством, и все данные им природой задатки и таланты постепенно угасали. Их способностей хватало лишь на то, чтобы передавать песни из уст в уста младшим сестрам, племянницам, дочерям.

Орнелла не была уверена в том, что хорошо поняла этого человека и правильно запомнила его имя. Однако спустя много лет она наткнулась на книгу о путешествии по Италии и Франции, автором которой был Пьер де Бюрн. То были любопытные путевые заметки, но о Тулоне, о районе красных фонарей и тем более об Орнелле Гальяни там не было сказано ни слова.

Пришел день, когда Алонсо сообщил:

— Мы заработали больше шестидесяти франков. Я поговорю с мадам Флаш: возможно, она одолжит остальное?

Орнелла задрожала. Только теперь она поняла, как сильно измучилась ожиданием, сознанием того, что Дино находится рядом, в том же городе, но их разделяют железные решетки, каменные стены, равнодушие и жестокость окружающих.

В тот вечер она торопила Алонсо, и они вышли из дома, едва начало темнеть.

В квартале красных фонарей творилось нечто невообразимое. Навстречу, крича и рыдая, бе-

жали женщины, одежда многих из них была разорвана, на лицах некоторых Орнелла увидела кровь.

— Облава! Надо бежать! — воскликнул Алонсо.

Он уже был свидетелем облав, когда жандармы буквально устраивали охоту на проституток, громили заведения, избивали несчастных женщин под предлогом поиска тех, кто уклонялся от уплаты налогов.

Орнелла схватила слепого за руку, и они бросились в соседний проулок. Ноги отказывались слушаться, сердце стучало, как бешеное. Только теперь Орнелла по-настоящему поняла, куда ее занесло. Если ее арестуют, ей ни за что не удастся доказать, что она порядочная женщина.

Отовсюду доносились крики, стоял неимоверный грохот, звон стекол, слышался треск открываемых ногами дверей. Они с Алонсо прижались к стене. В это время из-за поворота вынырнул какой-то человек, схватил Орнеллу за плечо и начал рвать на ней платье.

Она всегда носила с собой кинжал для защиты, пока не пришел момент, когда она поняла, что больше не сможет ударить, вспороть живую человеческую плоть, пролить кровь. Что-то случилось с ней после того, как она выстрелила в

Дино: она не хотела сеять смерть, она желала лелеять жизнь.

В мозгу помутилось, в ушах зашумело, руки и ноги ослабли. В этот миг Алонсо поднял гитару и наугад обрушил ее на голову незнакомца. Тот свалился на землю без единого звука. Орнелла с ужасом смотрела на искаженное лицо слепого и неподвижное тело, распростертое возле его ног.

— Гитара цела? — спросила она, когда они отбежали на безопасное расстояние.

Слепой музыкант ощупал инструмент дрожащими руками.

— Кажется, да.

— Спасибо тебе, — промолвила Орнелла, — ради меня ты рискнул самым дорогим.

На следующий день, пересилив неуверенность и страх, Орнелла наведалась к мадам Флаш, велев Алонсо остаться дома. Та выглядела иначе, чем прежде: не накрашенная, облаченная в темное платье, она казалась постаревшей на десять лет и походила на почтенную вдову. Тяжелые черты лица, седые пряди в прическе, потухший взор.

— Заведение закрыто, Орнелла. Девочки задержаны. Я должна внести за них выкуп, но не знаю, где взять деньги. Тома ранен, мебель попорчена, зеркала разбиты.

— А наши деньги? — холодея, прошептала Орнелла.

— Жандармы нашли и забрали все.

Это была правда, и она прозвучала как приговор. Не чуя под собой ног, Орнелла вернулась домой и поведала Алонсо о том, что случилось.

— Нам повезло, — промолвил он после долгого молчания. — Арестованных девушек отправляют в участок; на следующий день отводят в префектуру, потом — в тюрьму.

— Я больше не желаю выступать, — с надрывом произнесла Орнелла, — я хочу вернуться на Корсику!

— Я тебя понимаю.

Они сидели друг против друга, когда в комнату вошел мужчина, остановился возле двери и прислонился к косяку.

В позе Орнеллы было что-то задумчивое и скорбное: она словно прислушивалась к таинственной музыке. Она и незнакомый юноша будто вели безмолвный, понятный только им двоим разговор или… присутствовали на чьи-то похоронах.

— Что здесь происходит?!

Орнелла вскинула взор и с громким криком бросилась на шею Дино. Они разъединились

на несколько мгновений для того, чтобы вновь увидеть друг друга, убедиться в том, что это не сон, а после вновь слились в объятии.

Летом 1807 года армия Наполеона нанесла русским тяжелое поражение под Фридландом. Французский император готовился объявить войну Португалии и Испании, в связи с чем был объявлен дополнительный рекрутский набор. Военные силы победителей были истощены не меньше, чем силы побежденных, и правительство искало дополнительные возможности для пополнения армии.

Так, из тулонской тюрьмы были освобождены те, кто не совершил убийства или другого тяжкого преступления и прежде не нарушал закон. Освобождены в обмен на немедленное вступление в пехоту.

Дино Гальяни согласился, не раздумывая. В тюрьме он был заперт наедине со своей совестью, ему было нечего предъявить в свое оправдание. Он терзался мыслями об Орнелле, порой доходя до неистовства, и утешался лишь тем, что едва ли синьор Фабио и синьора Кристина вышвырнут ее на улицу. Обращаться за помощью к отцу ему было стыдно до слез. Дино решительно заявил, что за него некому внести выкуп, и принялся

ждать, надеясь на побег или счастливый случай.

Когда его выпустили, он не поверил своей удаче. С величайшим трудом, подписав множество бумаг, надавав кучу обещаний и клятв, Дино удалось добиться отсрочки мобилизации. Он объяснил, что его жена больна и что ему необходимо предупредить ее об отъезде.

Когда он прибыл на Корсику, синьор Фабио и синьора Кристина встретили его, как родного, и показали письмо Орнеллы. Дино бросился обратно в Тулон, с трудом отыскал улицу и дом и, войдя в незапертую дверь, увидел свою жену и Алонсо.

Обнимая Дино, Орнелла одновременно плакала и смеялась. Ей казалось, что все беды мира отступили прочь. Он же был немного растерян и вместе с тем безмерно рад, рад увидеть прежнюю сильную, дерзкую, пылающую невидимым пламенем Орнеллу, какую ему довелось полюбить.

Алонсо со свойственной ему проницательностью сразу почувствовал себя лишним и сказал, что попробует договориться с хозяйкой, чтобы она дала супругам комнату на первом этаже. Та согласилась, и после долгих месяцев разлуки Орнелла и Дино провели ночь в объятиях друг друга.

Перед мысленным взором Орнеллы проплыва-

ли сцены ее жизни за последние недели, и она не знала, что и как объяснить Дино. К счастью, он и не требовал объяснений.

— Я тебе не изменяла, — застенчиво прошептала Орнелла, когда Дино овладел ею.

— Я тебе тоже, — ответил он, зарываясь лицом в ее волосы.

Потом они разговаривали. Когда Дино рассказал, как ему удалось выйти на свободу, и признался, что ему придется отправиться в военный лагерь, Орнелла спросила:

— Ты не можешь отказаться?

— Нет. Император выразил мне доверие, и, как истинный корсиканец, я не могу его подвести. Я без того совершил много ошибок!

— Ты сделал это ради меня. А император… он не знает тебя, и ты никогда его не видел и, скорее всего, не увидишь!

Дино молчал, и в его молчании Орнелла уловила осуждение. Корсиканка не должна трусливо цепляться за рукав мужчины и слезливо умолять его свернуть с тропы, что ведет на войну и, возможно, к смерти. Она обязана мужественно смотреть в лицо судьбе, даже если на этом лице сверкает звериный оскал.

— Где находится лагерь? — обреченно спро-

сила она.

Дино грустно улыбнулся.

— Ты не поверишь: недалеко от Парижа. Чтобы сдержать обещание и успеть вовремя, я должен выехать утром.

— А я?

— Вернешься на Корсику к синьору Фабио и синьоре Кристине. Они тебя примут. Я постараюсь присылать тебе большую часть жалованья.

Она упрямо тряхнула волосами.

— Я поеду с тобой.

— Куда? В лагерь?

— В Париж.

Орнелла охотно вернулась бы на Корсику, но не одна, а с ребенком, зачатым в эту ночь, однако доктор Росси не оставил ей надежды. Возможно, он ошибался, говоря, что она не сможет иметь детей, и все же она опасалась, что жизнь на острове в доме пожилых супругов станет трагедий бесплодного ожидания и тягостного одиночества.

Дино смотрел на нее во все глаза. «Жена должна следовать за мужем» — это не про корсиканских женщин. Корсиканка обязана оставаться дома, верно ждать и мужественно терпеть лишения, которые выпадут на ее долю в отсутствие мужчины.

Они долго спорили. Все, что было связано с театром, представлялось Дино балаганом, приютом разврата. Орнелла тоже ничего не знала про театр и Париж, но продолжала упорствовать. Она сумела соблюсти себя среди публичных женщин, сможет выстоять и на подмостках сцены!

— Я понимаю, что, женившись на мне, ты ожидал, что я стану слушаться тебя и…

— Вот уж чего я не ждал, Орнелла Санто, так это того, что ты будешь подчиняться мужу! — со смехом прервал Дино.

Орнелла знала, что жизнь, как море, полна приливов и отливов: то что-то неожиданно приносит, то уносит навсегда. Порой человека окружает райский сад, а порой — бессмысленный мир, в котором вещи кажутся искаженными, а прежде казавшиеся бессмертными чувства теряют свое значение. Она догадывалась, что сегодня они с Дино покинут последнюю гавань, связывающую их с прошлым, и отправятся в путешествие в новую жизнь.

В конце концов они решили, что Орнелла сядет в дилижанс и проводит Дино до лагеря, а там будет видно. Вспомнив об Алонсо, она рассказала мужу, чем обязана слепому юноше, и с надеждой спросила:

— Возьмем его с собой? Мне страшно оставлять его здесь.

Дино пожал плечами.

— Как скажешь. Если он согласится…

Алонсо не согласился, напрасно Орнелла уговаривала и убеждала.

— Может, ты правда поедешь с нами? — поддержал ее Дино, не вполне уверенный в том, что они смогут взвалить на себя такую обузу.

— Нет. Париж слишком велик для меня, — ответил Алонсо и обратился к Орнелле: — Возможно, когда-нибудь ты вернешься в Тулон в блеске славы и подашь бедному музыканту несколько су!

Она не выдержала и расплакалась. Однако прощание было недолгим. Дино торопил жену, чтобы успеть к назначенному сроку. Впереди их ждал Париж.

Впервые очутившись в столице, Джулио Гальяни прилагал все усилия к тому, чтобы в нем ненароком не распознали незадачливого провинциала, не подозревая, что Париж — город, где большинство людей увлечено только собой.

Получив желанный отпуск, он поехал бы на Корсику, если б ему было чем похвастать перед жителями Лонтано, однако он до сих оставался одним из сотен тысяч безымянных солдат напо-

леоновской армии.

Вместо родины Джулио дерзнул отправиться в Париж, а все потому, что он продолжал верить в свою звезду, в то, что некое стечение обстоятельств поможет ему проложить путь к успеху.

Широкие улицы в районе Дома инвалидов обрамляли высокие деревья, на бывших огородах близ Военной школы был разбит плац для парадов и учений, названный Марсовым полем. Над Сальпетриер вилась голубоватая дымка вечернего воздуха, красивые здания на левом берегу Сены сверкали в свете заходящего солнца.

Совсем иное Джулио видел на окраине предместья Тампль, где ему пришлось остановиться. Эти кварталы больше напоминали деревню. Улицы были покрыты грязью, представлявшей собой смесь помоев, нечистот, глины и лошадиного навоза и местами доходившей до щиколоток. Прохожие прилагали немало усилия для того, чтобы не быть забрызганными с головы до ног проезжающими повозками. Женщины перепрыгивали через лужи, беззастенчиво приподнимая подолы: Джулио не раз видел их чулки и даже подвязки.

Хотя он решил экономить скудное солдатское жалованье, однако, приехав в Париж и сняв ком-

нату в дешевой гостинице, прежде всего велел приготовить ванну. Стенки большой жестяной лохани позеленели, воду принесли едва теплую и мутноватую, но все же Джулио старательно вымылся с головы до ног и попытался хотя бы немного почистить потрепанный и выцветший мундир.

Он шел по улицам с гордо поднятой головой, словно желая продемонстрировать заносчивым парижанам свою корсиканскую гордость, которая стоила больше любого золота.

Джулио с трудом отыскал дом полковника де Сент-Эньяна и осторожно позвонил. Ему открыл ливрейный лакей с таким надменным выражением лица, словно служил во дворце самого императора.

— Что вам угодно? — спросил он, опуская обращение «сударь».

— Мне необходимо видеть полковника де Сент-Эньяна.

— Вы хотите сказать, генерала?

Джулио на мгновение растерялся, но после уверенно подтвердил:

— Да.

— Прошу вас представиться.

— Меня зовут Джулио Гальяни.

— Господина нет дома. Я спрошу у мадам, — холодно произнес лакей и исчез, оставив посетителя на улице.

Джулио решил, что попал в крайне неудобную ситуацию. Он подумывал уйти, но тут дверь вновь отворилась, и показалось кислое лицо все того же лакея.

— Мадам приказала провести вас наверх.

Джулио поднялся по устланным коврами ступенькам и очутился в маленькой прихожей, где стояли две жардиньерки в виде бронзовых алтарей, на которых громоздились большие вазы с букетами роз. Из соседней комнаты доносилась музыка и веселые голоса. Джулио было неловко от того, что на нем потрепанная полевая форма и тяжелые, забрызганные грязью сапоги.

Дверь отворилась, и появилась, по-видимому, хозяйка дома. Сначала Джулио решил, что ей немногим за двадцать, но потом понял, что ошибся по крайней мере на десяток лет. Женщина обладала стройной фигурой, а следы возраста на лице скрывал толстый слой пудры и румян.

Он коротко, по-военному поклонился и назвал свое имя.

— Джулио Гальяни? Я Амалия де Сент-Эньян. Мне доложили, что вы хотите увидеть моего му-

жа? Он в отъезде. Вернется через несколько дней. Может быть, я сумею вам помочь?

Джулио растерялся. Не мог же он сказать: «Я спас ему жизнь и явился для того, чтобы получить благодарность!».

— Господин полковник, то есть генерал приглашал меня зайти, если я окажусь в Париже, — пробормотал он, кляня себя за глупую самоуверенность и неоправданную дерзость.

Хозяйка склонила голову набок, и в ее ушах задрожали сережки.

— Не вы ли тот самый солдат, который вынес моего супруга с поля боя, рискуя собой?

Джулио смутился.

— Не совсем так, но…

— Вы итальянец? — перебила она.

— Корсиканец.

— О! — промолвила она, слегка отступила назад и добавила: — В моем доме гости, прошу вас присоединиться к нам. Не беспокойтесь, у нас все запросто.

Амалия де Сент-Эньян любезно улыбалась и вместе с тем смотрела странным, пристальным, сосредоточенным взглядом. У нее были яркие голубые глаза, пронзенные черными точками зрачков. Светло-рыжие волосы окружали нежное

лицо золотистым нимбом. В диадеме, словно капли росы на солнце, сверкали прозрачные камни.

На ней было платье из плотного белого атласа с золотой вышивкой, оставлявшее отрытым руки и верхнюю часть груди. Она очаровательно кутала голые плечи в изящную шаль с пышными кистями, свисающими почти до пола.

Джулио не знал, что когда император привез в подарок жене шаль из тончайшего кашемира, все парижские дамы бросились скупать такие же. Не ведал он и того, что революция пробудила во французских женщинах интерес к политике, к новым веяниям, ко всему, что творилось вокруг. Теперь они создавали салоны, верховодили в дискуссиях, участвовали в различных увеселениях.

Войдя в комнату, Джулио был ослеплен обилием огней, отражавшихся в больших напольных зеркалах и полированной мебели красного дерева с бронзовыми накладками. На мягких диванах сидели мужчины в бархатных кафтанах и женщины, чьи легчайшие одеяния были скреплены на плечах драгоценными камеями.

— Прошу внимания! — Амалия захлопала в ладоши. — Я хочу представить вам нового гостя, причем почетного гостя: это Джулио Гальяни. Он корсиканец, как и наш император, но это еще

не все. В сражении при Ауэрштедте Джулио спас жизнь моему мужу, генералу де Сент-Эньяну!

Мужчины и женщины повернули головы и смотрели на него, как на диковинку.

— Прошу садиться, — пригласила Амалия. — Вы, наверное, голодны? Сейчас Жак принесет приборы и подаст ужин.

Джулио в самом деле был голоден, но старался не показать этого. Ему не были известны происхождение и названия многих блюд, он не знал, как пользоваться некоторыми приборами, и по-прежнему стеснялся своего мундира и сапог.

После того, как гости выпили за здоровье генерала и его спасителя, речь, конечно, зашла о войне.

— В скольких сражения вы участвовали? — с интересом спросила Амалия у Джулио.

— В четырех крупных, а еще во множестве мелких стычек.

— И ни разу не были ранены?

— Лишь однажды и то — легко.

— Должно быть, потому, что вы — настоящий герой!

«Я не герой, — подумал Джулио, — просто, не в пример иным, не лез под пули».

— Говорят, корсиканцы рождаются с оружием

в руках?

— Скорее, оружие становится их третьей рукой.

— Вы боитесь смерти?

— Кто ее не боится, легко и быстро погибает, — подумав, ответил Джулио. — Хотя мы редко думаем о жизни и смерти, когда идем в бой. Главное — это победа, а она не всегда сочетается с тем или с другим.

— Любопытные высказывания, — заметил один из мужчин, вступая в беседу. — Вы можете рассказать о вендетте? Отчего корсиканцы столь привержены этому дикому обычаю?

Джулио пожал плечами.

— Мы обречены исполнять роль, назначенную судьбой. Я не знаю, откуда взялся этот обычай, однако тот, кто ему не следует, становится изгоем.

Все согласно закивали.

— Да, да, судьба! Недаром император постоянно о ней говорит.

— Должно быть, вы боготворите Наполеона! — подала голос хорошенькая женщина, и Джулио повернулся к ней.

— Корсиканцы служат не людям, а принципам.

Когда он произнес эти слова, раздались воз-

гласы:

— Как это правильно! Если бы все рассуждали так!

Джулио оказался в центре внимания, тогда как Амалия почти не принимала участия в разговоре. Она наблюдала за молодым солдатом со снисходительной улыбкой, в которой сквозила ирония.

Когда один из гостей открыл пеструю эмалевую крышку массивных часов и сказал, что ему пора уходить, Джулио решил последовать его примеру. Он не успел откланяться: Амалия вышла в соседнюю комнату и вернулась с туго набитым кошельком.

— Это вам, — сказала она. — Жаль, что моего мужа нет дома. Позвольте отблагодарить вас вместо него!

Джулио замер. Не то чтобы он не нуждался в деньгах, даже очень нуждался, однако он явился сюда затем, чтобы получить нечто большее, чем деньги. Он знал, что какая бы большая сумма не лежала в этом кошельке, он потратит ее, и ничего не останется. К тому же ничто не может оскорбить гордость корсиканца больше, чем денежный подарок! Об этом говорил еще Леон, а он заблуждался далеко не всегда.

В его взгляде блеснул холод. Он выпрямился

и произнес, не обращая внимания ни на слова Амалии, ни на протянутый кошелек:

— Разрешите вас покинуть. Я приходил затем, чтобы узнать, как здоровье генерала: ведь я оставил его тяжелораненого в полевом госпитале. Я был рад узнать, что он находится в добром здравии.

Поклонившись собравшимся, Джулио повернулся и вышел. Амалия последовала за ним.

— Кажется, я вас обидела! — сказала она.

Хотя в голосе женщины звучало искреннее сожаление, Джулио решил, что не станет ее щадить.

— Кошельки, сударыня, раздают лакеям, а я — солдат армии императора Наполеона!

— К сожалению, я отвыкла от того, что среди нас остались люди, признающие, что на свете существуют вещи важнее денег! Вы правы: нельзя болеть золотом, позволять ему овладевать собой, ибо тогда оно поглотит вашу душу! Прошу вас простить меня и пожаловать к нам завтра! Благодаря вашему присутствию вечер прошел необычно; надеюсь, вы тоже получили некоторое удовольствие?

— Боюсь, моя солдатская форма не слишком уместна среди роскоши вашего дома, — сухо про-

говорил Джулио.

— Это не имеет значения. Хотя на вас в самом деле гораздо лучше смотрелся бы офицерский мундир. Почему бы вам не поступить в Военную школу?

— Туда принимают только дворян.

— Всегда можно найти лазейки! — Амалия произнесла это так, словно делала намек или давала обещание.

Джулио решил, что пора ответить любезностью на любезность, и сказал:

— Вы вовсе не такая высокомерная и чопорная, какой ожидаешь увидеть супругу генерала. Сперва я вообще подумал, что вы его дочь!

Комплимент был дерзким, однако женщина рассмеялась.

— Неужели? Как мило! Так вы придете завтра?

Он поклонился.

— Да, сударыня.

Он в самом деле пришел и продолжал приходить каждый вечер, а однажды Амалия сказала:

— Завтра приезжает мой супруг. Я встречу его за городом. Буду рада, если вы согласитесь меня сопровождать. Для Жиральда этот будет приятный сюрприз!

Джулио удивился. Хотя после первого вечера

Амалия держалась с ним очень ласково и любезно, он совсем не рассчитывал стать другом семьи де Сент-Эньян!

— Хорошо, сударыня.

— Где вы остановились?

Он ответил.

— Я заеду за вами в десять утра.

На следующий день Джулио проснулся, когда на небе едва начали тускнеть звезды, и распахнул окно. Над городом вздымались остроконечные колокольни, длинные кирпичные колоннады труб. Пахло гарью, нечистотами, пылью.

Оглядев комнатку с ободранными стенами и колченогой мебелью, он тяжело вздохнул. Отпуск заканчивался, через несколько дней ему придется вернуться в полк.

Хотя деньги были на исходе, Джулио снова попросил ванну и, приняв ее, принялся разглядывать себя в осколок зеркала. В глубине серых глаз мерцали золотистые точки, волосы лежали красивыми волнами, гладкая кожа была покрыта ровным загаром, зубы сверкали, как жемчуг. И все же его внешность, молодость, сила не приносили ему никакой пользы. Возможно, он был неправ, отказавшись от денег Амалии де Сент-Эньян? Роскошь ее салона вызывала в нем завистливую

злобу, но он был вынужден скрывать свои чувства и разыгрывать бедного, но благородного и бескорыстного корсиканца.

К его досаде, Амалия приехала раньше назначенного времени и поднялась к нему в комнату. На ней было шелковое платье лилового цвета и зеленый бархатный спенсер. В руках она держала расшитый пайетками ридикюль. На ногах женщины красовались атласные туфельки, явно не предназначенные для ходьбы по грязным улицам.

— Было бы лучше, если б вы подождали в экипаже, — сказал Джулио, скрывая раздражение.

Гладкий лоб Амалии прорезали морщинки. Она нервно сжала руки и прошлась по комнате.

— Полагаете, я не знаю, что такое бедность? Вам трудно представить, что были вынуждены пережить парижане во времена революции! День ото дня мне приходилось наблюдать гибель мира, в котором я родилась и выросла. Люди падали от голода прямо на улицах, падали и умирали. Хлеба выдавали полфунта на день, мера картофеля стоила тридцать пять ливров, а человеческая жизнь — и того меньше. На каждой площади стояла гильотина, там ежедневно казнили толпы народа! Подумать только — всего тринадцать лет назад

мы думали, что никогда не выберемся из этого кошмара, — отрывисто проговорила она и вдруг улыбнулась очаровательной, обезоруживающей улыбкой: — Правда, тогда я была молода!

— Вы и сейчас молоды, — заметил Джулио, добавив комплимент, который слышал в ее салоне: — И прекрасны, как греческая богиня!

Амалия рассмеялась, и ее щеки порозовели.

— Зато потом, — сказала она, — наступила эпоха веселья! Мой муж был в армии, а мы… мы сходили с ума! Вечерами посещали балы, а ночами танцевали на могилах, повязав на шею красный шнурок! Мы воспевали культ смерти и вместе с тем как никогда ценили жизнь. То было время оргий — порядочная женщина могла запросто отдаться любому незнакомцу! Хотя на самом деле все мечтали о великой бессмертной любви!

Джулио слушал с нескрываемым интересом, гадая, в какой степени эти слова относятся к ней самой. Юноша задавал себе вопрос: что будет, если он сожмет ладонями эти хрупкие фарфоровые плечи и вопьется губами в этот нежный рот? Наверняка благосклонности такой женщины можно добиться лишь неистощимым терпением, бесконечными усилиями и искусными

уловками.

Амалия была значительно старше его, но это не смущало Джулио. Он не чаял овладеть настоящей француженкой, парижанкой. По приезде у него возникла мысль купить проститутку, и он непременно сделал бы это, если б не вспоминал ужасные случаи заражения неизлечимыми и грязными болезнями, о которых толковали солдаты.

Джулио и Амалия спустились вниз и сели в крытый экипаж. Карета тронулась с места и понеслась по улицам, подпрыгивая на ухабах и разбрызгивая грязь. Казалось, кучер намеренно погоняет лошадей, стремясь поскорее покинуть убогие кварталы.

— Прежде я думала, что все корсиканцы смуглы, темноглазы и черноволосы, но теперь вижу, что ошибалась, — помолвила женщина, удобно устроившись на бархатном сиденье. — И мне нравится, что вы — другой.

Вскоре карета выехала на широкие мощеные улицы. Джулио с любопытством смотрел в окно. Он с детства привык видеть бесконечную водную гладь, чистый горизонт, здесь же повсюду высились здания, не оставлявшие ни клочка голой земли.

Стоял пасмурный день, вместо дождя в воздухе сеялась унылая серая морось. Солнце, едва видное сквозь облака, заливало город безжизненным матовым светом.

— Я ощущаю себя покинутой, — вдруг сказала Амалия.

Джулио повернулся к ней. Что она имеет в виду? С минуту они смотрели друг на друга, глаза в глаза, потом он протянул руку и легонько сжал пальцы женщины.

— Вы так красивы! Такая женщина не может чувствовать себя одинокой.

Он затаил дыхание, ожидая ответа. В определенном смысле Джулио был совершенно неопытен, он никогда не ухаживал за парижанками, тем более за светскими женщинами, и боялся показаться навязчивым и грубым.

Амалия не отняла руку, более того, одарила его благосклонным взглядом, в котором он прочитал готовность к продолжению отношений, желание других, более смелых ласк.

Джулио потянулся к ней губами — она не отстранилась. Целуя ее, он провел руками по гладкому шелку платья, коснулся кружевного чулка, потом — голой ноги и бедра. Кожа Амалии была гладкой и теплой, а ее сокровенная плоть

— мягкой и сочной. Джулио задрожал, теряя голову, и принялся расстегивать ее спенсер. Амалия не мешала; она закрыла глаза и вцепилась пальцами в его пояс. Разделавшись со спенсером и обнажив грудь женщины, Джулио мягко разжал ее руку и несколькими движениями освободился от лишней одежды.

Амалия лежала под ним на узком сиденье кареты. Экипаж трясло на камнях мостовой, но они не замечали этого, увлеченные ритмом движений собственных тел. Джулио желал показать себя пылким и в то же время старался быть осторожным. Будет скверно, если Амалия де Сент-Эньян раскается в том, что произошло, и заявит, что он взял ее силой! Джулио казалось, что от того, понравится ли он ей как любовник, зависит его дальнейшая судьба.

Судя по всему, Амалии понравилось: она сладко стонала и несколько раз вскрикнула. Когда все закончилось, женщина лениво поднялась, старательно поправила одежду и прическу, а потом они с Джулио страстно целовались до тех пор, пока карета не остановилась у какой-то заставы.

Здесь было безлюдно и тихо. Деревья мерно шумели, осыпаемые каплями мелкого дождя, вместо мостовой под ногами стелилась густая трава.

Джулио спрыгнул с подножки и подал Амалии руку. Она вышла, слегка пошатываясь, ее лицо пылало, в глазах появился лихорадочный блеск.

Они медленно пошли вперед. Он молчал, не решаясь заговорить и не зная, что сказать. Амалия начала первой:

— Я всегда хотела, чтобы в меня, зрелую женщину, влюбился юноша, как Наполеон Бонапарт влюбился в Жозефину Богарне!

Джулио насторожился. Любовь? Он не собирался влюбляться в Амалию де Сент-Эньян, он думал о приятном времяпровождении, а еще о выгоде. И все же испытанное удовольствие заставило его быть благодарным. К тому же ему было не привыкать к лживым признаниям.

— Да, я люблю вас, сударыня! — воскликнул он, жалея, что не может схватить ее в объятия или покрыть ее руки поцелуями.

Лицо Амалии разгладилось, она облегченно вздохнула.

— Если б меня просто использовали, я бы этого не перенесла! Когда речь идет о чувствах, нельзя обманывать ни себя, ни других.

— Жаль, что мой отпуск подходит к концу и через несколько дней мне придется уехать, — вставил Джулио.

— Тебе нравится Париж?

«Сумасшедший город!» — подумал он и ответил:

— Я от него в восторге!

— Я сделаю так, что ты останешься, — заявила Амалия. — Поступишь в Военную школу. Жиральд замолвит за тебя словечко. Мы будем встречаться.

— А если он догадается?

— Я сумею его провести.

Джулио смотрел на нее во все глаза. Что заставило эту богатую парижанку, жену генерала, выбрать в любовники не одного из тех блестящих молодых людей, которых он видел в ее модном салоне, а его, простого солдата, необразованного бедного корсиканца?

Амалия ответила на вопрос Джулио, не дожидаясь, пока он его задаст:

— Парижане дико скучны. Их жизнь проходит на бульварах, в театрах и в кафе. Они интересуются всегда одним и тем же, всегда знаешь, что они скажут или сделают. Первое впечатление блестяще, но они не способны вызвать настоящую страсть.

Вскоре вдали показался небольшой отряд. Джулио знал, что сейчас увидит генерала, человека,

с чьей женой он только что переспал в его собственной карете!

Встреча супругов была бурной. Юноша догадался, что генерал де Сент-Эньян очень любит свою жену, и понял: если этот с виду простой, добродушный мужчина узнает правду — он, Джулио Гальяни, пропал. Однако отступать было поздно.

— Дорогой, смотри, кого я привезла! — с веселым смехом проговорила Амалия. — Тот самый молодой человек, который спас тебе жизнь! Он успел провести в моем салоне несколько вечеров — мои друзья очарованы им!

Генерал де Сент-Эньян с удовольствием пожал Джулио руку.

— Рад видеть вас живым и невредимым. Я очень доволен, что вы заехали к нам. Моя жена хорошо вас приняла?

Джулио что-то пробормотал, а Амалия решительно произнесла:

— Мне кажется, человек, который спас моего любимого мужа от смерти, заслуживает большего, чем быть простым солдатом. Нельзя ли устроить синьора Гальяни в Военную школу, чтобы он стал офицером?

Генерал смутился.

— Дело в том, что туда принимают только

дворян.

— Неужели ты не можешь попросить за него? Разве нынешний командный состав нашей армии — это не выходцы из низов? К тому же твой адъютант погиб — не пора ли обзавестись новым?

Де Сент-Эньян обещал подумать. Через какое-то время он в самом деле подал прошение, выправил нужные документы, и Джулио приняли в Военную школу. Немалую роль сыграло и то, что он корсиканец, соотечественник самого императора. Как человеку, уже участвовавшему в сражениях, Джулио предстояло пройти ускоренную подготовку, после чего он мог рассчитывать на младшее офицерское звание. В школе он держался уверенно, даже надменно, и не терялся среди дворянских сынков.

Амалия сняла небольшую квартирку близ Марсова поля, где они встречались в дни его увольнений. Джулио многому научился от нее: она все умела, ничего не боялась — они такое вытворяли в постели, что он только диву давался.

Амалия следила за собой и выглядела моложе своих лет. На бедре женщины была забавная причудливая родинка в виде цветка, которую Джулио нравилось целовать. За все, что она для

него делала, он был должен рассчитываться только одним: с виду искренними, а на самом деле лживыми признаниями в вечной и страстной любви. Когда муж Амалии приезжал домой, он наведывался к де Сент-Эньянам на правах друга семьи и будущего генеральского адъютанта. Джулио не мучили угрызения совести — он знал, что просто пришло его время.

Глава 9

Стоял разгар лета. Густые травы шелестели на ветру, будто изумрудная мантия, поутру в чашечках полевых цветов, словно вино в крохотных бокалах, сверкала роса. Море играло и переливалось на солнце различными оттенками, от лазурного до темно-синего, почти фиолетового. Днем остров окутывал зной, и даже вечера и ночи были жаркими и душными.

Как всякий зажиточный крестьянин, Леон Гальяни имел отару овец. Для ухода за скотом, который приходилось перегонять с зимних на летние пастбища и обратно, он нанимал пастухов, чаще всего молодых парней из бедных семей. Они вели суровую жизнь, проводя большую часть года вдали от родной деревни и довольствуясь временными жилищами: пасли, стригли животных, перерабатывали молоко в маленьких сыроварнях. Прежде Леон два или три раза за лето посылал Дино на пастбища проверить, как работают пастухи. Теперь, когда и старший, и средний сыновья покинули дом, эта обязанность перешла к Данте.

В былые годы он с удовольствием отправился

бы в горы полюбоваться дикой природой и немного отдохнуть на свободе вдали от отцовского ока, но теперь поехал на пастбище без особого желания: ему не хотелось расставаться с Анжелой.

Данте вышел из дому утром, но не спешил покинуть Лонтано. Он целый день бродил в окрестностях деревни, а вечером встретился с Анжелой, и влюбленные провели жаркую ночь в стоге сена.

Он уехал с легким сердцем, тогда как ей вовсе не было радостно. Анжела прождала несколько дней, пока наконец решилась поговорить с Сандрой.

Улучив момент, когда они остались в доме одни, она подошла к матери Данте и промолвила:

— Ты можешь выслушать меня, Сандра? Мне надо с тобой посоветоваться.

Та кивнула, вытерла мокрые руки и присела к столу.

— Конечно, Анжела. Я тебя слушаю.

В окно дул прохладный вечерний ветерок. Возле лампы вились мотыльки. Темнота за стенами дома пахла влажной землей и морем. Анжела надеялась, что полумрак скроет краску на ее лице и тревожный блеск в глазах. Она не знала, сможет ли объяснить Сандре, что заставило ее отказаться

от привычной для жителей Лонтано одинокой, суровой жизни вдовы и ступить на путь мучительной, жаркой, сводящей с ума страсти?

Анжела хотела завести разговор издалека, но потом подумала, что это бесполезно, и решила сразу сказать главное:

— Я беременна.

Сандра вздрогнула. Она смотрела на Анжелу так, словно не понимала, о чем идет речь.

— Как же так? Ведь Лука умер! Неужели ты… согрешила?!

Мать Данте произнесла эти слова таким тоном, что надежды Анжелы сразу развеялись по ветру. Однако она решила идти до конца.

— Да. Я согрешила. И теперь не знаю, что делать.

Сандра сокрушенно покачала головой.

— Отец ребенка знает?

— Нет. Я подумала, что сначала лучше поговорить с тобой.

— Ты хочешь совет? Признайся своему любовнику в том, что беременна, и выходи за него. Ты не первая и не последняя вдова, которая вступит в новый брак. Возможно, люди это осудят, но так ты спасешь свою честь и дашь ребенку имя. Или этот мужчина… несвободен?

Слезы помимо воли полились из глаз Анжелы и закапали на деревянную столешницу.

— Свободен. Но у меня дети, и я… я старше его на целых семь лет. Прости меня Сандра, это… это твой сын!

— Данте?!

— Да. Я живу с ним с весны, с того самого дня, когда ты отправила меня домой с пожара. Месяц назад я поняла, что у меня будет ребенок.

Сандра окаменела. Ей казалось, что из нее выпили жизнь и украли у нее воздух. Сбылся самый страшный из возможных кошмаров: судьба ее детей сложилась совсем не так, как хотелось. Да, она сама благословила Дино на бегство и брак с Орнеллой Санто, но если он до сих пор не дал о себе знать, стало быть, с ним случилось что-то плохое. Джулио тоже словно канул в Лету. А Бьянка… Бьянка не была счастлива. Хотя дочь убеждала Леона и Сандру в том, что ее брак с Винсенте удачен, мать ей не поверила. Бьянка щеголяла модными платьями и украшениями, но в глубине ее глаз Сандра видела страх и тоску.

— О чем ты думала, когда с ним связалась? Ведь ему всего семнадцать лет!

— Я влюбилась. И он тоже. Данте не раз предлагал мне выйти за него замуж.

— Этому никогда не бывать! Я не позволю, и Леон тоже. Данте чересчур молод и слишком хорош для того, чтобы взять на себя такую обузу!

Анжела сникла.

— Я знаю, — в отчаянии произнесла она, — вот только что мне делать с ребенком!

Сандра встала и прошлась по комнате. Ее сердце пылало огнем, но мысли были холодны, как сталь.

— В деревне Барбаджи есть старуха, говорят, она умеет делать такие вещи. Я дам тебе денег, и ты пойдешь к ней. Данте не должен ничего знать. Когда он вернется с пастбищ, скажешь ему, что все кончено, ты нагулялась и решила, что хватит. Я поговорю с Леоном: пусть подыщет сыну невесту. А ты больше не приходи в наш дом.

— Хорошо.

Сандра сняла со стены распятие и протянула женщине.

— Поклянись в том, что сдержишь свое обещание!

Анжела взяла распятие дрожащими руками и прикоснулась к нему губами. Женщина беспрестанно всхлипывала, она с трудом смогла произнести слова клятвы.

Через несколько минут после этого разговора в

дом вошел Леон и сразу спросил жену:

— Что случилось с Анжелой? Она попалась мне навстречу и плакала так, словно ей только что вынули сердце!

— Я ее прогнала.

— Почему? Что она сделала?

— Соблазнила Данте. Анжела Боллаи спала с нашим сыном!

Леон вытаращил глаза.

— Откуда ты знаешь?!

— Она сама сказала. Наверное, думала, что я тут же заключу ее в объятия как будущую невестку.

Леон провел рукой по лицу. Он был ошеломлен и не мог опомниться.

— Анжела всегда казалась мне порядочной женщиной, — наконец произнес он.

— Мне тоже.

— Она могла бы стать хорошей женой для Данте, если б прежде не была замужем и не имела детей.

— И не была старше его на семь лет! И не прислуживала в нашем доме!

— Да, и это тоже.

— Она предала Луку, предаст и Данте! — твердо произнесла женщина и спросила: — Что ты намерен делать?

Леон молчал, и губы Сандры задрожали. Нет предела ловушкам, которые расставляет жизнь! Ей показалось, что муж колеблется, что он готов уступить, позволить сыну жениться на женщине, которая вела себя бесчестно. Сандра решила не говорить мужу о беременности Анжелы: не хватало еще, чтобы ребенок женщины, уже имевшей двоих детей от другого мужчины, ребенок, зачатый вне брака, лежал в семейной колыбели Гальяни!

— А ты?

— Найди Данте невесту. Пусть он забудет об Анжеле!

Леон выглядел как человек, внезапно очутившийся лицом к лицу со своими сокровенными страхами. С некоторых пор мужчина понял: теряя сыновей, он постепенно выпускает из рук нить собственной жизни. К чему каждодневные усилия, заботы, виноградники, посевы, скот, если разрушается душа?

Упрямство жены загнало Леона в угол, и он решился сказать:

— А если он уйдет из дому, как это сделали Джеральдо и Джулио?

Сандра покачала головой и промолвила с истинно материнской уверенностью:

— Младший нас не покинет.

Данте приехал домой на следующий день после того, как Анжела вернулась из Барбаджи. Он вошел в свою комнату, где не было ненужных вещей, как не было украшений: обставляя свои дома, корсиканцы думали только о пользе.

— Мама, я здесь! — закричал он, втайне надеясь, что вместе с Сандрой навстречу выйдет Анжела.

Мать обняла сына, а потом отстранилась и выжидающе смотрела на него. Данте был младшим из ее сыновей, она всегда думала о нем, как о ребенке, и не заметила, когда он стал мужчиной.

— Как дела на пастбищах?

— Все отлично, только я соскучился по дому. И очень хочу есть!

Запахло жареной грудинкой и свежим хлебом. Данте сел за стол и впился зубами в мясо. Сандра топталась рядом, с тревогой ожидая, когда он спросит об Анжеле.

— Дома так тихо, — заметил он. — А где Анжела?

— Она больше не служит у нас.

Данте перестал есть и поднял глаза на мать.

— Как? Почему?

— Она сказала, что ей нужно уделять больше внимания своим детям. И я ее отпустила. По дому не так уж много работы, я справлюсь сама.

— Что ты говоришь, мама! — вскричал Данте, не думая о том, что выдает себя с головой. — Анжела не могла уйти просто так!

— Я говорю тебе правду.

Он выскочил из-за стола и бросился вон из дому.

Полуденное солнце изливало на дорогу ослепительные потоки света, а над головой словно плавала жидкая синева. На отвоеванных у камня клочках земли поспевали колосья, шелестела жесткая листва виноградных лоз. Стадо низкорослых корсиканских коров щипало клевер и лениво жевало жвачку.

Данте не помнил, как добежал до жилища Анжелы. Тревога смешалась в его душе с дикой радостью от предвкушения встречи с любимой женщиной.

Во дворе было пусто. Он распахнул незапертую дверь. Корсиканцы никогда не запирали жилищ — в Лонтано не было воров.

Сначала Данте показалось, что внутри никого нет, однако войдя во вторую комнату, служившую спальней, он увидел Анжелу.

Она лежала на кровати, укрытая одеялом. Данте почудилось, что женщина спит, но ее глаза были открыты. Прежде прозрачные, как клю-

чевая вода, сейчас они напоминали мертвую заводь. У нее был мутный, затуманенный взгляд и осунувшееся, бледное, как у покойницы, лицо. Темные волосы разметались по подушке — Данте с ужасом увидел в них белоснежную прядь. Ему почудилось, будто за время их разлуки Анжела постарела на десяток лет и теперь их разделяет бездна. Во всем этом было что-то жуткое. Казалось, в углу комнаты притаилась и выжидает смерть.

Он упал на колени и схватил руку Анжелы — она была ледяной, несмотря на то, что на улице стоял нестерпимый зной.

— Что случилось?! Ты заболела?

— Все в порядке, все будет хорошо, — прошептала она. — Уходи.

— Почему? Скажи, что произошло!

— Ничего. Я просто устала, — выдавила Анжела и закрыла глаза.

— Мать сказала, что ты больше не придешь. Ты говорила с ней? Она тебя прогнала?!

— Нет. Сандра здесь ни при чем.

— Дать тебе воды? Приготовить поесть? Чего ты хочешь?

— Мне ничего не нужно, — ответила Анжела, не поднимая век, и вновь произнесла: — Уходи!

Данте не понимал, что происходит. Решив поправить одеяло, он заметил на простыне огромное красное пятно, уловил сладковатый, тошнотворный запах крови и застыл, потрясенный увиденным.

— Что это?!

— Это моя расплата за то, что я забыла Луку, за то, что не захотела покориться вдовьей доле.

— Что ты с собой сделала?! Зачем ты гонишь меня, почему ты так поступаешь со мной? — он пребывал в таком отчаянии и страхе, что не понимал, что говорит.

Анжела усмехнулась бледными губами. Данте был слишком юным, а еще он был мужчиной, а потому думал только о себе. Он ничего не знал ни о женской судьбе, ни о женских страданиях, ни о женском позоре. Она вспомнила о невыносимой боли, которую ей пришлось вытерпеть, — боли не только телесной, но и душевной. Анжела ни за что не убила бы ребенка, если б не знала, что ее затравят в Лонтано, что она не сможет смотреть людям в глаза, что ей придется бросить все и отправиться куда глаза глядят уже не с двумя, а с тремя детьми! В ее душе словно копошились черви, они глодали, подтачивали ее силы, разрушая все, что еще было живо, даже любовь к Данте.

— Я не прогнала бы тебя, если б у меня было два сердца, и хотя бы одно из них не изорвалось в клочья!

Он не успел ответить — скрипнула дверь, вошла Сандра и, едва взглянув на Анжелу, велела сыну покинуть комнату.

— Это тебя не касается! Уходи. Я ей помогу.

Данте вышел, пошатываясь. Он стоял на пороге дома, каждая вещь в котором таила в себе частичку души Анжелы, смотрел вперед и ничего не видел. Вернее видел, но не этот пейзаж, не этот день, а другой. Они с Анжелой стояли на берегу моря, прибой накатывал на берег, их босые ноги тонули в мокром песке, глаза слезились от соленого ветра, ветра, надувавшего юбку Анжелы, будто парус. Данте помнил, как она поправила волосы, и на ее пальце сверкнуло кольцо, надетое Лукой во время венчания. Юноша попросил женщину снять его и сказал:

— Я подарю тебе другое.

Теперь он не был уверен в том, что когда-нибудь это случится.

Сандра вернулась домой под вечер и сказала, что Анжела поправится. Мать не могла прочитать по лицу сына, понял ли он, что произошло. Она видела только, что он страшно взволнован и

растерян. На следующий день Данте пришел к дому Анжелы, но дверь была заперта. Он приходил в течение недели, но так и не смог ее увидеть.

Прошла еще она неделя, и Анжела появилась в церкви. Она помрачнела и исхудала, но было видно, что телесный недуг остался позади. Данте пытался приблизиться к возлюбленной, но она его избегала. Наконец ему удалось ее подкараулить. Он загородил ей дорогу и умоляюще произнес:

— В чем я провинился перед тобой? Почему ты не хочешь со мной видеться? Возвращайся в наш дом и выходи за меня, иначе я сойду с ума!

Анжела выслушала юношу с каменным лицом и сказала:

— Ты ни в чем не виноват, вся вина лежит на мне. Я никогда не смогу за тебя выйти и больше не хочу совершать грех. Мне надо подумать о детях, поэтому я не вернусь. Если ты станешь меня преследовать, мне придется уехать из Лонтано. Я не хочу, чтобы обо мне болтали, не хочу становиться причиной позора моей семьи. А теперь дай мне пройти.

Она говорила с ним так, как взрослая женщина говорит с несмышленышем, подростком. А еще юноше почудилось, что она его… ненавидит.

Данте отступил. Он дышал полной грудью, но ему все равно не хватало воздуха. Он догадывался, что случилось с Анжелой, и не мог ответить на вопрос, можно ли умереть, не родившись, имеет ли право один человек решить, что другому не стоит появляться на свет? Не значит ли это убить частицу себя?

Когда Данте вернулся домой, там царила радостная суета. Один из жителей Лонтано побывал в Аяччо и принес письмо от Дино, которое ему передали на пристани.

— Что он пишет? — оживленная, помолодевшая Сандра нетерпеливо заглядывала в бумагу, которую держал Леон. Как большинство корсиканских женщин, она не умела читать, но ей было радостно видеть строки, начертанные рукой ее любимца.

— Джеральдо записался в армию. Скоро ему предстоит первый поход. Он обвенчался с Орнеллой Санто еще год назад, в Аяччо.

— Где она будет жить, пока Дино воюет? — спросила Сандра.

— Об этом он не пишет.

— Орнелла может вернуться в Лонтано, к нам. Она не беременна? Я мечтаю о внуках!

— Думаю, сын сообщил бы нам, если б его жена

ждала ребенка.

— Дино не знает, что с Джулио? Они не встречались?

— По-видимому, нет.

— Надо поскорее написать Джеральдо. Я сам отвезу письмо в Аяччо, — решил Леон и повернулся к младшему сыну. — Слышишь, Данте? Я возьму тебя с собой!

Тот равнодушно кивнул. Он давно не видел родителей столь взволнованными и окрыленными. Еще бы! Дино жив, здоров, он прислал письмо! Старший брат женился на той, кого полюбил, и, наверное, счастлив.

Эта мысль не доставила Данте никакой радости. Он ощущал себя забытым и никому не нужным.

Настоящему корсиканцу стыдно страшиться гибели, однако еще позорнее бояться жизни. Жители острова редко размышляют о той и другой, несмотря на то, что на Корсике жизнь и смерть всегда идут рука об руку. И все-таки в этот день Данте Гальяни твердо решил, что он хочет умереть.

С некоторых пор у Андреа Санто появилась скверная привычка: он не смотрел людям в глаза. Если к нему обращались, он стоял, потупившись и крепко сжав губы. Зато если невзначай под-

нимал взор, по спине собеседника невольно пробегал холодок.

По ночам Андреа размышлял о свободе. Он не знал, удастся ли ему выдержать долгие годы заключения, и все-таки начинал строить планы. После встречи с Аннетой Моро Андреа казалось, что он знает, куда пойдет и что станет делать, когда выйдет из тюрьмы. Иногда ему чудилось, будто настоящее — это мрачная яма, находящаяся здесь, на земле, тогда как будущее похоже на звездное небо. Он только не знал, как перекинуть мост между светом и тьмой, где отыскать лестницу, что ведет наверх!

Напарник Андреа, Гастон Морель, продолжал издеваться над юношей. Перед сном он обычно говорил:

— Ты напрасно мечтаешь о воле. Тот, кому довелось стать каторжником, никогда не сможет сделаться обычным человеком! Когда ты окажешься на свободе, тебе выдадут желтый паспорт и определят место поселения. Не беспокойся, не в Париже, а в какой-нибудь дыре. Отъедешь на двадцать лье и снова угодишь в тюрьму! Тебе придется униженно кланяться любому жандарму, ты никогда не найдешь работу, тебя станут презирать и бояться и будут отовсюду гнать, ибо

свобода бывшего каторжника — это тюрьма с решетками из человеческой ненависти! Самые близкие люди отвернутся от тебя, с тобой не ляжет ни одна шлюха, потому что не захочет быть прирезанной, да и заплатить тебе будет нечем! Человек, которого слишком долго держали взаперти, опасен для окружающих! Для того, чтобы выжить, тебе вновь придется воровать и убивать! Зачем ты читаешь книжки? Лучше научись играть в карты или кости — нашему брату это всегда пригодится.

— Если я научусь, — однажды спросил Андреа, — на что мы сыграем?

Гастон коварно прищурился и ткнул пальцем в книгу.

— На твою дамочку, с которой ты не устаешь миловаться! Если проиграешь, отдашь ее мне, и я использую ее так, как мне надо!

— А что могу попросить я?

— Все что угодно, потому что ты все равно не выиграешь!

После таких разговоров Андреа ощущал себя потерянным и больным. Он ни разу не получил весточки с воли, не говоря о вещах или деньгах, и не знал, живы ли те, кого ему пришлось покинуть, помнят ли они о нем. В минуты отчаяния

ему начинало чудиться, что у него нет и не может быть будущего. Он был лишен возможности строить свою жизнь так, как ему хотелось, единственное, что он мог, — это постараться хоть как-то сохранить свою душу. А еще — ждать.

Ожидание обещало быть долгим. Номер триста четырнадцать, Андреа Санто, должен был выйти на свободу в 1816 году в возрасте двадцати шести лет. Осенью 1807 ему исполнилось семнадцать.

Незадолго до этого узники снова тянули заветный жребий. Разумеется, такие сборища на каторге запрещались, однако и здесь были охранники, пуще всего думающие не о тюремных правилах, а о выгоде. К сожалению, купить свободу было нельзя. Зато ее порой удавалось выиграть у судьбы.

Кувалда раздал каждому из присутствующих по тонкой соломинке, одна из которых была наполовину короче остальных. Угрюмые, суровые, многое повидавшие люди, сердца которых были испещрены невидимыми рубцами, а души зачерствели, затаили дыхание, а потом в толпе каторжников пронесся дружный вздох, напомнивший шум большой волны.

— Корсиканец! — сказал Кувалда и поднял вверх руку юноши, в которой была зажата во-

жделенная соломинка — знак везения, ключ к свободе.

Андреа пристально посмотрел на него, и Кувалда понял.

— В этот раз все хорошо придумано и продумано, — сказал он. — Пойдет только один из пары. Наши люди на воле подкупили кое-кого в порту. Беглеца будет ждать лодка.

Глаза юноши выхватили из толпы злобный взгляд Гастона Мореля, но на лице Андреа не дрогнул ни один мускул.

— Когда бежать? — спросил он.

Кувалда сказал.

«В день моего рождения, когда я совершил убийство», — подумал Андреа.

— Не слишком удачный день.

— К сожалению, ничего нельзя изменить.

Когда остальные разошлись, Андреа обратился к Кувалде:

— Я хочу научиться играть в карты. И в кости.

— Зачем тебе?

— Говорят, пригодится на воле.

— Хорошо, я покажу после ужина. Наловчиться ты вряд ли успеешь, но хотя бы поймешь главное, — сказал тот.

Он сдержал свое слово. У Андреа была хорошая,

цепкая память. Соображал он тоже неплохо. Под конец Кувалда вытащил лишнюю кость и протянул ему со словами:

— Возьми. На счастье. Если у тебя будет эта, другие могут и не понадобиться.

Андреа поблагодарил и взял. Лишь очутившись на своем месте, он разглядел, что каждая грань имеет одинаковое, наибольшее количество очков. В полумраке острога этого можно было и не заметить.

Гастон рвал и метал. Взяв в руки «Дельфину», он угрожающе произнес:

— Я разорву ее в клочья, если ты сейчас же не сыграешь со мной!

В его глазах можно было прочитать, что он выполнит свое обещание.

— Отдай книгу!

— Нет.

— Отдай!

— Отдам, если скажешь, откуда она у тебя и почему ты так трясешься над ней.

— Мне ее подарили.

— Кто?

Сделав над собой усилие, Андреа ответил:

— Женщина.

Гастон захохотал.

— Так я и знал! Ты попался! Я отдам ее только после того, как расскажешь, как ты с ней спал.

Андреа рванулся к нему, и напарник ответил ударом ноги. Раздался звон цепей, и юноша отступил. Если услышит охрана, одного из них или даже обоих могут посадить в карцер на несколько дней, тогда как побег был назначен на послезавтра.

— Мне нечего рассказывать. Я сыграю с тобой.

— Во что?

— В кости.

— Идет. Но не на книжонку.

— На что?

— На побег. Ты уступишь мне свою очередь. Я хочу очутиться на свободе!

Андреа похолодел. Не этот ли человек изо дня в день твердил ему, что свобода это бедность, голод, кровь, предательства и унижения!

— Это моя удача. Тебе она счастья не принесет. Нельзя играть с судьбой.

Гастон ухмыльнулся.

— Оставь свои корсиканские суеверия при себе. Хочешь сказать, ей покоряются? В таком случае так и сгниешь здесь!

Андреа вспомнил о кости, которую дал ему Кувалда, и сказал:

— Хорошо, я согласен.

Они долго кидали кости. Гастон хищно улыбался и торжествующе щелкал пальцами, потому что удача была на его стороне. Кость с одинаковыми гранями жгла рукав Андреа. Он много раз порывался ее вытащить, но что-то ему мешало.

В конце концов Гастон выиграл. Андреа пришлось сказать Кувалде и остальным, что он добровольно уступает свое место напарнику.

Побег состоялся в назначенный день и час. Лодка, в которой уплыл Гастон Морель, попала под обстрел охраны. Раненый беглец пытался добраться до берега вплавь, но не рассчитал сил. Его тело отнесло к Арсеналу, где оно угодило между свай. Изуродованный раздувшийся труп прибило к берегу лишь по прошествии месяца. Андреа Санто узнал об этом случайно, через много лет, листая старую подшивку «Тулонского вестника». В 1807 году он и впрямь решил, что проиграл свою удачу в кости.

Глава 10

По улицам Парижа катились громоздкие экипажи, из глубины зимнего пейзажа вырастали серые глыбы зданий, взад-вперед сновали толпы людей различных сословий.

На улице было холодно, но погода выдалась ясная. Свет солнца, отраженный от мокрой мостовой, слепил глаза. Дым, струившийся из печных труб, казался золотистым, а вода в канавах искрилась.

Прожив в столице больше года, Орнелла так и не смогла привыкнуть к большому городу, полному опьяняющего величия, коварного могущества и равнодушной суеты.

Иной раз Париж казался ей похожим на море, над которым возвышаются здания-скалы: наивный странник, пустившийся в плавание по его волнам в поисках счастья, попросту рискует захлебнуться!

— Завтра срок платить за комнату, а жалованье выдадут только в конце месяца, — озабоченно произнесла Мадлена, девушка, с которой Орнелла делила жилье.

Орнелла сидела на узкой кровати и штопала

чулок. В комнате было так холодно, что когда она заговорила, от ее дыхания пошел пар:

— Дино обещал прислать деньги, но почему-то запаздывает. Наверное, придется поехать по тому адресу, который дал Дюверне.

— Ты знаешь, где находится эта улица? — спросила Мадлена, заглядывая в бумажку, которая лежала на столе.

— Нет. Придется взять извозчика, — сказала Орнелла, а когда подруга нахмурилась, добавила: — Надеюсь, деньги, которые я заработаю, покроют расходы на экипаж?

Мадлена надела башмак и повертела ногой.

— Скоро совсем развалятся! И ради чего я все это терплю?

Орнелла пожала плечами. Приехав в столицу, они с Дино принялись искать «Опера», о котором говорил незнакомец, назвавшийся Пьером де Бюрном. Она узнала, что после пожара, случившегося в девяностые годы прошлого века и уничтожившего здание «Опера», труппа выступает в зале Лувуа, напротив Национальной библиотеки.

Позднее Орнелла не могла вспомнить, что пробудило в ней настойчивость и смелость и заставило добиться встречи с руководителем

труппы. Возможно, любопытство мсье Дюверне всколыхнуло слово «Корсика», а быть может, его смутило присутствие хмурого Дино в форме солдата императорской армии.

Как бы то ни было, Антуан Дюверне принял островитянку с большой неохотой и еще с меньшим желанием согласился послушать, как она поет. Не прошло и минуты, как он раздраженно махнул рукой и сказал, что принимает ее в хор, правда, лишь потому, что у них не хватает хористок.

Дино напрасно уговаривал Орнеллу вернуться на Корсику — она настояла на своем.

— Что мне делать на острове? Изнывать от тревоги и скуки у синьора Фабио и синьоры Кристины?

— В своих письмах отец постоянно приглашает тебя в Лонтано, — напомнил Дино и получил ответ:

— Едва ли твои родители согласятся меня терпеть, а жить с матерью я уже не смогу.

Орнелле назначили ничтожную плату, которая едва ли позволила бы ей снимать жилье. Дино обещал присылать жене большую часть своего солдатского жалованья, которое тоже было невелико. В конце концов ей удалось договориться с одной из хористок: вдвоем они сняли комнату

на крытом черепицей чердаке, где не было даже камина.

В театре тоже приходилось тесниться: в маленькой гримерной, куда набивалось больше десятка девушек, можно было задохнуться от запаха пудры, пыли, духов и пота. Сняв белила и румяна, закрутив волосы узлом, Орнелла Гальяни и ее соседка, белокурая француженка Мадлена Ренарден, спешили на холодный чердак, где варили бобовую похлебку и латали грошовые платья.

Орнелла была едва ли не единственной замужней женщиной в «Опера», что возбуждало всеобщее любопытство. Любая актриса, тем более хористка, мечтала обзавестись богатым покровителем, а если ей удавалось выйти замуж, ее нога никогда более не касалась театральных подмостков. Что до публики, для большинства их них слово «актриса» было синонимом слова «куртизанка».

Иметь мужа, тем более находящегося в армии, и при этом служить в театре? На ум приходили самые невероятные истории. Многие желали расспросить Орнеллу о Корсике и царящих там обычаях, но к ней было непросто подступиться, она слыла диковатой, неуступчивой и колючей. Когда Орнелла появилась в хоре, девушки приня-

лись возмущенно фыркать, они смеялись над ее провинциальными привычками и нарядами, ее акцентом, и только Мадлена встала на сторону новенькой.

Поначалу Орнелла нередко получала нагоняй от Антуана Дюверне, поскольку не всегда правильно понимала, что ей говорят, и нередко делала не то, что требовалось.

Во время спектаклей хор выстраивался по бокам сцены, предоставляя середину в распоряжение солистов, заставлявших зал поднимать лорнеты и рукоплескать стоя. Статисты пели, не позволяя себе ни единого жеста, это были куклы, а не актеры, и все же Орнелла исподволь училась и постепенно набиралась опыта. Итальянский был ее родным языком, она хорошо понимала, о чем поется в ариях.

В решающих сценах спектакля корсиканке начинало чудиться, что на нее накатывает огромная волна. Она теряла привычные опоры, ее мозг посещали странные образы, а в сердце рождались удивительно свежие чувства.

Пусть Антуан Дюверне порой руководствовался личными фантазиями или капризами певицы, которая в данный момент находилась в фаворе, пусть костюмы персонажей были далеки от

исторической правды, солисты, случалось, фальшивили, а жалованья статистов не хватало на хлеб, это был мир, в котором стоило жить.

Орнелла выросла среди дикой природы, неиспорченных притворством людей, и ее кредо была свобода. Будь ее воля, она заменила бы томность исполнения живостью, слащавость — веселостью, жеманство — искренностью. Иногда поздним вечером, перед закрытием театра, когда сцена была свободна, она, случалось, пела одна, не задумываясь над тем, слышит ее кто-нибудь или нет. Орнелла интуитивно угадывала: хорошо петь — не значило ослеплять публику собой и своим дарованием, главное — проникнуться чувствами, поступками героев оперы и передать их ощущения зрителю своим голосом так, как это невозможно выразить словом. Ей нравились персонажи, спорящие с жизнью и с судьбой, в партии которых она могла вложить личные чувства.

Орнелла спустилась с чердака. Пока она разговаривала с подругой, погода испортилась. Пейзаж выглядел призрачным, нереальным: клочья тумана напоминали лохмотья — они свисали с небес, словно рубище бедняка. Сырой воздух был насыщен запахами улицы.

Осторожно ступая по мокрой и скользкой мо-

стовой, Орнелла думала о Дино, о том, что его каждую минуту могут убить, и гадала, где он сейчас. Ей не давало покоя не только это. Орнелле казалось, что их отношения изменились, любовь приобрела трагический привкус, в нее проникло чувство взаимной вины.

Дино так и не смог примириться с тем, что она осталась служить в театре. Не то чтобы он ей не доверял, и все же это бросило на их жизнь тень, тень настороженности и непонимания. Дино считал себя виноватым в том, что не сумел сделать так, чтобы жена ни в чем не нуждалась и ни о чем не жалела, говоря иначе — сделать ее счастливой. А Орнелла страдала оттого, что видела перед собой не прежнего, безоглядно влюбленного в нее Дино, а другого человека, замкнутого, озабоченного проблемами, словно надевшего на себя невидимую узду.

Скрепя сердце Орнелла остановила экипаж, забралась внутрь и назвала адрес. Кучер хлестнул лошадей.

Пошел мокрый снег; он падал со странным монотонным шуршанием, заглушая остальные звуки. Мостовая была угольно-черной, тогда как деревья выглядели сказочно белыми, а тротуары — пепельно-серыми; их покрывал слой липкой

и мокрой грязи.

Орнелла думала о том месте, куда ей пришлось поехать. Судя по словам господина Дюверне, это был салон некоей дамы, которая имела обыкновение приглашать к себе литераторов, художников, музыкантов.

Нынче утром, проходя мимо Орнеллы, руководитель труппы внезапно остановился и произнес:

— Гальяни? Не желаешь заработать? Алессию Бачелли пригласили спеть, но она не в настроении и не сможет поехать. Ты же знаешь ее репертуар?

Орнелла замерла. Алессия была солисткой; Орнелла не раз повторяла ее арии, но ехать куда-то, чтобы петь перед незнакомыми людьми?!

— Соглашайся, — Дюверне помахал бумажкой перед ее носом, — а то мне больше некому предложить. Не беспокойся, там соберется приличное общество, тебя никто не тронет. К тому же хозяйка салона обещала заплатить по-царски.

Не желая сердить Дюверне, который уже начал хмуриться, Орнелла взяла адрес. К тому же ей польстило, что руководитель труппы помнит ее имя.

Теперь она жалела, что согласилась. Одно де-

ло петь перед публичными женщинами или присоединять свой голос к хору и совсем иное — выступать перед искушенными светскими людьми.

Дверь особняка отворил лакей, а потом Орнеллу встретила нарядная женщина, по-видимому, хозяйка салона, явно обладающая властью, умеющая очаровывать и пленять. Взглянув на Орнеллу с недосягаемой высоты, она холодно осведомилась:

— Вы Алессия Бачелли?

— Нет.

— Вы тоже прима?

— Я пою в хоре.

— Они что, сошли с ума?! Я приглашаю солистку, а мне присылают хористку! Имейте в виду, я не заплачу вам того, что обещано Алессии Бачелли. А если споете плохо, вообще ничего не получите.

Орнелла пожала плечами.

— Если хотите, я могу уехать.

— Еще чего! Мои гости ждут. Раздевайтесь и проходите в салон.

Орнелла сняла потрепанную накидку и осталась в простом черном платье. Окинув взглядом ее наряд, хозяйка брезгливо поморщилась.

— Что мне петь? — спросила Орнелла.

— Я не знаю, что вы умеете, — презрительно произнесла женщина.

Орнелла вошла в комнату. Она не слышала, что сказала присутствующим хозяйка, но чутко уловила притворные вздохи и пренебрежительные смешки.

Обстановка салона была роскошной. Большой камин с экраном, серебряные подсвечники, напольные зеркала. На круглых столиках красного дерева стояли бокалы с вином.

Орнелла не видела лиц людей, сидящих на мягких диванах. В ней жило желание отомстить за оскорбительный прием, бросить вызов высокомерию и фальши. Чем эти люди лучше той публики, для которой она пела в борделе?!

Орнелла выбрала «Лодоиску» Керубини[10]. Ей всегда нравилась эта героиня, отважно борющаяся за свободу и любовь. Арии Лодоиски были полны благородных, прекрасных, возвышенных чувств. Нарастающее напряжение, тревожное ожидание и наконец — встреча, завоеванная ценой тяжелых испытаний. Орнелла была Лодоиской, а присутствовавшие здесь мужчины

---

[10] Примечания: 10

Керубини Луиджи (1760–1842), итальянский композитор. Жил в Париже с 1788 г. Опера «Лодоиска» была написана в 1791 г.

и женщины — ее врагами, и она бросала свои чувства им в лицо.

Кристально чистый, полный магической силы голос корсиканки наполнил комнату, а следом — сердца и души людей. Слушая ее пение, они, кажется, не смели дышать. В какой-то миг Орнелла нашла взглядом хозяйку салона и с удивлением заметила, что по ее лицу текут слезы, пролагая бороздки в слое пудры и румян.

Потом Орнелле почудилось, что на нее смотрят знакомые глаза. На одном из диванов сидел… Джулио Гальяни!

На нем был новенький офицерский мундир, в его внешности появились блеск и лоск. Орнелла нашла, что он вызывающе красив: мужественное лицо, широкие плечи, поджарое тело, длинные стройные ноги. Брат Дино застыл с бокалом в руках, не донеся его до рта, и смотрел на нее во все глаза.

Когда Орнелла умолкла и поклонилась, раздались дружные хлопки, кто-то выкрикнул «браво!». Хозяйка салона встала и подошла к ней.

— Благодарю вас! Ваше пение воскресило во мне столько воспоминаний! Великолепная ария! Воистину новый взгляд на человеческие отно-

шения! — искренне произнесла она и ласково предложила: — Поужинайте с нами.

Заметив заинтересованные взгляды мужчин, Орнелла быстро произнесла:

— Спасибо, но мне пора домой.

— Возьмите, — женщина сунула в руку девушки кошелек, — вы заслужили. Как вас зовут?

— Орнелла Санто, — ответила девушка. Ей не хотелось признаваться в знакомстве, а тем более в родстве с Джулио.

Когда она вышла на улицу, брат Дино догнал ее и сходу спросил:

— Как ты очутилась в Париже?

— Так же, как и ты: приехала с Корсики.

В его глазах появился нехороший огонек.

— Значит, теперь ты бульварная знаменитость? Со сколькими мужчинами тебе пришлось переспать, чтобы получить место в театре?

Орнелле невыносимо хотелось ударить его по лицу, но она сдержалась и сказала:

— Я сплю только с одним мужчиной — моим мужем и твоим братом Дино Гальяни.

Джулио распахнул глаза.

— Дино женился на тебе? Право, он глупее, чем я полагал. И чем он занят в то время, пока ты развлекаешь парижан?

— Мой муж записался в армию.

— Вот как? — Джулио издевательски расхохотался. — Конечно, благородный Дино должен выполнить свой долг перед отечеством!

— Разве ты не делаешь то же самое?

— Как видишь, нет. Я пью вино, общаюсь с красивыми женщинами и слушаю музыку.

— В таком случае, что пришлось сделать тебе, чтобы надеть этот мундир и попасть в этот салон?

Джулио был полон цинизма.

— Ничего особенного. Просто я умею сочетать удовольствие и выгоду.

— Дино думал, что ты погиб, — сказала Орнелла. — Родители тоже тревожатся за твою судьбу. Напиши им.

— Пожалуй. Теперь мне есть, чем похвастать! И передай Дино, что в ближайшее время я не собираюсь ни воевать, ни умирать.

Через несколько дней к Орнелле подошел Антуан Дюверне и небрежно произнес:

— Я получил письмо от Амалии де Сент-Эньян, хозяйки салона, в котором ты выступала. Она превозносит тебя и твое пение до небес! Что ты пела? Этой женщине нелегко угодить.

— Арию Лодоиски.

— Героической женщины? Это тебе подходит, — сказал Дюверне и, сделав долгую паузу, добавил: — Ты готовая певица, твой голос поставлен от природы. Я сразу это понял. А вот актриса из тебя никакая. Ты несдержанна, твои жесты порывисты, во взгляде сверкают молнии. Тебя надо брать в узду.

— Я не умею притворяться больше, чем нужно, — сухо проговорила Орнелла.

Дюверне прищурился.

— В жизни не обойтись без притворства, а в театре — тем более. В тебе живет редкая сила, и если заняться тобой… Завтра останешься на дополнительную репетицию. Посмотрим, что можно сделать.

Узнав об этом, Мадлена Ренарден пришла в восторг.

— Я так и думала, что тебя заметят! Старина Антуан ворчлив, но он знает свое дело. Тебе бы еще найти богатого покровителя, и ты легко станешь примой!

— У меня есть муж.

— Знаю, — Мадлена мечтательно улыбнулась. — Если б у меня был такой спутник жизни, как твой Дино, я без сожаления оставила бы сцену.

Орнелла удивилась. У Мадлены была связь с одним из артистов балета, но она всегда жаловалась, что их отношения не имеют будущего.

— Ты серьезно?

— Конечно. Наша судьба столь же неверна, как судьба бабочки-однодневки. Иное дело иметь мужа. Театр — прибежище тех, кто не нашел счастья за его пределами. В начале пути им может сопутствовать успех, но финал всегда печален. Нет ничего страшнее доли одинокой постаревшей актрисы, тем более — хористки. Иное дело — жена и мать семейства, окруженная благодарным супругом и любящими потомками.

— Нам еще далеко до старости.

Мадлена улыбнулась.

— Это только так кажется.

— Я всегда думала, — медленно промолвила Орнелла, — что смогу иметь и то, и другое.

— Этого никому не дано. Судьба жестока: рано или поздно тебе придется делать выбор.

Встреча братьев Гальяни, Джеральдо и Джулио, произошла через несколько месяцев. Перед началом войны с Испанией Дино получил короткий отпуск и направлялся в Париж, тогда как Джулио сопровождал Жиральда де Сент-Эньяна в Байонн, где на франко-испанской границе должны были

состояться переговоры Наполеона и членов испанской королевской семьи.

Дино шел по вязкой дороге, волоча на спине туго набитый ранец, и прикидывал, где и когда сможет поужинать, а после — сесть в дилижанс.

На полях справа и слева от дороги работали крестьяне, мужчины и женщины в сабо. Кое-где мелькала фигура пахаря, налегавшего на плуг. Вдали виднелись соломенные крыши ферм и голые деревья опустевших яблоневых садов. Над усыпанной побуревшими листьями землей нависло печальное серое небо.

Запахи, разливавшиеся в неподвижном воздухе, тоже были печальны, однако Дино не грустил. Картины сельской жизни возрождали в нем надежду на будущее, сознание уверенности в том, что все самое важное в мире останется неизменным до скончания веков. Выросший на земле, он привычно размышлял о том, грядут ли поздние заморозки, крепкие ли выдадутся всходы и можно ли рассчитывать на хороший урожай фруктов.

В полку Дино приняли хорошо, он сполна познал, что означает военное братство. Он видел смерть, но видел и устрашающую красоту войны, развязанной великим корсиканцем, восторжен-

ные рассказы о котором слышал с детства от Леона и других мужчин Лонтано.

В переписке с отцом у них сразу установились ровные, дружелюбные отношения. Леон писал о делах в хозяйстве, сообщал сельские новости и неизменно желал удачи старшему сыну, которым, по-видимому, искренне гордился. Дино узнал, что Бьянка вышла замуж и уехала в Аяччо, Данте по-прежнему живет с родителями, а от Джулио нет ни слуху ни духу.

Земля дышала покоем, каждый звук был слышен на много лье вперед. Уловив приближение верхового отряда, Дино остановился и сошел на обочину.

Вскоре появилось несколько всадников. Заметив одинокого солдата, они остановились, спешились и приказали ему предъявить документы. Быстро глянув в бумаги, коротко кивнули и поехали дальше.

Дорога была размыта недавними дождями, в колеях скопилась вода. Только Дино собрался отправиться дальше, как мимо проехала карета, потом вторая — с их колес и подпруг лошадей капала жидкая грязь. После вновь появились всадники, судя по золотым эполетам и богато расшитым мундирам — высшие чины в сопро-

вождении многочисленной охраны. От простых солдат, таких как Дино, их отделяла настоящая бездна.

Он шел по дороге, как вдруг услышал позади стук копыт. Дино обернулся: один из всадников развернулся и ехал назад, следом за ним. Приблизившись, он воскликнул:

— Дино! Это ты?!

На него смотрел Джулио, повзрослевший, возмужавший и словно отлакированный, в новеньком синем мундире, который сидел на нем как влитой, светлых лосинах и начищенных до блеска сапогах, ладно облегавших стройные ноги. Конь под ним был породистый, легконогий, с длинной гривой и хвостом — на таких не сражаются, а красуются на плацу.

— Джулио! Ты жив!

Тот спрыгнул с седла.

— Таких, как я, невозможно ни победить, ни убить, — самодовольно изрек он.

Дино без малейших сомнений заключил брата в крепкие объятия, а потом спросил:

— Я тебя не задерживаю?

Джулио небрежно махнул рукой в перчатке в сторону ускакавшего отряда.

— Догоню! Я адъютант генерала де Сент-Энья-

на, мы едем в Байонн. Надеюсь увидеть нашего императора и испанского короля.

Дино смотрел на брата во все глаза. В его взоре не было зависти, лишь искреннее удивление и радость.

— Как тебе удалось?

Джулио расхохотался, откинув голову назад и обнажив белоснежные зубы.

— Скажу тебе по секрету. Я сплю с его женой! Она красавица, парижанка, настоящая светская дама. Приходится стараться изо всех сил, и вот результат: я окончил Военную школу, основанную Людовиком XV, хотя туда принимают только дворян. Получил звание капитана. Поверь, это только начало!

Дино пронзило неприятное чувство. Джулио часто поступал непорядочно, но его никогда не мучила совесть.

Вероятно, на лице старшего брата отразились какие-то чувства, потому что младший добавил, с любопытством следя за реакцией собеседника:

— Кстати, я видел твою жену в салоне мадам де Сент-Эньян. Она пела для гостей. Пела хорошо, хотя я не очень разбираюсь в этом. Правда, присутствовавшие там мужчины ее не слушали. Они думали только о том, что у нее под платьем.

Полагаю, она получила много интересных предложений.

У Дино потемнело в глазах и пересохло во рту.

— Я верю Орнелле, — твердо произнес он.

— Потому что не знаешь женщин! Едва ли я когда-нибудь женюсь, но если это случится, я не позволю своей жене наставлять мне рога. Разве ты не слышал, что певицы и актрисы ложатся под любого, кто пообещает им хорошую партию или роль!

Дино представил, как сбивает Джулио с ног, как тот падает в грязь, пачкая мундир, и как с его лица исчезает издевательское выражение. Но он сдержался, потому что не был уверен, что им вновь доведется встретиться. Братья простились мирно; Дино взял с Джулио обещание написать родителям.

Через несколько дней он прибыл в Париж. Плутая по улицам столицы в поисках дома, где жила Орнелла, Дино думал о том, что золотой ореол этого города, маска восторга на его облике, слава сердца Франции мало соответствуют действительности. Мир Парижа слишком жесток для одинокой девушки, обычаи его обитателей суровы, а нравы бесстыдны. Деньги и только деньги, порок и еще раз порок!

Когда он вошел в комнату, Мадлена взвизгнула, а Орнелла бросилась к Дино и молча спрятала лицо у него на груди.

С улицы доносился стук колес экипажей, проезжавших по неровной мостовой, и мерный, призрачный шелест дождя. Одежда была разбросана по комнате. На столе виднелись остатки ужина, возле кровати валялся солдатский ранец.

Дино вспоминал их первую ночь, открывшую новый мир и, казалось, по-особому привязавшую их друг к другу. Внезапно его посетил страх того, что что-то важное угасает, уходит, уползает в невидимые трещины, смывается волнами времени. Он на войне, Орнелла — в Париже; у них нет того якоря, который позволил бы им не бояться встречи после долгой разлуки.

Дино смотрел на свою жену. Упругая грудь, округлые плечи, мягкие тени в изгибах прекрасного молодого тела. Глаза Орнеллы казались такими темными, что он не мог разглядеть их выражения. Она была красива, но теперь ему казалось, что эта красота принадлежит не только ему, а и неведомой публике, этому всемогущему властелину, перед которым Орнелла обнажает свой талант, а значит — и свою душу.

Дино вспомнил крики расклейщиков, безжа-

лостно сдиравших со стен зданий старые афиши и заменявших их новыми. Вот что такое театр! Недолговечность, мишура, а главное — притворство, то, что всегда было чуждо Орнелле.

И все-таки он был счастлив. Вдоволь насладившись друг другом, они разговаривали, перемежая важные новости со всякими пустяками. Мадлена оставила их, отправившись ночевать к своему приятелю, который тоже делил квартиру с товарищем.

— Джулио жив! — сказала Орнелла, прижимаясь к плечу мужа. — Я его видела. Не представляешь, как он выглядит!

— Знаю. Я встретил его, когда шел в Париж. Я взял с него слово, что он напишет родителям, — ответил Дино и спросил: — Как дела в театре?

— Мсье Дюверне говорит, что к концу года я смогу поступить в Консерваторию музыки и декламации, где преподает сам Керубини! Там есть места для тех, кто не может платить, но имеет большие способности. Я смогу многому научиться, стану петь ведущие партии, и мне прибавят жалованье!

— Я слышал, у черного хода зала Лувуа каждый день собираются охотники за легкой добычей, — хмуро произнес Дино.

— Ты знаешь, что я не легкая добыча! — шутливо промолвила Орнелла и серьезно добавила: — Я никогда не смогу изменить тебе, Дино.

— Надеюсь. И все же я был вынужден написать отцу, что ты живешь в Париже только потому, что так нам удобнее видеться. Если б он узнал, что ты поешь в театре, он бы меня не понял.

Орнелла долго молчала, потом спросила:

— Что пишет Леон?

— Все как обычно, особых новостей нет. Твоя мать жива и здорова. Ты не хочешь ее навестить? Ведь она живет совсем одна.

— Сейчас я не могу уехать — сезон в разгаре, и я должна заниматься.

Дино сел на постели. Дождь стих, над соседней крышей взошла луна и осветила комнату. Взгляд Дино упал на расшитую шелком огненно-красную шаль, висевшую на спинке стула. Он купил ее, пораженный сказочной расцветкой, казавшейся столь необычной в том жестоком, сером мире, в каком ему приходилось жить, и привез в подарок жене. Он забыл о том, что замужние корсиканки не носят ярких вещей. Впрочем, замужние корсиканки не делают почти ничего из того, что делала Орнелла.

— Зачем тебе все это? Разве ты похожа на

француженок, парижанок! Ты цельная, умная, великодушная, чистая!

Орнелла тоже поднялась, нежно обняла мужа и негромко, но твердо произнесла:

— Я не могу жить без цели, без смысла, жить просто так. Когда я пою, мир вокруг меняется, и я сама тоже преображаюсь, я дышу, слышу, вижу и чувствую, что готова совершить невозможное.

— Разве на Корсике у тебя была цель?

— Была. Неужели ты не помнишь?

— Нет. Какая?

Она нашла в себе силы улыбнуться.

— Отомстить семейству Гальяни. Вспомни, как я в тебя выстрелила. И ты меня простил.

— Да, простил. Потому что понял, почему ты это сделала. А сейчас не понимаю.

— Что я делаю не так? — тихо спросила она.

— Я тебя люблю. В тебе одной моя жизнь и судьба. Потому я прошу тебя бросить театр. Ты сможешь по-прежнему жить в Париже, если захочешь. Мне тоже обещали прибавить жалованье, и, надеюсь, вскоре я смогу оплачивать отдельную квартиру. Но если ты согласишься вернуться на Корсику и если… родишь ребенка, я стану самым счастливым человеком на свете.

Из глаз Орнеллы закапали слезы. О детях Дино

заговорил впервые. Он никогда не вспоминал об этом после несчастья, которое постигло ее два года назад, но, значит, он думал об этом.

Корсиканскую семью, лишенную потомства, уподобляют дереву, навеки застывшему в зимней поре. Если у корсиканца есть дети, даже будучи стариком, он смотрит в будущее, если их нет — перед ним маячит только могила.

— Я родила бы, Дино, если б… могла!

Он смягчился.

— Пусть так. Но я переживаю, а ты нет. Тебе все равно.

— Ты хочешь взять другую? — прошептала Орнелла.

— Нет. И вряд ли когда-нибудь захочу. Но я желаю видеть тебя такой, какой полюбил.

Когда утром Мадлена негромко постучала, а после робко вошла в незапертую дверь, она не сразу поняла, что случилось.

— Простите меня. Мне надо в театр, а все мои вещи остались здесь и потому…

И осеклась, заметив, что Орнелла сидит на кровати одна, бледная, неподвижная, с остекленевшим взглядом.

— Что произошло? — воскликнула Мадлена.

— Дино ушел.

— Как? Куда?

— Не знаю. Он сказал, что мы не понимаем друг друга. Я напрасно умоляла его остаться, — сказала Орнелла.

Мадлена села рядом и осторожно накрыла ладонью пальцы подруги. Они долго молчали. За окном по-прежнему шумел дождь, клокотал в горле водосточной трубы, проходящей рядом с крохотным чердачным окошком. Дождь был унылый, парижский, не похожий на стремительный, теплый, корсиканский ливень.

Стоило ему начаться, как Орнелла выскакивала на улицу, жадно вдыхая посвежевший воздух, радостно подставляя тело под небесные струи. В такие минуты она испытывала чувство удивительной свободы и счастья и любила весь мир, еще не зная, какой жестокой бывает любовь.

Часть третья

Глава 1

Весной 1811 года Винсенте Маркато решил переехать на материк. Он собирался взять с собой жену, Кармину с ребенком и кухарку Фелису.

Незадолго до отъезда в Тулон Бьянка попросила у мужа позволения навестить родителей. Леон и Сандра были вполне довольны жизнью: хозяйство процветало, отец переписывался с Дино, который служил в наполеоновской армии и недавно получил звание капитана. От Джулио не было вестей, однако старший сын сообщил, что встречался с братом, и у того все в порядке. С некоторых пор Дино перестал писать про Орнеллу, и родители гадали, что могло случиться.

Поездка в Лонтано не принесла Бьянке радости. Она ощущала себя чужой в родном доме, прежде всего оттого, что была вынуждена скрывать правду о своей жизни. Она поделилась бы проблемами, пожалуй, только с Данте, но Данте сильно изменился: стал нелюдимым и скрытным.

Все это повлияло на ее решение покинуть Лонтано раньше назначенного срока. Бьянка ехала верхом по дороге в сопровождении двух вооруженных слуг, которых дал ей муж. Их лица были

угрюмыми, они молчали всю дорогу, отчего ей казалось, что это не охрана, а конвой.

Вокруг было красиво, как бывает красиво весной, когда в горах и лесах пробуждается жизнь. С моря дул прохладный ветер, но солнце было теплым, временами почти горячим.

Бьянка подумала, что было бы, если б она умела летать. Мир развернулся бы перед ней, подобно яркой картине, она увидела бы горы, стоявшие плечом к плечу, подобно каменным воинам, изумрудные поляны, похожие на кружевные салфетки. Узрела бы реки, бегущие меж холмов, как серебристые змеи, дороги, напоминающие темные жилы, прорезанные в земной тверди, синюю чашу моря и тот край, за которым начинается иной, свободный, счастливый мир. Беда заключалась в том, что она больше не верила ни в свободу, ни в счастье.

Когда Бьянка и сопровождавшие ее слуги подъехали к Аяччо, на землю опустился поздний вечер. Огни города были похожи на пламя, которое теплится под слоем пепла. На окраинах виднелся лишь слабый тусклый отблеск далеких окон.

Один из слуг отворил ворота и завел внутрь лошадей. У Бьянки был ключ от входной двери;

она бесшумно поднялась по темной лестнице, придерживая подол юбки, и толкнула дверь спальни. Она надеялась, что Винсенте спит, но он не спал. Пламя одинокой свечи не могло разогнать полумрак комнаты, однако Бьянка увидела то, что должна была увидеть: голову женщины на подушке рядом с подушкой Винсенте, ее черные волосы, белые плечи и обнаженную грудь.

Бьянка так резко отпрянула назад, что ударилась спиной об стену. Женщина, лежащая в постели ее мужа, в испуге вскочила и попыталась прикрыться сорванным с кровати одеялом. Она с рыданиями пронеслась мимо Бьянки и исчезла во мраке дома.

Бьянка сползла по стене. Она сидела, не двигаясь, и ловила ртом воздух. Между тем Винсенте, ничуть не смутившись, встал, подошел к жене, рывком поднял ее, как тряпичную куклу и поставил на ноги. Он отвесил ей пощечину, схватил ее поперек туловища и швырнул на кровать. Бьянка пыталась сопротивляться, но Винсенте был много сильнее. Разорвал на ней одежду и силой овладел ею.

Свеча догорела и погасла. Некоторое время слышались звуки ударов, прерывистое дыхание и сдавленные стоны.

Отстранившись от жены, Винсенте спокойно произнес:

— Нечего было возвращаться так рано.

— Я… я уйду от тебя, — выдавила Бьянка.

— Уйдешь? Куда? Вернешься к родителям, чтобы их опозорить?!

— Ты женился на мне без любви, взял, как вещь! — Бьянка всхлипнула.

— Можно подумать, ты меня любила. Ты вышла за меня из-за тряпок и безделушек. Я вложил в тебя кучу денег. Теперь ты умеешь одеваться, знаешь французский, музицируешь. А вот ты не оправдала моих ожиданий: до сих пор не родила мне наследника. Я нарочно взял девушку из деревни, где люди славятся своей плодовитостью. Сколько детей у твоей матери? Четверо? Не десяток, конечно, но тоже не мало. А ты не сумела произвести на свет даже одного!

Когда Винсенте отвернулся, намереваясь заснуть, Бьянка прошептала:

— Как ты мог спать с Карминой!

— Мог. Не в пример тебе, в постели она не похожа на дохлую рыбу.

— Ты должен ее прогнать!

— Прогонять не буду, но, пожалуй, оставлю на Корсике. Я не хочу продавать дом — неизвестно,

какие наступят времена, — и за ним будет нужен присмотр.

Бьянка лежала, сжавшись в комок, и ее плечи дрожали. Боясь вызвать гнев Винсенте, она плакала беззвучно, вцепившись в подушку зубами и онемевшими пальцами. Дабы избежать унижения и боли, она была готова отдаваться ему добровольно, он предпочитал брать ее силой и бил так, чтобы, по его выражению, «не испортить красоту». При этом задаривал нарядами и украшениями, которые больше не приносили ей ни удовлетворения, ни радости.

Бьянка спустилась в кухню еще до рассвета и сидела в теплом углу, наблюдая за хлопотами Фелисы и за тем, как за окном пробуждался рассвет. Она думала о том, какое утомительное занятие жизнь и как мало в ней счастливых минут. Бьянка знала, что никогда не сможет рассказать родителям правду и — что самое ужасное — у нее никогда не будет защитника.

Фелиса догадывалась о том, что происходит в ее жизни. Она ничего не говорила Бьянке, но в том, как она подавала ей чашку с теплым молоком, легко касаясь плеча и на мгновение встречаясь взглядом с ее печальными глазами, сквозили искреннее сочувствие и глубокая забота.

В кухню зашла Кармина и тут же отпрянула. Ее лицо было белее мела, а во взоре застыл смертельный испуг.

Бьянка тяжело поднялась с места и сказала:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Они поднялись наверх, в комнату Кармины. Бьянка заметила, что служанка дрожит. Она была очень бледна, что составляло разительный контраст с темными волосами и глазами. На ней было коричневое платье, на плечи накинута черная шаль. Руки Кармины были натруженными, грубыми, а глаза — такими же несчастными, как у Бьянки.

— Давно это происходит? — спросила хозяйка.

Кармина опустила голову и ответила, глядя на носки своих башмаков:

— С первого дня, как я здесь появилась. Иначе он прогнал бы меня. Я понимаю, что должна уйти, и уйду сегодня же вместе с Орландо.

Здоровый, забавный, веселый малыш бегал по всему дому в поисках новых проказ. Он служил живым упреком Бьянке, упреком в том, что у нее до сих пор нет детей. И все же она его любила и позволяла называть себя тетей.

— Винсенте намерен оставить тебя в Аяччо, — сказала Бьянка и с невеселой усмешкой добавила:

— Уж лучше б он оставил меня! Тогда бы я избавилась от унижений и упреков в том, что не могу родить наследника.

Кармина набралась смелости и сказала:

— Наверняка в том нет вашей вины. Хозяин жил со мной все эти годы, но я ни разу не зачала от него.

Бьянка молчала, и тогда служанка добавила:

— В каком-то смысле мое сердце такое же пустое, как ваше. Когда-то мне нравился ваш старший брат, но это увлечение осталось далеко позади. Джулио взял меня обманом, и я была так глупа, что решила, будто, отдаваясь ему, сумею отомстить Дино за его холодность. Вашего мужа я только боялась и никогда не любила.

— У тебя есть Орландо.

— Да, только это и греет мне душу.

— Интересно, как бы повел себя Джулио, если б узнал, что у него растет сын?

— Боюсь, он сказал бы, что не имеет к этому никакого отношения.

В день отъезда выдалась пасмурная погода, но Винсенте сказал, что это не помешает отплытию. На причале громоздились многочисленные свертки, узлы, ящики, коробки. Винсенте решил взять с собой наиболее ценную мебель и кла-

викорды.

Бьянка смотрела на волнующееся море, кутая плечи в египетскую кашемировую шаль с золотой бахромой. На фоне свинцовой воды и серого неба ее хрупкая фигурка казалась почти невесомой.

Неподалеку находилась Кармина, она держала за руку Орландо. Все эти дни одна из женщин жила в предвкушении свободы, другая — в покорном ожидании еще более изощренного плена.

Бьянка думала о том, что, покинув Корсику, она лишится последней надежды на спасение из сетей этого жестокого брака, а Кармина мечтала, как начнет новую жизнь без домогательств Винсенте, без притворства и лжи.

Когда судно отплыло, она облегченно вздохнула и зашагала к дому. Винсенте оставил ей денег, сказав, что она может распоряжаться ими по собственному усмотрению. Он заметил, что давно мечтал открыть в Аяччо гостиницу.

Вернувшись домой, Кармина прошлась по комнатам. Они хранили следы поспешных и бестолковых сборов. Она небрежно оглядела розовые с позолотой обои, которыми так гордился Винсенте. Выражение ее лица было решительным и суровым. Кармина протянула руку и потянула

за край обоев. Бумага рвалась с покорным шелестом, обнажая стены, некогда беленые и гладкие, как во всех корсиканских жилищах.

Много лет Кармина ощущала опустошенность, оторванность от корней, какую обычно чувствует человек, лишенный постоянного пристанища. Теперь она осталась одна в этом доме, и пусть он принадлежал не ей, она могла менять его обстановку и внешний вид по собственному вкусу.

Кармина не знала, в чем кроется причина неожиданного великодушия хозяина: в надежде на то, что Орландо — его сын? Впрочем, это было неважно. Главное — отныне он далеко.

Через неделю Кармина настолько обвыклась и осмелела, что наняла рабочих. Они заново побелили лишенные обоев стены и отнесли вычурные шкафы и комоды в сарай. Она велела снять все зеркала и картины; теперь лишь оконные переплеты отбрасывали на белоснежные стены и потолки жилища свои причудливые узоры: розоватые — по утрам и вечерам, золотистые — днем. Кармина повесила на окна светлые занавески и распорядилась обставить жилище обычной мебелью. Размышляя о том, какой должна быть будущая гостиница, она приходила к выводу, что большинству людей нужна не кричащая

роскошь, а чувство простоты и покоя.

Именно такого ощущения давно недоставало самой Кармине. Теперь оно пришло. Рано утром, когда Орландо еще спал, она любила раздвигать занавески и встречать восход солнца. Из окон открывался вид на гавань. В проемах между рыбацкими лодками искрилась вода, а краски неба были удивительно нежными. Кармина знала, что ей предстоит много дел, в каких у нее не было никакого опыта, но это ее не страшило. Через несколько лет Орландо подрастет и станет ее помощником. Благодаря сыну она никогда не будет чувствовать себя одинокой.

Эта бухта была опасным местом. Много дней потоки, низвергавшиеся с гор, откладывали при впадении в море гальку и ил, и там возникали лагуны, над которыми колыхался и шелестел тростник, кое-где достигавший высоты деревьев. Эти лагуны становились рассадниками малярийных комаров, несущих гибель жителям близлежащих селений. Нередко, спасаясь от заразы, люди переселялись со всем своим скарбом в другие места.

Жителей Лонтано спасали горы — каким бы сильным ни был ветер, дувший со стороны смертоносной бухты, на его пути стоял грозный

камень. Зная о существовании опасной заводи, матери с детства предупреждали детей о том, чтобы они не ходили в ту сторону.

Решив расстаться с жизнью, Данте долго размышлял о том, как это сделать. Самоубийство для корсиканца считалось позором. Куда лучше было бы умереть от какого-нибудь недуга, однако Данте рос здоровым ребенком и превратился в выносливого молодого человека: он никогда ничем не болел.

Когда в начале весны Леон заявил, что намерен женить сына, назвал имена нескольких, по его мнению, подходящих невест и велел Данте определиться с выбором, юноша понял, что дальше тянуть нельзя.

Он вспомнил про бухту с малярийными комарами и отправился туда. Заболев сам, он не смог бы заразить окружающих, вместе с тем его едва ли сумели бы вылечить и спасти.

Каждый день с заходом солнца из куколок, в которых превращались живущие в стоячей воде личинки, появлялись тысячи комаров. Сперва они неподвижно сидели на траве или камнях, а после, обсохнув, тучами поднимались вверх.

Данте стоял, глядя на море, сверкающее в лучах закатного солнца, слушая унылую песнь

тростника, любуясь нежной туманной дымкой, витающей над зловещей бухтой. Комары вились вокруг него с грозным гудением, садились на обнаженные участки тела и впивались в кожу.

Прошло несколько дней, но признаков болезни не было, и Данте отправился в бухту еще раз. Он решил приходить туда до тех пор, пока не добьется своего.

Отец требовал ответа относительно предстоящей женитьбы, и он наугад назвал имя одной из девушек. Леон сказал, что зашлет сватов, при этом заметил, что за такого красивого, честного и работящего парня с большой охотой пойдет любая.

«Кроме одной», — подумал Данте, моля Бога о том, чтобы ему не пришлось ждать слишком долго.

Когда пришло воскресенье, он отправился с родителями в церковь. С самого утра у него болела голова, а в теле ощущалась вялость, и Данте надеялся, что это начало болезни.

Май на острове был теплым и солнечным. Крестьяне пропалывали чечевицу, окуривали виноградники от насекомых-вредителей, пахали землю. В воскресный день жительницы Лонтано надевали лучшие одежды, и красивые и некра-

сивые, и богатые и бедные девицы на выданье гадали, кто станет их суженым.

Народ толпился внутри церкви. Отец Витторио готовился начать службу. Данте видел, как Леон подошел к священнику и о чем-то говорил с ним. Возможно, договаривался о том, когда будет можно огласить помолвку младшего сына? Внезапно юноша увидел среди женщин Анжелу, она стояла в своем черном платье и черном мецарро, и ее лицо выглядело усталым и грустным. И все же она была по-прежнему хороша собой: белая кожа и большие, напоминавшие печальные озера глаза. Каждый раз при встрече с ней Данте чувствовал, как ее холодность бьет его наотмашь, а равнодушие всаживает в сердце невидимые иглы.

Он окинул взором толпу. Люди разговаривали, некоторые из них улыбались, другие хмурились. Данте подумал о том, что большинство из них, пробуждаясь, не помнит своих снов, а засыпая, думает лишь о погоде, посадках, рыбной ловле и еще о множестве тяжелых работ, которыми они занимаются день ото дня всю свою жизнь. Наверное, им кажется странным, что у человека может болеть душа из-за такого пустяка, как любовь. Не можешь получить одну женщину, возьми другую — лишь бы она была не уродливой, плодовитой

и работящей.

Данте почувствовал, что его знобит. Голова раскалывалась, он едва держался на ногах. И все-таки у него хватило сил сделать несколько шагов, растолкать людей, крепко взять Анжелу за руку и потянуть за собой.

Женщина сделала попытку освободиться, но Данте не отпускал — он сжал ее руку так, будто эта рука была единственным, что соединяло его с жизнью.

Он вытащил Анжелу из толпы, подошел к отцу Витторио и произнес, перекрывая гул толпы:

— Я мечтаю об этой женщине много месяцев, только о ней и ни о ком больше. Я хочу, чтобы она стала моей! Если Господу было угодно меня помучить, Он вдоволь насладился этим, и теперь я прошу вас обвенчать меня с ней. Если вы не сделаете этого, мне незачем будет жить.

Отец Витторио нахмурился.

— Господь не жесток, Данте Гальяни, он милосерден, — начал он и осекся, вперившись в юношу тревожным взглядом.

Лицо Данте было бледно, тело покрыто холодным потом. Его трясло так, что стучали зубы.

В толпе пронесся изумленный ропот. Это было неслыханно! В Лонтано давно не случалось ниче-

го подобного. Сестры и мать Анжелы вытянули шеи, их глаза округлились, а рты приоткрылись. Все гадали, что побудило Данте совершить столь безумный поступок? Возможно, между ним и Анжелой Боллаи уже что-то было? В таком случае они заслуживают не понимания, а осуждения. К Леону протолкнулся брат женщины с намерением выяснить, с чего это Данте прилюдно позорит его сестру?

Леон едва ли не впервые был по-настоящему растерян. Он пробормотал, что его сын не в себе, что он заболел и не понимает, что говорит. Словно в подтверждение его слов, Данте зашатался и рухнул на пол церкви.

Он выпустил руку Анжелы, но женщина не убежала. Склонившись над ним, она обхватила его голову ладонями и воскликнула:

— Помогите же ему!

Данте перенесли в дом отца Витторио. В Лонтано не было врача, только повитуха, а с остальными проблемами жители деревни справлялись своими силами.

— Похоже на малярию, — сказал священник. — Только откуда она взялась?

— Что делать? Как его лечить?

— Боюсь, придется везти твоего сына в Аяччо.

Здесь нет ни доктора, ни лекарств, — сказал священник и добавил в ответ на молчаливый вопрос Леона: — Одними молитвами тут не поможешь. Когда я был молод, мне доводилось посещать малярийные места. Как правило, больных увозили высоко в горы, случалось, там они излечивались. И все-таки умерших было очень много. Нужна кора хинного дерева — прежде она была большой редкостью.

Когда приступ прошел, Данте открыл помутневшие глаза. Когда он увидел рядом с родителями и отцом Витторио Анжелу, его взгляд прояснился и на побледневшем лице появилась улыбка.

Сандра ломала руки. Она заклинала Леона немедленно запрягать повозку и ехать в город. Услышав об этом, Данте сказал:

— Я поеду, только если со мной поедет Анжела и если она немедля даст обещание выйти за меня замуж.

Отец Витторио смущенно кашлянул, однако Анжела не возмутилась и не отвела глаз. Ее взгляд был подобен стреле, летящей сквозь немыслимые препятствия, разрывающей плотную ткань людского непонимания и предрассудков.

— Я поеду с тобой. И я согласна стать твоей женой.

Данте устало закрыл глаза, словно был не в силах вынести блаженный груз подарка, который только что получил. Он ощупью нашел руку Анжелы и сжал в своей. Он не боялся ни лихорадки, ни смерти. Он знал, что любовь окажется сильнее, он был уверен в том, что если Анжела ляжет рядом и обнимет его, жар ее кожи проникнет в его больное тело и озноб пройдет.

— Когда я выздоровею, мы поженимся, и ты родишь мне ребенка.

— Хоть десяток, если получится.

Помещение наполнилось трогательной атмосферой доверия, взаимного прощения и любви. Данте и Анжела разговаривали и вели себя так, будто были одни в комнате. Присутствующие чувствовали себя лишними.

Позднее, очутившись наедине с родителями юноши, женщина сказала:

— Я сделала это ради вашего сына.

— Мы согласны, чтобы ты стала нашей невесткой. — Леон повернулся к жене. — Правда, Сандра?

Та прошептала со слезами на глазах:

— Лишь бы Данте поправился!

— Боюсь, мой брат скажет, что Данте слишком юн для меня и что как вдова я не должна выхо-

дить замуж, — тихо промолвила Анжела.

Леон опустил руку на ее плечо.

— Я поговорю с ним. А пока собирайся. Путь неблизкий, и нам надо спешить.

Морские валы разбивались о подножие скал, окружая его облаком пены. Подгоняемые бризом паруса, казалось, бежали по волнам. Вокруг было потрясающе красиво, но Леон смотрел только на дорогу, а Анжела — в лицо Данте. Ее взгляд был полон любви и тревоги.

Она сидела в повозке и держала голову Данте на коленях, стараясь хотя бы немного защитить его от тряски. Изнуряющая лихорадка прошла, но он ослабел после приступа и должен был набираться сил для встречи нового. Отец Витторио сказал, что, возможно, приступ повторится на следующий день, в это же время, а если повезет, то через несколько дней.

Леон поневоле слушал, о чем говорят его сын и Анжела. Они говорили о любви, о будущем. Отцу казалось, что оба уже забыли о том, что Данте тяжело болен и может умереть.

Леон не помнил, чтобы он когда-нибудь признавался в любви Беатрис, а тем более — Сандре. В его среде считалось неприличным говорить о чувствах, да и о многом другом. Мужчины горди-

лись, если у них было много сыновей, но никто не смел обсуждать, как получаются эти сыновья. Такие темы считались запретными. Когда матери пытались подготовить дочерей к замужеству и первой брачной ночи, они объяснялись с ними очень иносказательно.

И все же хотя Леон не понимал поведения Данте, прилюдно заявившего о своей страсти, и пытался объяснить это временным помрачением рассудка, он не мог не уважать сына за его поступок. Мужчина давно понял, что его дети не такие, как он: они не смирялись ни перед обстоятельствами, ни перед долгом. Ставили перед собой цель и добивались ее, обходя или преодолевая все препятствия.

В Аяччо Леон сразу отправился на поиски врача. Ему повезло: доктор Росси осмотрел Данте, сказал, что они обратились вовремя и что у него есть хинин, а значит, надежда на то, что юноша поправится. Однако им придется прожить в Аяччо не меньше двух недель.

Когда доктор Росси расспрашивал Данте о том, где и как он мог подхватить малярию, Леон увидел, как Анжела хмурится. Вероятно, она догадывалась о том, о чем догадывался и он: Данте заразился нарочно. Возможно, он желал умереть,

но в решающий миг его природа, его сердце взбунтовались и приказали бороться за жизнь. Леон не представлял, как такое можно сделать ради любви, любви к обыкновенной женщине, и глядел на Анжелу с невольным изумлением.

Они остановились у дальних родственников Леона. Данте разместили в отдельной комнате, а Анжела улеглась с женщинами. Леон сидел на опустевшей кухне вместе с Антонио, главой семьи, которая его приютила, за кувшином вина.

— Нам придется прожить в Аяччо не меньше двух недель. Неудобно тебя стеснять — вам самим негде повернуться. Если б мой зять не уехал из Аяччо, я бы остановился у него.

Антонио неловко кашлянул.

— Дом Винсенте Маркато превратился в гостиницу.

Леон вытаращил глаза.

— В какую еще гостиницу?!

Мужчина хлопнул ладонью по колену.

— Неужели не знаешь?! Твой зять оставил дом девчонке, которая прислуживала у них. Она там все переделала, заново обставила комнаты и теперь принимает постояльцев.

Леон нахмурился. Он не любил останавливаться у Винсенте, хотя тот радушно принимал тестя.

Ему не нравилась нелепая роскошь дома, смущали городские наряды Бьянки. Теперь, когда у нее был муж, отец не считал удобным вмешиваться, хотя порой у Леона создавалось впечатление, что в доме Винсенте Маркато творится что-то неприличное.

— Говоришь, теперь там живет девчонка? Одна, без мужчины?

— Да. Она говорит, что была замужем, но никто никогда не видел ее мужа. Зато у нее есть ребенок, и… ходят слухи, что она прижила его с хозяином.

— Где это видано, чтобы женщина сама заправляла делами? — мрачно произнес Леон, стараясь оставить без внимания последнюю фразу собеседника.

— Вот и я о том же! Только тех, кто приехал с материка, этим не смутишь. Они уже привыкли. А девчонка ловка: заказала доску, на которой написано все про гостиницу, и прибила ее на пристани. И развесила таблички во всех кабаках. Говорят, там чисто и уютно, да и цены невысокие. Прошло всего два месяца, как она стала этим заниматься, а в гостинице полно постояльцев.

— Что ж, — сказал Леон, — я наведаюсь туда завтра.

— Кстати, — заметил Антонио, — твоя дочка

щеголяла такими нарядами! Случалось, мы глазели на нее на набережной. Шелковые платья, зонтик, перчатки, шляпка. Совсем не похожа на корсиканку!

Леон почувствовал, что его осуждают, и напрягся.

— Бьянка была примерной дочерью и стала послушной женой.

— Понятно, если муж позволял ей все это, то почему бы нет. Только мне кажется, хорошо, что они уехали. В Тулоне им будет лучше, чем здесь.

На следующий день Данте успели дать хинин еще до того, как случился приступ, и все же он был вынужден лежать в постели. Анжела осталась с ним, а Леон отправился в ту самую гостиницу, которая прежде была домом его зятя.

Он сразу увидел, что кто-то приложил большие усилия к тому, чтобы изменить это жилище. Теперь дом не удивлял, не отталкивал, а манил. Он был выкрашен белой краской, оконные переплеты и двери — коричневой. На окнах висели простые легкие занавески, пропускавшие солнечный свет. Двор с посыпанными галькой дорожками и цветниками содержался в безукоризненном порядке. На вывеске, прибитой у ворот, было аккуратно и старательно выведено:

«Дом на набережной. Комнаты, пансион. Приглашаем гостей».

Леон вошел в ворота. Навстречу вышла женщина, на вид почтенная и строгая. Сначала Леон решил, что ей за тридцать, но после увидел, что ошибся — она была гораздо моложе. Когда она подошла совсем близко, его глаза округлились.

— Кармина?!

Да, это была Кармина. Она стала старше и строже, но это ее только красило. Она была одета так, как одеваются вдовы: в черное платье, мецарро и шаль безо всяких украшений. Леону было трудно поверить, что когда-то эта женщина согрешила с его сыном.

Было видно, что Кармина напугана и пытается взять себя в руки.

— Добро пожаловать. Что вам угодно? — сказала она.

Леон разозлился. Он решил сразу взять быка за рога.

— Надеюсь, ты меня узнаешь?

— Да, узнаю.

— Выходит, мой зять подарил тебе дом?!

— Не подарил. Он оставил меня присматривать за ним. Деньги, полученные от сдачи комнат, я отдам хозяину. А он заплатит мне жалованье.

Внезапно Леон заметил, что ее тон изменился. За считанные секунды Кармина успела прийти в себя. Она стояла в своем вдовьем наряде, делавшем ее старше на несколько лет и, словно щит, отсекавшем от нее многие радости человеческой жизни, стояла среди розовых кустов, каждый бутон на котором напоминал трепещущее благоуханное сердце, и Леон видел в ней существо, научившееся отвечать ударом на удар.

— Я слышал, ты была замужем. Это ложь?

— Нет. В Аяччо мне пришлось выйти за первого попавшегося мужчину, но вскоре он умер. Потом я поступила в услужение в дом синьора Маркато.

— Давно ты здесь живешь? Бьянка ничего о тебе не говорила.

— Это я попросила ее молчать. Я подумала, вдруг Сандра захочет выгнать меня еще раз!

Леон смутился, вспомнив о том, как жена поступила с этой девушкой.

— Я хотел, чтобы ты осталась у нас.

— Я это помню.

В это время из-за дома выбежал мальчик лет четырех. Увидев незнакомого мужчину, он замедлил шаг и, подойдя ближе, укрылся за юбками матери, однако время от времени выглядывал

оттуда. Леону понравились его веселые, дерзкие, любопытные глаза, и он с сожалением подумал о том, что у него до сих пор нет ни одного внука. Внезапно ему пришла в голову мысль, не был ли этот мальчишка отпрыском его среднего сына?!

— Мы до сих пор не имеем вестей от Джулио, но Джеральдо написал, что…

— Простите, Леон, я не хочу ничего знать ни о Джулио, ни о Дино, — перебила Кармина. — Мне это неинтересно. Зачем вы пришли? Вам нужны комнаты?

— Да. Я приехал сюда с Данте — он заболел. А еще с нами женщина, Анжела Боллаи.

— Приходите после полудня. Комнаты будут готовы.

Леон, Данте и Анжела прожили в гостинице двадцать дней. Через две недели юноша поправился, приступы прекратились, и он вполне мог пуститься в обратный путь. Однако Данте заявил, что не вернется в Лонтано до тех пор, пока не обвенчается с Анжелой. Ему не нужна была ни свадьба, ни гости, а только эта женщина. Леон был вынужден уступить.

Они обвенчались очень тихо и скромно, как некогда это сделали Орнелла и Дино. За свадебным столом присутствовали только Леон и

Кармина, которые чувствовали, что их общество вовсе не нужно новоиспеченным супругам. К счастью, вскоре Данте и Анжела остались одни.

Сквозь задернутые занавески просачивался лунный свет, из-за чего комната казалась охваченной призрачным, серебристым пожаром.

Данте глубоко дышал. Его сердце больше не походило на открытую рану, а душа не обливалась слезами. Перед ним открывались бесконечные дни, полные счастья, но он не имел сил о них думать. Завтра не существовало, были только эти мгновенья, эта комната и эта женщина в скромной полотняной сорочке.

Анжела распустила волосы, и Данте стянул ткань с ее плеч, обнажая белую кожу. Груди женщины в лунном свете напоминали бутоны чайных роз. Почувствовав смущение, она застенчиво прошептала, прикрыв грудь ладонями:

— Помнишь, как, увидев тебя, Кармина заметила: «Ты стал таким взрослым, Данте»! А когда она узнала, что я — твоя невеста, то посмотрела на меня с удивлением. Наверное, решила, что я слишком стара для тебя.

— Не говори глупостей, — прошептал он, отводя ее руки. — Я люблю тебя, и ты прекрасна!

Лаская друг друга, они извивались на просты-

нях. Когда Данте овладел Анжелой, она невольно вздрогнула. Возможно, она вспомнила о том кошмаре, какой ей довелось пережить три года назад.

— Ты не должна ничего бояться, — прошептал он, — ведь теперь у тебя есть муж!

Анжела гладила его волосы, целовала лицо и тело. Она была готова умереть за этого мальчика, так же, как он мог умереть ради нее.

— Скажи правду, ты нарочно заразился малярией? — спросила Анжела, когда они на мгновение ослабили объятия.

Данте помедлил.

— Разве тебе нужна другая правда, кроме той, что ты чувствуешь?

— Я чувствую, что была жестока с тобой все это время.

— Ты была жестока к себе. Тебя вынудили. Теперь все позади. Я никому тебя не отдам и не дам в обиду.

— Ты мой чудесный мальчик!

— Я люблю тебя больше жизни!

И он, и она выросли в среде, где не было принято произносить такие слова, равно как обнажать свои чувства. Анжела не могла представить, чтобы такое сказал ее покойный муж. Она никогда

не думала, что сумеет вырваться из сетей запретов и предрассудков, как бабочка из кокона, и расправить крылья в полете, не думая о том, ни сколько будет длиться этот полет, ни какие опасности могут подстерегать ее хрупкое счастье.

Наутро Леон, Данте и Анжела отправились домой. Кармина не взяла с них денег. Она сказала, что не может этого сделать, потому что они — близкие родственники хозяев дома. Напоследок она обратилась к Леону:

— Я хочу попросить об одном одолжении. Не говорите Сандре ни обо мне, ни… об Орландо.

Леон был вынужден согласиться, хотя его попрежнему терзали подозрения, что этот шустрый мальчишка — его первый и пока что единственный внук.

На обратном пути им повстречалась женщина. Худая, облаченная в траур, немолодая, но еще не сгорбленная невзгодами и временем, она напоминала черную свечу. Леон с удивлением узнал в ней Беатрис Санто. Куда она шла? Хотя при ней не было никаких вещей, он понял, что она навсегда покидает Лонтано.

Леон хотел что-нибудь ей сказать, но когда она окинула его взглядом темных глаз, хотя и блестящих, как смола, но таких же старых, как мир, его

язык словно присох к гортани. Их взоры встретились и разошлись, как навсегда разошлись пути судеб, душ и сердец.

Когда женщина прошла мимо, Леон не выдержал, оглянулся и увидел, что одну вещь она все же взяла с собой: за спиной Беатрис висело ружье, из которого ее сын Андреа некогда застрелил Амато Форни.

Глава 2

— На этой неделе мы больше не сможем встретиться. Я постараюсь предупредить тебя о следующем свидании запиской, — сказала Амалия де Сент-Эньян.

Она стояла возле зеркала в ночной сорочке и сосредоточенно закалывала волосы. Бледно-голубое платье женщины было брошено на кровать, туда, где совсем недавно лежала она сама.

Он взял платье в руки. Ткань была гладкой и легкой, она будто стекала с рук. Джулио задавал себе вопрос, как он прежде мог жить в суровом, безрадостном мире, лишенный таких изящных, полных чувственного очарования вещей?

— Почему не сможем?

— Потому что завтра приезжает моя дочь.

Удивленный Джулио приподнялся на постели. Утомленный любовными упражнениями, он обычно не спешил вставать; после того, как Амалия уходила, оставался в квартире и нежился в кровати.

— У тебя есть дочь?!

— Что тебя удивляет? Почему у меня не может быть дочери?

— Ты никогда о ней не говорила. Где она была все это время?

— Она воспитывалась в закрытом пансионе. Мы с Жиральдом ее навещали. Теперь ее воспитание закончено, и она возвращается домой. Наша задача найти для нее хорошего мужа.

— Думаю, это будет несложно, — сказал Джулио и откинулся на подушки. Ему хотелось поговорить о том, что его волновало. Он покосился на Амалию и как бы невзначай произнес: — Все говорят о том, что летом начнется война с Россией. Эта страна населена полудикими крестьянами, и там очень холодно.

Женщина медленно повернулась и подарила любовнику улыбку своих холодных голубых глаз.

— Не беспокойся, с твоей головы не упадет ни один волос. Ты останешься в Париже. Например, из-за внезапной болезни. — Подойдя к кровати, Амалия сдернула одеяло с его обнаженного тела и заметила: — Неужели я допущу, чтобы такое совершенство изуродовали сабли и пули!

Джулио смутился. Эта женщина умела заниматься любовью так, что каждое движение казалось ее собственным изобретением. Она могла быть одновременно величественной и низкой,

обожала казаться милой, хотя на самом деле была очень опасной. Джулио понимал, насколько зависим от нее, и это его бесило. Ему захотелось ее уколоть.

— Почему ты изменяешь своему мужу? Мне кажется, он тебя любит и ценит.

Иногда ему становилось жаль генерала, который заботливо опекал его, постоянно держал при себе, причем вовсе не для того, чтобы им помыкать. У Джулио было не так уж много поручений, он имел кучу свободного времени и при этом получал неплохое жалованье.

— Он солдафон и всегда им был, — сказала Амалия и улыбнулась, показав острые белые зубы. — Иное дело — ты. Моя последняя любовь! Если ты когда-нибудь посмеешь мне изменить, я тебе отомщу, как это делают у вас на Корсике.

Джулио смотрел на нее во все глаза. Иногда любовница его изумляла. Он вовсе не считал, что его тело принадлежит ей, как не собирался оставаться с ней до конца жизни. Кругом было много других женщин, красивее, а главное — моложе.

— Супружеская измена на Корсике — большая редкость. Там мстят за иные вещи, иногда просто по привычке, так же, как и воюют, — ответил он и неожиданно добавил: — Иногда мне становит-

ся неловко от того, что, будучи корсиканцем, я бегаю от войны.

Амалия жестко усмехнулась.

— Перестань. Армия добровольцев — мечта идиота.

В улыбке Джулио промелькнула ирония.

— Генерал де Сент-Эньян так не считает. И ты охотно провожаешь его на войну и едва ли вспоминаешь о нем, пока он не вернется.

— Если убьют Жиральда, у меня останутся его деньги. Если убьют тебя, я потеряю все. Запомни, ты не создан для войны, ты создан для того, чтобы любить.

— Конечно, я люблю тебя! — Джулио произнес эти слова небрежно, даже развязно, словно желая подчеркнуть, что они ничего для него не значат.

Амалия на мгновение сузила глаза, но ограничилась тем, что сказала:

— Приезжай в салон завтра вечером. Пусть мы не сможет уединиться, но я хочу тебя видеть.

— Там будет твоя дочь?

— Да.

— Как ее зовут?

— Аурелия. Она очень наивна, еще ничего не видела, так что прием будет скромным.

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Она похожа на тебя?

— Увидишь.

Джулио готовился к встрече так, будто ему предстояло бог знает какое знакомство. Амалия внушила ему, что изнеженная внешность щеголей — ничто по сравнению с его мужественной красотой, а шелковые фраки, пикейные жилеты, мадаполамовые рубашки и кружевные жабо кажутся смешными и жалкими перед строгой военной формой.

Выйдя из квартирки, где он провел ночь в одиночестве, Джулио задумался над тем, не принести ли дамам цветы. Иногда он дарил Амалии скромные букеты; в честь приезда ее дочери это будет тем более уместно.

Молодой человек купил белые махровые цветы со сладким запахом, названия которых не знал. В свете утреннего солнца их лепестки казались золотыми.

Он едва дождался вечера и взял извозчика, чтобы ненароком не забрызгать грязью мундир и сапоги.

Увидев девушку, Джулио понял бы, почему ее

нарекли таким именем, если б знал латынь[11]. Она походила на статуэтку белого фарфора, украшенную золотистыми гирляндами локонов. Ее кожа была усыпана милыми веснушками — озорными брызгами солнца: такие же веснушки Амалия прятала под толстым слоем пудры. Аурелия была одета в воздушное платье, которое, казалось, соткали феи, и туфли, будто сшитые из лепестков роз.

Несмотря на всю ее прелесть, было заметно, что она привыкла одеваться и причесываться иначе. Глядя на Аурелию, Джулио думал о том, как чувствует себя дочь в раззолоченном салоне матери после долгих лет, проведенных в пансионе, в салоне, где каждый норовит спрятать свою сущность глубоко внутри? И начинал понимать, что иногда простота стоит дороже, чем роскошь, а искренность ценится больше, чем умение искусно притворяться.

— Это Аурелия. Поскольку наш император считает, что девушки не предназначены для общественной жизни, она провела десять лет в закрытом заведении, где ее научили всему, что должна уметь будущая жена и мать, — так роди-

---

[11] Примечания: 11
Aurelius — золотой *(лат.).*

тели представляли свою дочь гостям.

Амалия подносила бокал с вином ко рту жестом императрицы, очаровательно шутила с гостями и при этом не забывала играть роль любящей и примерной матери. Однако в глубине души Джулио был уверен в том, что ей наплевать на Аурелию.

Дочь вернулась из пансиона, куда мать упрятала ее для того, чтобы она не мешала ей развлекаться, и теперь ее выставили на торги. Джулио не имел никаких шансов участвовать в них, и не только потому, что не имел состояния, а потому что был любовником Амалии. Со свойственным ему непостоянством и изменчивостью, едва проникшись симпатией к дочери, Джулио возненавидел мать. Он больше не желал с ней спать, потакать ее прихотям, а главное — зависеть от нее. Джулио решил бросить сорокалетнюю любовницу. Он забыл о том, что сам дал ей в руки вожжи и кнут, которые она не выпустит ни за что на свете.

Он пригласил дочь Амалии на танец и завел с ней беседу. Аурелия была застенчива, она опускала глаза и говорила шепотом.

— Вы впервые в Париже?

— Я жила здесь в детстве, но почти ничего не

помню.

— Вам понравилось воспитываться в пансионе?

— Не знаю. Я все время чего-то ждала.

— А здесь вам нравится?

Аурелия помедлила, после чего смущенно промолвила:

— Я не знаю, как себя вести.

Неожиданно Джулио воспрянул духом и сделался красноречивым. Он пошел по проторенной дороге: рассказал о том, что он корсиканец и прибыл в столицу в поисках счастья.

— Вы были на войне? Я слышала, вы спасли жизнь моему отцу!

— Кто вам сказал?

— Мне говорила мама.

Аурелия смотрела на него, как на некое недосягаемое существо, что придало Джулио вдохновения. Эта девушка не была похожа на свою мать, ей были неведомы ни порочная плотская страсть, ни губительное притяжение золота.

Пока претенденты на ее руку подсчитывали содержимое своих кошельков, а заодно прикидывали, сколько денег может быть у самого де Сент-Эньяна, Джулио, как истинный корсиканец, решил действовать. С неделю он присматривался

к Аурелии, незаметно очаровывая ее и исподволь подбирая ключи к ее сердцу.

Между тем, внутренний мир, равно как и характер этой девушки были похожи на тело медузы: нечто столь же вязкое, мутное и непонятное. В пансионе ее научили лишь заучивать молитвы, шить и покоряться чуждой воле. Она не читала книг, не знала, что творится за стенами монастыря. К семнадцати годам ее ум и воображение оставались совершенно неразвитыми.

Это было на руку Джулио: он понимал, что может открыть перед ней новый, интересный мир, полный яркого солнца и свежего ветра. Он рассказывал Аурелии о Корсике, представляя ее как свободный, прекрасный, воистину райский остров.

Постепенно в голове Джулио сформировалась дерзкая мысль уговорить Аурелию бежать из дому и тайно обвенчаться с ним. Генерал не сможет ничего поделать, он смирится, дабы замять скандал, а что до Амалии — ему было глубоко наплевать на ее чувства. Едва ли ей придет в голову признаться в том, что он был ее любовником! Волей-неволей ей придется молчать, а у него появится все: красивая, юная, покорная жена, деньги, безопасность, уважение общества.

Для начала ему было необходимо встретиться и поговорить с Аурелией наедине. Тем более, ему было что ей сообщить: в качестве одного из наиболее вероятных кандидатов на роль жениха своей дочери Амалия назвала полковника Пирля, который был старше Аурелии на добрых четверть века.

Джулио проявил чудеса изобретательности и на одном из вечеров в салоне Амалии уговорил девушку обмануть мать: отправиться с ней за покупками, а выйдя из дому, сослаться на внезапную головную боль и вернуться обратно.

— Я буду ждать вас в экипаже. Клянусь, с вами ничего не случится. Мы просто поговорим. Вы мне верите?

Джулио посмотрел ей в глаза самым проникновенным взглядом, который только смог изобразить, и Аурелия прошептала:

— Не знаю.

— Я корсиканец. Для нас слово чести значит гораздо больше, чем любой письменный договор.

Его план удался, и на следующий день он привез Аурелию в ту самую квартиру, которую ее мать снимала для встреч с молодым любовником.

Она не без опаски вошла в дверь и огляделась. Как и во всех меблированных комнатах, в этом

жилище витал дух бедности, неряшливости и пошлости.

— Вы здесь живете?

— Да. Вам нравится?

— Тут довольно мило.

— Я военный, и мне чужда роскошь, — ответил Джулио.

Аурелия повернулась и посмотрела не него.

— Мне тоже.

— Я рад. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Насколько мне известно, ваша мать собирается выдать вас замуж?

— Да, она говорила об этом.

— Она не спрашивала вас, за кого бы вы хотели выйти?

— Нет.

— И не спросит. Я прошу у вас прощения, но ваша мать… дурная женщина.

Последующие пять минут Джулио говорил без остановки. О нравах, царящих в салоне Амалии, о душевной слепоте генерала де Сент-Эньяна, о престарелых женихах.

— Это не может быть правдой!

Джулио подошел к Аурелии, взял ее за плечи и впился в ее лицо цепким взглядом своих стальных глаз.

— Неужели мать навещала вас так часто, как вам хотелось?

— Нет.

— Разве по ночам вы не плакали в подушку в холодной келье, думая о том, как вы одиноки?

— Такое случалось.

— У вас были красивые платья?

— Я носила форму пансионерки.

— Тем временем ваша мать обставляла свой салон шикарной мебелью, заказывала туалеты, собирала вокруг себя молодых и богатых бездельников, устраивала вечеринки с музыкой и танцами. Вы молились, а она пела и хохотала, вы поглощали скудную монастырскую пищу и пили простую воду, а она ела спаржу, устрицы, пирожные и вкушала изысканные вина. А теперь она хочет продать вас тому, кто предложит больше денег.

Аурелия беспомощно захлопала глазами, и в мозгу Джулио на мгновение промелькнула мысль о том, не лучше ли ему выбрать девушку, в жилах которой течет кровь, а не вода?

— Что я могу поделать?

— Не подчиняйтесь ей. Выходите за того, кто нравится вам, кто вас по-настоящему любит! — пылко произнес он и мягко добавил: — Я говорю о

себе. Разве в ваших глазах я не привлекательнее полковника Пирля, который годится вам в отцы?

Она покраснела и опустила глаза.

— Я не привыкла говорить с мужчинами о таких вещах. Вы сами знаете ответ.

Джулио рассмеялся. Он представил, как подомнет под себя это девственное тело, и в его жилах закипела кровь.

— Хорошо, когда можно обойтись без слов. Вам не придется ничего делать. Просто слушайтесь меня. Я увезу вас, и мы обвенчаемся.

— Родители меня не простят.

— Вы ошибаетесь, потому что плохо знаете жизнь и людей.

Ему было все равно, любит ли его Аурелия или просто склоняется перед более сильной волей. Главное, чтобы она согласилась.

В конце концов Джулио удалось заморочить ей голову: девушка обещала с ним убежать. Однако прежде ему предстояло встретиться с ее матерью.

Джулио явился на свидание бледный от ярости; его зубы были стиснуты, а глаза тщательно избегали взгляда женщины. Амалия ничего не замечала или делала вид, что не замечает. Она спокойно сняла верхнюю одежду и распустила во-

лосы, которые окутали ее, будто светлое пламя.

— Почему ты не раздеваешься?

— Я неважно себя чувствую.

— Что с тобой? Репетируешь визит к доктору накануне отъезда в Россию?

— У меня в самом деле небольшая лихорадка.

— Ложись в постель, и я мигом тебя вылечу.

Амалия подошла к любовнику и расстегнула его мундир. Джулио понял, что не смеет противиться. Одно слово этой женщины — и вместо легкомысленного Парижа он окажется в жестоких российских снегах.

Джулио решил отомстить ей иначе, выплеснуть свою ненависть иным способом. Он рванул сорочку Амалии, и ткань с резким треском разошлась до самого пояса. В холодных глазах женщины вспыхнул пожар, ее тело бросило в дрожь. Амалия была шальной, горячей и ненасытной, какой — Джулио это чувствовал — никогда не сможет стать ее дочь. И все-таки он ее ненавидел.

Это был чисто плотский, почти механический акт, без малейшего присутствия души и даже страсти. Джулио быстро устал и с нетерпением ждал, когда Амалия попросит пощады, скажет «хватит», но она молчала. До крайности обозленный, он насиловал ее, с каждым движением

становясь все более жестоким и грубым, а она отвечала громкими стонами, до крови царапала его спину и больно впивалась зубами в плечи. Наконец Джулио понял, что выдохся и больше не может продолжать. Он откатился от любовницы и, тяжело дыша, распластался на смятой постели.

— Ты ничего от меня не скрываешь? — вкрадчиво произнесла Амалия. Она вовсе не выглядела оскорбленной или утомленной.

— Что я могу скрывать? — устало прошептал Джулио.

— Возможно, ты решил уехать?

— Куда? Я же сказал, что хочу остаться в Париже.

— Со мной?

— Да, — сказал он, желая завершить разговор и отделаться от нее.

Амалия снисходительно похлопала любовника по плечу, а потом вдруг отвесила ему пощечину.

— За сегодняшнее! Впрочем мне нравится, когда люди проявляют искренние чувства, даже если это презрение или злость.

У Джулио перехватило дыхание. Ответить женщине ударом на удар было ниже его достоинства. К несчастью, никто никогда не говорил

ему, что иногда бывает честнее дать пощечину, чем втайне измываться над чувствами другого человека.

Он решил, что Амалия может что-то подозревать, но откуда? Возможно, стоило повременить с бегством, однако Джулио не мог ждать.

Она больше не приглашала его на вечера, однако он нашел способ отправить к Аурелии посыльного в тот день, когда ее матери не было дома. Нетерпение вынудило его стать красноречивым даже на бумаге, и теперь он ждал девушку в карете возле часовни Сен-Жозеф на улице Монмартра. К тому времени, как Аурелия скользнула в экипаж, он куда больше думал о том, что таким образом раз и навсегда отомстит Амалии, чем о любви к ее дочери.

Аурелия что-то испуганно лепетала. Она сознавала, что совершает нечто неслыханное и запретное, и не совсем понимала, зачем это делает, она вела себя как овца, которую вдруг потащили из стада на крепкой веревке.

Джулио глянул на ее бледное, покрытое веснушками личико, обрамленное вялыми прядями светло-рыжих волос, и подумал о том, не лучше ли было бы взять на содержание гризетку. Это недорого стоит и не дает повода к скандалам. Эти

девушки, наводняющие мастерские белошвеек и портних, привязчивы и милы и не требуют слишком многого.

Однако он и сам был беден, к тому же всецело зависел от генерала Сент-Эньяна и его хитроумной жены.

Кучер тронул лошадей, но не успел экипаж покатиться по улицам, как дверца распахнулась, и Джулио увидел Амалию и генерала.

Амалия выглядела неузнаваемой: гладко причесанная, в темной накидке, сосредоточенная и серьезная. Прежде казавшиеся бесцветными глаза де Сент-Эньяна метали молнии, его челюсть налилась тяжестью и дрожала, а пальцы были стиснуты в кулаки.

— Так я и думала! Неужели ты решил, что сможешь обвести меня вокруг пальца? — с удовлетворением произнесла Амалия. Ее голос звучал спокойно, однако взгляд пылал жаждой мести.

— Что это означает! — воскликнул генерал. — Куда ты вознамерился везти мою дочь!

— Я решил обвенчаться с ней, потому что я ее люблю, — с достоинством произнес Джулио.

Амалия презрительно расхохоталась.

— Ты не способен любить! Что для тебя кра-

сота и добродетель, не подкрепленные звонкой монетой!

Аурелия сжалась и закрыла лицо руками, а после бросилась к матери с мольбой о прощении. Та не стала отталкивать дочь; привлекла к себе и принялась поглаживать ее плечи.

— Ты немедленно отправишься на войну! — закричал генерал и схватил адъютанта за шиворот, намереваясь вытащить его из кареты как щенка, однако тот перехватил его руку и оттолкнул.

Джулио видел, как с треском рушится все, что ему удалось создать и чего удалось добиться за это время, но в этот миг он не мог сожалеть о картонном, пропитанном фальшью мире.

— Делайте со мной, что хотите, мне не будет хуже, чем вам, человеку, который мало что женился на шлюхе, так еще и оказался у нее под каблуком! Разуйте глаза, генерал, все это время я спал с вашей женой!

Амалия негодующе вскрикнула.

— Он лжет, Жиральд, он лжет! Разве я способна связаться с таким ничтожеством!

Услышав это, Джулио закусил удила. Он желал уничтожить эту женщину, втоптать ее в грязь.

— У нее родинка на бедре, похожая на цветок; как думаете, откуда я могу об этом знать?!

Он ожидал, что де Сент-Эньян набросится на него с кулаками, попытается убить, но случилось иное. Все, что любил этот мужчина, ради чего воевал, для чего жил, внезапно утратило значение, перестало существовать. Джулио увидел совершенно пустое выражение лица, лишенные блеска глаза, трагически опущенные уголки губ — посмертную маску на лице живого человека. Генерал Сент-Эньян молча развернулся и пошел прочь, медленно переставляя ноги, так, будто двигался во сне.

Аурелия стояла на мостовой, вся в слезах, пошатываясь, как былинка, Амалия, теперь по-настоящему напуганная, ломала руки, не зная, бежать ли за мужем или оставаться на месте. Однако Джулио знал, что она переживет любое потрясение, как знал, что только что погубил душу человека, который привечал его, как собственного сына.

Каждое утро на рассвете Кармина будила Орландо, после чего они с сыном брали корзину и тележку и отправлялись на рынок за продуктами. Огромное солнце над горизонтом было кроваво-красным. На фоне раскаленного шара и розовых небес силуэты летящих птиц казались вырезанными из черной бумаги.

Орландо бежал с тележкой вприпрыжку; Кармина едва поспевала за ним. Он был еще мал и воспринимал работу, как игру, вместе с тем стал достаточно большим для того, чтобы задавать серьезные вопросы. Например, о том, кто его отец и где он сейчас. Именно тогда Кармина поняла, какую ошибку совершила, пытаясь внушить Винсенте Маркато, что Орландо — его сын. Теперь она не допускала и мысли о том, чтобы этот человек назвался отцом ее мальчика.

Кармина сказала Орландо, что его отец погиб на войне. К несчастью, вдовство и сиротство на Корсике были привычным делом.

Мать и сын нагрузили корзину и тележку рыбой, молоком, сыром, фруктами и зеленью и не спеша шли обратно, как вдруг Кармина заметила женщину, в которой было что-то знакомое. Она шла, словно не видя дороги, за ее спиной болталось ружье, которое, в отличие от ее поношенной, местами дырявой одежды, выглядело совершенно новым.

Кармина оглянулась ей вслед, потом догнала и взяла за рукав.

— Тетушка Беатрис? Я Кармина. Была служанкой в доме Леона Гальяни.

Взгляд Беатрис прояснился.

— Тебя прогнала Сандра?

— Да, — ответила Кармина, опасаясь, как бы Беатрис не сказала что-либо лишнее при Орландо, поспешно добавила: — Это мой сын. Его отец погиб на войне.

Беатрис согласно кивнула, но в ее усмешке мелькнуло понимание.

— Теперь ты живешь в Аяччо?

— Да. А вы? Что привело вас сюда?

— Я не знаю, зачем пришла в этот город. Просто мне надоело жить в доме, который напоминает могилу.

— Несколько лет назад я видела вашу дочь. Она была жива и здорова.

— Мне сказали, Орнелла в Париже. Не знаю, что она там делает. Я сама виновата, потому что прогнала ее из дому, — голос Беатрис звучал устало, равнодушно и вяло.

— А ваш сын?

Взгляд женщина ожил и вновь потух. Она повела плечом, на котором висело ружье, и сухо произнесла:

— Прошло пять лет, но он не вернулся. Значит, его уже нет в живых.

— Иногда люди возвращаются и через двадцать лет.

— В таком случае нас будет разделять целая жизнь, и я никогда не смогу вернуть ему то, чего когда-то не дала.

— Где вы будете жить? — спросила Кармина.

Она сочувствовала этой женщине. Беатрис производила впечатление человека, который совершенно напрасно прожил свою жизнь.

— Я об этом не думала.

— Я превратила дом моего хозяина в гостиницу. Могу дать вам комнату.

— Мне нечем заплатить.

— Я не возьму с вас денег — ведь мы из одной деревни.

Они пошли рядом вдоль берега. Орландо толкал тележку — эту работу он не доверял никому. Женщины не разговаривали — ветер все равно унес бы слова в море, — однако обе чувствовали, что их начинает сближать некое молчаливое понимание. Обе были служанками в доме Гальяни, и обе одинаково пострадали. Только первый ребенок Беатрис умер, тогда как сын Кармины был единственной надеждой ее одинокой жизни.

Очутившись дома, Кармина отправила Орландо играть, а сама принялась разбирать продукты. Беатрис присела возле кухонного стола. Ружье она поставила в угол, так, чтобы иметь возмож-

ность не спускать с него глаз. Кармина вновь пожалела женщину, единственной опорой которой была эта страшная штука.

— Мне нужны помощники, мы с Орландо не справляемся. Я могу оставить вас здесь. Вы умеете готовить? Или, может быть, согласитесь убирать комнаты?

Беатрис не ответила. Она долго сидела молча, о чем-то размышляя, потом сказала:

— Твой мальчик от кого-то из сыновей Гальяни?

Руки Кармины, перебиравшие зелень, взметнулись, как птичьи крылья, и замерли. Она тяжело вздохнула и потупила взор. Перед Беатрис ей не пристало лгать.

— От среднего, Джулио.

— Неудачный выбор.

— Неважно. Прежде я жалела о том, что это случилось, а теперь нет. В Орландо вся моя жизнь.

— Он не знает правды об отце?

Кармина мотнула головой, смахнув с лица непокорную прядь. В иные моменты жизни она не собиралась себя щадить.

— Я не могу ему сказать. Он дитя не любви, а разврата.

Беатрис посмотрела не нее неожиданно мягким

взглядом, и в ее голосе прозвучали непривычные нотки понимания и сочувствия:

— Не бери в голову. Что сделано человеком, то дозволено Богом. На свете существует много людей, чьи родители провели вместе всего одну ночь, и которые никогда не знали даже имени того, от кого были зачаты. Возможно, когда-нибудь ты выйдешь замуж, и у мальчика появится отец.

Кармина покачала головой.

— Едва ли я смогу найти себе мужа. Слишком многое придется объяснять.

— Если мужчина будет тебя любить, объяснять ничего не придется, — твердо произнесла Беатрис.

— Так было с вами?

— Да, со мной и с Симоне.

— Правда, что его убил Леон Гальяни? — решилась спросить Кармина.

— Леон Гальяни тут ни при чем. Все, что я потеряла, я потеряла по своей вине.

Прошло несколько недель. От Беатрис не было никакого толку. Она ничем не занималась, только ела, спала, бродила по берегу и иногда разговаривала с Карминой. Последняя, случалось, думала, не нанесет ли присутствие Беатрис, человека, для которого, по-видимому, не существовало преград

в виде уважения к кому-либо или страха перед чем бы то ни было, урон репутации гостиницы. Здесь останавливалось много приезжих с материка, которым мог не понравиться вид неопрятной угрюмой женщины с настороженным взглядом. И все же Кармина не могла выгнать Беатрис или хотя бы намекнуть на то, что пора освободить комнату.

Под вечер Кармина обыкновенно чувствовала себя смертельно уставшей и все же не сразу ложилась спать. Случалось, она стояла возле окна, смотрела на горизонт и размышляла о разных вещах. Например, о ветре. О том, что людям, живущим на острове, всегда приходится бороться с ним, хотят они этого или нет. О море, которое обладает свойством смывать и уносить печали и без конца напоминает человеку о вечном движении. А еще о том, как причудливо устроен белый свет, где даже капля воды или песчинка способна превратиться в целый мир. У Кармины впервые появились мысли о том, что и она сама кое-что значит в этой жизни.

Об этом свидетельствовали не столько щедрые чаевые, сколько улыбки постояльцев и их похвалы. Уважение для нее значило больше, чем глоток воды для мучимого жаждой путника.

Кармина собиралась задернуть занавески, как вдруг заметила человека, вид которого поверг ее в дрожь, хотя он имел полное право войти в этот дом и сделать все, что заблагорассудится.

Винсенте Маркато так давно не появлялся в Аяччо, что порой Кармина забывала о том, что он вообще существует!

Она охотно показала бы ему хозяйственные книги, рассказала о том, кто живет в комнатах. Она была не готова к другому: обнажить перед ним душу и тело, лечь с ним в постель и в очередной раз солгать, что Орландо — его сын.

Кармина задрожала, словно от холода, и набросила на плечи шаль. Она спустилась по лестнице с лампой в руках. Винсенте стоял на пороге и смотрел на нее снизу вверх. В его облике по-прежнему угадывалось что-то хищное — жесткая складка вокруг губ, красноватые прожилки в глазах. Он был все также щеголевато одет: суконный фрак шоколадного цвета со стальными пуговицами, модного полувоенного покроя белый пикейный жилет, серебряная булавка в галстуке, светлые панталоны, высокие сапоги для верховой езды.

— Забавно, — произнес он вместо приветствия, — я услыхал о твоих успехах прежде, чем ступил на берег. Вижу, ты не теряла времени

даром и заработала для меня немало денег!

Только теперь Кармина поняла, почему изменила обстановку комнат. Она желала перечеркнуть прежнюю жизнь, избавиться от былых ошибок, хотела сделать то, что не дозволено никому.

Они поднялись наверх. Кармина принялась рассказывать о гостинице, говорила сбивчиво, быстро, стараясь не замечать иронии в усмешке хозяина и похоти в его взгляде.

— Ты поменяла обстановку. А где прежняя мебель?

— Стоит в сарае. Я попросила обернуть ее мешковиной — думаю, ничего не испортилось и не пропало.

— Я рад, что моя гостиница приносит доход.

Винсенте произнес это так, словно он, а не она целыми днями носился по лестницам, варил, подметал, перестилал постели. Словно безраздельно владел не только этим домом, но и самой Карминой.

— Вы сможете забрать деньги, — сказала она.

— Я человек не жадный. Оставь сколько нужно для своего парня. Мой он или не мой — других мне пока что никто не родил.

— Как поживает госпожа Бьянка?

— Отлично. В Тулоне пригодилось все, чему я

ее научил, на что потратил деньги: умение одеваться, музицировать, говорить по-французски. Я заставил ее открыть модный салон на столичный манер, и там познакомился со многим влиятельными людьми. Красота моей жены служит огнем, на который они слетаются, как мотыльки.

Кармина позвала хозяина вниз, сказав, что подаст ему ужин. В этот поздний час в большой комнате с длинным столом и скамьями, которая служила столовой, никого не было. Молодой женщине хотелось поскорее покинуть тесную комнатку, где она не смогла бы ни вырваться из рук Винсенте, ни убежать.

Они спустились на первый этаж. Кармина поставила лампу на стол и пошла за едой. Над морем догорал закат. Стены помещения казались кроваво-красными, словно измазанными кровью. На этом фоне черная тень, отбрасываемая фигурой Винсенте, выглядела особенно зловеще.

— Вы приехали, чтобы узнать, как идут дела? — спросила Кармина, присаживаясь к столу и глядя на то, как он ест. Ей было необходимо выяснить главное.

— Да, я приехал, чтобы узнать, все ли здесь в порядке, а заодно навестить тебя. Я соскучился по твоему телу.

Кармина старалась, чтобы голос не дрожал:

— Простите, синьор, я не могу. Я выдаю себя за вдову, и люди мне верят. Я хочу жить как порядочная женщина.

Винсенте расхохотался.

— Ты можешь выдавать себя за кого угодно: уговор остается уговором. Вспомни, что я сказал, беря тебя в дом: твоя основная обязанность — делить со мной постель.

— Я не хочу, и я… не буду с вами спать.

Во взгляде мужчины появилась угроза. Он резко отодвинул тарелки и произнес:

— Что ты сказала?

Внезапно Кармина ощутила жажду сопротивления, такую сильную, что у нее потемнело в глазах. Это был тот случай, когда желание оказывается сильнее человека, сильнее страха и всех доводов разума.

— Вы слышали. Я не принадлежу ни вам, ни кому-то другому.

Мужчина поднялся с места.

— Что ты о себе возомнила? Ты — трава, а я корова, которая питается этой травой! Я возьму тебя прямо здесь, на этом столе, за которым завтракают твои постояльцы.

Когда Винсенте схватил Кармину за лиф пла-

тья, она поняла, что он изобьет ее и изнасилует, как избивал и насиловал Бьянку, а если она продолжит сопротивляться, выгонит из дома вместе с Орландо.

— Сюда могут войти!

— Пусть войдут и увидят, что ты обыкновенная шлюха!

Он попытался ее повалить, но она не давалась. Гнев и отчаяние удвоили ее силы.

— Я позову на помощь! — крикнула Кармина.

В лице Винсенте что-то дрогнуло. Он наотмашь ударил женщину по лицу, а после сказал:

— Убирайся отсюда! Сейчас, ночью, вместе с мальчишкой! Я всегда знал, что он не мой сын, что ты нагуляла его прежде, чем прибыла в Аяччо!

Кармина схватилась рукой за щеку. Она стиснула зубы, в ее взгляде по-прежнему пылали непокорность и гнев.

— Может, ты сам уберешься?

Винсенте и Кармина не сразу поняли, кто произнес эту фразу. Обернувшись, они увидели Беатрис, которая стояла с ружьем в руках. Дуло этого ружья, всегда пугавшего Кармину и служившего предметом тайного восхищения Орландо, смотрело прямо в лицо мужчины.

— А ты кто такая?!

— Меня зовут Беатрис Санто. Мне нечего терять. Я не боюсь ни Божьего, ни людского суда. Мне ничего не стоит спуститься прямо в Преисподнюю. И я могу захватить с собой тебя. И получу от этого большое удовольствие, — ответила она и улыбнулась тому, что должно было произойти, улыбкой, от которой леденело сердце.

Винсенте мигом оценил ситуацию. Выразительность взгляда Беатрис в сочетании со спокойной уверенностью движений и явным умением обращаться с оружием сказали ему все.

— Я уйду, — процедил он сквозь зубы, — но вернусь и приведу с собой жандармов. Это мой дом.

Беатрис согласно кивнула и махнула ружьем в сторону двери. Винсенте попятился, не сводя глаз с оружия, потом открыл дверь, спустился с крыльца и исчез.

Через некоторое время женщины вышли во двор. Кармина все еще не могла прийти в себя, она судорожно вдыхала вечерний воздух, в котором благоухание растущих в саду цветов смешалось с острым запахом моря.

— А если он вправду вернется и приведет с собой жандармов?!

— Если он и придет, то нескоро. Такие люди охотятся лишь на слабую добычу, да еще на ту,

которую можно застать врасплох. А я никого не боюсь, и мое ружье всегда заряжено.

— Ты останешься со мной, тетушка Беатрис? — с надеждой прошептала Кармина.

— Останусь. А теперь пошли спать, ведь назавтра тебе предстоит много дел, — ответила та и положила на плечо Кармины свою твердую руку.

Глава 3

Зима 1812 года застала Джулио Гальяни в российских снегах, о которых французы говорили с таким ужасом. Сражение под Бородином и взятие Москвы осталось позади. Обескровленная потерями французская армия силилась покинуть негостеприимную страну.

Джулио брел по заснеженной дороге в составе небольшого отряда, ни с кем не разговаривая, ни на кого не глядя. Если он и питал какие-то иллюзии по поводу воинского братства, они окончательно развеялись во время недавней переправы через Березину, когда более сильные пробивались вперед, отталкивая слабых, ступали по трупам и телам умирающих, думая только о том, как спасти собственную жизнь. Сотни несчастных нашли смерть в ледяной воде, угодили в бушующую стремнину, и их унесла река.

Джулио был молодым, здоровым и сильным, ему удалось прорваться к мосту сквозь толпу людей, сбившихся в кучу на небольшом пространстве, и очутиться на другом берегу.

Впереди его поджидали другие несчастья. Хотя прежде чем натянуть сапоги, Джулио обматывал

ноги несколькими слоями тряпок, а поверх мундира надевал шинель, это не спасало от холода.

Лошадей не было: одни пали, других съели. На фоне белого снега французские солдаты были видны как на ладони; они смертельно боялись казаков и партизан, которые не щадили никого. Опасность оказаться в русском плену или быть убитым внушала одинаковый ужас.

Когда повалил снег, им пришлось пробиваться, словно через завесу, пелену, которая колебалась и кружилась перед глазами. Снежинки кололи и леденили кожу, слой за слоем ложились на одежду и засыпали дорогу. По обочинам маячили тонкие кусты, а вдали высились украшенные белоснежными шапками сосны.

В небе кружилось множество ворон, их резкие крики казались воплями ликования: никогда еще у них не было столько пищи.

Джулио еще не приходилось видеть таких просторов, такой бесконечной страны! Окинув взглядом понурых, сгорбленных, грязных, тащившихся усталым шагом людей, он содрогнулся. Некоторые из них опускались в снег, намереваясь немного передохнуть, и больше уже не вставали. Джулио ни разу не пришло в голову подать кому-то руку или подставить плечо.

Он очутился в России, потому что генерал де Сент-Эньян вышвырнул его из своей жизни, а еще потому, что он захотел слишком многого. Теперь у него осталась только одна цель — выжить.

Джулио закрыл глаза и шел, машинально передвигая ноги, когда рядом прозвучал испуганный крик:

— Партизаны!

Да, это были партизаны, они выскочили из леса и устремились к горстке французов.

Никто не думал сопротивляться, все бросились врассыпную. Русские мужики с радостным гиканьем, словно это была забава, настигали солдат и убивали их. У одного из партизан было ружье, другой держал в руках топор, еще у одного Джулио заметил лопату.

Неподалеку виднелся бугор, похожий на большую могилу, — занесенный снегом труп лошади. Джулио метнулся к нему, одним прыжком перемахнул на другую сторону, упал в снег и затаился.

Слушая вопли и стоны, он молился о том, чтобы его не заметили, но ему не повезло: рядом очутился тот самый партизан с лопатой, молодой парень, не старше Джулио. На его лице блеснула торжествующая улыбка, и он занес свое орудие,

намереваясь обрушить его на голову врага.

Джулио бросился бежать, и лезвие лопаты угодило по ноге, чуть ниже колена. Он взвыл от дикой боли, в глазах потемнело, во рту появился привкус крови из прокушенного языка. Он упал на спину и смотрел на парня, как смотрел бы в лицо самой смерти. Партизан ухмыльнулся, занес лопату, но потом опустил и пошел прочь, не потому, что захотел пощадить врага, а потому что решил: будет лучше, если тот умрет не сразу, а в жестоких мучениях.

Некоторое время Джулио слышал, как партизаны переговариваются на незнакомом языке, потом все стихло.

Он с трудом заставил себя сесть. Кругом валялись тела убитых французов. Стоная от невыносимой боли, Джулио стянул сапог и размотал мокрые тряпки. Из раны хлестала кровь, и сама рана выглядела ужасно: рваная плоть, рассеченная до кости.

Пытаясь остановить кровотечение, он, как сумел, сделал перевязку. Джулио не мог наступать на раненую ногу, ему была нужна какая-то опора. Он кое-как дополз до леса и принялся пилить ножом тоненькие деревца, намереваясь соорудить некое подобие костылей. Ему удалось это

сделать, однако он потерял перчатки, и его руки заледенели так, что он перестал их чувствовать.

Джулио ковылял по дороге, и за ним тянулся кровавый след. Снег продолжал падать: он появлялся из пустоты и исчезал в пустоте, которой не было конца. Казалось, кто-то наверху крутит и крутит мельницу, из жерновов которой все сыплется и сыплется мука. Небеса над головой были такими низкими, что казалось, их можно коснуться рукой.

Вскоре Джулио почувствовал, что лицо горит: у него начался жар. Нагнувшись, он со второй или третьей попытки зачерпнул снег онемевшими пальцами, приложил ко лбу и щекам и положил в рот.

Дорога вилась рядом с лесом; с ветвей свисала белоснежная бахрома, и это напомнило Джулио цветущие яблони в садах Лонтано, где ему, скорее всего, больше не доведется побывать. Приближалась ночь, и оставалось все меньше надежды на то, что он встретит помощь.

Наконец Джулио понял, что больше не может идти, что ему необходимо отдохнуть. Догадывался он и о том, что эта передышка будет стоить ему жизни.

Он опустился в снег. Тот был очень холодным,

но теперь, когда тело пылало от жара, это казалось даже приятным. Сначала Джулио сидел, потом лег, удобно устроившись и чувствуя, как из раненой ноги уходит боль, а из отчаявшейся души — страх.

Вскоре ему стало очень уютно и спокойно, и он был уже не против уснуть в объятиях смерти, как уснул бы на мягкой перине под теплым одеялом. Не все ли равно, что будет потом; главное, нынешние мучения останутся позади! В этом смысле смерть была не так уж плоха и совсем не жестока. Его сердце охладело, чувства погасли, и только мысли струились легким потоком, застывая на границе Вечности, похожей на бесконечный белый саван. Джулио погрузился в предсмертный сон и уже не мог отличить видения от реальности.

Ему снилось детство, вспоминалось, как он угнал лодку и усадил туда младших детей, Данте и двух соседских мальчишек. Они не заметили, как суденышко стало уносить в открытое море; Джулио потерял весла, и малыши ревели от страха. Неизвестно, чем бы все закончилось, если б не Дино, который отвязал отцовскую лодку и сумел их догнать. Джулио был до смерти перепуган, но когда они предстали перед отцом, старший брат

взял вину на себя: Дино был мастер совершать смелые и благородные поступки.

А еще он обладал редким талантом портить людям приятные моменты жизни. Однажды Леона и Сандру пригласили на свадьбу в Аяччо. Джулио (тогда ему было лет четырнадцать) предвкушал полные свободы и безделья дни, но не тут-то было: шестнадцатилетний Дино, оставшийся в доме за хозяина, будил их с Данте на рассвете твердой рукой и заставлял приниматься за дела. Вот и сейчас он бесцеремонно тряс Джулио за плечо.

— Просыпайся, братишка!

— Все кончено, он замерз, — произнес другой человек, и в следующую секунду Джулио открыл глаза.

Тепло ушло; в лицо дул резкий, пронизывающий ветер со снегом, холод проникал, казалось, до самых костей. Вместе с тем голова пылала, в раненой ноге стучала кровь, а пальцы на руках болели так, словно под ногти были загнаны иглы.

Джулио смотрел на человека, удивительно похожего на Дино, но не мог вымолвить ни слова, потому что от холода у него стучали зубы, а еще потому, что в бредовой горячке он вдруг позабыл все слова. Дино вынул большую флягу и

приложил к губам брата. Джулио через силу сделал глоток — по жилам разлился огонь, и стало немного легче.

— Давайте в сани, — распорядился Дино. Он стянул с ладоней меховые рукавицы и надел их на руки Джулио. Тот облегченно смежил веки. Все было, как в детстве: если Дино взял на себя ответственность за происходящее, о дальнейшем можно не беспокоиться.

Мужчины с трудом оторвали Джулио от земли — окровавленная нога вмерзла в снег — и уложили под овчины. Там лежали и другие раненые, а те, кто мог идти, шли рядом и позади повозки.

— Надеюсь, к утру мы сможем добраться до полевого госпиталя, — сказал Дино.

Он тоже участвовал в переправе через Березину и так же, как и Джулио, стал свидетелем того, как перед лицом смерти многие люди лишались остатков человечности. Дино видел императора, проскакавшего по мосту верхом на коне, императора, который удостоил его офицерского звания в награду за справедливость и храбрость и за которого он был готов сложить голову. Однако Дино был способен умереть и за солдат, которыми ему пришлось командовать, а потому стоял вместе с ними по грудь в ледяной воде и вколачивал сваи

в дно, крепил бревна, сооружая новый мост. Он не утонул и не заболел; очутившись на другом берегу, собрал остатки своего отряда и повел сквозь снега.

На обледеневшей равнине было так тихо, что им не верилось в то, что война продолжается. Дино с горечью думал о том, что от великолепно обученной удачливой армии, совершавшей стремительные марш-броски, поражавшей мир обилием завоеванных земель, останется лес крестов. И считал своим долгом сделать так, чтобы этих крестов было как можно меньше.

Стараясь согреться, солдаты разводили костры, снимали одежду с трупов французов и русских и закутывались до самых глаз. Однажды Дино удалось поймать лошадь, и он не позволил убить ее и съесть. Потом они нашли съехавшие в реку и вмерзшие в лед сани, вытащили их, починили, соорудили упряжь, и теперь лошадь везла раненых, которых они беспрестанно подбирали по дороге.

Джулио очнулся на следующий день. Солнце слепило глаза, небо было высокими и синим, белоснежная земля искрилась и сверкала, однако лицо Дино выглядело озабоченным и хмурым. Он видел сотни смертей, видел солдат, больше

напоминающих банду разбойников или толпу дикарей, чем воинов армии великого Наполеона, солдат с длинными спутанными бородами, дико горящими воспаленными глазами и трясущимися руками, которыми они разрывали недожаренную конину. Дино смог пережить все это, но когда он нашел в снегу умирающего Джулио, своего родного брата, это подкосило его душевные силы.

Один из солдат, прежде служивший санитаром в госпитале, сказал, что у Джулио началась гангрена и что его уже не спасти.

— Нога сильно распухла, да и дух от нее такой, что не дает обмануться, — заметил он.

И все же Дино не терял надежды.

К полудню им удалось добраться до небольшого городка, где разместился походный госпиталь. На улице сушилось обледеневшее белье. В котлах, под которыми горели костры, варилась еда: Дино уловил ставший привычным запах конины. Но свою лошадь он отдавать не собирался.

— Если б не это животное, многие из наших товарищей остались бы в снегах. Надо уметь быть благодарными: и Богу, и людям, и бессловесным тварям, — веско произнес он, когда один из солдат предложил прикончить лошадь.

Прошел слух, что в госпиталь приехал Доминик Ларрей[12], человек-легенда, знаменитый хирург наполеоновской армии. Он осмотрит раненых и, может быть, примет участие в нескольких, наиболее сложных операциях.

Состояние Джулио внушало Дино смертельную тревогу: брат то находился без сознания, то бредил, а когда на короткое время приходил в себя, то не мог сдержать стонов.

Доминик Ларрей в самом деле находился в госпитале. Он делал обход в помещениях, где разместили самых тяжелых раненых. Джулио лежал среди них, на брошенном на пол матрасе; Дино неотлучно находился рядом, ожидая, когда врачи окажут помощь его брату.

Увидев Ларрея, который шел по узкому проходу в сопровождении группы молодых хирургов, Дино выпрямился и с надеждой смотрел в лицо человека, которого в армии называли Спасителем и лучшим другом солдат. Его почти всегда можно было отыскать среди раненых. Говорили, будто Ларрей ни перед кем не преклоняется и что к его мнению прислушивается сам император.

— Гнойная рана, перелом, большая потеря кро-

---

[12] Примечания: 12

Ларрей Доминик Жан (1766–1842), французский хирург, один из основоположников военно-полевой хирургии.

ви, обморожения, — доложил санитар, поднимая одеяло, которым был укрыт Джулио.

Ларрей быстро осмотрел раненого.

— Левую ногу ампутировать, тут не о чем говорить. Два или три пальца на каждой руке тоже придется отнять. Готовьте его к операции.

Стоявшего рядом Дино трясло, как в лихорадке.

— Нельзя ли избежать этого, доктор? Он слишком молод для того, чтобы становиться калекой, — осмелился сказать он.

Санитар что-то шепнул Ларрею, и тот внимательно посмотрел на Дино.

— Кто он вам? Я слышал, вы привезли в госпиталь много раненых, но больше всего вас волнует судьба этого юноши.

— Это мой младший брат. Его зовут Джулио. Мы с Корсики.

Суровый взгляд доктора потеплел.

— Он слишком молод для того, чтобы лежать в могиле, потому нам все же придется сделать то единственное, что поможет его спасти, — мягко произнес он.

— У вас есть опиум?

Ларрей вздохнул.

— Я уже забыл, что это такое. Пакля вместо кор-

пии, бумага вместо постельного белья, а вместо бинтов — исподнее наших хирургов.

— У меня есть водка, — сказал Дино.

— Давайте.

— У меня к вам просьба, доктор, — промолвил Дино, протягивая Ларрею флягу, — вы сможете сделать это быстро?

— Я постараюсь. Дадим стакан водки, привяжем руки. Будем оперировать вдвоем: я и мой коллега. Надеюсь, сердце вашего брата выдержит.

«И разум тоже», — подумал Дино.

Он хотел присутствовать на операции, но ему велели уйти. Возможно, Ларрей решил пожалеть и его сердце.

Дино вышел во двор и заговорил с лошадью, обняв ее за шею и прильнув к ней всем телом. Лошадь была русская, она не понимала ни по-французски, ни по-итальянски. И все-таки Дино казалось, что животное догадывается, о чем он думает и что он чувствует.

Дино вспоминал об Орнелле. Она по-прежнему считалась его женой, он высылал ей деньги, но они не виделись. Он получал от нее письма, но не отвечал на них. Он был глубоко оскорблен тем, что Орнелла, которую он полюбил за естественность и безыскусность, променяла простоту и

искренность на мир, где властвовали притворство и мишура.

Однако теперь, после всего, что ему довелось повидать, Дино понял, почему она, в жизни которой до определенного момента не было не только ничего придуманного, но и красивого, захотела служить прекрасному, пожелала изведать волшебство.

Отныне дорога жизни уже не казалась ему легкой и бесконечной, он скупо отмерял часы, когда еще мог что-то сделать, спасти чью-то душу, сохранить крупицы любви и счастья. В те минуты, когда Дино стоял в обнимку с лошадью, он решил, что если Господь сохранит ему жизнь, он вернется в Париж, отыщет Орнеллу и попросит у нее прощения.

Из госпиталя доносились душераздирающие крики. Это мог кричать не только Джулио, а и другие люди: в эти страшные дни в госпитали привозили десятки раненых и обмороженных, и хирурги работали не покладая рук.

Когда Ларрей сообщил, что операция прошла быстро и успешно, Дино облегченно вздохнул, хотя прекрасно понимал, что радоваться рано: зачастую раненые умирали позже, от осложнений. Доктора сказали, что Джулио почти сразу потерял

сознание и ничего не чувствовал, и теперь Дино решил непременно дождаться момента, когда брат придет в себя.

Он разделил трапезу с санитарами, подкрепившись супом с кониной и гнилыми овощами, переночевал на набитом соломой матрасе в тесной комнатке, где углы были затянуты паутиной, а окна не мылись сто лет, а утром его позвали в палату.

Лицо Джулио посерело от боли, глаза были воспаленными, мутными, и все же он вполне осознанно смотрел на старшего брата, а в глубине его зрачков затаилась неистребимая ненависть.

Голос был надтреснутым, слабым, он не мог передать того, чем был полон взгляд:

— Зачем… ты… меня… подобрал!

Дино устал считать моменты, когда Джулио смотрел на него с ненавистью. Впрочем, сейчас он его понимал, понимал, потому что не мог взять на себя хотя бы малую толику боли Джулио, в одночасье превратившегося из здорового, полного сил парня в беспомощного калеку.

— Разве ты хотел умереть?

— Не… хотел. Но теперь… хочу.

— Доктор Ларрей обещал при первой же возможности отправить тебя в Париж. Там о тебе

позаботятся. Потом я тебя разыщу. Поедем на Корсику, к отцу и матери. Они будут рады. Навестим Бьянку, теперь она живет в Тулоне. Правда, я не знаю адреса, но думаю, нам удастся ее найти. Отец пишет, что Данте женился. Представляешь? Наш младший братишка тоже стал взрослым!

— Найди… опиум, — прошептал Джулио, — или… убей!

Дино понял, что сейчас брат не может думать и говорить ни о чем, кроме собственной боли. Едва ли Джулио осознал до конца, что его левая нога отрезана по колено, на левой руке не хватает трех пальцев, а на правой — двух. Телесные страдания пересилили душевные; последние нахлынут потом, а сейчас было бесполезно говорить о том, что человек может быть стойким перед роковой неотвратимостью и любить жизнь, даже будучи искалеченным ею.

Он не знал, где достать опиум, если его не было даже у Ларрея, и Джулио стонал и метался, вцепившись зубами в одеяло.

Дино оставил брата лежащим без сознания, оставил, не надеясь на то, что тот выживет: потрясения были слишком велики, а сил оставалось мало. Горячка не прекращалась, вдобавок начался изнуряющий кашель, и Джулио таял с каждой

минутой. Но дольше Дино не мог ждать: война продолжалась, а он оставался солдатом.

Дино очутился в Париже через два месяца, с трудом добившись короткого отпуска. Дорога заняла много времени: по самым смелым подсчетам он мог позволить себе пробыть в столице всего лишь день. Наполеон собирался отправить вновь созданное войско в Пруссию, на передовую линию: молодые, плохо обученные солдаты нуждались в опытных командирах, к числу которых к тому времени принадлежал и Дино Гальяни.

Большинство его товарищей погибло, и он как никогда страдал от одиночества. Ему было не с кем поделиться своими мыслями, нечем укрепить веру в будущее. Даже лошадь Дино был вынужден оставить на границе, у русских крестьян, предварительно уверившись в том, что они не пустят конягу на мясо.

Небо над Парижем было по-весеннему ярким, улицы полны народа. Женщины надели яркие платья и новые шляпки, кое-кто украсил себя цветами.

Люди радовались тому, что зима прошла, они жили в ожидании чего-то необыкновенного, и Дино задавал себе вопрос: знают ли они о войне, о том, что за последний год французы потеряли

более ста тысяч человек, не считая взятых в плен и пропавших без вести!

Он шел мимо булочных и кофеен, тоскуя по домашнему уюту, милым сердцу запахам, мелким радостям быта, которых был лишен много лет. Иногда Дино казалось, что он не помнит лица матери, а иногда… и Орнеллы.

Он подошел к Лувуа и принялся разглядывать афиши. Их было много; как правило, театральные афиши пестрели яркими красками, и их приклеивали выше всего. Сердце Дино замерло, когда он прочитал на одной из них: «Ф. Лесюэр[13]. «Пещера, или Раскаяние». Главные партии в исполнении Алессии Бачелли, Эмилио Масканьи, Огюста Демаре, Орнеллы Гальяни».

Спектакль шел сегодня, более того — он вот-вот должен был начаться. Дино купил билет и вошел в зал. Он чувствовал себя неловко в своей шинели среди нарядной публики. Ему казалось, что от него пахнет гарью и порохом, одиночеством и смертью.

Он не думал, что его заинтересует опера, он

---

[13] Примечания: 13

Лесюэр Жан Франсуа (1760–1837), французский композитор, дирижер, педагог. Создатель «оперы спасения», образцом которой являлась «Пещера» (1793), написанная на сюжет эпизода популярного романа Р. Лесажа «Жиль Блас».

ждал лишь выхода Орнеллы и удивился, насколько сильно его увлекло то, что разыгрывалось на сцене.

Мрачная обстановка логова разбойников напомнила Дино родные края, а накал чувств — страсти, бушевавшие в сердцах соотечественников.

Появилась Орнелла, и Дино замер. Когда она запела, ему почудилось, что некогда тихо звенящий ручеек превратился в полноводную реку, а крохотная жизнь стала весомой частью Вселенной. Сейчас она пела не только для него; ей, не дыша, внимал целый зал.

Глядя на Орнеллу, он думал, что именно в этом и заключается настоящий корсиканский характер: добиться своего, не обладая ни нужным происхождением, ни деньгами, ни связями, никого и ничего не предавая, не имея четко выверенного пути, а лишь следуя за своей звездой, добиться только потому, что ты очень этого хочешь. Перед такими людьми судьба отпирает невидимые двери, закрытые для всех остальных.

Улыбка Дино погасла, едва он подумал, что оставил Орнеллу одну в этой, только с виду прекрасной, а на самом деле жестокой жизни, и что ей вполне мог помочь кто-то другой.

Он с трудом дождался конца представления и поспешил за кулисы. Не без труда нашел крохотную каморку, служившую Орнелле гримерной, и толкнул дверь.

— Это ты, Мадлена? Входи.

— Это Дино, — промолвил он, переступая порог.

Орнелла стремительно обернулась. Ее глаза казались большими черными точками, нарисованными на белом полотне лица. Она с трудом сложила губы в улыбку.

— Ты…

— Я, — сказал Дино и раскрыл объятия.

Он сразу понял, что ей никто не помогал, что она все вынесла сама, на своих плечах, в своем сердце — в том числе и ту пытку оскорбительным равнодушием, которой он подвергал ее последние четыре года.

Последовало несколько молчаливых, шатких, мучительных и счастливых мгновений, когда они соединяли взгляды, улыбки, души, вновь становились единым целым.

— Прости, — прошептал Дино, — я был неправ.

Глаза Орнеллы были полны слез, она дышала жадно, глубоко, словно готовилась к погружению или напротив — только что выбралась из

пучины.

— Это я была неправа. Если хочешь, я больше никогда сюда не вернусь. Я согласна на все, лишь бы снова тебя не терять!

— Нет. Ты останешься здесь. И не только потому, что я снова должен уехать, а потому что я все видел, а главное — слышал. Человек должен быть там, где находится его сердце. «Орудие души» — такие слова знают только корсиканцы. Ты всегда чувствовала, что это значит, а теперь понимаю и я. Твой голос не только орудие души, это орудие Господа Бога, и не мне им распоряжаться. Это все равно, что приказать птице не петь.

Ее улыбка потускнела.

— Ты уезжаешь? Когда?

Дино не удержался от вздоха.

— Сейчас.

— Сейчас?! Почему?! Ты был на спектакле? Надо было прийти ко мне до начала оперы, я бы не стала петь! Мы поехали бы на квартиру, где я живу, и провели вместе хотя бы пару часов! Дино, не уезжай! Мы давали концерты для раненых, я видела, что делает с людьми эта война! Я содрогалась, когда слышала, сколько солдат погибло! А если… если ты не вернешься?!

Орнелла вцепилась в его шинель. Дино покрыл

поцелуями ее руки, а потом приложил палец к губам и покачал головой.

— Вернусь, — тихо промолвил он, с нежной настойчивостью глядя в лицо Орнеллы. Ее черты изменило время, переживания, а сейчас — еще и сценический грим, который она не успела снять. И все-таки это была она, его неповторимая, верная красавица-жена. — У нас еще будет время. Императору как никогда нужны солдаты, и не только потому, что погибли тысячи и армия обескровлена. Ты знаешь, что происходит, когда слабеет не только тело, а и дух. Я безумно соскучился по семейному уюту и прекрасно помню, что у нас с тобой, хотя мы женаты шесть лет, еще не было общего дома. Пока император ведет своих солдат вперед, я буду служить ему верой и правдой, но если его заставят сложить оружие, немедля уйду в отставку.

— Такое возможно?

Дино долго молчал, потом обронил:

— Не знаю. Многие считают, что цена нашей славы слишком высока.

Орнелла задумалась. Несколько лет назад Лесюэр написал оперу «Барды», в которой прославлял Бонапарта. Опера имела большой официальный успех, однако публика встретила ее прохладно: с

каждым разом народу в зале было все меньше, и зрители почти не хлопали артистам.

— Расскажи о войне. Что было в России? — спросила Орнелла.

— О войне я говорить не буду. Остался жив, и довольно, — твердо произнес Дино. Потом сказал: — У меня к тебе просьба, Орнелла. Попытайся найти Джулио.

— Джулио? Где и зачем?

Дино коротко, стараясь сдержать эмоции, рассказал о том, что произошло, и добавил:

— Я не знаю, где он. Мне не удалось его отыскать, у меня было мало времени, а в Париже много госпиталей. Я не обнаружил его в списках убитых, хотя это не дает полной уверенности в том, что Джулио жив. В полевом госпитале я назвал его имя, но там была такая неразбериха…

— Не могу поверить! Неужели Джулио стал инвалидом?!

Густо накрашенные ресницы Орнеллы затрепетали, она сжала руки, но несмотря на уже ставшие привычными театральные жесты, Дино видел, что она искренне потрясена случившимся.

— Да. И я очень переживаю за него.

— Я попытаюсь его найти.

— Что в театре? — спросил Дино, стараясь от-

влечься от горьких мыслей об участи брата.

— Скоро я начну репетировать «Медею»[14]. Это будет моя первая главная роль. Дюверне верит в меня.

Орнелла не стала рассказывать мужу о закулисных интригах, о том, что оперные знаменитости посчитали ее безродной выскочкой и окружили кольцом ненависти. Ей было не впервой выживать в одиночку, и все-таки иногда плата за осуществление заветной мечты казалась Орнелле слишком жестокой. Она вновь вызывала чью-то злобу, не причиняя никому зла, ее опять вынуждали бороться, давать отпор, и ей не хотелось верить, что именно в этом и заключается основной закон человеческой жизни.

Кто-то открыл дверь гримерной и тут же закрыл, увидев, как яркие шелка Орнеллы слились с серой шинелью Дино. Прощальный поцелуй был долгим, он позволил им вновь почувствовать, что значит вместе улетать на небеса. Через несколько минут Дино ушел, вобрав в себя родной и теплый звук ее голоса, прошептавшего слова любви, а Орнелла осталась в одиночестве, с осознанием того, что эти волшебные мгновения

---

[14] Примечания: 14
Опера Л. Керубини, написана в 1797 г.

— всего лишь небольшая передышка в бесконечном ожидании и неумолимом течении времени.

Глава 4

Стояла весна, за окном потеплело, но в большом каменном здании было холодно. За месяц, проведенный в госпитале, Джулио успел изучить все трещины на стенах и потолке и переругаться со всеми соседями. Он одинаково ненавидел как тех, кто ему сочувствовал, так и тех, кто пытался его задеть. Он позволял ухаживать за собой только мадам Брио, великодушной женщине, которой удавалось терпеть его злобные выпады. Когда ее муж и трое сыновей записались в армию, она совершенно бескорыстно пошла служить в госпиталь, где неустанно возилась с самыми тяжелыми ранеными.

За окном сияло утро, город начинал жить заново, и, казалось, все — даже мокрая земля во дворе, посеревшие скамейки, облезлые стены — источало свет. Рядом с кроватью Джулио стояли новенькие костыли, но он подчеркнуто не обращал на них внимания. Наверное, он мог бы подняться с постели, опереться на них, проковылять во двор, опуститься на скамейку и погреться на солнышке, но не хотел этого делать. Лежать он уже привык, а переход в новое состояние тре-

бовал слишком много усилий.

Джулио презрительно усмехался, когда слышал, как доктора говорили, что он победил гангрену, горячку, пневмонию и бог весть что еще. На самом деле это сделал его молодой, сильный, выносливый организм; сам Джулио был тут совершенно ни при чем.

Он ненавидел свое ослабевшее тело, беспомощную культю, руки без пальцев, ненавидел Дино, который его спас, он ненавидел всех. Оскорблял мадам Брио, которая приносила ему зеркало, чтобы он мог увидеть свое пожелтевшее изможденное лицо, проклинал доктора, который уверял, что с каждым днем он все лучше идет на поправку.

Джулио ощущал себя страшно одиноким, окруженным врагами, которые злорадствуют, зная, насколько плохи его дела. Прежде он думал, что смерть — это что-то внезапное, приходящее извне, но теперь убедился, что она возникает внутри, коварно разрушает, издеваясь и глумясь.

Когда ему пытались говорить о мужестве солдата или замечали, что надо принимать жизнь такой, какова она есть, он шипел от злобы. Он мало ел и много спал, не столько от слабости, а больше потому, что сон хоть как-то отгораживал

его от реальности.

Вот и сейчас, когда в палату вошла мадам Брио, он дремал, отвернув голову от окна, в котором плясало яркое солнце.

— Вас хочет видеть одна дама, — сказала женщина, остановившись рядом с его кроватью, и Джулио нехотя открыл глаза.

— Кто она?

— От ее имени нам доставили много вещей, лекарств и бинтов. Иногда она обходит палаты. Она просмотрела списки раненых и пожелала вас повидать.

Сердце Джулио испуганно заколотилось, а мысли предательски заметались.

— Не впускайте ее! — быстро произнес он, но было поздно: дама входила в палату.

Мадам Брио улыбнулась и погладила Джулио по плечу.

— Не волнуйтесь. Она просто поговорит с вами.

Она вышла, а за ней потянулись больные: когда к кому-либо приходили посетители, а тем более женщины, все, кто мог ходить, покидали палату. Таково было негласное правило, заведенное мадам Брио. Сейчас Джулио был готов умолять и ее, и других остаться, но слова застряли у него

в горле.

— О такой удаче я не смела даже мечтать.

Джулио посмотрел на темно-коричневый подол ее юбки, потом сделал усилие и поднял взгляд на лицо. Лишенное пудры и румян, обрамленное гладко причесанными волосами, оно казалось постаревшим. Но в ее взгляде сверкала злоба.

Джулио содрогнулся. После всего, что обрушилось на него, подобно урагану, он должен был пережить еще и это.

— Что тебе нужно, Амалия?

— Ничего. Просто хочу взглянуть, что с тобой стало после того, как ты разрушил мою жизнь.

Джулио решил по возможности предупредить удар.

— Муж выгнал тебя из дому?

— Не выгнал. Он не такой человек. Однако я для него умерла. Он не смотрит на меня, не разговаривает со мной. Он и сам будто мертвый. Его ничто не интересует.

— А Аурелия? Ты выдала ее замуж?

— Нет, она со мной. Не могла же я остаться совсем одна! Салон пришлось закрыть. Я занялась благотворительностью. — Амалия сжала руки и покачала головой. — Я любила тебя, Джулио, а ты меня предал! Попытался отнять у меня Аурелию,

растоптал гордость Жиральда! Почему, за что?! Зато теперь, — она склонилась над ним, — я рада видеть, во что ты превратился. Увидев твое имя в списках раненых, я подробно расспросила доктора, что с тобой стало!

— Ты пришла за этим?

— Не только. Мне интересно узнать, куда ты денешься, когда тебя выпишут из госпиталя? Насколько я понимаю, это время не за горами!

— Поеду на Корсику, к родителям, — ответил Джулио, чтобы что-то сказать. На самом деле он не думал об этом. Его мысли давно не простирались за пределы больничной палаты.

Амалия выпрямилась с безжалостной улыбкой на поблекших губах.

— К родителям? Часто ли ты вспоминал о них за эти годы? Послал ли им хотя бы одно письмо? Что ты станешь делать на Корсике? Кормиться милостью своих братьев, у которых есть и руки, и ноги? Знаешь, что самое скверное, Джулио: никто и никогда не захочет спать с таким обрубком! Дай-ка взглянуть!

Ее хищные пальцы вцепились в одеяло, намереваясь сдернуть его, но в этот миг чья-то твердая рука взяла Амалию за локоть и с силой потянула назад.

— Как вы смеете! Немедленно уходите отсюда!

Та повернулась и встретилась глазами с женщиной, чей взгляд был бесстрашным и суровым, как у воительницы.

— Орнелла Санто?!

— Орнелла Гальяни, сударыня. А теперь покиньте палату, пока я не позвала персонал и не рассказала о том, что видела и слышала!

Амалия издала нервный смешок.

— Гальяни? Я не ослышалась? Это шутка?

— Нет. Я жена старшего брата Джулио. И я не позволю вам издеваться над ним.

Джулио пребывал в состоянии какого-то странного отупения. Все вдруг сделалось далеким и безразличным. Он вспоминал себя, стоящего на пристани Тулона, юного, дерзкого, здорового, беспечного. Полагавшего, что впереди его ждут годы искрометного счастья, великих свершений, головокружительного успеха. Теперь Джулио понимал: будет ли он лежать в постели, изнывая от одиночества и скуки и лениво следя за полетом мух, или ковылять на костылях среди спешащих и бегущих людей, его дорога подошла к концу.

Амалия ушла. Орнелла что-то говорила, но он не слушал. Потом вдруг промолвил:

— Я забыл сказать, что видел твоего брата. Это

было лет шесть назад.

Орнелла уставилась не него.

— Андреа! Где он?! Что с ним?!

— Он был среди каторжников, которых вели по тулонской пристани.

Орнелла опустила голову. Она не знала, было ли это проявлением благодарности со стороны Джулио или он стремился причинить ей боль.

— Теперь я знаю, где его искать.

— Тебе не кажется, что ты опоздала? Почему ты не делала этого раньше? Почему вычеркнула его из жизни? Можешь не отвечать — я и так знаю. Мне непонятно другое: зачем ты сюда пришла?! — сначала он говорил вкрадчиво, тихо, но последнюю фразу почти прокричал.

Когда он заговорил об Андреа, Орнелла мгновенно замкнулась в себе, словно захлопнула какую-то дверь, и Джулио понял, что не сможет вытащить наружу ни ее страх, ни ее совесть.

— Я пришла, чтобы забрать тебя из госпиталя.

Джулио криво усмехнулся.

— Куда?

— К себе, в свою квартиру. Ты поживешь у меня до приезда Дино.

— Я не хочу видеть Дино, я его ненавижу. И тебя тоже. Убирайся!

Темные глаза Орнеллы сузились. Она сжала губы. Джулио забыл, что она тоже может быть безжалостной.

— Мне нужно несколько дней, чтобы обустроить свое жилье, а потом я приду за тобой, — ее тон не допускал возражений, и в нем не было ни капли сочувствия.

— Убирайся! — повторил Джулио, закрывая глаза.

Когда Орнелла ушла, в его душе пробудились упрямство и злость — силы, способные свернуть даже горы. Джулио с отвращением посмотрел на мундир, который висел на стуле. Он попросил мадам Брио купить ему обычную одежду. Она принесла ее на следующий день и не взяла денег.

— Это одежда моего старшего сына Алена. Она почти новая. Думаю, вам будет впору.

Когда Джулио глянул вниз, по его лицу пробежала тень. Возле кровати стоял только один сапог.

— Мне безразлично, какими станут мой муж и мои мальчики, лишь бы они вернулись домой живыми! — сказала мадам Брио, проследив за его взглядом.

— То есть вы хотите сказать, что они были

счастливы купить жизнь такой ценой?

— Нет, я про другое: поезжайте к матери, она будет рада, что вы вернулись, окружит заботой и любовью!

Джулио задумался. Мать — да, но есть еще и отец, который привык оценивать людей и вещи с точки зрения их пользы. Леон всегда говорил: «Подрастут дети — станут работать на земле, появятся внуки — тоже будут помогать». На что ему сын, который не может ни пахать, ни пасти скот, ни управляться с парусом, ни даже что-либо мастерить?!

Разумеется, в такой ситуации Леон не возражал бы против его возвращения, но Джулио скорее умер бы, чем принял снисходительность отца, отца, который выгнал его из дому!

— На Корсике не принято, чтобы взрослые дети сидели на шее у родителей.

— А вы и не будете. Вы еще многое сможете, Джулио. У вас появятся свои дети. Поверьте, найдется немало славных девушек…

— У которых не все в порядке с головой?

Мадам Брио замерла: по лицу Джулио скользнула тень улыбки, он говорил обычным, спокойным, даже слегка небрежным тоном. Она понадеялась, что он наконец оправился от удара и понемногу

обретает силы жить дальше.

— Простите меня. Я в самом деле говорила то, что думаю.

Джулио знал, что должен сделать. Орнелла сказала, что придет через несколько дней, значит, в его распоряжении не так много времени. Прежде он только лежал и до недавнего времени даже не мог повернуться на бок без посторонней помощи, а теперь ему предстояло научиться ходить.

Первые шаги дались с трудом; головокружение и слабость накатывали волнами, ему то и дело приходилось останавливаться и пережидать приступы, опираясь на стену. Джулио понял, что отныне должен взвешивать каждое движение, высматривать любую щербину в полу и выбоину на дороге. Он тренировался, сколько мог, а после возвращался в постель с затуманенными от усилия глазами, тяжелым дыханием и покрытым испариной лбом. Костыли были удобными, просто он обессилел.

Силы начали стремительно прибывать, едва у него появилась цель. Джулио удивился, поняв, что за несколько дней совершил то, чего прежде не сделал бы и за месяц. Через два дня он спустился по лестнице во двор, а на пятый решил, что сможет покинуть госпиталь.

Джулио злорадно усмехался при мысли о том, какой сюрприз устроит Орнелле и Дино. Им и в голову не может прийти, что лежачий больной за считанные дни поднялся с постели и сумел ускользнуть от ненавистной опеки!

Мадам Брио советовала ему повременить, тем более, доктора не возражали, чтобы он побыл в госпитале, пока окончательно не окрепнет, но Джулио упрямился: он не хотел ждать.

Он обрадовался, отыскав в своих вещах старый кинжал, с которым, как всякий корсиканец, никогда не расставался. Джулио положил его на ладонь и взвесил, прикидывая, сможет ли им владеть. Мадам Брио сказала, что отныне ему положена пенсия; по просьбе Джулио она получила причитавшиеся ему деньги, и он решил, что этой суммы вполне хватит на поездку в Тулон, а после — на Корсику.

— Только будьте осторожны: в Париже и на дорогах полно грабителей и мошенников! — сказала мадам Брио.

Перед тем как уйти из госпиталя, Джулио попросил женщину подстричь ему волосы, тщательно вымылся и побрился: ему не хотелось выглядеть бродягой. Что одежда болталась на исхудавшем теле, как на вешалке, а одну из штанин пришлось

обрезать до колена, не мешало Джулио ощущать, что он — это он, как и бороться в одиночку. К его удивлению, другие больные, с большинством которых он успел поругаться, сердечно простились с ним и искренне пожелали ему удачи.

Когда Джулио вышел за ворота, его ошеломил свет, запахи и звуки. По улицам катились экипажи, людские потоки беспрерывно текли в противоположные стороны, образуя водовороты на перекрестках и площадях. К счастью, Джулио не замечал ни косых, ни откровенных взглядов: все давно привыкли к тому, что война без конца собирает с людей свою кровавую дань и калечит жизни.

Джулио мог бы взять экипаж, но он не имел понятия, как забраться в него самостоятельно, а пользоваться чужой помощью ему не хотелось, потому он шел и шел, время от времени останавливаясь и отдыхая на скамейках или просто прислонившись к стене дома. Целью Джулио было бюро дилижансов, которые доставляли путешественников в другие города и провинции.

Он не жалел о том, что навсегда покидает Париж. Когда Джулио жил на Корсике, ни ее пейзажи, ни характеры людей не вызывали в нем никакого трепета, все казалось совершенно

обыкновенным, даже скучным. Теперь он начал понимать, что оставил там частицу своей души, своей крови, своего сердца. Лежа в кровати, он часто вспоминал детство и раннюю юность — этим видениям была свойственна мучительная печальная прелесть.

Подумав об этом, Джулио горько вздохнул. Если б знать, зачем жизнь, когда самое главное, дорогое, бесценное навсегда потеряно! Разве только затем, чтобы отомстить тому миру, который искалечил его тело и превратил его сердце в камень.

Джулио не рассчитал времени и сил, потому добрался до стоянки лишь поздним вечером. Он основательно заплутал, и ему много раз приходилось спрашивать дорогу.

Сквозь разметавшиеся по небу облака проникал слабый отблеск далекого и холодного мира — мира звезд и луны. Время от времени Джулио останавливался и смотрел вверх, будто ожидая, что в сердце возродится остаток обманчивой надежды.

Он шел по узкой тропинке между мрачных деревьев, когда услышал позади торопливые шаги и тяжелое дыхание. Его нагоняли три темные тени. Не имея возможности ускорить шаг, Джулио остановился и повернулся к ним.

— Что вам надо?

Один из бродяг осклабился:

— Хотим предложить тебе работу, приятель. Можем отвести тебя туда, где ты всегда добудешь на пропитание.

Джулио понял, о чем они говорят, и в его крови закипел гнев. Париж кишел нищими; среди них встречались и такие, чьи движения и взгляды были пронизаны неподдельным горем, и те, кто привязчиво тащился сзади, прося подаяние притворно жалобным голосом.

— Убирайтесь!

Они глумливо захохотали.

— Не надо быть таким злым!

Когда они набросились на него, Джулио понял, что все его усилия уйдут только на то, чтобы не упасть. Один из бродяг толкнул его и вырвал из рук мешок, в котором были кое-какие вещи и большая часть полученной пенсии.

Джулио свалился на землю, но тут же извернулся, подобрал костыль тремя уцелевшими пальцами и, вытянув руку, бросив тело вперед, огрел грабителя по спине с такой силой, что тот рухнул в траву, будто куль с тряпьем. Подскочил второй, и Джулио вонзил ему в ногу кинжал. Тишину разорвали дикие крики, со стороны

стоянки дилижансов бежали люди. К несчастью, третий бродяга удрал, забрав с собой нехитрый скарб Джулио, а главное — деньги. Кое-какая мелочь осталась в кармане, и он не знал, хватит ли этого на проезд до Тулона.

Ему помогли встать. Мужчины расспрашивали, что случилось, кто-то пошел за жандармами. Джулио отвели к дилижансу, где один из путешественников протянул ему флягу, в которой был коньяк, и Джулио сделал несколько жадных глотков.

Несмотря на потерю денег, он не ощущал прежней горечи. Взгляд его серых глаз сделался твердым и ясным, в жилах пульсировала кровь. Кто-то пожал ему руку, он слышал в голосах мужчин нотки не жалости, а уважения, и понимал, что сумел переступить черту, преодоление которой совсем недавно казалось ему чем-то немыслимым.

Согласно своему обещанию, Орнелла появилась в госпитале спустя несколько дней, и мадам Брио сообщила ей, что Джулио ушел.

— Думаю, он отправился на родину.

Орнелла расстроилась. Она никогда не любила Джулио и не слишком хорошо представляла, как станет делить с ним кров, и все-таки не могла

успокоиться. Она помнила, в каком отчаянии пребывала, когда упала со скал и много месяцев пролежала в постели, несмотря на то, что рядом с ней находился Дино и ее положение было не столь тяжелым и безнадежным, как у Джулио.

А еще ее тревожили мысли об Андреа. С тех пор, как Джулио сообщил, что видел его в Тулоне среди каторжников, брат будто звал ее из прошлого, смотрел на нее сквозь годы.

Орнелла казнила себя за то, что так и не удосужилась узнать о судьбе Андреа, не попыталась ему помочь, за то, что воспоминания о нем год за годом покрывались пеплом забвения.

Ее муж был на войне, и ей не посчастливилось иметь ребенка, чтобы она могла о ком-то заботиться, одновременно находя в нем опору своей душе. Дино сказал, что нельзя запретить птице петь. Он не подумал о том, что, случается, птицы замолкают сами.

Все вокруг застыло, словно на картине, — дома, деревья, скалы. Даже облака плыли по небу с особой медлительностью.

Беатрис ни за что не вышла бы из дома в самый солнцепек, но у Кармины неожиданно закончилась зелень. Она возилась на кухне, Орландо куда-то убежал с мальчишками, потому на рынок

отправилась Беатрис. Кармина никогда ни о чем ее не просила, и все-таки Беатрис старалась ей помогать.

Они жили в относительном покое и даже были по-своему счастливы. Винсенте Маркато не появлялся, лишь изредка присылал своего человека узнать, как идут дела. Кармина была неизменно радостна и полна сил, а Беатрис нравилось смотреть на человека, который живет, не считая потерь, не ища забвения во сне, не предаваясь ненужным воспоминаниям.

С самой Беатрис было не так. Она не имела ни малейшей возможности стереть из памяти ошибки, оставившие трагический след не только в ее жизни, но и в жизни ее детей, которых она потеряла по своей вине. И сегодня боль казалась такой острой, словно несчастье произошло только вчера: это было все равно что жить с пулей в груди.

Солнце слепило глаза, жара словно придавливала к земле, потому Беатрис старалась не смотреть по сторонам. И все же, проходя мимо церкви, она обратила внимание на горстку нищих: здесь почти всегда сидели старики, причем одни и те же, а сейчас появился другой человек, гораздо моложе, ему можно было дать не более

тридцати.

Сама не зная почему, Беатрис остановилась. В этом парне было что-то знакомое. Он сидел, прислонясь к каменной стене, закрыв глаза, странно равнодушный и безучастный. Грязная одежда, нечесаные волосы, в которых вполне могли водиться вши. У парня не было ноги — в пыли валялись костыли. Приглядевшись, Беатрис заметила, что на его руках не хватает пальцев. Перед ним не стояло ни чашки, ни плошки: тот, кто хотел подать ему милостыню, клал деньги прямо на землю. Женщине показалось, что этот человек ничего не просит, ни на что не надеется и никого не ждет.

Сидящий рядом старик поднял голову, внимательно посмотрел на Беатрис и сказал:

— Парень плох. Он почти ничего не ест, исхудал так, что все ребра наружу. Целыми днями сидит на солнцепеке, закрыв глаза, и будто ждет смерти. По нему ползают мухи, а он даже не пытается их согнать. Вернулся с войны инвалидом, а идти ему некуда. К родным возвращаться не хочет: видать, боится стать для них обузой. Ох уж эта корсиканская гордость!

Беатрис ничего не ответила. Она совершила много ошибок, но, стало быть, и Леон Гальяни

сделал что-то не так, если один из его сыновей валялся в пыли, будто последний бродяга!

Внезапно в памяти всплыли минуты, когда она так же стояла над беспомощным телом старшего отпрыска Леона, Дино, размышляя о том, как его убить. А еще Беатрис вспомнила глаза своей дочери, готовой спасти юношу ценой своей жизни.

Она вошла в дом и застыла в дверях. Ветер развевал занавески, в очаге пылал яркий огонь. Кармина напевала, заканчивая готовить обед.

— Ты принесла зелень?

Со временем они перешли на «ты». Границы стерлись; женщины уже привыкли к тому, что посторонние принимают их за мать и дочь.

— Да.

Кармина не обратила внимания на озабоченный, хмурый вид Беатрис: та часто без видимой причины замыкалась в себе, могла часами сидеть, не двигаясь и не отвечая на вопросы.

Беатрис присела к столу и промолвила без всякой подготовки:

— Я видела Джулио Гальяни.

Улыбка сбежала с лица Кармины; она бросила работу, остановилась посреди кухни, уперла руки в бедра и твердо произнесла:

— Я не хочу о нем слышать!

— Придется. Он болен, можно сказать, умирает.

Кармина стиснула пальцы, ее лицо исказилось от безжалостного упрямства и затаенной обиды.

— Мне все равно. Это меня не касается.

— Кажется, ты говорила, что этот мужчина — отец твоего сына?

— Орландо не знает об этом и никогда не узнает. Его отец умер, погиб на войне.

— Этот дом принадлежит мужу сестры Джулио, — заметила Беатрис. — Мы не можем оставить его на улице.

— У него нет крыши над головой? Почему? Что он делает в Аяччо? Откуда приехал? Отчего не вернется домой? — нервно проговорила Кармина и наконец спросила: — Что с ним?

— Тебе стоит увидеть самой.

Беатрис умела настаивать на своем. Ее слова, взгляд и руки были удивительно цепкими.

Они вышли на улицу. Стояла жара, однако Кармину била дрожь. Она подошла к церкви на ватных ногах. Джулио сидел в прежней позе, на том же месте, и ей почудилось, будто она никогда не видела более жалкого человека. Ему была свойственна покорная усталость, обычно настигающая людей в гораздо более позднем возрасте.

Было трудно понять, что до сих пор заставляет его сердце биться в груди.

Губы Кармины искривились в странной усмешке, взгляд стал колючим, а в движении руки, которой она тронула Джулио за плечо, чувствовались досада и злоба.

Он открыл глаза и посмотрел на нее мутным взглядом, очевидно, не узнавая. Потом перевел взор на Беатрис.

Две женщины, обе в черном, молодая и постарше. Очевидно, мать и дочь. Что им нужно?

— Попытайся встать, — сказала одна из них. — Мы тебе поможем.

Джулио чувствовал, что у него нет сил для ответа. Да и что он мог сказать?

Он не стал задерживаться в Тулоне. Джулио не был знаком с мужем Бьянки, но легко мог представить, как вытянется его лицо при виде шурина-калеки.

Ему хватило денег на проезд до Тулона, и только. Джулио ковылял по набережной, размышляя, как ему попасть на Корсику, когда увидел человека, который отвязывал от причала рыбачий бот. Джулио сразу признал в нем островитянина и подошел, впрочем, безо всякой надежды.

— Что тебе нужно? Кого-то ищешь? — при-

ветливо спросил мужчина, и Джулио невольно вздрогнул, услышав родную итальянскую речь.

— Мне нужно добраться до Корсики, но у меня нет денег.

Мужчина изменился в лице.

— Какие деньги, брат! Иди ко мне, я тебя довезу!

Он помог Джулио спуститься в лодку, заботливо усадил его и удобно пристроил костыли.

— С войны? — только и спросил он.

— Да.

Вокруг с мерным шумом перекатывались упругие волны, птицы прочерчивали в воздухе невидимые следы. Пахло морем, но не только им; Корсика еще тонула в тумане, а густой аромат маки уже разливался в воздухе, проникал в душу и сердце.

Хозяин лодки обернулся и торжествующе посмотрел на Джулио.

— Одинокая и непокорная красавица встречает своих сыновей! Она знает, что они непременно вернутся.

С каждой минутой Корсика становилась все ближе, Джулио уже мог различить выточенные временем и ветром утесы и ковер зелени, покрывавший нижнюю часть гор. Против воли у

него защемило в груди и защипало в глазах. Он никогда не был чувствителен к узам крови или родины, но сейчас ему захотелось подняться и приветствовать Корсику стоя.

А потом он понял, что ему некуда идти. Джулио твердо решил не возвращаться в Лонтано. Он пытался бороться, пока не понял, что бороться не за что, что он остался совсем один.

Сон напоминал продолжительный обморок: очнувшись, Джулио долго не мог сообразить, где находится. На всякий случай он притворился спящим и слушал голоса.

— Он не болен, — произнес пожилой мужчина, — просто ослаб. Пара недель хорошего питания и ухода, и он сможет вставать.

Потом раздался голос ребенка, похоже, мальчишки:

— Кто это? Это… мой отец? Он вернулся с войны?!

— Не говори ерунды, Орландо, твой отец погиб! — женщина, которая ему отвечала, была не на шутку взволнована. — И вообще уходи отсюда, тебе здесь нечего делать.

Однако мальчик упорствовал:

— Тогда почему ты взяла его в наш дом?

— Потому что мы из одной деревни.

— Будет лучше, если вы все уйдете, — резко произнесла другая. — Я посижу возле постели, пока он не очнется.

Джулио попытался собраться с мыслями, но у него ничего не получилось, и тогда он открыл глаза. Он определенно знал эту женщину, только не помнил, откуда. В ее черных глазах затаилась искорка гнева и капля безумия. Так было всегда, даже если она рассуждала и действовала здраво. Беатрис Санто, мать Орнеллы, которая вечно точила зуб на его отца! Конечно, это она.

— Проснулся? — промолвила Беатрис, без малейшей приветливости и сочувствия. — Нельзя так поступать со своей жизнью, ведь ты еще молод. Теперь, когда ты здесь, тебе придется есть и набираться сил.

— Где я?

— Не могу сказать, что у друзей, но во всяком случае не у врагов.

Вошла вторая женщина, та, что была моложе, в ее руках Джулио увидел тарелку с чем-то дымящимся и вкусно пахнущим, с чем-то таким, чего он давно не ел.

Непокорные пряди, безжалостно стянутые в строгую прическу, глубокие темные глаза. Гибкие, как ветки ивы, руки, бедра, напоминающие

формой кувшины, с которыми женщины Лонтано ходят за водой, неосознанная чувственность движений. Занавес, за которым скрывалось прошлое, приподнялся: Джулио ее узнал.

— Кармина!

Ему почудилось, будто из ее глаз вылетели искры, и он вспомнил, как семь лет назад его руки неумело, но жадно скользили по телу девушки, которую он сперва обманул, притворившись Дино, а после с легкостью бросил, забыл.

— Да, это я. — Ее тон не сулил ничего хорошего.

Джулио вспомнил Амалию и внутренне сжался, готовый к тому, что его снова начнут унижать.

— Почему я здесь? — спросил он.

— Это дом господина Маркато, твоя сестра Бьянка замужем за ним. Поэтому мы взяли тебя к себе.

Джулио усмехнулся.

— Не думаю, что тебе будет приятно ухаживать за мной.

— Дело не в этом, — ровно произнесла Кармина, — долг есть долг. Я кое-чем обязана Бьянке.

— Мне ты ничего не должна, — сказал и осторожно добавил: — Это я тебе должен.

— Ты ничего мне не должен, Джулио. Мы чу-

жие люди. Нам нечего вспоминать и не о чем говорить. Лучше поешь, — промолвила она и зачерпнула бульон ложкой.

— А если я не буду?

— Тогда я позову Беатрис. Поверь, это будет намного хуже.

После еды ему вновь захотелось спать, и все-таки он сказал:

— Не могла бы ты принести мне воду и чистую одежду?

— У меня нет мужской одежды, но я постараюсь что-нибудь придумать.

— Ты не замужем?

Лицо Кармины окаменело.

— Была. Мой муж умер.

— Ясно.

Джулио закрыл глаза. Кармина смотрела в измученное лицо отца своего сына, в лицо, на котором застыло выражение злобной обреченности. В каждом взгляде, слове, движении его натянутого как пружина тела жила настороженность. Этот человек напоминал ей бродячую собаку, которая все время скалит зубы, опасаясь, что ее вот-вот ударят.

Что-то перевернулось в душе Кармины, и она сказала то, что еще минуту назад не произнесла

бы даже под пыткой:

— Мне очень жаль, что с тобой случилось несчастье.

Следующим утром Джулио проснулся в другом настроении. Он почувствовал себя значительно лучше. За окном пели птицы, в комнате пахло морем и утренней свежестью, постель была мягкой и чистой.

Джулио заметил, что за ним подглядывают. Темные, как каштаны, глаза ребенка то появлялись в приоткрытой двери, то исчезали.

— Входи, — сказал Джулио, и через мгновение мальчик робко остановился на пороге.

— Вообще-то мама не разрешает мне заходить в комнаты постояльцев и приставать к ним с разговорами, — виновато произнес он.

— Я не обычный постоялец. Я брат Бьянки.

— Брат тети Бьянки?! — оживился ребенок.

— Тебе она нравилась?

— Да. Только она давно уехала.

— Как тебя зовут?

— Орландо.

— Меня Джулио.

— Мой отец тоже был на войне, — сказал мальчик. — Только его убили.

— Ты его помнишь?

— Я его никогда не видел.

Джулио выпростал руки из-под одеяла и показал ребенку.

— Видишь? А еще, — он кивнул на стоявшие в углу костыли, — у меня нет ноги. Так что твоему отцу повезло.

— Зато мне — нет.

— Почему?

— Я бы хотел, чтобы он вернулся, пусть даже таким, как вы.

— Я почти ничего не могу делать. Даже что-то смастерить или починить.

— Ну и что? Я бы разговаривал с ним. Я бы просто знал, что у меня есть отец. Этого было бы достаточно.

— Я тоже могу с тобой поговорить, — неожиданно для себя произнес Джулио, ибо прежде его совершенно не интересовали дети.

Орландо встрепенулся. У него были удивительно живые глаза и улыбка, способная растопить лед самого равнодушного сердца.

— Я хочу знать о войне. И вы… вы видели императора?!

— Видел, — сказал Джулио и спросил: — Сколько тебе лет?

— Шесть.

— Как твоя фамилия?

— Бернарди.

Кармина солгала. Она не была замужем. Этот похожий на огонек мальчик мог быть его сыном.

Между тем, Орландо едва не приплясывал от восторга. Было видно, что ребенок истосковался по мужскому общению.

— Наверное, вы совершили много подвигов?!

— Ни одного.

По лицу мальчика скользнула тень и тут же исчезла, уступив место тайному пониманию. Очевидно, он решил, что настоящие герои не привыкли хвастать своими свершениями.

— Орландо!

Услышав полный возмущения голос, оба уставились на дверь.

— Я только хотел… — начал мальчик, но Кармина строго перебила: — Что ты здесь делаешь? Я дала тебе поручение, ты должен его выполнить.

— Иду, — сказал Орландо, успев обменяться с Джулио заговорщицким взглядом.

— Скажи правду, — произнес Джулио, когда мальчик ушел, — Орландо мой сын?

— Нет! Не твой! И не спрашивай об этом!

Джулио почудилось, будто он видит перед собой острые рифы, способные превратить в

щепки любой, самый крепкий корабль. Кармина окружила свое одиночество густыми терновыми кустами и точно так же не желала делиться ни с кем своей единственной радостью.

Через несколько дней Джулио встал с постели. Никто не мог запретить им с Орландо сидеть на заднем крыльце по вечерам, когда работа была закончена, солнце уплывало за горизонт, окна пламенели в свете заката, а паруса кораблей напоминали огромные окровавленные знамена. Кармина не находила себе места, ибо из кухни ей был слышен счастливый смех Орландо и негромкий голос Джулио. Она тайком выглядывала в окно, пытаясь прислушаться, однако не могла разобрать ни слова.

В один из таких моментов к ней подошла Беатрис и сказала:

— Не изводи себя. Расскажи им правду. Они оба нуждаются в ней.

Кармина отпрянула от окна, на ее лице выступили красные пятна.

— Нет! Джулио этого не заслуживает! Он ненадежный человек, и я ему не верю. Если бы он не стал калекой, ему и в голову бы не пришло обо мне вспомнить!

— И все-таки Орландо его сын. И мальчику

нужен отец.

Кармина опустила руки.

— Как я объясню, почему мы не женаты? Орландо уже большой и понимает такие вещи.

— Так выходи за него, — сказала Беатрис.

Кармина расхохоталась. Иногда ей казалось, что эта женщина и впрямь не в себе.

Через несколько дней Джулио сказал Кармине:

— Я могу платить за комнату. Мне назначена пенсия, просто нужно ее получить.

— Я уже говорила, что не возьму денег.

— Если б не я, ты могла бы ее сдать.

— Не обязательно. В гостинице почти всегда есть свободные комнаты.

— Тогда я готов чем-то помочь. Я вижу, от Беатрис немного толку. Работаешь одна ты, и ты сбиваешься с ног.

— У меня есть Орландо.

— Он еще ребенок.

Кармина покосилась на Джулио и сказала:

— Если хочешь, посмотри хозяйственные книги. Я не слишком хорошо считаю, да и времени не хватает.

— Хорошо.

Джулио уединился в маленькой комнате, где стоял один из предметов мебели, сохранив-

шийся от прежней обстановки, — массивный письменный стол красного дерева с ножками в виде античных колонн, на котором красовался бронзовый подсвечник. Он прилежно корпел над книгами несколько дней, а потом позвал Камину и сообщил:

— Тут далеко не все сходится.

Джулио сидел за столом, и Кармина слегка наклонилась над ним, слушая объяснения. Она ощутила приятное успокаивающее чувство уверенности, ума и силы, исходящее от мужчины, способного что-то взять в свои руки, наладить, устроить, решить, и поняла, насколько устала работать в одиночку.

Не подозревавший о ее ощущениях, Джулио продолжал говорить. Он зажал перо между большим и указательным пальцами правой руки и не отрывался от книги. Кармина посмотрела на его четкий, спокойный профиль, потом перевела взгляд на густые волнистые волосы, образующие причудливый, красивый рисунок, и внезапно ей захотелось коснуться их руками. Она была лишена материнского тепла, счастья вырасти в семье, а потом — мужской заботы и ласки. Отношения с Винсенте всегда вызывали в ней лишь отвращение, а то, что было прежде, перечеркнули боль

и обида.

Внезапно, будто прочитав мысли Кармины, Джулио протянул руку и обнял ее за талию. У нее перехватило дыхание.

— Убери руку, Джулио!

Он посмотрел на нее снизу вверх — серыми глазами, в которых плясали золотистые точки.

— Почему?

Кармина отшатнулась. Внезапно что-то внутри рухнуло, долго сдерживаемая плотина прорвалась, и слова полились неудержимым потоком:

— Потому что ты набрался сил, и тебе понадобилась женщина. Хочешь использовать меня еще раз? Тебе невдомек, что я испытала по твоей вине! Когда твоя мать выгнала меня из дома, избив и обозвав шлюхой, мне пришлось уйти в Аяччо. Мне не удалось найти работу, я была в отчаянии, и тогда меня подобрал будущий муж твоей сестры. Я платила за кров и еду своим телом, да к тому же убирала всю грязь в доме. Когда Винсенте Маркато женился, он не оставил меня в покое и принуждал с ним спать, скрывая это от Бьянки. Я смогла облегченно вздохнуть, лишь когда они переехали в Тулон. Да и то он приезжал и пытался заставить меня отдаться ему. Если б не Беатрис с ее ружьем, мне бы пришлось терпеть

унижения до скончания века!

— Стало быть, брак моей сестры нельзя назвать удачным? — задумчиво произнес Джулио.

Кармина перевела дыхание, пытаясь успокоиться.

— Это не брак, это плен.

— Значит, Орландо от него?

— Нет. Орландо — твой сын. От Винсенте я не рожала, да и Бьянка тоже, за что он проклинает ее каждый божий день. И я не была замужем. Я придумала историю о браке, чтобы хоть как-то отмыться от грязи, в которой была вынуждена купаться все эти годы. Ты и представить себе не можешь, что значит для корсиканки считаться порядочной женщиной и как ей больно, когда ее называют шлюхой!

Кармина не собиралась это говорить, но все же сказала, потому что ей надоело бежать от собственной тени. Она не думала, что от правды будет какая-то польза, она просто устала от лжи.

Молчание длилось долго. Кармина заметила, как пальцы Джулио задрожали и уронили перо. Когда он вновь посмотрел на нее, она поняла, что никогда не видела у него такого лица. Уголок рта пополз вниз, а взгляд затуманило смущение и… чувство вины. Она могла поклясться, что впер-

вые в жизни увидела в стальных глазах Джулио Гальяни слезы.

— Если б я не был таким, я бы сказал тебе… Нет, не то. Я говорю тебе, несмотря на то, что я *такой*: выходи за меня. Будем жить вместе. Орландо наконец получит фамилию, которую должен носить. Я привязался к нему.

— Зато меня ты никогда не любил.

— Я не любил никого, кроме себя. И все же мои первые мысли, мечты о женщине были связаны именно с тобой. Я без конца вспоминаю тот чердак и наши объятия, когда мы оба были неопытны и невинны.

— Когда ты притворился Дино!

— Да, это так. А потому прости. Прости за все. — Джулио неловко, слегка покачнувшись, встал и обхватил ее руками. — Не отталкивай меня, ты же знаешь: я могу упасть.

Кармина знала, что Джулио никогда и ни у кого не просил прощения — таким уж он уродился, — потому ее поразили его слова, прозвучавшие удивительно искренне.

И все же она сказала:

— Мне не нравится думать, будто я — твоя последняя возможность.

— Судьба всегда и есть последняя возможность,

последняя и единственно правильная. Прежде, чем ты что-то решишь, ты должна увидеть, что со мной стало. Поверь, это выглядит уродливее, чем ты думаешь.

— Я все видела. Когда раздевала тебя и укладывала в постель.

— Так ты согласна?

— Да.

Через несколько минут она влетела в кухню и рухнула на табурет. Беатрис удивленно смотрела на нее. Волосы Кармины выбились из прически, лицо покрывал румянец, глаза лихорадочно блестели.

— Ты выглядишь так, будто повстречалась с дьяволом, — заметила Беатрис.

— Кажется, я выхожу замуж.

— За кого? За дьявола?

Кармина усмехнулась.

— Почти. За Джулио.

— Я с самого начала знала, что так и будет, — спокойно ответила Беатрис. — Тебе нужен муж, дети, семья. Покой. Ты так давно мечтала об этом.

— Не думаю, что в этом браке меня ждет покой!

— Иногда мы его обретаем ценой потери сча-

стья.

— Может ли оно родиться из того, что прежде принесло столько горя?

— Все на свете проходит положенный круг, преображается и возвращается обратно, — сказала Беатрис и неожиданно добавила: — Только это и утешает меня, когда я думаю об Андреа.

Кармина замялась, но все же решилась признаться:

— Джулио говорит, будто видел Андреа среди заключенных, которых вели по тулонской пристани. Это было шесть или семь лет назад.

Глаза Беатрис расширились, а губы искривились в страшной усмешке. Кармина не осмеливалась вдохнуть, пока не услышала:

— Что ж, иногда круги судьбы превращаются в водоворот. Становятся кругами ада.

Глава 5

В день венчания выяснилось, что Кармине нечего надеть на свадьбу. Она постоянно ходила в черных одеждах, служивших щитом от мужского внимания и людских пересудов, и уже забыла, когда покупала себе цветные наряды. Она открыла тяжелый сундук, куда была свалена старая одежда, в надежде найти подходящее платье.

Среди прочего здесь лежали вещи, которые Бьянка не взяла на материк. Джулио, сидевший рядом, с любопытством заглянул в сундук. Он увидел газовый шмиз на подкладке из парчи, белую шелковую шаль с яркой каймой, усыпанное пайетками бледно-зеленое муаровое платье.

— Думаю, среди этого можно что-нибудь выбрать.

Кармина скользнула по цветному вороху равнодушным взглядом.

— Это наряды Бьянки. Она худее меня, да я бы никогда и не надела такие.

Джулио продолжал смотреть на платья. Эти наряды были из тех, что нежно окутывают тело и спадают легчайшими складками. Они воскресили в его памяти салон Амалии де Сент-Эньян,

блеск парижской жизни, ее изысканный, тонкий, слегка порочный вкус.

Та жизнь осталась в прошлом. Сегодня он женится на корсиканке, матери своего сына, женщине, которую он знал с детства, но которая сейчас казалась ему незнакомкой.

— Никогда бы не поверил, что моя сестра станет носить такую одежду!

— Она была помешана на нарядах. И Винсенте тоже. Он всегда хотел, чтобы Бьянка одевалась, как французская дама.

Догадавшись о том, что Джулио вспоминает других женщин, Кармина с тайной усмешкой подумала, что, каким бы ветреным он ни был, теперь он никуда от нее не убежит.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О том, что сегодня ты окажешься в моей постели.

Кармине удалось отыскать белоснежную кружевную мантилью, коричневую юбку, белую блузку и бархатный корсаж. Она надеялась, что будет выглядеть не хуже всякой другой невесты. А после свадьбы ей больше не придется сворачиваться в постели клубочком и дрожать, думая о том, что кто-то опасный и мрачный сможет приблизиться к ней, обнажить тело и вырвать

из него душу.

Накануне венчания Джулио спросил:

— То, что ты управляешь гостиницей, не оговорено ни в каких бумагах? Винсенте Маркато может в любой миг вышвырнуть тебя на улицу?

— Получается, так.

— Когда он приедет в Аяччо, я поговорю с ним об этом.

— Я не хочу, чтобы он появлялся здесь, — сказала Кармина.

Джулио посмотрел ей в глаза.

— Я тоже. Но он должен получить свое за то, что заставлял тебя гнуть на него спину и посмел оскорблять.

Орландо пребывал в страшном возбуждении. Весть о том, что Джулио — его настоящий отец, всколыхнула в нем бурю эмоций. Кармина, как могла, объяснила сыну, что его отец по ошибке считался погибшим, и они не сразу решились открыть ему правду.

Впрочем, Орландо не нуждался в объяснениях. Мальчик строил планы: они отправятся в море на лодке; он станет управлять парусом, а отец сядет у руля. Еще надо купить хорошую лошадь и повозку — Джулио нашел эту идею удачной, потому что после свадьбы с Карминой намеревался

навестить родителей.

Беатрис сказала, что не будет присутствовать на венчании. Джулио старался избегать этой странной женщины. Впрочем, Беатрис почти не обращала на него внимания. Она пребывала в своем мире, который покидала лишь в случае крайней необходимости.

Вечером Орландо с трудом отправили спать. Кармина решила, что в будущем стоит отделить две или три комнаты, чтобы членам ее семьи не приходилось сталкиваться с постояльцами. Завтра, как и во всякий день, ей предстояло рано вставать. А сегодня была ее брачная ночь.

Кармина хорошо помнила, что они с Джулио занимались любовью на чердаке его дома, раздевшись до нитки, и все же не стала снимать длинную сорочку из плотной ткани, в которой обычно спала.

— Я хочу, чтобы на тебе ничего не было, — сказал Джулио, когда она вошла в комнату. — Одежда сопутствует удовольствиям на скорую руку. А мы не будем спешить.

Кармина нехотя стянула с себя сорочку и подошла к постели, в которой лежал ее муж, подошла, одетая только в лунный свет.

— Теперь мне все нелегко, даже это, — сказал

Джулио и попросил: — Помоги мне.

Она забралась в кровать, и он усадил ее сверху.

— Теперь я в твоей власти, — заметил он, наблюдая, как ее взгляд затуманивается вожделением.

Джулио любовался тем, как медленно поднимаются и опускаются ее бедра, колыхается грудь, выгибается тело и изменяется лицо. Они наслаждались каждым глубоким, неспешным движением, тогда как внутри их соединенного существа клокотал вулкан. В эти минуты ни он, ни она не думали о том, что привело их в эту постель, что они чувствуют друг к другу.

В их жизни смешалось все — прекрасное и уродливое, хорошее и плохое. Джулио был единственным мужчиной в жизни Кармины, к которому она когда-либо испытывала влечение. В юности она была влюблена в Дино, но эта влюбленность давно прошла, придавленная грузом переживаний и времени.

Джулио понимал: не будь на свете Кармины, он бы не спасся, не выжил. Он был похож на бредущего на бойню хромого коня, у которого внезапно выросли крылья.

Утром Кармина проснулась первой. Джулио спал на боку, уткнувшись в подушку. Она не надеялась, что их отношениям будет присуща

нежность, и все-таки что-то заставило ее легонько погладить его по плечу. Этой ночью она не только испытала забытое наслаждение, она сполна прониклась болью другого человека.

Джулио открыл глаза и промолвил:

— Не уходи.

— Я должна. Я и так задержалась. Меня ждут постояльцы. А ты отдыхай. Орландо позовет тебя завтракать.

Джулио смотрел на нее, пораженный тем, что происходит, когда один человек впускает в свою душу другого. Он не ожидал, что на это способна девушка, у которой не было ни родителей, ни сестер, ни братьев, никого, кто мог бы ее любить. Девушка, которую он некогда подло обманул, а после без жалости бросил. Ему вдруг страстно захотелось отплатить ей добром за добро, и он сказал:

— Я люблю тебя, Кармина.

Она напряглась.

— По-моему, ты говорил такое и раньше. Только тебе не стоило верить!

— А если да? Ты права: это последняя возможность сшить то, что было разорвано, собрать то, что едва не пошло прахом.

Кармина задумалась, а после ответила:

— Мне не нужны ни грубые рубцы, ни ветхая ткань. Не лучше ли создать что-то новое?

— Думаешь, получится?

Кармина улыбнулась, но ее глаза оставались серьезными. Сейчас ее чувства были обнажены, однако им, будто недавно посаженным деревцам, еще предстояло окрепнуть. Страх не ушел, она не успела обрести силу, отпустить себя на волю, однако в ее душе уже поселилась надежда.

— Время покажет.

Пришла весна 1814 года. Империя все больше погружалась в хаос и мрак. Великий вулкан начал гаснуть, а титан, несущий на себе чудовищное бремя, стал уставать. До отдаленных селений Корсики долетали тревожные слухи о предательстве в окружении императора, о том, что Наполеон был вынужден подписать отречение от престола. Король Людовик XVIII[15] торжественно въехал в Париж под колокольный звон и пушечные салюты, тогда как бывший император отправился на остров Эльба.

Мужчины Лонтано забыли о севе и о междоусобных распрях. Они каждый день собирались у

---

[15] Примечания: 15

Людовик XVIII (1755–1824), король Франции династии Бурбонов (в 1814–1824, с перерывом в 1815).

церкви и обсуждали происходящее. Леон Гальяни переживал за императора, как переживал бы за любого земляка, чья мечта погибла и кто был похож на льва, окруженного сворой скалящихся гиен.

Дома он говорил только о Наполеоне, вспоминая о нем чаще, чем о своих сыновьях. Сандра не удивилась бы, если б супруг всерьез заявил, что предоставит императору убежище в своем доме.

У женщин были другие заботы. Полгода назад Анжела родила сына и теперь разрывалась между заботой о малыше, старших детях, которые не должны были чувствовать себя покинутыми, и своем молодом муже. Она напрасно переживала: Данте жил только ею. При пробуждении встречал жену нежной улыбкой, днем старался помочь ей во всем, во время ужина не сводил взгляда с ее лица, а ночью сжимал в страстных объятиях.

Мирелла и Паоло, хотя и не называли Данте отцом, относились к нему, как к доброму другу. Родные Анжелы быстро сложили оружие: войти в дом Леона, породниться с Гальяни почиталось за честь. Сандра давно забыла, отчего ей так не хотелось принимать Анжелу в свою семью: та была невесткой, о которой можно было только мечтать — работящая, покладистая, уживчивая,

скромная. К тому же она обожала Данте.

По вечерам, закончив домашнюю работу, женщины часто садились рядышком с рукоделием и болтали о всяких пустяках. У Анжелы и Сандры появилось новое и очень важное занятие: готовить приданое для Мирелы, которой вскоре должно было исполниться четырнадцать лет. Помимо традиционных тканей, белья, одежды, ковров и покрывал они с удовольствием плели из камыша и листьев асфоделя круглые шкатулки с крышками, корзинки для фруктов и украшали их ярким орнаментом.

У дочери Анжелы обнаружились способности к рисованию, и женщины приноровились дарить, а то и продавать расписанные ею изделия.

Сандра с Мирелой выходили из дому, намереваясь сделать подношения в церковь на День святого Эфизия[16], когда увидели повозку, остановившуюся неподалеку от ворот. С нее спрыгнул мальчик, потом слез мужчина, который подал руку женщине. Последняя сошла на землю медленно и тяжело — Сандра заметила, что она на последних месяцах беременности.

Мужчина двинулся навстречу, и Сандра замер-

---

[16] Примечания: 16
Праздник отмечается 1 мая.

ла. Из глаз потекли слезы. Джулио! Ее мальчик, которого она не видела восемь лет и о котором кое-что знала только из писем Дино.

Несмотря на хромоту, Джулио шел довольно уверенно. Костылей не было. Мастер из Аяччо сделал ему протез, и за минувшие месяцы Джулио научился на нем ходить. С повозкой он тоже управлялся без особых проблем.

Сандра бросилась навстречу, и они сомкнули объятия.

— Мама!

— Мой мальчик! Ты вернулся! Ты жив!

— Да. А это мои жена и сын, — неловко произнес Джулио и оглянулся.

Кармина стояла позади мужа с печатью отчужденности на лице. Обычно оживленный и бойкий, Орландо робко жался рядом.

— Входите, — сдавленно произнесла Сандра. Пересилив смущение, женщина подошла к Кармине и обняла ее окаменевшие плечи.

Леон быстро подавил неловкость, спрятал чувство вины и приказал женщинам приготовить праздничный ужин и принести из погреба лучшего вина.

— Я исполнил твою волю: женился на Кармине, — сказал Джулио, пожимая отцовскую

руку, и довольство в его голосе смешалось с невольной иронией.

Родители не сразу поняли, что случилось с сыном, а поняв, не знали, как себя вести. Сандра ощутила боль, которую способна почувствовать только мать. Вместе с тем она была рада, что Джулио остался жив.

Навстречу вышел Данте, и братья обнялись.

— У меня прибавление в семействе, — смущенно произнес младший. — Сын. Ему полгода. Странно, что именно мы с Анжелой первыми подарили родителям внука!

— Вообще-то первыми были мы с Карминой, — небрежно заметил Джулио. — Нашему сыну семь лет. А скоро у нас появится второй.

— Я бы хотела девочку, — заметила Кармина.

— Дочка — это тоже хорошо, — сказал Джулио и улыбнулся жене.

— Стало быть, я не зря заприметил этого парня, — промолвил Леон, проводя рукой по волосам Орландо. — Я догадался, что это мой внук. Надеюсь, отец и мать позволят тебе подольше погостить у деда? Выйдем в море вместе с Паоло, проедем по полям, и я покажу тебе наши виноградники!

Сандра и Анжела наспех стряпали, Мирелла

расставляла посуду, Кармина тоже старалась помочь. Внезапно жизнь обрела яркость прошлого, силу моря и ветра, вкус спелых плодов и запах летнего дождя.

Когда сели за стол, Леон сразу заговорил об императоре. О несправедливости судьбы, о поражении победителя. Когда он умолк, Джулио заметил:

— Наш император много лет сокрушал чужие троны, теперь звездный час перешел в чужие руки. Правды тут нет: о ней спросите у мертвых, но они промолчат.

Воцарилась тишина, ибо Джулио был единственным из присутствующих, кто познал на своей собственной шкуре, что такой война.

— Вот видите, — сказал он, — ответа не слышно. Лично я против войны, которая превращается в самоубийство, войны, в которой человеческая жизнь не имеет никакой ценности и не играет большой роли.

На глазах Сандры появились слезы. Кармина погладила мужа по руке. Леон смущенно кашлянул и сказал:

— Нам с Сандрой еще повезло. Наши дети живы. Ты что-нибудь знаешь о Дино? Он перестал нам писать.

— Год назад он был жив. Это Дино спас меня в России, вытащил из снега и привез в госпиталь. Если б каждый из воинов армии Наполеона был таким, как мой старший брат, империя смогла бы устоять.

Признание прозвучало честно и искренне: Джулио больше не мог ненавидеть человека, который сделал для него несравненно больше, чем кто-либо другой.

— Вы смогли встретиться в этой огромной стране?!

— Ты же знаешь корсиканцев, отец? Над ними властны не жизнь и смерть, а судьба.

— А что с Орнеллой?

— Она в Париже. Поет в театре.

Леон опешил.

— Чтобы корсиканка пела на публике, как в балагане!

— Теперь за нее отвечает Дино, и твое слово, отец, тут мало что значит. Хотя, мне кажется, для нее и Дино не указ! — небрежно произнес Джулио.

— У них есть дети? — поспешно спросила Сандра, чтобы разрядить обстановку.

— Про детей я ничего не слышал.

— Вы поживете у нас какое-то время?

— Самое большее — несколько дней. Мы оставили гостиницу на Беатрис, а она странноватая женщина. Не то чтобы ей нельзя доверять, просто она слишком себе на уме.

Леон нахмурился и невольно покосился на Сандру.

— Беатрис?

— Беатрис Санто, — как ни в чем ни бывало произнес Джулио. — Кармина встретила ее в Аяччо и пригласила к себе. Ей некуда было идти. В хозяйственных делах от нее мало толку, но она способна отпугивать привидения и нежелательных людей.

— Конечно, — неловко промолвил Леон, — мы должны помогать землякам.

С тех пор, как ему довелось увидеть Беатрис, бесцельно бредущую по дороге, будто бездомная нищенка, кровь на невидимой ране алела, точно свежая краска. Теперь он наконец смог успокоиться.

— Может, вам стоит переехать в Лонтано? — спросила Сандра и как можно приветливее посмотрела на Кармину.

— Нет, — сказал Джулио, — наше дело — гостиница. На земле я работать не могу, а там чувствую себя в своей стихии. Мы стали закупать про-

дукты мешками, я сам забираю их с пристани, веду счета. Кармина, кухарка и две служанки справляются с остальными делами. А Орландо мы отправили в школу.

— Я давно не видела Бьянку, — озабоченно произнесла Сандра.

— Мы надеемся, что у нее все хорошо, — уклончиво произнес Джулио, незаметно переглянувшись с женой.

Извинившись, Анжела встала из-за стола: пришло время кормить и укладывать сына. Кармина выразила желание помочь. У женщин, некогда живших в этом доме на положении служанок и далеко не сразу принятых будущей свекровью, могли найтись общие интересы.

Под навесом, где стояли столы, стало совсем темно, и Сандра принесла лампу. Возле огня вились стайки ночных бабочек и мотыльков. Привычно звенели цикады. По темному небу плыла золотая луна, а земля была усыпана лепестками отцветавших деревьев. Из глубины двора доносились веселые голоса Орландо и Паоло. Мирелла смирно сидела на своем месте, подперев ладонью лицо, и внимательно слушала разговоры взрослых.

После ужина, пока женщины убирали посуду, а

Леон отправился в конюшню проведать лошадей, братья сели на крыльцо поговорить.

— Не думал, что ты женишься на Анжеле Боллаи, — сказал Джулио. — Вдова с детьми, и она старше тебя.

— Мы давно выбрали друг друга. Это ты не хотел жениться на Кармине!

— Зато теперь не нарадуюсь нашему браку, тем более, что у нас такой славный сын. После всего, что произошло, я не уверен, выбираем ли мы или за нас выбирает судьба.

— Вам с Дино довелось повидать мир, а я, похоже, навсегда останусь в Лонтано, — задумчиво произнес младший брат.

— Об этом не стоит жалеть. Кто-то из нас должен был остаться — жребий пал на тебя.

— Мне бы хотелось, чтобы Дино тоже приехал нас навестить.

— Не уверен, что он скоро вернется. Сейчас во Франции сложное положение: император так просто не сдастся. Нас ждет еще что-то, не знаю, прекрасное или ужасное. Дино последует за Наполеоном до конца. Он вообще из тех, кто идет до конца.

— Почему вы не ладили с Дино?

— Меня злило, что он всегда поступает пра-

вильно. Я далеко не сразу понял, что поступать так, как надо, порой гораздо сложнее, чем искать обходные пути.

— А что с Бьянкой? Она давно не приезжала.

Джулио усмехнулся.

— Похоже, у нее дрянной муж, но едва ли кто-то сможет вырвать ее из его рук. К несчастью, закон на его стороне.

— Он мне сразу не понравился. Надо подумать, как ей помочь.

Вскоре к ним присоединился Леон, которому не терпелось продолжить разговор об императоре. Было за полночь, а отец и сыновья все сидели и рассуждали о будущем Франции и своего великого земляка. Сандра то и дело появлялась на крыльце, однако Леон всякий раз отправлял ее в дом. В конце концов, женщинам пришлось лечь спать без своих мужей. А те продолжали разговор о том, кто в дни испытаний и горя сумел проявить мужество и твердость духа, свойственные настоящему корсиканцу.

Весной 1815 года опальный император бежал с Эльбы во главе отряда около тысячи человек и устремился в сторону Парижа. Монархия Бурбонов рухнула, не успев вновь укрепиться, король бежал за границу, туда же были изгнаны эмиган-

ты, возвратившиеся во Францию после того, как Наполеон отрекся от престола. Однако летом того же года в сражении при Ватерлоо французская армия, которой командовал император, была наголову разбита английскими и прусскими войсками, после чего Наполеон сдался англичанам, подписал повторное отречение и был сослан на далекий остров Святой Елены.

В стране наступила неразбериха. Насилие оккупантов смешалось с погромами террористов из числа вернувшихся на родину аристократов и правительственными арестами по малейшему подозрению в республиканских настроениях или симпатии к Наполеону. Чиновники затаились, опасаясь увольнений, а торговцы — грабежей: многие конторы, предприятия и лавки были закрыты.

В один из вечеров, последовавших за этими событиями, чета Маркато ужинала дома в полнейшем одиночестве, что случалось нечасто: салон Бьянки был открыт круглый год, и влиятельные люди Тулона давно протоптали к нему дорожку.

В присутствии супруги Винсенте не стремился разыгрывать из себя радушного хозяина, он был мрачен и то и дело ворчал:

— Теперь неизвестно, на кого надеяться и кому доверять. Сегодня человек богат, влиятелен и полезен, а завтра его вышвыривают на улицу, и он приходит к тебе с протянутой рукой. Похоже, скоро придется обращаться за помощью к бандитам, к тем, кто чувствует себя в своей тарелке при любом режиме.

Бьянка склонилась над серебряными приборами, делая вид, что ест. Она была рада немного отдохнуть от шумных сборищ, лицемерных речей и улыбок и сомнительных комплиментов. Перед ужином она украдкой вытащила из буфета бутылку коньяка и сделала несколько больших глотков.

Накануне очередного приема в своем салоне Бьянка нередко выпивала пару-тройку бокалов шампанского, после чего ее слова сыпались бисером, а смех звенел, как серебряный колокольчик. Так было, пока однажды Винсенте не заметил этого и не надавал жене пощечин.

— Возможно, нам стоит вернуться на Корсику? — спросила Бьянка.

У нее мелькнула спасительная мысль, что там она будет ближе к родным, особенно к Джулио, который женился на Кармине. Если она пожалуется брату, он сможет ее защитить.

Винсенте прочитал ее мысли.

— И стать гостями в собственном доме? Когда мой человек в последний раз побывал в Аяччо, твой одноногий брат наговорил ему кучу гадостей. Подумать только, я дал этой парочке работу, а они еще смеют качать права! А все потому, что твоего никчемного братца угораздило жениться на этой шлюхе, да еще и умудриться сделать ей ребенка. Правда, не хватило силенок, и получилась девчонка.

— Мальчик уже есть. Орландо — сын Джулио.

Винсенте застыл, не донеся вилку до рта. Его черные глаза горели, как адские уголья.

— Что ты сказала?!

Бьянка не на шутку испугалась, но постаралась сохранить спокойствие.

— То, что ты слышал.

— С чего ты это взяла?

— Эта девушка была нашей служанкой и в юности согрешила с моим братом, а моя мать выгнала ее из дома. Джулио долгое время не знал, что Кармина родила от него сына. Она сама мне рассказывала.

Винсенте отшвырнул вилку и нож, и они жалобно звякнули о тарелку.

— Почему я услышал об этом только сейчас?

Бьянка сжалась.

— Я не подозревала, что это так важно для тебя.

Винсенте поднялся из-за стола. Его губы подергивались от гнева, а темные глаза метали молнии.

— Я вышвырну эту парочку вон вместе с их щенками, а дом продам! Пусть твой безногий брат попробует содержать семью на жалкую пенсию, которую ему выделил обожаемый корсиканцами император!

Отчаяние и выпитый коньяк придали Бьянке смелости, и она сказала:

— Не советую тебе связываться с Джулио — он может быть очень злым.

— Я тоже, — заявил Винсенте и схватил Бьянку за грудь, больно выворачивая кожу, а потом намотал на руку ее искусно причесанные длинные волосы. — Знаешь ли ты, что я держал эту шлюху у себя в доме лишь потому, что все эти годы она лгала, будто родила Орландо от меня!

Бьянка сказала то, что не решалась сказать на протяжении восьми лет этого безрадостного брака:

— Разведись со мной, Винсенте! Я никогда не рожу тебе наследника!

— Нет, не разведусь. Корсиканских супругов разлучает только смерть. Пусть ты не рожаешь, но ты все еще красива, а это приносит пользу. Я вложил в тебя немало средств; если я дам тебе свободу, ты тут же бросишься искать себе нового мужа, который едва ли возместит мне расходы!

— У тебя без того много денег.

— Много денег никогда не бывает, — заявил он и поволок Бьянку в спальню.

Через час она вышла оттуда, слегка пошатываясь, и остановилась, окинув взглядом опустевшую столовую. Винсенте спал. Затуманенный взор Бьянки натолкнулся на камин, имитировавший форму античного надгробия, и она подумала, что у нее нет иного способа получить свободу, кроме как умереть.

Бьянка подошла к буфету, достала бутылку и сделала несколько жадных глотков. Потом подошла к окну. Тулон был портовым городом, работа в гавани кипела круглые сутки; даже ночью было слышно, как в жестяном нутре бьется равнодушное механическое сердце.

Ей не нравилось здешнее море, скованное камнем. Она изредка ходила на пристань из-за слепого гитариста, который иногда там играл. Она слушала его, и ей казалось, что ее печаль

сплетается с грустными переливами гитары. Бьянка всегда подавала музыканту монету.

Повинуясь внезапному порыву, она спустилась в кухню, где Фелиса еще мыла посуду. Та обернулась и скользнула глазами по лицу Бьянки, взгляд которой был подернут мутной пеленой.

— Я хотела ему изменить с кем-нибудь из гостей, просто назло, но потом подумала: у этих мужчин есть жены, дети; они натешатся мной и бросят, как вещь. Скажи, Фелиса, отчего умерла первая супруга Винсенте?

Кухарка вытерла руки и опустилась на соседний стул.

— Темная история. Синьора Мария долго болела. Одно могу сказать: господин поднимал на бедняжку руку, — ответила она и заметила: — Вы выглядите усталой. Почему бы вам не навестить родителей?

— Он не отпускает. Говорит, салон не должен пустовать. Наверное, он боится, что я не вернусь.

— Такое возможно?

Бьянка нервно передернула плечом.

— Нет. Я никогда не сделаю отца заложником своих отношений с мужем. Винсенте недаром сказал: «Тот, у кого много денег, способен причинить большие неприятности».

— А ваши братья? Один из них теперь живет в Аяччо.

— Ему я тоже не стану жаловаться. Винсенте не раз грозил, что выгонит Джулио на улицу. Брат пострадал на войне и не сможет работать, как другие мужчины, а на пенсию с семьей не прожить.

— Если вы будете постоянно думать о других, вам будет сложно найти выход, — заметила кухарка.

— Мне кажется, я никогда не найду выхода, — сказала Бьянка, подняла на Фелису полные слез глаза и добавила: — Возможно, его просто нет?

Глава 6

Прошел год. Над куполом Тюильри победоносно трепетал белый флаг, страну захватили былые изгнанники, герои превратились в отщепенцев. На смену войне пришел мир, но он царил далеко не в каждом сердце. Не было корсиканца, который бы не вспоминал Наполеона, влачившего дни на острове Святой Елены.

Когда Андреа Санто вышел на свободу после десяти лет заключения, он сразу понял, что окружающий мир изменился гораздо больше, чем он сам. Долгое время он был лишен близких, дома, родины, а теперь — еще и императора. Страной правили люди, готовые плюнуть в лицо самому великому из его соотечественников.

Если прежде Андреа казалось, что оказаться на воле — все равно что подняться наверх из самой Преисподней, то сейчас он не знал, куда он вообще попал.

Андреа Санто получил желтый паспорт, в котором было написано, кто он, сколько и за что отсидел. Бывшему узнику было велено отправиться на место вечного поселения в какую-то глушь, названия которой он никогда не слышал:

его выставили из тюрьмы, а заодно вышвырнули из жизни. Он снял арестантскую одежду, и ему было позволено выбрать другую — из груды тряпья, напоминавшего кучу опавших листьев. Возможно, то были вещи людей, которые недавно вошли в тюремные ворота, а быть может, одежду сняли с трупов.

Андреа не стал задумываться об этом: он выбрал куртку грубого сукна, полотняные штаны и рубаху. За десять лет тяжелого, на пределе сил труда он получил тридцать девять франков. Андреа не помнил, когда в последний раз держал в руках деньги, а потому понятия не имел, много это или мало.

Когда ему сказали, что он свободен, он не испытал никакой радости. На каторге Андреа нашел если не друзей, то товарищей по несчастью. На воле у него не было никого.

Он не считал возможным вернуться на Корсику — и не только из-за боязни ареста. Мать и сестра остались в другой жизни, и даже если они были живы, он не желал смущать их своим появлением, обременять присутствием и покрывать их головы позором. И мать, и Орнелла наверняка давно оплакали его и, возможно, забыли.

Клод Бонне, Кувалда, назвал ему адрес и прика-

зал запомнить некий секретный пароль.

— Это наши ребята, — заметил он, — они всегда помогут.

Андреа понимал: воспользоваться явкой означало ступить на преступный путь, а этого он хотел меньше всего. Однако он поблагодарил Кувалду и пожал ему руку. Напоследок Клод Бонне предупредил:

— Будь осторожен. Хотя иногда стоит идти туда, где тебя никто не ожидает встретить, делать то, на что ты не можешь решиться, произносить слова, которые не идут с языка.

И вот Андреа стоял на пристани Тулона, вдыхая воздух свободы. В его холщовом мешке лежали деньги и «Дельфина» — единственный талисман и якорь в этом чужом, враждебном мире.

Андреа долго не решался пойти по улицам — ему чудилось, что его вот-вот остановят, прикажут предъявить документы, а потом арестуют. Свобода казалась невесомым мостиком, на который опасно ступать, хрупким цветком, который легко сломать, беззащитной птицей со слабыми крыльями.

Наконец он преодолел робость и долго блуждал по улицам. Проголодавшись, купил хлеб за два су и напился воды из фонтана, а после продол-

жил путь. Андреа удивляло все: яркие цветы на клумбах, певучие звуки колоколов, причудливые наряды толпы, разукрашенные экипажи. На каторге заключенных сгоняли в одно место, как стадо баранов, здесь каждый человек был сам по себе. Андреа не верил, что когда-нибудь научится ориентироваться в этой пучине, как до сих пор не понял, что перестал быть номером триста четырнадцать и обрел свое прежнее имя.

Заметив книжную лавку, он около часа топтался на противоположной стороне улицы, прежде чем решился перейти дорогу и толкнуть дверь. Звякнул колокольчик; Андреа очутился в душном тепле и был окутан дивным запахом покоя и древности, переплетенной кожи и бумаги. Он застыл в состоянии минутного блаженства; больше всего на свете ему хотелось, чтобы этот мир стал его домом, он желал в нем укрыться, мечтал остаться здесь навсегда.

— Что вам угодно? — сухо произнес пожилой хозяин, не прибавляя слова «сударь».

Андреа произнес названия так, как произнес бы спасительную молитву. Хозяин подошел к полкам и вернулся со стопкой книг.

— У вас есть деньги?

— Да.

К счастью, он смог заплатить и схватил свою покупку так, как если бы это был пропуск в рай.

Покидая лавку, Андреа заметил молодого помощника хозяина, который стоял ни жив ни мертв, сжимая в руках тяжелый подсвечник, и на его лицо наползла мрачная тень. Он ожидал, что к нему станут относиться, как к насекомому, но не был готов к тому, что его станут бояться.

Выйдя на улицу, Андреа торопливо сунул покупку в мешок и пошел прочь быстрым шагом, словно боясь, что кто-то догонит его и скажет, что он не имеет права открывать эти книги.

Когда пришла пора подумать о пристанище, Андреа рискнул войти в скромную гостиницу, где его тут же попросили показать документы. Он в испуге выскочил наружу. Андреа понимал этих людей: он был очень бедно одет, его волосы только-только начали отрастать, а на лице застыло выражение мрачной настороженности.

Андреа решил отыскать больницу доктора Моро. По дороге он старался обращаться с вопросами к тем, кто выглядел скромно и бедно, и при разговоре прятал глаза.

Наконец он подошел к большому зданию больницы. В высоких окнах сияло солнце, что показалось Андреа предвестником надежды,

надежды, которая загоралась в нем всякий раз, как он вспоминал Аннету Моро.

Он не знал, что хочет ей сказать, он ничего не ждал, он просто хотел ее увидеть.

К сожалению, привратник ничего не знал о мадемуазель Моро, но в темных запутанных больничных коридорах, где витал запах сырости и больничной пищи, Андреа посчастливилось встретить одного из врачей.

— Что вам нужно? Вы больны? — спросил тот.

— Я хочу что-нибудь узнать об Аннете Моро, дочери доктора Моро. Когда-то она мне очень помогла. Я знаю, что она собиралась выйти замуж, и, к сожалению, мне неизвестна ее нынешняя фамилия.

— Дочь доктора Моро? Его младшая дочь? Она умерла, кажется, лет семь назад.

Андреа покачнулся. На миг ему почудилось, будто небо смешалось с землей.

— Умерла?!

— Да. Говорили, она заразилась опасной болезнью от какой-то нищенки, за которой ухаживала в женском отделении больницы. Ее не смогли спасти. А доктор Моро жив. Вы можете попытаться его повидать.

Андреа попятился.

— Нет.

Он вышел наружу. Горе заслонило действительность. Сердце было крепко сжато в невидимом кулаке. Много лет в его душе мерцал огонек, который позволял ему надеяться и жить, — при этом Аннета Моро давно превратилась в тень, ушла туда, откуда не возвращаются!

Андреа вынул из мешка одну из книг. «Коринна, или Италия», новый роман мадам де Сталь. Успела ли Аннета прочитать эту книгу? Видела ли она его с Небес, могла ли угадать его мысли, почувствовать, что творилось в его душе?!

У него мелькнула мысль обратиться в полицию и попросить вернуть его на каторгу, в жестокий, но привычный мир, однако Андреа понимал, что это невозможно до тех пор, пока он не совершит новое преступление.

Преступление он совершить не мог — ему мешал взор Аннеты, печально и ласково сияющий с неприветливых Небес.

Андреа переночевал под чьим-то забором. Ему понравилась узорная кованая решетка, увитая остролистным плющом, — она напомнила ему уголок родной Корсики. Он хотел заплакать, но не сумел — потому что отвык. Он неподвижно лежал на земле, положив под голову мешок, и

ему чудилось, будто все в нем — и тело, и сердце — превратилось в камень.

Утром, едва свет прогнал тьму и на деревьях запели птицы, из ворот вышел прилично одетый человек. Увидев Андреа, остановился и спросил с любопытством, но без страха:

— Кто ты такой?

Андреа вскочил на ноги. Спросонья он не сразу сообразил, где находится, потому привычно ответил:

— Триста четырнадцатый.

Мужчина коротко рассмеялся.

— А где остальные триста тринадцать? Ты что — недавно освободился?

Андреа потупился.

— Вчера.

Собеседник внимательно и бесцеремонно оглядел его с головы до ног.

— Ты случайно не с Корсики?

Андреа рискнул поднять глаза.

— Да.

— Корсиканцев сразу видно, хотя ты хорошо говоришь по-французски. По мне они на вес золота, потому что в отличие от французов не привыкли брать чужое. За что ты сидел?

— За убийство.

Мужчина удовлетворенно усмехнулся.

— Не иначе на почве мести!

Андреа подумал, что то немногое из хорошего, что было в его жизни, сохранилось в немногочисленных воспоминаниях, будто солнце в капле воды. Точно так же трагедия его жизни могла уместиться в нескольких сухих словах.

— Я поссорился с одним человеком, он ударил меня по лицу, и я выстрелил в него из ружья. Меня арестовали и осудили потому, что он был офицером французской армии. Отправили на каторгу на семь лет, а еще три добавили за побег.

— Понятно. Что думаешь делать? — мужчина говорил почти дружески.

— Я не знаю, — сказал Андреа и признался: — Я должен отправиться на место поселения.

— Где это?

Он покорно вынул желтый паспорт и протянул собеседнику. Мужчина прочитал и присвистнул.

— Край света. Тебе там нечего делать.

— У меня нет выбора.

Собеседник прищурился.

— Выбор всегда есть. Почему не пойдешь к своим ребятам?

— Я никого не знаю.

— Не лги, — сказал мужчина и, заметив непро-

ницаемое выражение лица Андреа, добавил:
— Впрочем, как хочешь. Всему свое время. Пока что могу предложить тебе работу — мне как раз нужен человек. Чистить лошадей, вскапывать землю в саду, передвигать тяжести, словом, делать, что придется. Прежний работник уходит через несколько дней, он успеет обучить тебя всему, что нужно знать.

— Если я останусь в Тулоне, меня арестуют.

— Я тебя прикрою. К тому же тебе не придется слишком часто сталкиваться с жандармами: без крайней необходимости можешь не выходить на улицу.

В глазах Андреа зажегся свет безумной надежды. Он не мог подобрать слов:

— Я… я…

Человек усмехнулся.

— Хочешь сказать, что благодарен? Возможно, когда-нибудь ты в самом деле окажешься по-настоящему полезен для меня. Мне нужны преданные люди, на которых можно положиться в любой момент. Я стану платить тебе жалованье. Отдельной комнаты предоставить не смогу, но, думаю, ты не откажешься жить в конюшне.

— Я согласен.

Андреа был рад, что ему не придется общаться

с другими людьми и он сможет проводить время с Животными. После лишенной всякого убранства затхлой клетушки корабельного трюма или тюремной камеры конюшня казалась почти что дворцом.

— Тогда идем, — позвал новый хозяин и добродушно добавил: — Значит, Андреа Санто?

— Да.

— Меня зовут Винсенте. Винсенте Маркато.

Спустя четверть часа Винсенте вошел в кухню, где Фелиса привычно колдовала над котлами. Заслышав шаги, женщина недовольно обернулась. Она относилась к приготовлению пищи, как к своего рода таинству, исключавшему присутствие посторонних, даже если это был сам хозяин.

— У нас новый работник, — небрежно произнес он. — Должен предупредить: он десять лет провел на каторге. Но вроде парень смирный. Его надо накормить.

Фелиса застыла с ложкой в руках. Не прибавив ни слова, Винсенте повернулся и вышел.

Когда Андреа несмело остановился на пороге и тихо поздоровался, Фелиса заметила, что он ждет разрешения войти в кухню. Окинув взглядом его лицо и фигуру, она увидела все, что хотела

увидеть, и приветливо произнесла:

— Проходи, сынок. Садись к столу.

Она поставила перед ним тарелку с мясом, которое готовила на ужин, положила большой кусок хлеба. Мясо было золотисто-коричневым, сочным. К нему был подан картофель, которого Андреа никогда не ел, и свежие овощи.

— Спасибо.

— Как тебя зовут?

— Андреа Санто.

— Почему ты не смотришь людям в глаза?

Андреа вздрогнул. Ему хотелось ответить: «Привычка. Если глядишь в землю, меньше рискуешь получить удар». Впрочем иные охранники, напротив, кричали: «Посмотри на меня!». А после опять-таки били. Никогда нельзя было угадать, что может спасти от побоев, от унижений, от смерти.

Он ограничился тем, что сказал:

— Не знаю.

— Ладно, ешь, не буду тебя смущать, — промолвила кухарка и повернулась к своим котлам.

Прошло несколько дней. Прежний работник ушел, Андреа остался один. Он любил животных, и лошади быстро привыкли к нему. Он каждый день насухо вытирал их, чистил, давал воды и

овса. Ему нравились глубокие спокойные звуки, наполнявшие конюшню, нравилось наблюдать за движениями лошадей. Когда они толкали его в плечо своими мягкими мордами, на его лице появлялась тень улыбки. Андреа всегда смотрел животным в глаза и разговаривал с ними так, как никогда не говорил с людьми. Возиться в саду он тоже любил, предпочитая делать это на рассвете не потому, что было прохладно, а оттого, что в это время обитатели дома еще спали.

По ночам, лежа в душистом сене, Андреа вспоминал Корсику, остров, где синее сливается с зеленым; воскрешал в памяти запах водорослей, гладкость омытых морем и нагретых солнцем камней, блеск рыбьей чешуи в глубине воды, следы птичьих лап на мокром песке, похожих на загадочные письмена. Вспоминал, как светятся скалы в лунном свете, как во время шторма на берег накатывают гигантские валы, как пахнут можжевельник, самшит, лаванда и вереск.

Иногда он заходил в кухню и смотрел, как на стенках медных котлов вспыхивают алые отсветы огня и как из-под крышек вырывается пар. Наблюдал за тем, как Фелиса не спеша помешивает соус или ловко режет овощи. Женщина никогда не лезла в его душу, хотя Андреа чувство-

вал, что она способна увидеть и понять все, что он был бы рад скрыть даже от Господа Бога.

Он никогда и ни с кем не заговаривал первым. Когда горничная, дерзкая девчонка, попыталась заигрывать с ним, он так посмотрел на нее, что она на миг потеряла дар речи.

Почти каждый вечер из дома доносился гул голосов, смех, звон бокалов, звук музыкального инструмента. Андреа не обращал на это внимания. Эти люди принадлежали к другому миру, а он жил в своем. Он искренне полагал, что так будет всегда.

Бьянка знала о том, что муж нанял нового работника, но не желала его видеть. Ей казалось, что впустив в дом человека, связанного с преступным миром, Винсенте намеренно решил лишний раз оскорбить ее чувства. Чиера, молоденькая служанка, подлила масла в огонь, рассказав госпоже о том, как этот парень умудрился нагнать на нее страху, не промолвив ни единого слова. Чиера приходилась Винсенте дальней родственницей, потому он не посягал на ее честь. Впрочем, Бьянке давно были безразличны такие вещи: она прекрасно знала, что временами муж посещает публичный дом и даже взял одну из проституток на постоянное содержание.

— Я видела его только издалека, — сказала она служанке. — Вблизи он, должно быть, очень страшен?

— Я бы не сказала, — ответила Чиера, расчесывая волосы госпожи. — Он мог бы показаться даже красивым, если б не эта печать на лице.

— Печать чего?

Горничная пожала плечами.

— Он нелюдимый и мрачный, этот Андреа.

— Злой?

— Он непонятный. Знаете, чем он занимается, когда закончит работу?

— Чем?

Чиера округлила глаза и шепотом поведала:

— Читает книги!

— Он умеет читать?! — изумилась Бьянка и неожиданно встала. — Я хочу на него взглянуть.

Она накинула шаль, спустилась во двор и решительно вошла в конюшню.

Двери были распахнуты, и свет свободно вливался внутрь. Бьянка прищурилась, вдыхая воздух, полный соломенной трухи и невесомой пыли, которая в лучах солнца казалась золотой.

Лошади мирно всхрапывали, хрустели сеном — эти звуки напомнили ей Корсику и отцовский дом. Она сделала шаг внутрь.

На мгновение Бьянке почудилось, будто в помещении никого нет, но затем она угадала присутствие человека. Ей не хотелось его окликать, и она продвигалась вперед, пока из полумрака дальнего закоулка конюшни не проступило мужское лицо.

Глаза блеснули, а после вновь подернулись темнотой, а черты затвердели. Он был худощавым, но сильным, в нем угадывалась недюжинная выносливость. Он вовсе не выглядел грубым, напротив, в его полном тайной скорби лице сохранилось что-то юношеское.

Бьянку поразил не сам человек, а то, что она его узнала.

Андреа смотрел на женщину, которая стояла в нескольких шагах. Очевидно, то была хозяйка дома, которую он прежде видел лишь издали. Складки свободно спадавшей с плеч расшитой серебром бирюзовой шали не могли скрыть ее стройной, даже хрупкой фигуры. Светло-каштановые волосы были уложены в замысловатую прическу — причудливое сочетание локонов, завитков и колечек, прическу, какой он никогда не видел ни у одной женщины. Пожалуй, Андреа предпочел бы, чтобы все это выглядело иначе, чтобы волнистые пряди были небрежно

отброшены назад легкой рукой и рассыпались по плечам.

Лицо женщины было красивым, выразительным, но грустным. Она была не из тех, кому легко затеряться в толпе, но на ее облике лежала печать разочарования и усталости, усталости не физической, а душевной.

Андреа знал, что должен поздороваться, быть может, даже поклониться, но он молчал и не двигался.

Она заговорила первой:

— Андреа! Ты жив! Я и подумать не могла, что это ты! Мало ли на Корсике мужчин с таким именем!

Его удивили нотки искренней радости, прозвучавшие в голосе женщины.

Поскольку Андреа продолжал молчать, Бьянка спросила:

— Ты меня не узнаешь? Неужели я так сильно изменилась?

— Я не знаю вас, сударыня.

— Бьянка. Бьянка Гальяни.

Андреа замер. Бьянка Гальяни, девушка, честь которой он когда-то пытался спасти! Куда подевались ее непринужденная улыбка, веселые искорки в глазах, взгляд которых был способен

очаровать любого мужчину, смех, похожий на звук чистого, прохладного родника?

Бьянка и сейчас оставалась красивой, и все же Андреа видел перед собой совсем другого человека. Прежде ему чудилось, будто весенний ветер вот-вот унесет ее на край земли, а теперь она стояла перед ним приземленная, разочарованная жизнью. Он не подозревал, что можно так сильно измениться, оставаясь на воле.

— Так это… вы?

Она нервно рассмеялась.

— Возможно, тебе неприятно меня видеть, но все-таки мы земляки. К тому же почти что родственники: твоя сестра Орнелла вышла замуж за моего старшего брата Дино.

Андреа хотел ответить, что если он когда-либо вспоминал или думал о ней, все это давно погребено под тяжестью лет, но вместо этого произнес:

— Орнелла? Где она теперь?

— В Париже. Представляешь, она поет в театре!

Андреа подумал об обещании, данном умирающему Ранделю: поехать в Париж и отыскать его детей. Теперь это казалось немыслимым.

— У нее всегда был красивый голос, — сказал

он и спросил: — Значит, наши семьи больше не враждуют?

— Нет. Твоя мать живет в Аяччо в одном доме с Джулио, моим братом.

Андреа глубоко вздохнул.

— Она жива!

— Да. Ты не хочешь ее навестить?

Андреа представил Беатрис, ее неподвижное лицо, острый взгляд, слова, которые догоняли жертву, как метко брошенный нож, и вонзались в сердце. И ответил:

— Не знаю.

Бьянка прислонилась к деревянному столбу.

— Значит, ты десять лет провел на каторге?

— Да.

— Тебе приходилось жалеть себя? — неожиданно спросила она, но Андреа не удивился.

— Себя я не жалел. Мне было жаль жизни, растраченной понапрасну.

Ему понравилось, что Бьянка не стала говорить, что у него все впереди. Вместо этого она спросила:

— Я слышала, ты читаешь книги?

Андреа кивнул.

— Какие? Можно посмотреть?

Он нехотя достал мешок, развязал его и про-

тянул Бьянке две книги, которые первыми попались в руки. Ее удивлению не было предела.

— Ты умеешь читать по-французски?!

— И писать тоже. На каторге была школа, где нас обучали монахи.

— Я тоже научилась читать, но этих книг не знаю. Можно взять вот эту?

— Да, — ответил Андреа, хотя речь шла о «Дельфине».

— Она выглядит очень старой, — заметила Бьянка.

— Эта книга была со мной на каторге. Мне стоило большого труда ее сохранить.

— Откуда она у тебя?

— Мне подарил один человек, — ответил Андреа и добавил: — Он умер.

Он почувствовал, что сказал слишком много, отступил от желания держаться на расстоянии от окружающего мира. Он хотел, чтобы Бьянка поскорее ушла, и она в самом деле удалилась, очевидно, почувствовав, что он хочет остаться один.

Ночью Андреа лежал без сна и думал, думал о том, долго ли сможет оставаться сторонним наблюдателем жизни. Он бы позволил судьбе включить себя в тот водоворот восторгов и ярости, что бурлил вокруг, если б не знал одной вещи:

ничто, никто и никогда не способно сделать его по-настоящему счастливым.

Глава 7

Прошло два месяца. У Андреа отросли волосы, и он уже не выглядел таким изможденным и худым. Работы было на удивление мало; во всяком случае, так ему казалось после десяти лет каторги. Если его здоровье и пострадало, то не настолько, чтобы оно не могло восстановиться.

Иной раз Бьянка заглядывала к нему поболтать, и хотя она держалась запросто, почти дружески, Андреа старался сохранять необходимое расстояние, и не только потому, что она была женой хозяина. Просто он не хотел, чтобы кто-то вмешивался в его жизнь.

Винсенте не удостаивал нового работника особым вниманием, но Андреа чувствовал, что господин им доволен. Молодой человек ничего не замечал и ни во что не вмешивался, он знал только свою работу, лошадей и книги.

Однажды, когда пошел ливень, Андреа сидел возле входа, глядя на серебристую колышущуюся завесу, которая отбрасывала на пол конюшни шевелящиеся тени. Пахло мокрой зеленью и землей, и ему чудилось, будто это аромат самой жизни. Он неожиданно вспомнил маки: они

никогда не сдавались; даже почти полностью выгоревшие, сохраняли в себе частичку будущего и продолжали расти.

Когда напротив входа внезапно появилась женщина, Андреа вздрогнул. Нарядное платье намокло и облепило ее фигуру, с неприбранных волос капала вода. Бьянка наклонилась, сняла с ноги туфлю и вылила из нее воду. При этом сильно покачнулась, и Андреа заметил, что она пьяна.

— Где ваш муж? — спросил он обычным холодным тоном и тут же осознал, как нелепо звучит вопрос.

Бьянка скривила губы. Ее щеки пылали.

— Он куда-то ушел. Ты знаешь о том, что он негодяй?

— Я знаю только, что он дал мне работу и кров, когда мне некуда было деваться.

Бьянка прошла мимо него и улеглась в сено.

— Я вся вымокла, — сказала она, расстегивая лиф бледно-розового платья и обнажая нежную белую грудь. Потом вздернула подол, и Андреа увидел ее длинные стройные ноги. — Я хочу изменить ему, неважно, с кем… Хотя бы с тобой. Ведь это из-за меня ты попал в тюрьму!

Ее тон был развязным, а язык слегка запле-

тался. Голубые глаза блестели — в них будто переливались крохотные льдинки. Она была живая, трепетная, теплая, но при этом до предела утомленная и невероятно несчастная.

Андреа приблизился, натянул платье ей на колени и сказал:

— Нет, не из-за вас, а потому что убил человека. — И протянул ей руку. — Вставайте.

— Возьми меня, — сказала она, — как хочешь; можешь даже грубо, так как ты умеешь. Да я и не привыкла к иному.

— Я никак не умею. У меня никогда не было женщины.

Бьянка резко села.

— Это правда? А почему?

— Когда меня арестовали, я был еще слишком молод. А на каторге нет женщин.

— И как ты вытерпел десять лет?

— Когда целый день работаешь на пределе сил, когда тебя кормят гнилыми овощами, когда думаешь только о том, как выжить, никакие женщины не нужны.

— А теперь?

— Теперь я мечтаю только о покое.

— Я тоже, — тихо сказала Бьянка, и Андреа почудилось, что она слегка протрезвела.

Дождь закончился. Капли покрывали траву сплошной пеленой, дрожали на листве и срывались с веток. Бьянка встала и собиралась выйти из конюшни, как вдруг на пороге появился Винсенте. Его смуглое лицо побагровело, глаза были чернее ночи и при этом налиты кровью, в руках он сжимал хлыст.

— Значит, ты предлагаешь себя мужчинам? Готова отдаться любому ничтожеству? Стоило внезапно вернуться обратно, чтобы это услышать!

Андреа почудилось, будто он слышит биение пульса в висках Бьянки, ощущает ее панический животный страх, чувствует судорожный комок в ее горле, дрожь в похолодевших руках.

— Прошу вас, — начал было он, но Винсенте резко повернулся к нему и бросил:

— С тобой я потом поговорю!

Он схватил жену за локоть, и она закричала, отчаянно и тоскливо, как кричат женщины на Корсике над гробом покойника.

Винсенте выволок Бьянку за дверь, будто куль с тряпьем. Обезумевшая от страха, она даже не думала упираться.

Андреа застыл. Им овладело нечто более сильное, чем гнев или боль, — сострадание, готовое

толкнуть на безрассудство. На каторге он был вынужден держать себя в узде — чтобы выжить. На воле он сознательно отстранился от жизни, дабы не ранить себя понапрасну. Андреа чувствовал, как сильно измучен, и знал, что ему нужна передышка. Быть может, если б Аннета Моро была жива и он встретился бы с ней, его душевные силы восстановились быстрее, но она умерла, и эта смерть стала последней каплей того, что он был способен вынести.

Пока Андреа медлил, Винсенте скрылся из виду вместе со своей жертвой.

Немного подождав, Андреа отправился на кухню. Идя вдоль особняка, он слышал грохот и крики, долетавшие со второго этажа. Формально Винсенте был прав, наказывая жену: она напилась, явилась в непотребном виде туда, где ей нельзя было находиться, и предлагала себя работнику. Но на самом деле все было намного сложнее.

— Почему это происходит? — спросил Андреа у Фелисы.

Вопреки обыкновению, ему захотелось с кем-то поговорить.

— Иным людям не надо много причин, чтобы ударить и унизить слабого. Он с самого начала

сумел запугать ее и сломить. Хозяин обвиняет Бьянку в том, что она не рожает ему наследника, хотя все давно поняли, что она-то тут ни при чем, — ответила Фелиса.

— Наверное, я должен вмешаться, — сказал Андреа.

— Не вздумай! — отрезала кухарка. — Винсенте засадит тебя за решетку еще на десять лет.

На следующий день Андреа впервые пошел на набережную. Штормило; море билось о каменный причал с мерным, тоскливым, заунывным грохотом. В порту кипела работа, но мощь кораблей угнетала, а резкие звуки резали слух и действовали на нервы. Андреа понаблюдал за птицами, которые летели к берегу, спасаясь от непогоды. Он долго смотрел в пасмурное небо, словно молясь или надеясь найти ответ на вопросы. В его сознании царил хаос, в душе зияла черная дыра с рваными, кровоточащими краями.

Десять лет его окружали отчаявшиеся, озлобленные люди. Однако лишь очутившись на воле, Андреа понял, что проще быть жестоким и черствым, чем сострадательным и милосердным.

В конюшне его встретил Винсенте Маркато. Сегодня он казался спокойным, даже добродуш-

ным.

— Я хотел поговорить о вчерашнем, — с ходу начал он, увидев Андреа. — Моя жена вела себя возмутительно. Больше такое не повторится.

— Думаю, это произошло случайно, сударь.

Винсенте поднял ладонь.

— Я знаю, что ты ни в чем не виноват. Однако мне довелось услышать нечто любопытное. Правда, что ты ни разу не спал с женщиной?

Андреа долго медлил, но потом все же кивнул.

— Это легко исправить. Ступай в публичный дом и выбери себе красотку. Можно поступить еще проще: хочешь, я пришлю тебе девушку прямо сюда? Ты хорошо работаешь, и я готов сделать тебе подарок. Ты здоровый и сильный парень, тебе нельзя без женщины. Покувыркаешься с ней в сене, и все встанет на свои места.

Андреа отшатнулся.

— Нет!

В его лице промелькнуло что-то страшное. Заметив это, Винсенте невольно отступил.

— Не пугайся. Я не настаиваю. Возможно, десять лет каторги и впрямь способны убить в человеке все естественные желания.

Андреа опомнился, только когда хозяин ушел. Ему показалось, что он сходит с ума. Он не мог

объяснить ни Винсенте, ни кому-то другому, что значит семь лет хранить в душе память о поцелуе (которого, возможно, и не было), поцелуе женщины, которая все равно никогда не смогла бы ему принадлежать. Что он ни за что на свете не променял бы этот поцелуй на «любовь» продажной женщины.

Он не видел Бьянку в течение нескольких дней, между тем в дом опять потекли гости: случалось, вечера заканчивались за полночь.

Однажды Андреа долго не мог уснуть; не потому, что наверху было шумно, а потому, что начал понимать: он не сможет долго оставаться в этом доме. Все, что здесь происходило, пробуждало в нем слишком много воспоминаний и вопросов. Он не мог запереть свою душу на ключ и выбросить этот ключ в невидимый океан.

Ближе к полуночи Андреа услыхал отчаянные женские крики. Он вскочил и вышел наружу. Темное небо напоминало крышку гроба; нигде не было ни души, и только из слабо освещенной гостиной второго этажа доносились жалобные стоны несчастного истязаемого существа.

Андреа бросился к дверям и быстро поднялся по лестнице. Он никогда не был в господских покоях, но безошибочным чутьем отыскал дорогу.

Гостиная была просторной и светлой — кремовые обои, такие же панели, золотистый паркет, изящная мебель, серебряные канделябры. Пахло деревом, духами, вином и… человеческим страхом.

Полураздетая Бьянка забилась в угол. В руках Винсенте была плетка.

Андреа бесшумно прошел на середину комнаты. От его высокой стройной фигуры веяло спокойствием и решимостью.

Бьянка рванулась вперед, каким-то чудом сумела проскользнуть мимо Винсенте и бросилась к Андреа.

— Спаси меня!

— Как у вас хватает совести бить женщину? — тихо спросил он и увидел, каким может быть лицо хозяина.

— Что ты здесь делаешь? Убирайся отсюда! — воскликнул тот и попытался поймать Бьянку за руку. — Теперь я вижу, что ты не зря предлагала себя ему! Хотел бы я знать, что ты в нем нашла!

Хозяин замахнулся на жену, однако Андреа с легкостью вырвал плеть у него из рук. Винсенте побагровел; оба поняли, кто из них сильнее. Однако на стороне хозяина была еще и другая сила.

— Хочешь вновь очутиться на каторге? Я сде-

лаю так, что ты никогда не выйдешь на свободу!

Удар попал в цель: Андреа вздрогнул и отступил. Заметив это, Бьянка отчаянно закричала:

— Не уходи Не отдавай меня ему!

Винсенте сделал шаг вперед.

— Я сказал — убирайся! Мы сами разберемся. Закон на моей стороне.

Его голос звучал уверенно, по-хозяйски. Андреа медлил; казалось, он был готов отступить, и тогда произошло то, чего не ждал никто из троих: Бьянка схватила тяжелый подсвечник и обрушила его на голову мужа.

Винсенте рухнул на пол, по которому тут же начала растекаться кровь.

Бьянка не закричала. Она стояла молча, тяжело дыша, и продолжала сжимать в руках свое орудие. Сейчас она была красива какой-то дерзкой, дьявольской красотой.

Андреа склонился над раненым.

— Он еще дышит. Надо что-то делать. Позови Фелису.

Кухарка прибежала так быстро, как только могла. Пожилая корсиканка не удивилась.

— Это должно было случиться, — сказала она, и Бьянка отозвалась:

— Я не жалею!

Она еще не поняла, что происходит. Однако Андреа уже все знал. Ему стало нечем дышать, он чувствовал, видел, как рвутся тонкие, неокрепшие нити, связывающие его с будущим, которое ему не суждено испытать, потому что он был обязан вернуться в прошлое.

— Это я его ударил, — сказал он. — Фелиса, надеюсь, вам будет нетрудно подтвердить это утром, когда придет полиция?

Бьянка застыла. Глаза Фелисы были прикованы к лицу Андреа.

— Нет, — промолвила кухарка после паузы, которая показалась длиннее жизни, — это не выход. Бегите, бегите оба. Он еще жив; я позову врача. Постараюсь что-нибудь придумать. Вас не станут искать раньше завтрашнего дня, к тому времени вы успеете уехать из Тулона. Не берите много денег и ценные вещи, чтобы это не выглядело как ограбление.

Во взоре Бьянки вспыхнула надежда.

— Поедем на Корсику! — горячо проговорила она. — Я расскажу отцу правду; надеюсь, он захочет и сумеет меня защитить. А ты сможешь укрыться в маки.

Многие мужчины скрывались в маки годами, даже десятилетиями, играя с жандармами в кош-

ки-мышки, но ни один из них не умирал своей смертью. Если он вернется на остров, ему придется остаться там навсегда.

Андреа вспомнил слова Кувалды: «Иногда стоит идти туда, где тебя никто не ожидает встретить, делать то, на что ты не можешь решиться, произносить слова, которые не идут с языка».

Отправиться по адресу, который дал ему Клод Бонне? С Бьянкой?!

После нескольких секунд размышлений Андреа принял решение, от которого не собирался отступать, ибо то был один из тех моментов, о которых говорят: «Время пришло».

— Нет, — сказал он, — не на Корсику. Мы поедем в Париж.

— В Париж?! — воскликнула Бьянка.

— Да. Ты говорила, там моя сестра. Возможно, твой брат тоже в Париже. К тому же я дал одному человеку слово съездить в столицу и кое-кого найти.

Она кивнула. Не обращая никакого внимания на мужа, который лежал посреди гостиной в луже крови, Бьянка сняла с себя украшения и швырнула на каминную полку, потом прошла в свою комнату, наскоро переоделась и причесалась, а также взяла кое-какие личные вещи. Андреа сбе-

гал в конюшню за мешком, в котором хранились книги, желтый паспорт и деньги, которые он не успел потратить.

— Куда нам идти? — спросил он, вернувшись.

— На станцию дилижансов. Я знаю, где это, — сказала Бьянка.

Фелиса быстро перекрестила их, а потом занялась раненым.

Андреа и Бьянка вышли через заднюю калитку и поспешили по тропинке, которая вилась между живыми изгородями, сопровождаемые только луной, чей круглый диск медленно плыл по небу. Андреа вглядывался в мрачные провалы теней и в узоры озаренной призрачным светом листвы.

Бьянка взяла его за руку, и он не мог понять, кто кого ведет. Оба были удивительно спокойны, не испытывали ни лихорадочной горячки, ни холодного страха.

— Прости за то, что я наговорила тебе в конюшне. На самом деле я… совсем не такая.

— Не оправдывайся. Я все понимаю.

— А я — нет. Ты готов был спасти меня еще раз, спасти ценой самого важного — своей свободы.

— Главное — не потерять ее теперь.

Огромная почтовая карета, последняя из отправлявшихся в этот день, ждала на станции.

Бьянка спросила у кондуктора цену и кивнула Андреа. Они забрались внутрь, куда, кроме них, набилось около пятнадцати человек.

Их места оказались возле дверей. Бьянка облегченно прислонилась к спинке вытертого сиденья, и ее ноги утонули в грязной соломе. В дилижансе было так тесно, что им с Андреа приходилось прижиматься друг к другу всем телом. Бьянка не отпускала его руки, и он ощущал легкое смущение. Ему было приятно осознавать, что на него полагаются, что ему доверяют.

Полночи дилижанс полз по ухабам и рытвинам проселочной дороги, пока наконец не выбрался туда, где можно было ехать более-менее быстро. К сожалению, ни Андреа, ни Бьянка не знали о проверке документов на заставах и не только на них. В те времена Франция кишела бродягами и бандитами, потому правительство учредило специальные конные отряды жандармов, которые пытались следить за порядком.

Первый раз дилижанс остановили неподалеку от Лангони. Было еще темно, и жандармы осветили внутренность кареты факелами. Как правило, они ленились проверять документы у всех пассажиров и делали это выборочно. Андреа сидел возле входа, и жандарм указал на него.

Андреа пронизал страх. А еще — тревога за спутницу. Его наверняка тут же арестуют, хотя бы за то, что он появился в неположенном месте, и едва ли Бьянка сумеет добраться до Парижа одна, если учесть то, что надо ехать через всю Францию!

Андреа пытался нашарить документ, который переложил за пазуху. Тем временем Бьянка закрыла глаза и опустила голову на грудь своего попутчика, притворившись крепко спящей. Взгляд жандарма скользнул по красивому лицу молодой женщины, и он небрежно махнул рукой, давая понять, что не намерен ее тревожить. Проверил паспорта у двух других пассажиров и захлопнул дверцу кареты.

Через минуту дилижанс тронулся с места. Андреа сидел ни жив ни мертв, когда Бьянка обвила его шею руками и нашла губами его губы. Он вздрогнул, а потом будто окунулся в бездонный колодец. Невыразимая сладость и какая-то темная сила взяли в плен его душу и тело. Андреа изумился, поняв, что тоже целует Бьянку, более того — сжимает в объятиях, ощущая руками ее плоть до последней косточки.

Это был не призрачный, легкий, как прикосновение крыльев бабочки, поцелуй Аннеты Моро, а

настоящий, горячий поцелуй женщины, которая претерпела много разочарований и страхов и все-таки сохранила все, что присуще живому человеку. Этот неожиданный поцелуй был печатью, скреплявшей невидимый договор, отчаянной благодарностью и дерзким обещанием чего-то большего, того, о чем он не смел и мечтать.

Когда они прибыли в украшенный геральдическими лилиями и перекрашенный в белый цвет Париж, разгорался великолепный летний день. Вдоль Сены прогуливались молодые люди с массивными тростями в руках и сигарами во рту, девушки щеголяли в шляпках, украшенных цветами. По реке проплывала странная штука, которая гудела и пускала дым, — это был недавно изобретенный пароход.

Андреа и Бьянкой овладело неестественное оживление, порожденное скорее волнением, чем радостью. Им чудилось, что они очутились в иной, лучшей жизни.

Под конец пути оба потеряли страх и относились к своему путешествию, как к большому, интересному приключению. Им везло: они ни разу не попались, не были задержаны. Они покупали продукты на фермах и ночевали в придорожных гостиницах, где зачастую делили одну кровать,

но никогда не прикасались друг К другу.

Поцелуев больше не было, и Андреа ломал голову над тем, как истолковать то, что случилось в карете: как неожиданный порыв или намек на то, что их отношения могут развиваться дальше? Так или иначе, он не смел ничего предлагать или просить.

Его не привлекал чисто физический акт, он хотел любви, но не был уверен в том, что его можно полюбить. Он был изгоем, по сути стоял вне закона, у него не было никакого имущества. В своей внешней привлекательности Андреа тоже сомневался.

Он часто задавал себе вопрос, каким образом Бьянка Гальяни, девушка, о которой мечтали все юноши Лонтано, оказалась в руках такого жестокого человека? Однажды он рискнул произнести это вслух, и она ответила:

— Я вышла за Винсенте Маркато из-за безделушек и тряпок. Он был богат, а я мечтала о лучшей жизни. И поплатилась за это. Я его ненавижу. Я буду рада, если он умер.

Андреа рассказал ей о Жорже Ранделе, перед смертью назвавшемся графом Леруа де Лотрек, и своем обещании. Бьянка не возражала, чтобы он попытался разыскать Дамиана и Женевьеву,

однако заметила:

— Чтобы внушать людям доверие, ты должен выглядеть иначе.

Андреа стало стыдно, ибо внешне он и впрямь походил на бродягу. У них остались деньги, и Бьянка отвела его сначала к цирюльнику, а затем к портному, благо, в те времена обычай прятать голову под искусственными волосами, завивать их и пудрить канул в прошлое, а одежда была строга и проста: сюртуки были сшиты по фигуре и напоминали военный мундир.

Стрижка, бритье и новый костюм сделали свое дело: Андреа почудилось, будто он впервые по-настоящему увидел себя в зеркале. Черный сюртук придавал ему некую мрачноватую строгость, четко ограничивая личное пространство, которое не дано было нарушать никому. На лице Андреа лежала печать сдержанности и твердости, он обладал способностью говорить и держаться в отстраненной, холодноватой манере, в чем таилась определенная сила.

И все-таки он произнес с долей горечи:

— Нам не удастся никого обмануть. Люди годами обучаются манерам!

— Смотри на меня, я тебе помогу и подскажу, как себя вести, — ответила Бьянка.

Андреа не посмел возразить, ибо в эту минуту любовался внешностью своей спутницы. Налет отчаяния и страха слетел с нее, будто пыль или горстка пепла, и она вновь стала самой собой: красавица-островитянка с тонким профилем, ясными глазами и веселой улыбкой. Черты ее лица были чуть неправильны, что придавало ей своеобразие и живость, а затаенная мечтательность смягчала природную яркость. Она казалась жгучей, как пламя, и вместе с тем свежей, будто заря.

Бьянка была одета нарядно и в то же время достаточно скромно: лиловое барежевое платье, светло-коричневый муслиновый спенсер, темно-коричневые остроносые туфельки, шляпка из золотистой соломки. Она умела кокетничать, не переходя определенную грань, и улыбаться так, что собеседнику казалось, будто в его душе вспыхивает маленькое солнце. А еще была наблюдательна: поглядев на руки Андреа, сказала:

— Купи перчатки и постарайся их не снимать.

Бьянка была права: у него были руки человека, много лет занимавшегося тяжелым трудом, — с навек загрубевшей кожей, не сходящей коростой мозолей.

Они не знали Парижа, потому взяли экипаж.

Названный Ранделем адрес Андреа помнил наизусть, однако его ждало разочарование: похоже, великолепный особняк тесаного камня с витыми балконами был превращен в многоквартирный дом. Привратник не знал ни Жоржа Ранделя, ни Гийома Леруа — он ни разу не слышал таких имен.

— Этого следовало ожидать, — сказал Андреа своей спутнице. — Прошло десять лет, изменилась страна, изменились люди — все стало другим. Я ошибался, думая, что смогу выполнить свое обещание.

Он повернулся, чтобы уйти, и тут привратник вспомнил:

— Тут есть старуха, приживалка в одной семье. По-моему, она знала прежних хозяев этого дома. Я могу ее позвать.

Старушка приковыляла через четверть часа; она была похожа на нахохлившуюся птичку. Седые букли дрожали по сторонам ее морщинистого лица.

Она не знала Жоржа Ранделя, но когда Андреа назвал имя Гийома Леруа, будто помолодела на десять лет.

— Гийом! Мой дорогой Гийом! Я была его нянней. Он жив?!

Что-то заставило Андреа солгать:

— Да. Но он далеко.

— Передайте ему, что я буду рада, если он навестит старушку Жюли.

— Обязательно передам. Вы не знаете его сына?

— Конечно, знаю! Иной раз Дамиан заходит ко мне.

Андреа затрепетал от радости.

— Вы можете сказать, где он живет?!

Старуха сходила в дом и принесла потрепанную бумажку.

— Он оставил адрес, но я ни разу там не была.

На клочке бумаги были нацарапаны улица и номер дома, которые Андреа сообщил извозчику.

— Что ты скажешь этому человеку? — промолвила Бьянка, разглядывая улицы, мелькавшие за окном экипажа. — Неужели правду? Стоит ли сообщать, что ты был на каторге вместе с его отцом!

— Это мой долг, — ответил Андреа, и больше она ни о чем не спрашивала.

Извозчик доставил их в тесный и грязный квартал с лесом печных труб и зданиями, латанными плохо прибитыми кусками ржавого железа, которое жалобно хлопало и скрипело на ветру. Здесь

пахло как в клоаке, а люди выглядели настороженными и подозрительными.

На первом этаже дома, в который вошли Андреа и Бьянка, им сказали, что Дамиан Леруа здесь не живет. Наверху обитал некий Эсташ Файн, сотрудник какого-то парижского журнала.

И все же Андреа рискнул подняться по шаткой лестнице и отворить незапертую дверь.

В тесной комнатке стояли стол, два стула и кровать. На кровати лежал человек, которого Андреа сперва принял за старика, а потом разглядел, что это его ровесник. Обтянутые сероватой кожей скулы, запавшие глаза, скорбный рисунок рта, заострившийся нос — он видел перед собой лицо безнадежно больного человека.

— Простите, — осторожно промолвил Андреа, — я ищу Дамиана Леруа, но мне сказали, что здесь живет человек с другим именем.

— С некоторых пор я Эсташ Файн, хотя в документе, что лежит под матрасом, записано другое имя. А вы гробовщик? — сказал молодой человек, глядя на черный сюртук нежданного посетителя.

— Вы находите такую шутку уместной?

— Вполне. Скоро он мне понадобится. Откуда вы узнали, кто я и где живу?

— Мне сказала женщина по имени Жюли.

— Старушка Жюли! Я должен ей пять франков. Боюсь, уже не отдам.

— Вы больны?

— Да, — ответил Дамиан и спросил: — Кто вы и что вам нужно?

— Я пришел сообщить о вашем отце, — сказал Андреа, и бледные губы молодого человека искривились в усмешке.

— У меня давно нет отца! И я не хочу о нем слышать.

— Да, его действительно нет, он умер почти десять лет назад. Он просил меня рассказать вам о том, что с ним случилось.

Дамиан сел на постели.

— Что случилось, я знаю. Мой отец был фанатиком, он ненавидел Наполеона и думал только о том, как его уничтожить. А мне, чтобы не умереть с голоду, пришлось служить в «Журналь дю Суар» и писать льстивые статьи про императора. А когда власть вновь сменилась, я оказался на улице. И теперь я вообще не читаю ни газет, ни журналов! Прежде я был вынужден скрывать свое дворянское происхождение, а сейчас, когда могу без опаски заявить, что мой отец носил графский титул, мне не будет от этого пользы. Мой отец променял семью на политику: когда он исчез, мы

погрузились в нищету, моя мать умерла, а я был вынужден скитаться по дальним родственникам и фактически просить милостыню. Потому мне все равно, что стало с Гийомом Леруа. Для меня он давно перестал существовать.

Закончив свою речь, молодой человек мучительно закашлялся, его пальцы судорожно вцепились в дырявое одеяло.

Андреа ничего не оставалось, как сказать:

— Простите. Если так, то я уйду. Жаль, что я ничем не могу вам помочь.

Когда он открыл дверь и уже пропустил вперед Бьянку, Дамиан окликнул:

— Постойте! У вас странно знакомый акцент.

Андреа обернулся.

— Я итальянец, — ответил он, решив умолчать про Корсику.

— В детстве у меня был итальянский гувернер, сеньор Морелли. Один из немногих, кто меня любил и о ком мне хочется вспоминать. Ваша жена тоже итальянка?

— Да, — сказал Андреа, польщенный словом «жена».

— Вы больше похожи на француженку, мадам, — промолвил Дамиан, обращаясь к Бьянке. Потом посмотрел на Андреа: — Итак, что вы

хотели сказать про моего отца, кроме того, что он умер?

Андреа вернулся в комнату, опустился на стул и заговорил. Когда он закончил, сын Жоржа Ранделя, или Гийома Леруа, заметил:

— Непохоже, что вы десять лет пробыли на каторге: вы выглядите намного лучше меня.

Андреа вспомнил, как Рандель говорил, что они с Дамианом похожи. Сейчас было трудно судить об этом. Оба были черноволосыми, темноглазыми и смуглыми, но Андреа и впрямь смотрелся куда здоровее и моложе.

— Вы обвиняете Бонапарта в том, что он отнял у вашего отца состояние и титул, но разве это не было сделано раньше, во время революции? — осторожно спросил он.

— Да, но император ничего не вернул. Словно в насмешку он стал раздавать титулы ремесленникам и крестьянам!

— А теперь? Когда, как вы говорите, власть вновь сменилась?

Дамиан бессильно откинулся на подушки, закрыл глаза и промолвил:

— А теперь я умираю.

— Вы приглашали врача?

— Да. Именно это он и дал мне понять.

Наступила пауза. Потом Андреа спросил:

— Ваша сестра Женевьева жива?

— Да.

— Где она?

— В приюте.

— Вы ее навещали?

— Нет.

— Почему?

— Потому что стыдился своей никчемности. Ей скоро шестнадцать; полагаю, ее судьба каким-то образом устроится.

Когда Андреа и Бьянка вышли на свежий воздух, у последней закружилась голова. Однако Андреа был полон сил. Он сказал:

— Надо съездить в этот приют. Я должен увидеть девушку и поговорить с ней.

— Я устала и хочу есть, — извиняющимся тоном проговорила Бьянка.

Андреа виновато посмотрел на нее.

— Прости. Я привык к мужской выносливости и постоянно забываю о том, что рядом со мной женщина.

Они вернулись в центр города и зашли в кафе «Ламблен», где им подали рагу из говядины с петрушкой и зеленым горошком и превосходное вино. Бьянка видела, что Андреа все равно, что

есть и пить, что он обедает в кафе и заказывает дорогие и вкусные блюда только ради нее. Однако он следил за ее манерами и старался ей подражать.

Она смотрела на мужчину, которого в детстве дразнили и презирали ее братья, да и она сама, который многим жителям Лонтано казался недоумком, и понимала, что перед ней совсем другой человек. Его способность преодолевать трудности была равна умению скрывать свое горе.

Бьянка подумала, что Андреа неслучайно выбрал черный цвет одежды. Он выглядел прилично, мог появиться в любом месте и вместе с тем траур словно отгораживал его от окружающего мира.

— У нас осталось мало денег, — заметила она.

Андреа посмотрел на нее так, будто только что вернулся на землю из каких-то заоблачных далей.

— Мне кажется, хватит на еще несколько дней, а потом мы что-нибудь придумаем.

После обеда к Бьянке вернулись силы, и она согласилась поехать в приют, адрес которого дал Дамиан.

Заведение пребывало в страшной нужде, о чем кричало все: облезлые стены, сырые коридоры,

убогое платье и истощенные тела и лица преподавателей и воспитанниц.

Андреа и Бьянка прошли в обшарпанное помещение, служившее кабинетом начальнице этого приюта нищеты. Угасшее, усталое создание в бумажном платье и шерстяных чулках, с небрежно причесанными волосами равнодушно выслушало их и сказало:

— Да, среди наших воспитанниц есть Женевьева Леруа. Кем вы ей приходитесь? Я не имею права сообщать сведения о воспитанницах посторонним людям.

— Я брат этой девушки, и мне нужно знать, что ее ждет в будущем, — ответил Андреа, опасаясь, что начальница потребует показать документы, но она не стала этого делать.

— Когда Женевьеве исполнится шестнадцать, она выйдет замуж.

Андреа сплел пальцы, обтянутые черной кожей перчаток.

— За кого?

— За господина Сельва, он присмотрел ее пару лет назад. Сорокалетний вдовец с шестью детьми.

Бьянка заметила, что в глазах ее спутника появилось прежнее потерянное выражение. Со-

общение явно выбило его из колеи. Обещание, данное Ранделю, обернулось трагедией: его сын был тяжело болен, дочь угодила в безвыходное положение.

— А что говорит Женевьева? Она согласна?

Начальница пожала плечами.

— Конечно. Что ей остается делать?

Бьянка не выдержала и рассмеялась.

— И это — партия для шестнадцатилетней девочки?!

Взгляд блеклых глаз начальницы сделался острым.

— У нее нет родных, нет приданого. Государство вырастило и воспитало ее. Она не может оставаться в приюте после того, как достигнет соответствующего возраста. Мы, по возможности, стараемся пристроить наших воспитанниц. Поверьте, это не такой уж плохой вариант!

— А если я заберу ее отсюда? — вдруг спросил Андреа.

— Если вы предоставите документы, подтверждающие, что вы ее родственник и опекун, а также докажете, что сумеете ее обеспечить, тогда забирайте. Вы хотите повидать Женевьеву?

— Благодарю, не сегодня, — промолвил Андреа, поднялся и направился к дверям.

Начальница проводила его недоверчивым взглядом.

Когда они оказались на улице, Бьянка не знала, что сказать. Корсиканцы — странные люди, они безраздельно верят в судьбу и вместе с тем не желают ей покоряться.

Случаются дни, когда солнце сияет слишком ярко, а пронзительная синева небес кажется беспощадной. Так бывает, когда в душе темно, когда жизнь становится похожей на кораблекрушение и приобретает цвет могильной земли, когда человек полон сознания того, что он не может ничего изменить.

— Надо вернуться к Дамиану, — решительно произнес Андреа. — Пусть едет в приют и забирает сестру.

Бьянка покачала головой.

— Он едва может подняться с постели.

— Мы возьмем экипаж и привезем его.

— А что потом?

— Не знаю. Рандель слишком много сделал для меня. Я не могу так просто отказаться от своего обещания.

Они поехали к Дамиану на следующий день. Накануне сняли комнату в недорогой гостинице. Их разделяло расстояние вытянутой руки, вместе

с тем Бьянка ощущала, что между ними выросла гранитная стена.

Андреа сосредоточенно размышлял; что-то в нем неуловимо перерождалось, пробуждалось, росло. Бьянка не мешала; она чувствовала, что незаметно вошла в его жизнь, и верила, что останется там навсегда.

Когда они поднимались по знакомой скрипучей лестнице, их окликнули снизу:

— Эй, куда вы идете?!

Андреа замедлил шаг.

— К Эсташу Файну.

— Вчера вечером его увезли.

— Куда?

— В Кламар.

— Что это?

Женщина вышла из закутка, чтобы получше рассмотреть собеседников.

— Кладбище. Он умер днем, и я сразу вызвала полицию и гробовщика. Мои жильцы не стали бы терпеть в доме покойника!

Душу Андреа сковал холод. Бьянка с тревогой смотрела на него. Иногда ей казалось, что он носит чужое лицо, что в нем живет еще кто-то, кроме него самого. Вероятно, это было связано с тем, что ему пришлось вынести за десять лет.

— Его похоронили как Эсташа Файна?

Хозяйка уперла руки в бедра.

— Думаю, его похоронили вообще без имени — в общей могиле. Не мне же тратиться на похороны!

— Почему вы вызвали полицию?

— Таков порядок, если кто-то умирает, да еще в одиночестве.

— Жандармы нашли его документы?

— Там нет никаких документов. В комнате вообще нет ничего ценного, я уже смотрела, — сказала хозяйка и запоздало поинтересовалась: — А вам что нужно?

— Осмотреть комнату. Возможно, мы ее снимем.

— После покойника? Буду очень счастлива.

Вновь очутившись в жилище Дамиана, Андреа обвел почерневшие от плесени стены новым взглядом, осторожно провел рукой по исцарапанному деревянному столу, то ли мысленно прощаясь с бывшим хозяином комнаты, то ли прося у него прощения. Потом приподнял отсыревший, впитавший затхлость матрас, вытащил бумагу, развернул ее, прочитал и заметил:

— Хорошо же искали!

Сам не зная, зачем, он положил паспорт Дами-

ана Леруа в жилетный карман сюртука рядом со своим желтым паспортом и сказал Бьянке:

— Идем.

Они провели день, гуляя по кипящему и бурлящему Парижу. Все пребывало в движении, и только в их душах царила странная тишина.

«Гранит и железо — вот из чего должны быть сделаны наши сердца», — это Андреа слышал на каторге. Он в самом деле встречал таких людей. Но сейчас он как никогда лучше понимал, что сам устроен совсем по-другому.

Вечером Андреа и Бьянка легли в кровать, как и прежде, сняв только верхнюю одежду и целомудренно отвернувшись друг от друга. Андреа слушал, как сердце постепенно наращивает удары, превращаясь из трепещущего комка в кузнечный молот. Ему казалось, будто стены комнаты начинают пульсировать в такт. Приезд в Париж, внешние перемены, смерть Дамиана подействовали на него неожиданным образом. Он вдруг понял, что жить, быть молодым — это дар, и его надо использовать.

Андреа не знал, что такое любовь, но был уверен в том, что ничто иное, чем то, что им владело, не может называться этим словом. Он был готов предложить Бьянке свою душу и свою жизнь, а

еще он хотел ее, безудержно, страстно; желание жило в нем, как безмолвный крик, раздирающий и тело, и душу.

Бьянка лежала рядом и тихо дышала. Что стоило протянуть руку, повернуться, сжать в объятиях, ощутить ее губы на своих губах и себя в ней, прошептать все те немыслимые слова, что родились в его душе?!

Андреа не двигался. Он лежал и улыбался в темноте, улыбался впервые за минувшие десять лет, улыбался, как ребенок, который знает, что утром найдет в башмаке желанный подарок феи, как человек, который только что понял: все еще впереди.

Глава 8

Утром речь зашла не о любви, а о деньгах. У Андреа и Бьянки осталось пять франков. Если бы они продолжили жить, так как жили с момента приезда в Париж, им бы хватило их еще на пару дней. Они могли переехать в дешевую комнату, наподобие той, какую снимал Дамиан Леруа, покупать еду в скромных лавчонках и растянуть имеющуюся сумму на более-менее долгий период.

— Интересно, правду ли говорят, что обычно большие деньги заработаны нечестным путем? — задумчиво произнес Андреа.

— Мой муж создал свое состояние на торговле контрабандным товаром, — ответила Бьянка.

Андреа удивился.

— Ты уверена? Откуда ты знаешь?!

Она улыбнулась.

— Винсенте Маркато любил повторять, что женщины не только не имеют права распоряжаться имуществом и занимать государственные должности — они вообще ни на что не способны. Он не учел того, что нам дан талант подслушивать и слышать то, что даже не произносится.

А вместо знаков отличия, которыми так глупо кичатся мужчины, мы охотно носим украшения и наряды.

— Если б у меня было много денег, я купил бы тебе все, что ты пожелаешь, — сказал Андреа.

Бьянка перестала улыбаться, подошла к нему и положила руки ему на плечи.

— Мне не нужны деньги. Я готова отдать все, что у меня еще осталось, за встречу с человеком, который хочет и не боится любить.

Наступила пауза. Андреа чувствовал, что может перейти невидимую грань прямо сейчас, однако в этом случае его затянуло бы в такой многоцветный, мощный, испепеляющий и пленительный водоворот, что он едва ли выплыл бы оттуда даже гигантским усилием воли.

В его мыслях царствовал Рандель со своей просьбой умирающего. А еще — Женевьева, которую Андреа никогда не видел. Он незаметно отстранился от Бьянки и произнес привычным холодноватым тоном:

— Мы поедем в игорный дом.

Она встревожилась.

— Что ты задумал? Что ты об этом знаешь?!

— Среди заключенных был человек, который провел в игорных домах половину своей жизни.

Он много чего рассказывал. Едва ли можно с ходу разобраться в том, чего никогда не видел, но, думаю, стоит попробовать. И если… если я выиграю, ты поцелуешь меня так, как тогда, в карете?

В голубых глазах Бьянки заплясали искры.

— Я поцелую тебя, даже если ты проиграешь все на свете!

По дороге Андреа продолжал думать. Он бы мог попытаться осесть в Париже, затеряться среди народа, снять жилье, найти работу, влачить нелегкое, унылое, полное тревоги и лишенное радостей существование бедного и бесправного человека. Беда заключалась в том, что у него не осталось времени. Он должен был ценить бриллианты дней, спешить жить.

Андреа мечтал наверстать упущенное и получить хотя бы толику того, что было отнято десятью годами каторги. Ему хотелось читать, видеть, слышать, хотелось помочь Женевьеве и сделать счастливой Бьянку. Для этого ему было нужно или идти напролом так, как не способен пойти никто, или искать такие обходные пути, каких не знает сам Сатана. Ему был необходим кубик с гранями, на каждой из которых судьба выбила одинаковое, наибольшее количество очков.

В последние годы пребывания на каторге Андреа в самом деле интересовался азартными играми; возможно, из-за Гастона Мореля, которому удалось выиграть у него удачу. Но хотя ему рассказали обо всех особенностях рулетки, он еще никогда не садился за стол.

Игорный дом был расположен в Пале-Рояль. Неподалеку, напротив здания Национальной библиотеки находился зал Лувуа, в котором пела Орнелла Гальяни.

Бьянка была одета в новое черное платье тяжелого шелка, черную накидку дорогого сукна и черную креповую шляпку. Она читала в одном из модных журналов, что на темной ткани бриллианты сверкают, будто звезды на ночном небе. И хотя блеск украшений заменяло сияние глаз, она высоко несла голову и столь же гордо держала своего спутника под руку.

Они привлекали внимание — не потому, что Андреа не умел себя вести: все это время Бьянка неустанно учила его манерам, и он добился успехов.

Молодой мужчина в черном, в лице которого было что-то монашеское, и красивая женщина с задорной улыбкой на губах, во взгляде которой, тем не менее, таились печаль и тревога, — оба

были похожи на иностранцев, выглядели как чужаки и принадлежали непонятно к какому сословию.

В их сторону обратилось несколько лорнетов, хотя здесь появлялись и не такие персонажи: в игорных домах не в диковинку было наблюдать лица, изуродованные всеми человеческими страстями и умеющие носить любую маску. Сюда приходили, дабы возложить свою жизнь к стопам судьбы, в надежде на то, что она сдаст им иные карты, чем те, что выпали при рождении.

Среди игроков затесалось несколько полицейских, которых было нетрудно узнать. Они вылавливали воров, а заодно выискивали лиц, неугодных роялистскому режиму.

Андреа долго наблюдал за игрой. Неужели все случайности в жизни подчинялись особому порядку? Ему предстояло это проверить.

В конце концов, он поставил оставшиеся пять франков на красное, шестнадцать, и выиграл, после чего последовало черное с числом семь, и тоже выпал выигрыш, как и на черное, три. А потом он поставил на «зеро».

Бьянка, не отрываясь, следила за шариком, прыгающим по зазубринам вертящегося колеса, капризного колеса Фортуны. Она не спрашивала

у Андреа, почему он ставит именно на эти цвета и числа, между тем он просто разыгрывал свою жизнь, повторяя ее ходы.

Судьба это знала, а также знал Бог или дьявол. Андреа был корсиканцем, и судьба провела его сквозь рулетку, как провела по жизни. Его выигрыш составил несколько сот франков, и он не верил своим глазам. Но он не знал продолжения своей истории, потому последний ход принес ему проигрыш, после чего Андреа собрался уходить.

В его руках осталось триста пятьдесят франков — сумма, которой им с Бьянкой должно было хватить на много дней.

Когда Андреа вставал из-за стола, кто-то тронул его за плечо.

— Сударь, прошу, предъявите паспорт, — с настойчивой вежливостью произнес человек с невыразительным, незапоминающимся лицом, но острым и цепким взглядом.

Андреа обернулся к тому, который хотел завладеть его свободой, его будущим, его счастьем, и спокойно произнес:

— Разве здесь показывают документы?

— Я могу потребовать показать документы каждого и везде, где сочту нужным; разумеется, в интересах государства и короля, — ответил

тот и негромко представился: — Полицейский надзиратель Рюбель.

Андреа сунул руку в карман сюртука. Там лежали две бумаги, и он не мог определить на ощупь, где паспорт бывшего каторжника, а где — документ Дамиана Леруа. Медлить было нельзя — если он скажет, что у него нет паспорта, его наверняка арестуют, препроводят в полицейский участок и обыщут: в те времена не надо было много поводов, чтобы задержать человека.

Андреа заметил, что за ним внимательно наблюдают несколько посетителей игорного зала, и понял, что надо на что-то решаться.

Закрыв глаза, он выудил бумагу и протянул жандарму с таким видом, словно бросал карту в лицо судьбе.

Полицейский взял паспорт, развернул и прочитал, шевеля губами, после чего вернул его Андреа со словами:

— Все в порядке. Прошу прощения, сударь.

Молодой человек взял у него паспорт Дамиана, схватил за руку Бьянку, которая была ни жива ни мертва, и бросился вон из зала.

Андреа не успел глотнуть кислорода, как какой-то хорошо одетый немолодой господин нагнал его и преградил ему путь.

— Вы Дамиан Леруа?! Простите, я прочитал ваше имя по губам полицейского. Как хорошо, что я вас встретил. Понятно, что вы желаете сохранить инкогнито, однако, боюсь, здесь не тот случай. Я шевалье де Фревиль, и я наслышан о вашем отце. Известно, что герцог Ришелье[17] лично отдал приказ о вашем розыске! Должно быть, вы не читаете газет?! Советую вам немедля отправиться в Матиньонский дворец; полагаю, вас ждет приятный сюрприз! — Завершив речь, которую Андреа выслушал, не прерывая, с совершенно ошеломленным видом, де Фревиль повернулся к Бьянке. — Простите, сударыня, я так увлекся, что забыл поприветствовать вас.

— Это моя жена, — сказал Андреа, с трудом переводя дыхание.

— Приятно познакомиться, миледи.

Де Фревиль почтительно поклонился и поцеловал молодой женщине руку. На лице Бьянки, прежде бледном, как восковая свеча, заиграла улыбка и появились очаровательные ямочки.

Они вместе вышли на улицу. Шевалье продолжал говорить, и Андреа стоило большого труда

---

[17] Примечания: 17

Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси (1766–1822), французский и российский государственный деятель, премьер-министр правительства Людовика XVIII до 1821 года (с перерывом в 1818–1820).

от него отделаться.

— Что происходит? — спросила Бьянка, когда они забрались в экипаж.

— Не знаю. Для начала нам надо съездить к Женевьеве.

Бьянка не знала, чего хочет ее спутник, и потому растерялась. Перед глазами стоял пример Винсенте Маркато, которому всегда было мало того, что он имел, в котором каждое новое приобретение разжигало костер алчности, где сгорали все человеческие чувства. Не находя выхода своему состоянию, он становился бездушным и жестоким.

— Ты не представляешь, как я испугалась, Андреа! — вырвалось у нее. — Давай покинем Париж. У нас есть триста пятьдесят франков, этого хватит надолго! Поверь, мне ничего не нужно, кроме покоя, о котором ты сам говорил.

Он сжал ее руку.

— Еще немного, Бьянка, совсем немного, поверь! Ты ведь знаешь, я корсиканец, а значит, должен идти до конца.

— И что потом? Тебя арестуют? А что делать мне? Куда возвращаться? К Винсенте? Или тоже сдаться полиции? — с досадой и горечью проговорила она и отвернулась к окну.

— Я люблю тебя, я тебя очень люблю, — признался Андреа и взял ее за плечи. — Вспомни, что ты обещала мне поцелуй!

Они страстно целовались в полумраке кареты, лаская друг друга через одежду. Андреа еще не знал, что любить женщину — это заново лепить то, что создал Бог, но он чувствовал всей душой и всем телом, как душа и тело Бьянки откликаются на его порыв.

Экипаж остановился возле приюта в те самые минуты, когда им хотелось, чтобы он влачился по улицам Парижа целую вечность. Выйдя на улицу, оба знали, что сегодня их ждет ночь любви.

Начальница приюта встретила их с недоверчивой улыбкой, но согласилась позвать девушку.

Она ушла, и Андреа получил минутную передышку. Он не знал, что сказать дочери Жоржа Ранделя, или Гийома Леруа, как дать понять, что он ей не враг, и вообще объяснить, кто он такой. Пусть Дамиан не навещал Женевьеву; она наверняка увидит, что в приемной сидит совсем не ее брат.

И все же он был должен забрать ее отсюда, ибо, хотя снаружи до самого горизонта сияло голубизной чистое, яркое, без единого облачка небо, в этих комнатах и коридорах скопилась тьма, тьма

отчаяния, бедности и безнадежности.

— Женевьева, — сказала начальница, впуская девушку в помещение, — с тобой хочет поговорить твой брат.

Та остановилась, и Андреа поднялся ей навстречу.

— Сестра!

Она вздрогнула и сделала шаг назад. Андреа почувствовал, как его лицо вспыхнуло под пристальным взглядом ее темных глаз, казалось, пытавшихся проникнуть ему под кожу и разглядеть нечто, глубоко сокрытое внутри.

Женевьева была очень бедно одета, выглядела старше своего возраста и вовсе не казалась беспомощной.

— Вы узнаете своего брата? — спросила начальница.

— Да, — твердо произнесла она, — это Дамиан.

Андреа попросил оставить их наедине, и начальница нехотя исполнила просьбу. Когда она ушла, Женевьева, быстро оглянувшись, спросила:

— Кто вы?!

Несмотря на то, что эти стены могли иметь уши, Андреа рискнул рассказать все, как есть. Женевьева спокойно приняла весть о смерти

брата и отца, которого совсем не помнила. Когда положенные для свидания минуты истекли, она поднялась и сказала:

— Я признательна вам за то, что вы пришли и сказали мне правду. Я верю, что вы хороший человек, но я не могу с вами пойти. Считайте, что вы выполнили обещание, данное моему отцу. Вы не виноваты в том, что Дамиан умер и что моя судьба решилась до того, как вы сумели меня отыскать.

— Вы любите мужчину, за которого вас хотят выдать замуж?

Женевьева посмотрела на собеседника так, будто он произнес невероятную глупость, и ничего не ответила.

Когда они выходили из приюта, Андреа промолвил:

— Надеюсь, я смогу заставить ее передумать.

Бьянка промолчала, но, возвращаясь обратно в гостиницу, Андреа чувствовал, что она недовольна. Сперва он подумал, что ей не понравилась Женевьева, однако Бьянка сказала:

— Эта девушка чужая и тебе, и мне. Паспорт в твоем кармане не делает тебя Дамианом Леруа, а Женевьеву твоей сестрой. Если ты заберешь ее из приюта, а потом с тобой что-то случится, ей

некуда будет деваться.

— Судьба — это путь, по которому так или иначе приходится идти до конца.

Бьянка покачала головой.

— Судьба — это паутина. Потяни за одну нить, начнет изменяться все остальное.

— Я вижу, — сказал Андреа, — торчащие оборванные нити, их много, но я не знаю, как их связать.

Он не мог забыть слова Аннеты Моро: «Вы женитесь на красивой женщине, и она родит вам детей. И вы будете очень богаты, Андреа, вы поможете многим несчастным. Вы сумеете прямо смотреть в глаза всему миру. За годы страданий Господь вознаградит вас годами счастья».

Во время ужина мысли Андреа и Бьянки были заняты тем, что ждало их наверху, в номере.

Выпив два бокала шампанского, Бьянка взволнованно произнесла:

— Теперь мне хочется напиться не с горя, а от счастья.

Андреа не было нужно шампанское. Его сердце стучало так сильно, что он с трудом слышал собственные слова.

Они поднялись в комнату. Вечернее солнце струилось в окно, разрисовывая темные стены

золотыми узорами. Белое полотно простыней на кровати целомудренно поблескивало, мягкое желтое покрывало лукаво манило к себе.

Андреа запер дверь на ключ и положил его в карман. Он подошел к Бьянке, которая стояла у зеркала, и спросил:

— Самая красивая девушка Лонтано согласилась бы выйти замуж за самого бедного юношу Корсики?

— Да. Наконец я дождалась момента, когда моему сердцу открылась истина.

— Иногда мне страшно хотелось, чтобы кто-нибудь притянул меня к себе и крепко обнял, прижал к своему сердцу. Мне казалось, что тогда боль сможет уйти или я забуду о ней хотя бы на несколько секунд, — признался он и добавил: — Если это сделаешь ты, думаю, она покинет меня навсегда и все изменится так, как я не смел и мечтать.

Они помогли друг другу раздеться. На теле Андреа виднелись следы беспощадных ударов, на теле Бьянки — тоже, и неведомо сколько их было в сердцах и душах. Но сейчас это было неважно. Главное — оба надеялись на исцеление.

Когда Бьянка распустила прическу и ее волосы рассыпались по плечам густыми, блестящими

волнами, у Андреа перехватило дыхание. Он подхватил ее на руки и понес к кровати.

Вскоре их ничто не разделяло. Их тела изгибались, двигаясь в едином, медленном, но сильном ритме. В воздухе стоял дурманящий, головокружительный запах любви, тишину нарушали тихие стоны и сладкий шепот.

Они занимались любовью так долго, как только могли, до тех пор, пока страсть вновь не возвращалась в их тела. Для Андреа это было впервые. Бьянка тоже открыла в себе нечто неожиданное. Она легла в постель с человеком, которого полюбила, желая сделать ему приятное, а вместо этого сама изнывала от наслаждения.

— Какой ты нежный, Андреа! Мне так хорошо с тобой! — прошептала она, когда они ненадолго разъединились, и призналась: — Я не только согласна выйти за тебя замуж, я хочу от тебя ребенка. Я рада, что у нас с Винсенте не было детей. Человек, который способен издеваться над женщиной, которую взял в надежде иметь от нее потомство, рано или поздно стал бы измываться и над детьми.

Андреа порывисто обнял Бьянку. У него не было слов. Ему чудилось, будто прежний мир рухнул и на его месте выросли райские сады,

родившиеся из уродливых трещин в земле, из грязи, пепла и пыли, и что он вот-вот заблудится в этих бессмертных кущах. Он находил в себе уже не крохотные бутоны влечения и симпатии, а буйно развернувшиеся, пылающие огнем цветы любви и страсти. В его душе больше звучала не робкая мольба, там струился водопад громких и радостных песен.

Годы счастья с Бьянкой! Даже за минуты, проведенные с ней, он, не задумываясь, отдал бы все что угодно.

Когда наутро Андреа сообщил, куда намерен поехать, Бьянка всерьез испугалась.

— О нет! Я обрела любовь не для того, чтобы вновь потерять!

— Именно она и придает мне уверенности в себе. Возможно, я наконец отыщу способ убедить Женевьеву уйти из приюта? Кто знает, быть может, она получит какие-то права или деньги!

— Если б тебя пригласил король, ты бы тоже поехал? — спросила Бьянка и впервые услышала смех Андреа.

— После того, что ты мне подарила минувшей ночью, я способен на все. Если б сам Господь Бог предложил мне посетить Небеса, я отыскал бы подходящую лестницу и забрался туда.

Бьянка видела в нем мечтательного ребенка и одновременно — взрослого, умного, решительного мужчину, способного отвечать за свои слова и поступки.

Андреа убедил ее остаться в гостинице. Сам же привел себя в порядок, тщательно оделся, взял паспорт Дамиана, вышел на улицу, остановил экипаж и сказал извозчику:

— В Матиньонский дворец!

Когда он очутился перед решеткой, за которой виднелось величественное здание, похожее на корабль, плывущий по зеленым волнам лужаек, его охватила не просто робость, а откровенный страх. Он долго бродил вокруг, бродил до тех пор, пока его не остановил офицер, вероятно, из числа охраны.

— Что вам здесь нужно? Кого вы ищете?

Андреа вытащил паспорт и протянул ему.

— Я прочитал объявление в газете — о том, что меня разыскивает герцог Ришелье, но я не уверен, что это правда, потому не решаюсь войти.

— Подождите здесь, — сказал охранник и ушел.

Ожидая его возвращения, Андреа всерьез подумывал о том, не сбежать ли ему, не вернуться ли обратно в гостиницу, к Бьянке, и забыть о том,

что он собирался сделать.

Он никогда не совершал поступков, которыми стоило бы гордиться, по сути, вся его жизнь свелась к тому, чтобы поднимать и опускать тяжелые весла. Едва ли то, что он собирался сделать сейчас, стоило больших усилий!

— Идите за мной, — вернувшись, сказал офицер, — вас действительно ждут.

Андреа пошел за ним к светлому зданию с высокими стрельчатыми окнами, зданию, в котором обитали люди, чьи имена будут вписаны в историю.

Ему чудилось, будто он видит сон: достаточно похлопать себя по щекам, и наступит пробуждение. Ему хотелось расхохотаться, начать скакать по траве, сделать что-то нелепое, дабы разрушить наваждение и вернуть себя в действительность.

Андреа, чьи закованные в кандалы ноги десять лет ступали по дереву и булыжникам, поднялся на изящное каменное крыльцо, прошел широким коридором по толстому персидскому ковру вслед за безмолвным лакеем и вошел в услужливо распахнутую резную дверь.

Белая обивка стен комнаты, разрисованная золотыми лилиями, напоминала усыпанный солнечными бликами снег. Теплые тона мебели,

воздушные занавеси придавали величественной обстановке налет непринужденности, простоты и уюта.

Андреа принял секретарь герцога, Бертран Курье, человек, чьи воспитанность, деликатность и внутренняя сила соответствовали и его должности, и обстановке дворца.

Андреа чувствовал, что вот-вот растеряет последние капли решимости. Он казался себе маленьким и жалким. Совсем недавно любой надзиратель самого низшего ранга был его начальником; в течение десятка лет ему внушали, что он — ничтожество, недочеловек. Это делали не только охранники, но и товарищи по несчастью: стоило вспомнить Гастона Мореля!

— Простите меня, — промолвил Андреа, сжимая в кулак остатки воли, — я не знаю, как себя вести. Я никогда не бывал в таких местах и не обучен этикету.

К его удивлению, собеседник доброжелательно произнес:

— Не смущайтесь. Если вы Дамиан Леруа, нам известно, как вы воспитывались.

В его тоне звучал скрытый вопрос, и Андреа протянул документы.

— Да, это я, — сказал он и понял: что бы ни

случилось дальше, отступать будет некуда.

— Присаживайтесь, ваше сиятельство, — пригласил Бертран Курье, и когда Андреа осторожно опустился на стул, продолжил: — Его светлость герцог Ришелье делает все для того, чтобы вернуть старой знати господствующее положение в стране и восстановить былые привилегии. Имя вашего отца, Гийома Леруа, графа де Лотрека, находится в верхней части списка тех, кто не только пострадал от наполеоновского режима, но и храбро боролся с ним. К сожалению, большинство из его соратников все эти годы находилось в эмиграции и не могло помочь ни ему, ни его родным. Теперь государство и король получили такую возможность, чему мы искренне рады. Вот бумага, в которой прописана сумма, вручаемая вам в качестве компенсации за утерю вашего состояния и те беды, которые вам пришлось пережить.

Великолепный лист с вытисненными на нем бурбонскими лилиями, с изящной витиеватой подписью и солидной печатью небрежно лег на обитый бархатом стол.

Заглянув в документ, Андреа потрясенно произнес:

— Пятьсот пятьдесят тысяч франков?!

— Понимаю, это немного, но, к сожалению, на Францию наложена контрибуция в размере семисот миллионов франков. К тому же земли вашего имения, близ Оссера[18], которое король возвращает вам, будут приносить ежегодный доход. Еще вам, кажется, принадлежал дом в Париже?

Андреа вспомнил старушку Жюли и сказал:

— Дом пусть останется людям, которые живут в нем сейчас. Я жажду уединения.

Бертран Курье кивнул.

— Понимаю ваше желание. Вы можете получить деньги полностью или частями в любой день, обратившись во Французский банк. Вот письмо, адресованное Жаку Лафиту[19] и подписанное герцогом Ришелье. Вы предъявите его и свой паспорт. В другом конверте документы, подтверждающие ваш титул, за королевской подписью и печатью.

Андреа был настолько ошеломлен, что у него против воли вырвалось:

— Почему вы мне верите?!

— Мы прекрасно понимаем, что нам не найти

---

[18] Примечания: 18

Город в 175 км юго-западнее Парижа.

[19] Примечания: 19

Лафит Жак (1767–1844), французский политический деятель, банкир. В 1814–1819 — управляющий Французским банком.

свидетелей, способных подтвердить, что вы это вы. Даже те, кто знал вас в детстве, едва ли смогут это сделать. Те ваши родственники, у кого вы жили некоторое время, умерли — мы выяснили это, пока разыскивали вас.

Андреа перевел дыхание.

— У меня есть младшая сестра; я могу перевести эту сумму на ее имя?

— Как законный опекун сестры вы имеете право выделить ей приданое или назначить содержание, но единоличным владельцем и распорядителем денег являетесь только вы как единственный прямой наследник и носитель титула вашего отца.

— Благодарю вас, — Андреа поднялся. — Я могу идти?

— Разумеется. Если в вашей жизни возникнут какие-то проблемы, обращайтесь к его светлости: он всегда готов помочь.

Когда он подошел к дверям, Бертран Курье промолвил:

— Постойте! Мне не дает покоя ваш акцент. Откуда он у вас? Ведь вы провели жизнь в Париже.

Андреа замер. За одно мгновение перед мысленным взором проплыли сотни разных картин: будто карты, из которых он должен был выбрать

единственно правильную.

— В детстве у меня был итальянский гувернер, синьор Морелли. Один из немногих, кто меня любил и о ком мне хочется вспоминать.

Когда он вернулся в гостиницу, Бьянка, все это время не находившая себе места, так обрадовалась, что едва не задушила его в объятиях.

Однако Андреа не выглядел радостным. Он опустился на кровать, обхватил голову руками и сказал:

— Мы всегда жили очень бедно. И мать, и Орнелла, и я питались только каштанами и носили рваную одежду. Потом я попал на каторгу, где десять лет находился за гранью обычного человеческого существования. Но я пострадал не безвинно: я в самом деле убил человека. Теперь я получаю пятьсот пятьдесят тысяч франков, поместье и графский титул, тогда как Гийом де Лотрек и настоящий Дамиан Леруа брошены в общую могилу, а их дочь и сестра находится в нищем приюте и настолько отчаялась в жизни, что уже ни во что не верит! Я родился на Корсике и, как всякий житель острова, боготворил императора. Теперь же меня осыпают золотым дождем люди, которые ненавидят Наполеона и все, что он сделал!

Бьянка села рядом, положила руку ему на плечо и промолвила:

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, что ты чувствуешь?

— Я чувствую себя самозванцем и негодяем!

— Почему? Ты никого не предавал: все случилось так, как случилось. Ты можешь не получать эти деньги. Не думай обо мне, я навидалась роскоши, будучи замужем за Винсенте. Мне нужен только ты.

— Имея эти деньги, я смог бы заставить Винсенте Маркато, если он остался жив, развестись с тобой. Тогда мы бы могли пожениться.

— Ты женился бы на мне как Дамиан Леруа, а не как Андреа Санто, — заметила Бьянка.

— Это неважно. Главное, ты и я знаем, что мы — это мы. И еще я попытался бы спасти Женевьеву от той участи, которая ей уготована.

— Тогда решайся, Андреа.

Он вынул бумаги и принялся что-то перекладывать. Потом протянул Бьянке два конверта.

— Возьми. В одном паспорт Андреа Санто, в другом — письмо герцога Ришелье. Сожги один из них.

— Конверты совершенно одинаковые!

— Вот именно. Отдадимся в руки Провидения.

И чем бы это ни обернулось, давай не будем жалеть!

— Может быть, все-таки ты?

— Хорошо.

Андреа медлил, тогда Бьянка, в глазах которой зажегся странный огонь, выхватила один из конвертов у него из рук и поднесла к свече. Они наблюдали за тем, как маленькое пламя медленно пожирает документ, в котором было заключено возможное будущее и от которого должна была остаться лишь струйка черного дыма. Казалось, время остановилось, взоры замерли, стук сердец замедлился. Наконец бумага рассыпалась прахом.

Бьянка глубоко вздохнула.

— Возврата нет, — сказала она, взяла оставшийся конверт, открыла его и… вынула лист с бурбонскими лилиями и подписью герцога Ришелье!

Ее глаза изумленно расширились, и она расхохоталась. Андреа не знал, чему смеется Бьянка, но ему вдруг тоже стало легко и весело. Они упали на постель и покатились по ней, сжимая друг друга в объятиях, а потом разделись и занялись любовью, с восторгом познавая правду своей плоти и своих сердец.

На следующий день они съездили в банк, где получили часть денег, а после отправились в приют, где Андреа обратился к Женевьеве с прежней просьбой. Когда он рассказал ей о том, какой суммой располагает и как ее получил, она ответила:

— У меня никогда не было семьи, меня всегда окружали чужие люди. Мсье Сельва неплохой человек, хотя он немолод и у него шестеро детей. Вы позвали меня с собой ради долга, а не потому, что я действительно вам нужна. Вы говорите, пятьсот пятьдесят тысяч франков? Я не знаю, что делать с такими деньгами, на что их можно потратить. Возьмите их себе.

— Женевьева! Я десять лет провел на каторге, мне хорошо известно, что значит ни во что не верить! И все-таки я сумел разомкнуть этот круг! — Она молчала, и тогда Андреа добавил: — Хорошо, я скажу тебе правду. Если ты не пойдешь со мной, боюсь, меня всю жизнь будут мучить угрызения совести. Наследство Дамиана не принесет мне ни радости, ни счастья, даже если я начну заботиться о тех, кто нуждается в помощи.

— Вы можете дать немного денег приюту? — нерешительно промолвила Женевьева. — Девочки так бедно одеты, и у них ничего нет.

— Конечно! И мсье Сельва с его детьми — в ка-

честве компенсации за расторгнутую помолвку.

Когда Андреа выписал чек на пять тысяч франков, с начальницей приюта едва не случился обморок.

— Кто вы?! — с благоговением произнесла она.

— Дамиан Леруа, граф де Лотрек, — сказал Андреа, и ему почудилось, будто он снимает перчатки, обнажая потаенное, вспарывает своими натруженными руками страшные мертвые ткани и вынимает из них робкие, но стойкие зеленые ростки.

Женевьева поселилась в соседнем номере. Андреа делал все для того, чтобы не тревожить ее лишний раз и вместе с тем уделять ей достаточно внимания.

Они не спешили тратить деньги и по-прежнему жили довольно скромно. Андреа навестил Жюли и отдал ей долг от имени Дамиана, а в придачу вручил людям, которые приютили старушку, пятьсот франков.

— Что с Дамианом? — спросила Жюли.

— Он уехал к своему отцу.

— Надеюсь, там ему будет лучше, чем в Париже?

— Там они будут вдвоем.

По ночам Андреа и Бьянка занимались любо-

вью. Молодая женщина наслаждалась, чувствуя, как семя ее возлюбленного падает в пересушенную горечью ожидания почву ее лона. Они стали по-настоящему близки всего несколько дней назад, но Бьянке чудилось, будто она уже ощущает в себе биение будущей жизни.

Им все чаще хотелось покинуть Париж. Они еще не знали, куда поедут, ибо теперь, с документами и деньгами, им был открыт целый мир во всем его блеске и совершенстве, и они могли занять в нем то место, которое сами выберут. В конце концов они решили вернуться на Корсику — после того, как Андреа совершит последнее важное дело: отыщет свою сестру.

Глава 9

Винсенте Маркато не умер: рана была тяжелой, но он поправился. Он не стал заявлять о случившемся в полицию, ибо в ходе расследования этого дела в поле зрения закона мог оказаться и он сам. Единственное, на что рассчитывал мужчина, думая о мести: рано или поздно Андреа Санто придется предъявить документы, и его наверняка арестуют. Он мог получить новый срок за то, что не отправился на место поселения, или быть препровожденным туда принудительно. Что касается Бьянки, Винсенте не мог дождаться, когда судьба предоставит ему право сомкнуть пальцы на нежной шее жены-преступницы.

Он поехал на Корсику, чтобы решить вопрос с гостиницей, и не один, а с командой крепких парней, нанятых специально для этого случая. Остров встретил Винсенте и его спутников неприветливо: с моря поднялся пропитанный солью туман, вода поменяла цвет, сделалась непрозрачной и темной. Над берегом застыли серые громады воздуха и слой облаков, напоминавших огромных медуз. Водоросли извивались на покрытых водой камнях, как огромные змеи, волны

с шумом разбивались о скалы.

Винсенте решительно поднялся на крыльцо дома, который был занят наглым семейством, вероятно, решившим, что все, что здесь есть, давно принадлежит им.

Кармина вышла навстречу и едва не выронила из рук корзинку с детскими вещами. Винсенте с удовлетворением отметил, что молодая женщина испугалась, а также увидел, что она очень хорошо выглядит. Темные, блестящие глаза Кармины напоминали переспелые вишни, вьющиеся волосы были уложены в красивую прическу, тяжелые груди поддерживались бордовым корсажем, гибкую талию облегал кожаный пояс, на котором висел кокетливый бархатный чехол с ключами и ножницами.

— Не ждала? — грубо произнес Винсенте. — Позови своего мужа, сейчас я буду выставлять вас вон!

Кармина прислонилась к стене. Увидев сына, который спускался по лестнице, еле слышно проговорила:

— Орландо, сбегай за отцом.

Винсенте проводил подвижного, яркого, как огонек, мальчика невидящим взглядом. Он кипел от ненависти к этим людям: женщине, которая

его обманывала, мальчишке, который не был его сыном. А также к человеку, у которого хватило глупости жениться на Кармине и таким образом лишить его, Винсенте, всяких прав на нее.

Появился Джулио. Если не считать того, что у него не было ноги, он выглядел красивым и высокомерным.

— Что вам нужно? — холодно произнес он.

Винсенте Маркато взбесил его хозяйский тон, и он выпалил без всякой подготовки:

— Чтобы ты немедленно убрался отсюда вместе со своей женой и детьми!

Глаза Джулио сузились. Кармина задрожала. Она любовно создала это дело, вылепила своими руками, день ото дня вкладывала в него силы. Теперь все пойдет прахом.

— А как же постояльцы? — прошептала она.

— Скажешь им, что гостиница закрывается. Тем, кто заплатил вперед, вернешь деньги. Я выставлю дом на торги. Если у вас хватит денег, можете его выкупить. Только для вас я назначу самую высокую цену!

Джулио сделал шаг вперед, но Кармина, видя, как напряглись безмолвные спутники Винсенте, ухватилась за мужа.

— Не надо! Мы… мы уйдем.

— Вот и славно, — Винсенте оскалил зубы в улыбке. — Кстати, твоя сестра Бьянка такая же шлюха, как и твоя жена. Я нанял на работу бывшего каторжника, парня с желтым паспортом по имени Андреа Санто, нанял из жалости, а она взяла и сбежала с ним!

Джулио отстранил Кармину и шагнул вперед, намереваясь ударить Винсенте, который тут же сделал знак своим людям.

Неизвестно, что случилось бы дальше, если б напряженную тишину не прорезал женский крик, крик изумления и радости, по силе превосходящий те рыдания и стоны, сочившиеся из глубины сердца, полные скорби о потере близкого человека, какие привыкли слышать все корсиканцы:

— Как ты сказал? Андреа Санто?! Он жив! Мой сын жив!

На пороге стояла Беатрис. Винсенте повернулся к ней и процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, его тело уже гниет в какой-нибудь придорожной канаве.

Окинув презрительным взглядом Джулио, который, успев опомниться, больше не делал попыток его ударить, Винсенте повернулся и быстро вышел. За ним проследовали его спут-

ники. Одной рукой Кармина гладила по голове стоявшего рядом Орландо, а в другой сжимала ручонку двухлетней Ромильды. Беатрис напоминала каменное изваяние, и только ее мертвые глаза, казалось, ожили и сияли надеждой.

— Я рад, что Бьянка сбежала, — сказал Джулио, обозленный тем, что ему не удалось поквитаться с Винсенте. — Давно пора было это сделать.

— Куда мы пойдем? — с горечью промолвила Кармина.

— Для начала снимем жилье в Аяччо. Мне бы не хотелось стеснять отца и смущать Данте. Потом что-нибудь придумаем.

Кармина кивнула. Она собрала вещи, Джулио и Орландо погрузили их в повозку. Кармина старалась держаться спокойно, ибо ей должны были понадобиться силы для того, чтобы дать постояльцам разумные и спокойные объяснения.

Невидимые когтистые лапы, десять лет державшие в плену сердце Беатрис, наконец разжались, и она ощутила в душе забытые покой и тишину. Она не чаяла увидеть Андреа и не надеялась заслужить его прощение; ей было важно знать, что он жив.

Орнелла Гальяни сидела перед зеркалом в своей гримерной, ожидая выхода на сцену. За

ее плечами было несколько опер, в которых она исполнила главные партии. Как и прежде, больше всего ей удавались героические драмы. Сегодня она пела в «Медее». Орнелла обожала эту оперу, полную трагической силы и возвышенной красоты.

В гримерную не проникали лучи солнца, а желтый свет лампы казался слишком искусственным. Она провела по лицу пуховкой, словно желая стереть или сгладить следы, которые оставили годы. Впрочем время было милостиво к ней: к тридцати годам ее красота не увяла, а расцвела — теперь Орнеллу можно было сравнить не с диким цветком Корсики, а с экзотическим растением, взлелеянным в королевских садах.

Всего, что у нее сейчас было, она добилась с помощью таланта, характера и настойчивости. Орнелла искренне полюбила атмосферу театра, его декорации, костюмы, сцену и публику. Однако порой, когда гул аплодисментов стихал, занавес опускался, представление заканчивалось и она была вынуждена вернуться в обычную жизнь, ее охватывали растерянность и опустошенность.

Случались минуты, когда Орнелле хотелось отдать блеск и славу этого мира за защищенность и покой, за уют домашнего очага. Они с Дино

были женаты десять лет, но при этом пробыли вместе едва ли больше нескольких месяцев. Они сдержали клятву и ни разу не изменили друг другу. Орнелла никогда не спрашивала мужа о том, верен ли он ей, она просто знала, что это так.

Думая о Дино, она не находила себе места. После вторичного отречения Наполеона он немедленно подал в отставку, но до сих пор не вернулся в Париж. Орнелла подозревала, что он пытался устроить судьбы младших по званию и уберечь их от преследования новых властей.

Дино покорил собственную вершину: не имея дворянского происхождения, получил звание полковника. Однако судьба мира не менее привередлива и капризна, чем судьба человека: пришли иные времена, и прежние заслуги были уничтожены и забыты.

Орнелла поняла, что грустит, и попыталась встряхнуться. Плохо, что она думает не о том, как выйдет на сцену, а о том, как вернется домой, где ее ждет тепло камина, легкий пеньюар, мягкие туфли и… неизменное одиночество. Теперь она жила в просторной квартире, имела приходящую горничную и ездила по городу в экипаже, предоставленном дирекцией театра. И иногда задавала себе вопрос, не была бы она счастливее

в комнатке на чердаке, рядом с мужем, который по вечерам возвращается домой, окруженная кучей детей?

К реальности ее вернул голос Мадлены:

— Прошу вас, не надо! Сейчас у нее выход. Будет лучше, если вы вручите письмо потом.

Орнелла поднялась и выглянула из гримерной:

— Что случилось?

Мадлена препиралась с посыльным. Ей не удалось подняться выше уровня хористки, зато она осталась единственной, кто всегда поддерживал Орнеллу.

— Принесли письмо. Что-то подсказывает мне, что ты должна прочитать его после спектакля.

— Нет, — решительно произнесла Орнелла, — я прочту сейчас.

Еще не взяв бумагу в руки, она уже знала, что в ней. Письмо было написано незнакомым почерком и подписано неизвестным ей человеком, но это не делало изложенные в нем сведения менее страшными и правдивыми. В те времена военные трибуналы и чрезвычайные суды выносили сотни приговоров — было странно полагать, что беззаветно преданный наполеоновскому режиму и самому императору Дино Гальяни избежит

жестокой участи. Он приехал в Париж и был тут же заключен в тюрьму. Вероятно, он попросил кого-то из верных ему людей написать это письмо.

Орнелла и Дино поклялись всегда говорить друг другу правду, какой бы жестокой она ни была. Так было прежде, так случилось и сейчас.

— Орнелла, ты сможешь выйти? — с тревогой прошептала Мадлена. — Зал ждет.

Могла ли она выйти? В зале сидела иная публика, чем та, для какой она пела в начале своей службы в театре: теперь большинство предпочитало не орлов и пчелок империи, а геральдические лилии. Однако Орнелла не делала различий между зрителями, ибо трагическая история Медеи была понятна и тем, и другим.

Орнелла поправила уложенный красивыми складками греческий гиматий и богато расшитый пеплос и вышла на сцену.

Любовь Медеи была огромна. Поруганное чувство превратилось в факел всесокрушающей мести. Невыносимость страданий оправдывала ее жестокость и ярость. Однако сегодня Ясон не был предателем, ибо Медея его простила. Его измена была наказанием за то, что она забыла отца, мать, брата и родину. Медея убила своих детей не потому, что они были детьми Ясона: она

принесла их в жертву своим темным страстям.

Орнелла много раз выходила на поклон, а в последний раз появилась тогда, когда овации смолкли и занавес опустился.

— Я прошу внимания, — сказала она, и ее звучный глубокий голос перекрыл шум толпы, которая начала расходиться. — На прощание мне бы хотелось сказать вам несколько слов. Благодарю за аплодисменты, ибо сегодня я пела на пределе сил. Я родилась на Корсике, на родине человека, чье имя отныне запрещено произносить вслух. Оттуда родом и мой муж, Джеральдо Гальяни, который десять лет верой и правдой прослужил своей родине. Теперь он арестован и ждет приговора, тогда как по улицам Парижа разгуливают люди, которые накануне решающего сражения нашей империи перешли на сторону врага и теперь цинично хвастаются богатством и чинами. Сейчас многие готовы обнажить свои верноподданнические чувства, и я тоже это сделаю: да здравствует великий император и его бессмертное дело!

Зрители замерли. Многие застыли в неловких позах, словно пораженные взглядом Горгоны. Хлопков не было, зато по залу пронесся легкий, как ветер, тревожный шепоток, который посте-

пенно перешел в гул и ропот недовольства.

Орнелла торжествующе усмехнулась, обвела публику сверкающим взглядом своих темных глаз и покинула сцену.

Через несколько минут Антуан Дюверне ворвался в ее гримерную.

— Что ты наделала! Ты должна петь, Орнелла, а не заниматься политикой! Не удивлюсь, если завтра тебя арестуют!

— Пусть попробуют!

Мсье Дюверне опустил руки.

— Дирекция требует, чтобы ты немедленно покинула театр. Навсегда.

— Это меня не удивляет. Я и сама собиралась уйти.

Он тяжело вздохнул.

— Напиши мне, когда будешь знать свой новый адрес. У меня есть знакомые в оперном театре «Сан-Карло» в Неаполе и в «Ла Скала» в Милане. Я постараюсь тебе помочь.

В глазах женщины блеснули слезы.

— Я вам благодарна. Благодарна за все.

Орнелла без сожаления оглядела свои сценические костюмы, легкомысленную пену шелков и кружев, и забрала лишь немногочисленные личные вещи.

В коридоре опечаленная Мадлена спросила:

— Зачем ты это сделала?

К ее удивлению, подруга пожала плечами. Орнелла и впрямь не знала ответа на этот вопрос, ибо ее поступок не мог ничего изменить в судьбе Дино. Однако она всегда верила в то, что на свете существуют трогательные иллюзии, в которых заключена мощная реальность: следуя им, человек изменяет свою судьбу.

Она вышла на улицу с черного хода, будто простая хористка, так, как не выходила уже давно. Несколько человек принялись наскакивать на ее, выкрикивая ругательства, но Орнелла так посмотрела на них, что они отступили.

Ей хотелось пройти пешком, хотелось побыть одной. Неожиданно она вонзила ногти в ладони и принялась отчаянно, безнадежно, без слов призывать к себе мужество и молить судьбу о снисхождении, просить Бога оставить Дино в живых. Она была готова превозмочь и вынести все, все, кроме этой утраты.

На фоне темных зданий и серо-синего неба желтые огни фонарей казались пронзительно-яркими. На лицо и руки Орнеллы упало несколько капель, и вскоре дождь зашелестел по листьям деревьев — такой же незаметный и тихий, как

ее слезы.

Она решила остановить экипаж и, подойдя к обочине, вдруг услышала сзади негромкий голос:

— Орнелла?

Она оглянулась. Перед ней стояли мужчина, женщина и девушка, их лица были плохо видны в темноте. Орнелла медлила, и они тоже молчали, будто решили дать ей возможность погрузиться в вспоминания.

Орнелла вспомнила. Вспомнила обманчивый покой Корсики, распростертой в море под надежной охраной лесов и гор. Воскресила в памяти минуты, когда она выходила из своего ветхого дома, моргая от светлых и чистых лучей восходящего солнца, и ее босые ступни с наслаждением касались покрытой росой травы. Когда ее единственным собеседником был младший брат, и они вместе страдали от неуживчивого, мрачного характера своей матери.

— Андреа?!

— Да. А это Бьянка Гальяни, которую ты наверняка помнишь, и Женевьева Леруа. Мы слышали, как ты пела. Это было великолепно! Еще больше нам понравилось то, что было потом.

Андреа взял ее за руку. Орнелла была благодарна брату за то, что он дал ей время опомниться и

отсрочить неизбежные объяснения.

— Ты все равно не смогла бы мне помочь, — сказал он позднее, когда они сидели в номере гостиницы.

По полу скользили отсветы фонарей. Андреа, Орнелла и Бьянка чувствовали на лицах прохладное дыхание ветра, который струился из открытого окна. Оттуда же долетал шум города, напоминавший шуршание расстающегося с берегом моря в час, когда наступает отлив. Париж засыпал, но они знали, что нынешней ночью им не придется спать.

— Деньги, титул… не могу поверить! — воскликнула Орнелла. — Мне кажется, нужно быть очень осторожными, чтобы ничего не раскрылось. А что ты можешь сказать о девушке, которой, по твоим словам, принадлежит состояние?

— Ей пришлось пережить много горя. Она очень странная и скрытная. Я до сих пор не могу понять, что ей нужно, — ответил Андреа и сказал: — Я постараюсь помочь Дино. Обращусь к герцогу Ришелье и попрошу за него.

— Это очень опасно!

— У нас все равно нет другого выхода.

Прошло несколько дней, в течение которых они почти не расставались. К удивлению Андреа,

Женевьева нашла общий язык с его сестрой и рассказала ей о том, о чем не говорила ему. Когда Бьянка обмолвилась, что надеется родить ребенка, а Орнелла посетовала, что у нее никогда не будет детей, Женевьева сказала:

— Можно взять ребенка из приюта. Я всегда мечтала, чтобы меня удочерили.

— Почему этого не случилось? — спросила Орнелла.

— Потому что я была Леруа, дочерью аристократа, да к тому же врага родины.

— Разве это имело значение?

— Да. С одной стороны, меня не хотели брать чужие люди, с другой — мне пытались внушить ненависть к моим настоящим родителям.

— Я подумаю, — сказала Орнелла. — Прежде, когда я жила одна и пела в театре, у меня не возникало мысли об усыновлении, но теперь… почему бы и нет? Только бы Дино вернулся, только бы он остался жив!

Через месяц ее мужа отпустили на свободу. На свой страх и риск Андреа обратился в приемную герцога и написал прошение. Позднее он рассказывал, как на вопрос о том, кем ему приходится этот человек, неосмотрительно произнес: «Он женат на моей сестре». Едва ли ему удалось бы

взять свои слова обратно, но, к счастью, никто не стал заниматься проверкой этих сведений. Дино было велено быстро и тихо покинуть Париж, что он и намеревался сделать в самое ближайшее время. Он, Орнелла, Андреа, Бьянка и Женевьева собирались ехать в Тулон.

Орнелла нашла своего мужа совсем не таким, каким он был прежде. Он казался сломленным, смотрел и говорил равнодушно и устало. В каком-то смысле он потерял все, что имел.

Когда Орнелла рассказала ему о судьбе Джулио и попыталась намекнуть, что он пострадал намного больше, Дино ответил:

— Джулио всегда умел приспосабливаться к обстоятельствам, думал только о себе и ни о ком другом. Когда он решил, что сумеет сделать военную карьеру, то притворился, будто служит на благо империи. Когда понял, что ему нужна семья, он женился и вполне счастлив. Ему глубоко наплевать на императора и на то, что творится в стране.

— Ты даже не поблагодарил Андреа за то, что он для тебя сделал, — заметила она.

— Поблагодари его сама, если хочешь, от моего имени, — холодно произнес Дино. — Прости, но я не могу разделить счастье твоего брата, ибо его

облагодетельствовали те, кого я считаю своими врагами.

Орнелла не знала, что сказать. Она удивлялась и радовалась переменам, которые произошли с Андреа: он часто улыбался и даже смеялся. Орнелла знала, что деньги тут ни при чем: таким его сделала любовь.

— Судьбу моего брата нельзя назвать легкой, — наконец промолвила она. — Андреа знает не понаслышке, что судьба есть коридор, по которому человек приговорен идти до самого конца, как и о том, что круги ада находятся гораздо ближе, чем можно предположить. Все, чему мы оказались свидетелями, прошло мимо него. Возможно, потому ему трудно ненавидеть тех, кого ненавидишь ты.

Дино молчал, и Орнелла решилась заговорить о том сокровенном, что не давало ей покоя последние дни:

— Женевьева посоветовала нам взять ребенка из приюта. Что ты об этом скажешь?

В лице Дино ничего не изменилось, и все-таки он ответил:

— Если это сделает тебя счастливой, я не стану возражать.

Когда они приехали в Тулон, Орнелла сразу

поняла, как сильно устала от Парижа. По сравнению со столицей атмосфера этого города казалась почти провинциальной: узкие улицы, местами поросшие зеленью плиты мостовой, невысокие, крытые черепицей дома, из-за ставней которых выглядывали лица любопытных.

Вместе с тем это был город, открытый морским просторам, город, где причаливают и отчаливают суда, перекресток надежд и судеб.

Путешественники были вымотаны поездкой в битком набитом дилижансе по неровным дорогам, короткими остановками, обедами и ужинами на скорую руку, равно как и переживаниями последних дней и недель.

Дино, Орнелла, Андреа, Бьянка и Женевьева остановились в лучшей гостинице, заняв три номера. Андреа немедля взялся за газеты и вскоре выяснил, что Винсенте Маркато жив, а его дом в Аяччо выставлен на продажу. Андреа недобро улыбнулся.

— Боюсь, его ждет сюрприз.

Бьянка не хотела отпускать возлюбленного к Винсенте, но он был непреклонен:

— Ты должна стать графиней де Лотрек, и точка. О другом я не желаю и слышать!

— Винсенте знает, кто ты, он сдаст тебя поли-

ции!

— Все будет хорошо, вот увидишь. Я приду к нему не один.

Бьянка думала, что Андреа имеет в виду Дино, который был не прочь поквитаться с Винсенте, когда узнал о том, что этот человек измывался над его сестрой.

— Не думаю, что вам удастся его запугать.

— Посмотрим.

Тем временем Орнелла решила попытаться разыскать Алонсо. Она помнила, где находится квартира, которую он прежде снимал, и отправилась туда. Бьянка пошла с ней из любопытства, а еще потому, что поняла, о ком идет речь: живя в Тулоне, она тоже восхищалась талантом слепого гитариста, который иногда играл на набережной. К удивлению женщин, к ним присоединилась и Женевьева, которая все это время держалась едва ли заметнее тени.

Им пришлось подниматься по такой шаткой лестнице, что для того, чтобы пройти по ней, не обладая зрением, нужна была известная решимость. Дверь в комнатку никогда не запиралась — она и сейчас была открыта. Орнелла вошла, дрожа от предвкушения того, что сейчас перед ней предстанет кусочек прошлого.

Как и прежде, обстановка была очень бедна: старая, изъеденная червями кровать с выцветшим и запыленным саржевым покрывалом, громоздкий сундук и два стула, из которых торчала солома. Сам Алонсо лежал на кровати, рядом стояла гитара. Его лицо казалось все таким же печальным, правда, сейчас эта печаль приобрела оттенок безнадежности.

Услышав, как кто-то вошел, он сел.

— Кто здесь?

У Орнеллы перехватило дыхание от волнения и какого-то особого трогательного чувства.

— Догадайся!

В его улыбке появилась знакомая добрая ирония.

— Неужели звезда парижского «Опера» навестила бедного уличного музыканта?

— Ах, Алонсо! — воскликнула она и крепко обняла друга.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы расстались?

— Одно мгновение.

— А мне кажется — вечность.

Когда-то Алонсо говорил Орнелле, что для него время течет не так, как для зрячих людей, что оно не проносится мимо быстрой рекой в сот-

нях картин, что он носит его в себе, и с каждым годом эта тяжесть все больше стесняет душу. Теперь ей казалось, что она понимает слепого музыканта, вынужденного проводить дни среди табачного дыма, незнакомых голосов, звона стаканов, — вечного слугу на чужом пиру, лишенного возможности по-настоящему раскрыть свой талант.

— Дай твою руку, — попросил он и, ощупав ладонь Орнеллы, сказал: — Ты многого добилась, но тебе все равно чего-то не хватает. Я чувствую внутреннее кипение, загнанное вглубь недовольство собой. Ты никогда не успокоишься! — Потом поднял голову и промолвил: — Ты пришла не одна? Кто с тобой?

— Жена моего брата и… еще одна девушка.

— Вы гадаете по руке? — промолвила Бьянка. — Может быть, возьмете мою?

— Нет, я не гадаю. Я не знаю того, что будет. Просто я способен почувствовать, что представляет собой человек сейчас, а так же, что он оставил за плечами. Иногда мне достаточно услышать голос. Скажем, вы, синьора, много страдали, но сейчас счастливы. Вы очень веселая и, должно быть, на редкость красивая.

— А я? — вдруг спросила Женевьева и дотрону-

лась до его руки.

В лице Алонсо промелькнула искорка странной надежды, надежды на то, во что он прежде не верил.

— Я… я не знаю, — растерянно и смущенно промолвил он. — Мне нечего вам сказать.

— Ты сыграешь для нас, Алонсо? — спросила Орнелла.

— Не сейчас. Я слишком взволнован нашей встречей. Вечером я буду играть в портовом кабачке «Медуза», где мы когда-то пели с тобой, Орнелла. Вы можете прийти и послушать. Кстати, когда ты уехала в Париж, я сочинил мелодию про тебя и твой остров.

— Мы с удовольствием придем. А потом ты поужинаешь с нами. Мне нужно много рассказать тебе и кое-что обсудить.

Когда женщины спустились вниз и вышли на улицу, Орнелла сказала:

— Если вам удастся услышать его игру, надеюсь, вы поймете, что я чувствую. Такой талант прозябает в такой нищете!

— Но ведь мы можем ему помочь, — промолвила Бьянка.

— Алонсо гордый человек, он не возьмет денег.

Вечером они отправились в «Медузу» в сопро-

вождении мужчин. Орнелла отвыкла от портовых кабачков, пропахшим табачным дымом, прогорклым маслом, рыбой и дешевым вином. В последние годы прима парижского «Опера» обедала в ресторанах с надменной публикой и царственными метрдотелями, где подавалась мясистая и нежная спаржа, приправленные лимоном устрицы, сочное мясо и изысканные вина.

А в это время Дино ел жесткую, жилистую конину — обычную пищу в военных походах. Орнелла вспомнила, с каким восторгом он рассказывал, как однажды перед боем ему довелось отведать любимое блюдо императора, жареный картофель с луком. Помнится, он тут же написал отцу и Данте, чтобы они попытались выращивать на Корсике это удивительное растение.

Орнелла, Дино, Андреа, Бьянка и Женевьева расселись вокруг плохо вытертого деревянного стола. Никто из них не брезговал дешевой пищей, и все же их в первую очередь интересовала игра Алонсо.

Вскоре он появился, поклонился публике, скромно сел в уголке и тронул пальцами струны.

Орнелла сразу угадала, какая мелодия была посвящена ей и ее острову. Эта музыка была сво-

бодной и… дикой, похожей на звучание далекого горного ветра, который никогда не слышал ни смеха, ни песен, ни погребального плача. Слушая игру слепого гитариста, она чувствовала, как ее душа прикасается к тому, что недосягаемо, вслед за душой Алонсо движется лабиринтами вдохновения и приближается к совершенству.

Женевьева внимательно следила за музыкантом. Она представляла людей, что внезапно появляются в поле его восприятия, а потом исчезают, не успев оставить того следа, какой обычно оставляют существа из плоти и крови, о том, что он давно смирился со своей темницей, и что единственное, что он по-настоящему ощущает, — это его музыка. Мир слепого музыканта был лишен солнца, но его мелодии источали свет.

Когда Алонсо закончил играть и на ощупь приблизился к ним, Женевьева спросила, опередив остальных:

— Я могу отблагодарить вас за ваше выступление?

— Можете, синьорина. Просто возьмите меня за руку, — улыбнулся Алонсо.

Он недолго подержал руку девушки и отпустил. Женевьева была тронута его ненавязчивостью. Она вновь ушла в тень, уступив место Орнелле,

которая принялась рассказывать о том, как жила все эти годы.

Алонсо послушно выслушал. Он держался неловко и, казалось, думал о чем-то постороннем. Он категорически отказался последовать за Орнеллой на Корсику, как когда-то не захотел ехать в Париж.

— Я не могу. Я всего лишь уличный музыкант, вот уже много лет живущий во Франции без документов.

— Документы мы вам сделаем, — сказал Андреа.

— Нет, я не поеду. У меня все те же друзья, я не пропаду. Но если через год Орнелла вновь захочет пригласить меня в гости на свой остров, пожалуй, я приму приглашение.

— И через год, и через два, и через три, Алонсо. Я собираюсь остаться на Корсике до конца своей жизни, — сказала Орнелла и поймала взгляд Дино, в котором наконец блеснула надежда.

Через несколько дней Андреа нанес визит Винсенте Маркато. Это решение далось ему нелегко, как и любой поступок, хотя бы на мгновение возвращавший его в прошлое.

Андреа довелось узнать, что такое чудо, и все же он не мог отрешиться от реальности. В его

памяти жили и железный ошейник, и цепи, и карцер, и зеленый колпак, и арестантская роба, и непосильный труд, и палочные удары надсмотрщика. Он помнил унижения, которые ему пришлось претерпеть, и до сих пор внутренне сжимался при виде любого жандарма. От дневной грусти и ночных кошмаров его спасали лишь любящий взгляд и объятия Бьянки. Только ради нее он был готов вновь переступить порог дома Винсенте, человека, бывшего воплощением той грубой и хищнической силы, какую он сполна испытал на себе.

Дино пошел с ним, но этого было мало. Андреа боялся, что Винсенте Маркато ему не поверит, что им с Дино не удастся его запугать. Когда он рассказал брату Бьянки о том, к кому намерен обратиться, Дино принялся возражать.

Однако Андреа знал, что, несмотря на бумаги с подписью короля и премьер-министра Франции и немалое состояние, ему никогда не удастся войти в тот круг, к которому он якобы отныне принадлежал. Он чувствовал, что часть его души навсегда осталась там, в плавучем остроге, в тех темных недрах, где он провел свою юность.

— Так или иначе, я собирался помочь заключенным тулонской каторги, — сказал Андреа. —

Потому мне не будет совестно обратиться за поддержкой к тем, кто пока или уже находится на воле.

— Ты будешь помогать преступникам?

— Для меня они навсегда останутся товарищами по несчастью.

— Эти парни ограбят тебя!

— Нет. Они не трогают тех, кто некогда разделил их участь и кто соблюдает их законы.

Дино вздохнул. Прежде мужем его сестры был человек, всю жизнь торговавший контрабандным товаром, теперь она собиралась выйти за бывшего каторжника и фальшивого графа. И все же он был обязан помочь Андреа и Бьянке.

И вот Андреа стоял в знакомой гостиной, с неровно бьющимся сердцем, вновь переживая то, что уже было пережито. Его новая жизнь и обновленная душа были еще слишком хрупкими; он содрогался от одной мысли о том, что все может рассыпаться прахом.

За спиной Андреа стояли Дино, пожилой человечек в черном — нотариус и двое мужчин в холщовых штанах и блузах, на первый взгляд, похожие на портовых рабочих.

— Что вам надо? — спросил Винсенте, обозленный на Фелису, которой взбрело в голову

впустить в дом эту странную публику. Вопреки обыкновению, кухарка не покинула комнату, а остановилась поодаль с явным намерением присутствовать при разговоре.

Винсенте вглядывался в окружавших его людей, пытаясь оценить возможную опасность, а после услышал голос Андреа:

— Я намерен совершить задуманное честно и, разумеется, без крови. Первое — мне необходимо, чтобы вы дали развод своей супруге, Бьянке Гальяни, на которой я намерен жениться, второе — продали мне дом в Аяччо, сейчас и за наличные деньги. Со мной нотариус, мсье Сабриан, он составит все документы.

Винсенте окинул Андреа презрительным взглядом жестокого и расчетливого человека.

— Я поступлю иначе. Сдам тебя властям как преступника, покушавшегося на мою жизнь. Я вижу, ты не только изменился внешне, Андреа Санто, а еще и набрался невиданной наглости!

— Я не покушался на вашу жизнь. К тому же я не Андреа Санто. Думаю, в полиции сильно удивятся вашему заявлению, когда увидят мои документы с королевской подписью. Я Дамиан Леруа, граф де Лотрек.

Уголок рта Винсенте пополз вверх.

— Ты лишился ума?

— Нет, — сказал Андреа и протянул ему бумаги.

Винсенте подержал их в руках и ответил:

— Это не твои документы. Вероятно, ты убил того, кому они принадлежали!

— Убил самого себя? У меня есть куча свидетелей, готовых подтвердить, что я — это я, свидетелей, главным из которых является моя родная сестра — Женевьева Леруа.

— У меня тоже есть свидетель — Фелиса! Она знает, что ты попытался меня убить, а после сбежал с моей женой!

— Простите, синьор Маркато, но я не стану свидетельствовать ни против этого молодого человека, ни против синьоры Бьянки, которая достаточно натерпелась от вас, — твердо произнесла Фелиса, и хозяин одарил ее злобным взглядом.

— Может случиться, что вы сами отправитесь за решетку, — заметил Дино.

Винсенте скривил рот.

— С чего бы вдруг?

— В 1807 году я плавал на судне «Доминика», где капитаном был некий Жером Фавье. То была команда каперов, не брезговавшая нечестным

промыслом. Именно вы покупали у них товар, который они привозили в Аяччо.

Винсенте рассмеялся.

— Ложь! Вы ничего не докажете.

— Докажем, если дадим делу ход, — сказал Андреа. — Ваша жена согласна подтвердить, что вы нажили свое состояние на контрабанде.

Винсенте презрительно ухмыльнулся.

— Полагаю, она заинтересованная сторона? К тому же женщину не станут слушать в суде!

— Бьянка заинтересована только в разводе. Больше ей ничего от вас не нужно. Теперь рядом с ней человек, который ее любит и никогда не поднимет на нее руку. К тому же Бьянка ждет от меня ребенка.

Винсенте молчал. Удар попал в цель.

— Впрочем мы можем поступить намного проще: вот эти люди, — Андреа повернулся назад, — хорошо знают того самого человека, за которого вы по ошибке приняли меня, и не против ему помочь. Вы человек богатый и наверняка поделитесь с ними некоторой частью своих доходов. Я уйду и оставлю вас наедине, чтобы дать вам возможность потолковать.

«Рабочие» как по команде сделали шаг вперед, а Винсенте отступил. Ему было достаточно взгляда,

чтобы понять, что представляют собой эти люди.

— Будь ты проклят! Что я должен подписать?

— Прошение о расторжении брака и купчую на дом. Я даю приличную цену, вы не останетесь внакладе, — сказал Андреа и вынул пачку банковых билетов.

Винсенте немного успокоился. Он перевел дыхание и произнес:

— Откуда у тебя деньги?

— Вот, — сказал Андреа, протянув ему кубик с шестью очками на каждой грани, — я выиграл их у судьбы.

После того, как документы были подписаны, он положил деньги на стол и повернулся к нотариусу:

— Мсье Сабриан, прошу вас, составьте дарственную на дом от моего имени.

— Кому вы хотите его подарить, ваше сиятельство? — почтительно произнес нотариус.

— Половину домовладения — синьору Джулио Гальяни, другую — его супруге Кармине.

Дино смотрел на Андреа во все глаза. В эту минуту он навсегда изменил мнение о своем будущем зяте, обладателе чудесной пещеры с сокровищами и не менее удивительной души.

— Фелиса, — обратился Андреа к кухарке, —

вам незачем оставаться здесь. Собирайте вещи и сегодня же приходите в гостиницу «Приморская». А где Чиера?

— Она уехала на Корсику.

Когда они вышли на улицу, Андреа протянул пачку денег сопровождавшим его мужчинам.

— Мы ничего не сделали! — ухмыльнулся один из них, а другой сказал:

— Пожалуй, я предложу нашим ребятам еще раз наведаться в этот дом!

Андреа и Дино шли вдоль ограды. Сквозь чугунное кружево виднелась яркая зелень сада. Дино вновь подумал о Корсике, обманчивой Корсике, где многое оказывается совсем не таким, каким представляется на первый взгляд. Море, с яростным ревом лижущее берег, кажется жадным чудовищем, но на самом деле именно оно дарит исцеление душе и пищу — телу. Земля, на вид твердая, как гранит, оказывается податливой и нежной, а внешне суровые и беспощадные люди обладают сердцами, исполненными редкого благородства.

Он обрадовался, когда Орнелла сказала, что намерена навсегда поселиться на родном острове. Во время военных походов Дино доводилось видеть поля, простиравшиеся от края до края

горизонта, города, которые высились до небес, и все же ему была милее скудная, стиснутая каменными оградами корсиканская пашня и неприметный сельский уют.

— Почему ты решил подарить дом Джулио и Кармине? Ты не слишком щедр? — задумчиво произнес Дино. — Достаточно было поставить их управлять гостиницей.

— Я не честолюбив и не привередлив и даже не слишком религиозен. Эти деньги достались мне очень легко, и я до сих пор испытываю чувство вины. Думаю, они принесут мне куда больше счастья, если я кому-нибудь помогу. Гостиница мне не нужна. В скором времени мне придется заняться поместьем — это мой долг перед настоящим Дамианом Леруа, Женевьевой и тем человеком, которого я привык называть Жоржем Ранделем.

На следующий день Орнелла поднялась рано. Ее пугала нынешняя неустроенность их жизни, удручало душевное состояние Дино, и все же внезапно вспыхнувшее желание совершить то, о чем она прежде даже не помышляла, было сильнее всех доводов разума.

Собираясь отправиться в приют, она надела скромное синее платье и шляпу с вуалью. Орнелла не удивилась, когда Женевьева пожелала

составить ей компанию, и не слишком ждала, что за ними последует Дино. Когда она выходила из номера, он делал вид, что спит, хотя давно проснулся и прислушивался к ее движениям.

Орнелла понимала мужа: Дино родился в семье, в которой ценности не менялись с течением времени и были так же незыблемы, как гранит. Леон и Сандра Гальяни были способны вскармливать и воспитывать только *своих* детей, ибо, по мнению всякого корсиканца, общие дети — самое главное, что остается от жизни, прожитой вместе.

Накануне Бьянка, хорошо знающая своего отца, прямо сказала золовке:

— Советую взять маленького ребенка, быть может, нескольких месяцев от роду. Мы с Андреа сохраним факт усыновления в тайне. Леон давно не получал писем от Дино; будет несложно солгать, что ребенка родила ты.

Орнелла вздернула подбородок, и ее глаза сверкнули.

— Это необходимо?

Бьянка вздохнула и посмотрела ей в глаза.

— Так будет лучше.

Орнелла была поражена нищетой приюта. Она вспомнила, как в юности страдала от того, что Беатрис не приходило в голову попытаться пре-

дать бедности оттенок благородства. Именно этот стыд заставлял Орнеллу выхаживать по улицам Лонтано с гордо поднятой головой и вызывающей усмешкой на губах. Теперь она знала, что нищету нельзя оправдать и приукрасить ничем.

Поколебавшись, она все же последовала совету Бьянки и сказала, что хотела бы усыновить ребенка, которому не исполнилось года.

Приютом ведали монахини, старшая из которых внимательно выслушала Орнеллу и согласилась показать ей детей.

— Вам нужен мальчик или девочка?

Орнелла растерялась.

— Я не думала об этом.

— Идите за мной, — мягко промолвила монахиня.

Они миновали полутемный коридор и вошли в просторное помещение с каменными стенами и полом. Здесь были кровати без пологов, в которых лежали дети, но, к удивлению Орнеллы, монахиня уверенно двигалась дальше.

Внезапно Женевьева, которая держалась очень настороженно и натянуто, подошла к одной из кроватей и без малейшей опаски, осторожно и умело взяла на руки лежавшего в ней ребенка.

— Смотрите, какая прелестная девочка! Это же

девочка, правда?

Орнелла остановилась. Странное внутреннее пламя обожгло ее сердце.

— Ты думаешь… — начала она, не смея приблизиться.

— Простите, мадам, — вмешалась монахиня, — вам не стоит брать эту девочку.

Орнелла обернулась, и ее взгляд похолодел.

— Я вас не понимаю.

— Вам предстоит нелегкое дело — воспитать чужого ребенка, и вы должны знать правду.

— Разве усыновленный ребенок не станет моим?

— Эту девочку, — продолжила монахиня, — родила нищенка, да к тому же цыганка.

Орнелла догадалась: эта женщина не знала, кто она, и ожидала увидеть в ее глазах худшее, что только может быть на свете, — презрение богатых к беднякам.

Женевьева опустила ребенка обратно в кровать и выпрямилась.

— В свое время меня не хотели брать из приюта потому, что я была дочерью аристократов.

Орнелла замерла, и тут на помощь неожиданно пришло то самое безрассудство, которое, еще при жизни на Корсике, делало ее непохожей на

остальных: Орнелла порывисто устремилась вперед и выпалила:

— Я хочу взять именно этого ребенка!

И только потом его увидела. Это была девочка, темноволосая, кудрявая и смуглая, должно быть, в самом деле рожденная цыганкой. Ей было полгода, а возможно, и больше, но она выглядела тщедушной и хилой.

Когда Орнелла впервые взяла ребенка на руки, что-то внутри нее словно растаяло или разбилось. Она потеряла опыт, словно утратила все жизненные навыки, и целиком обратилась в чувства. Казалось, судьба открыла перед ней дверь, за которой таилось много нового и сложного, и приглашала войти.

Краем глаза она увидела, как в помещение вошел человек, и вздрогнула, услышав знакомый голос:

— Я опоздал?

Орнелла повернулась и встретила суровый и отчужденный взгляд, который постепенно теплел от понимания и сочувствия.

— Нет, — сказала она, — ты пришел вовремя.

Глава 10

Остров с его вечными ветрами, пряно пахнущими растениями, строениями из темного камня, каждое из которых напоминало жилище отшельника, остров, которому явно недоставало мягкости и благости, вновь принадлежал ей.

Орнелла помнила возвращение на Корсику до малейшей минуты, хотя с тех пор минул год. Помнила, как, растерянная и взволнованная, переступила порог жилья, в котором ютилась семья Джулио, и как у нее на руках надрывалась плачем Джульетта, которая хотела есть. Как Кармина, ничуть не напуганная таким количеством людей, внезапно вторгшимся в пределы ее тесного дома, тут же принялась греть молоко. Как ломался лед между Дино и Джулио, уступая место смущению и зарождавшейся теплоте. Какое лицо было у последнего, когда он узнал Андреа и тот протянул ему дарственную на дом. Помнила, как из угла поднялась Беатрис и смотрела на сына, как на выходца с того света.

Орнелла понимала, что мать испытывает бешеную радость и раздирающее сердце чувство вины, просто не умеет этого выразить. Она оста-

лась жить у Джулио и Кармины, хотя и сын, и дочь настойчиво предлагали ей поселиться с кем-либо из них.

В Аяччо Орнелла и Дино навестили синьора Фабио и синьору Кристину, и те обрадовались им, как родным.

Год минул незаметно, возможно, потому, что она не переставала наслаждаться жизнью на Корсике, шепотом волн, ароматами маки, сиянием солнца или звездного неба над головой.

Орнелла остановила взгляд на вершине горы, где задержались последние солнечные лучи, окрасившие серый камень в пурпур и золото, и вспомнила звуки увертюры «Медеи», когда музыка заглушала все житейское, когда ее охватывало чувство единения с чем-то великим, а сердце переполняла любовь. То же самое Орнелла чувствовала сейчас, сидя на крыльце дома Леона и Сандры и наблюдая за Джульеттой, которая ковыляла по двору вслед за Августо, сыном Данте и Анжелы.

Из дома доносились голоса женщин, хлопотавших над приготовлением ужина, но Орнелла не делала попытки встать и отправиться на кухню. В этом смысле она сохранила прежние привычки: почти не занималась домашним хозяйством;

лишь возилась с Джульеттой.

В усадьбе могла быть прорва работы, но Орнелла уходила гулять и блуждала по горам, плавала в море, как делала в юности. Глядя на это, Сандра сперва сердилась, а после привыкла, благо Женевьева, привыкшая к работе во время жизни в приюте, без страха бралась за любое дело. Они с Сандрой хорошо понимали друг друга, хотя одна не знала французского, а другая — итальянского.

К всеобщему удивлению, Женевьева Леруа предпочла остаться на Корсике с Орнеллой, к которой по непонятным причинам сильно привязалась. Несмотря на разницу в возрасте, они держались, как подруги.

Орнелла поджидала Дино. Они с Данте должны были вернуться из Аяччо, куда ездили за семенами овощей, которые решили выращивать. Весь этот год в поисках душевного исцеления Дино буквально вгрызался в работу и не прогадал: вскоре он вновь научился улыбаться, мечтать о будущем и радоваться жизни.

Орнелла надеялась, что муж привезет из Аяччо письма. Она переписывалась с Мадленой Ренарден, которая оставила театр и вышла замуж после того, как некто, пожелавший остаться неизвестным, обеспечил ее приданым. Мадлена

подозревала, что это отец, таинственным образом узнавший о ее существовании, — человек, которого она никогда не видела.

Кроме того, Орнелла поддерживала связь с братом, который почти год жил в поместье близ Оссера. Андреа писал, что владения оказались сильно запущенными и придется приложить немало усилий, чтобы возродить то, что разрушалось в течение двух десятилетий. Три месяца назад Бьянка родила девочек-двойняшек, которых назвали Аннета и Дельфина, и сейчас рвалась в Париж: ей хотелось немного отдохнуть и обновить гардероб. А Андреа мечтал накупить книг и устроить в доме большую библиотеку.

Что касалось второго брака Бьянки, от Леона Гальяни скрыли все, что было можно скрыть. Посредниками выступили Дино и Джулио; они сказали отцу, что Винсенте Маркато оказался непорядочным человеком, что по их настоянию он дал Бьянке развод и теперь она выходит замуж за очень благородного и состоятельного человека, которому недосуг посетить Лонтано. Леон поворчал, но смирился.

Андреа решил не возвращаться в родную деревню; сестра и жена убедили его не тревожить призраки прошлого. Бьянка сама положила цве-

ты на могилу Амато Форни и сказала все то, что собирался сказать ее нынешний муж.

Вместе с Андреа и Бьянкой в имение уехала Фелиса, в помощи которой они нуждались, а не так давно молодая женщина пригласила к себе Чиеру в качестве личной горничной.

Орнелла с любовью смотрела на Джульетту. Дино тоже попал в плен обаяния этой черноволосой кудрявой малышки. Вот уже несколько раз он говорил, что надо съездить в Тулон за мальчишкой. Орнелла не очень хорошо представляла, как они это сделают, ибо Леон и Сандра до сих пор не знали правды о том, что сын и невестка удочерили девочку. Орнелла не допускала и мысли, что свекры станут относиться к ее ребенку иначе, чем к родным внукам.

Впрочем, Леон изменился: теперь, если его что-то не устраивало или он не мог чего-то понять, мужчина предпочитал молчать. Так, он ни разу не заговорил о том, что Орнелла пела в театре. В понимании Леона женщина могла быть лишь хранительницей домашнего очага и воспитательницей детей.

Так думал не только он — именно поэтому никто из жителей Лонтано не знал о том, чем она занималась в Париже. По приезде Орнелла

навестила Летицию Биррони, ту самую женщину, которая дала ей приют после того, как Беатрис выгнала свою дочь из дому, и в разговоре с ней представила дело так, будто Дино был на войне, а она, Орнелла, просто жила в столице и ждала мужа.

Теперь, когда она была признанным членом семейства Гальяни, с ней почтительно раскланивались на улице даже те, кто прежде подчеркнуто воротил нос. Орнелла отвечала на приветствия, хотя ей было глубоко безразлично отношение жителей Лонтано к ней и к ее семье.

Ворота открылись, и во двор вошел Данте. Августо побежал к нему, и отец взял его на руки. Появившийся следом за братом Дино вел в поводу лошадей.

Увидев Орнеллу, Данте опустил ребенка на землю и подошел к ней.

— Тебе письмо. Возьми.

Она схватила конверт. Ей написал Антуан Дюверне, написал через год после того, как она уехала из Парижа.

Сердце Орнеллы томило предчувствие чего-то неожиданного и, возможно, запретного, а душу сжимало в тисках позабытого волнения, того волнения, какое обычно охватывало ее перед

выходом на сцену.

— Дино видел это письмо?

— Нет. Почту забирал я.

Подошел Дино, поцеловал жену и дочь и коротко рассказал о том, как прошла поездка. Им с Данте удалось получить заказанные семена репы, капусты и помидоров.

— Теперь у женщин прибавится хлопот! — сказал он и подмигнул жене.

Орнелла приподняла бровь.

— Думаешь, я стану заниматься огородом?

Дино издал притворный вздох.

— Боюсь, придется доверить это Анжеле.

Он прошел в дом с Джульеттой на руках, и Орнелла быстро разорвала конверт и пробежала глазами послание. Ее окатило волной лихорадочного жара. Импресарио «Ла Скала» хотел пригласить в труппу примадонну с именем, несколько талантливых второстепенных актеров и композитора, который написал бы оперу специально для данного состава. Предположительно, этим композитором должен был стать молодой, но уже хорошо известный в Италии Россини[20].

Орнеллу давно привлекала итальянская ро-

---

[20] Примечания: 20

Россини Джоакино Антонио (1792–1868), итальянский композитор, классик оперного искусства.

мантическая опера, посвященная простым человеческим чувствам. Ей больше не хотелось выступать в трагедиях, воспевавших мировую скорбь или отчаянный героизм.

Она так размечталась, что забыла о главном: они с Дино решили навсегда остаться на Корсике.

За ужином Орнелла сидела как на иголках: ей не терпелось поделиться своим секретом с Женевьевой. Им удалось остаться наедине лишь тогда, когда они пошли укладывать Джульетту.

Выслушав рассказ своей старшей подруги, Женевьева сказала:

— Ты хочешь поехать?

— В Италию? Это стало бы пределом моих мечтаний. Но я не могу. Дино наконец успокоился. Повседневные заботы отвлекли его от горьких мыслей, он куда реже вспоминает войну и опального императора.

— Ты не скажешь ему про письмо?

— Нет. Я должна слушаться разума, а не бросаться вслед за своей цыганской душой, — усмехнулась Орнелла и нежно погладила волосы Джульетты.

— Подожди, — сказала Женевьева, — не спеши отвечать Дюверне. Помнишь, Алонсо, этот сле-

пой музыкант, сказал, что приедет на Корсику через год, если ты его позовешь. Ты можешь это устроить?

— Конечно. Я попытаюсь его уговорить, только думаю, он не приедет. Полагаешь, его мнение может повлиять на мое решение?

Щеки Женевьевы порозовели.

— Нет, я думала не об этом.

Орнелла внимательно посмотрела на свою юную подругу.

— Ты права: не надо спешить подрубать корни мечте. Вдруг все изменится?

— Почему Алонсо отказался поехать на Корсику? — спросила Женевьева.

— Наверное, боялся покинуть привычный мир. А еще не хотел быть кому-то в тягость.

— Это мне знакомо, — заметила Женевьева.

— Почему ты предпочла остаться именно со мной? — Орнелла задала вопрос, который давно вертелся у нее на языке.

— Из-за твоих песен. Благодаря твоему голосу самые простые чувства и вещи обретают ореол волшебства. Это именно то, чего я так долго была лишена. Мне очень жаль, что теперь ты молчишь.

Орнелла рассказала Дино про желание Жене-

вьевы. Поездка в Тулон состоялась через месяц, и, что несказанно удивило Орнеллу, муж привез Алонсо. Женевьева попросила Дино передать слепому музыканту веточку вереска, своеобразный привет с Корсики.

Женщины встречали мужчин на пристани Аяччо. Женевьева сильно волновалась. Вопреки обыкновению, она принарядилась, забыв о том, что Алонсо все равно не сможет увидеть ее платье.

В полдень от острова исходил жар, как от огнедышащего чудовища. Гул прибоя напоминал биение огромного пульса, а шум ветра — прерывистое дыхание.

Завидев знакомое судно, женщины поспешили к краю причала. Дино помог Алонсо сойти на берег. Орнелла тут же подала ему руку и рассмеялась.

— Не представляешь, как я тебе рада! Будем ждать, скоро ли Корсика возьмет тебя в плен!

— Я уже в плену, — сказал он.

— Здравствуйте, Алонсо! — взволнованно промолвила Женевьева.

Ей показалось, что он слегка покачнулся.

— Рад приветствовать вас, девушка, сотворенная из света.

— Я совсем не такая — у меня темные глаза и волосы.

— Она похожа на итальянку, — вставил Дино.

— У меня другое представление о свете, чем у тех, кто видит, — скромно произнес Алонсо.

Они пошли к повозке. Дино надеялся, что дорога в Лонтано не займет много времени. Он не хотел задерживаться в Аяччо, дабы не стеснять Джулио и Кармину, у которых и без того было много хлопот.

Сильный ветер раскачивал растущие вдоль дороги деревья. Их листва пела свою бесконечную песнь. С наслаждением вдыхая запахи свежей зелени, раскаленных камней, сухой земли, ощущая ласку ветерка на лице, Алонсо чувствовал, как в его темный мир проникает лучик счастья.

Орнелла заметила, что он всякий раз поворачивает голову на звук голоса Женевьевы, и незаметно спросила Дино:

— Как тебе удалось уговорить Алонсо приехать на Корсику?

— Я не уговаривал. Он сразу согласился, когда узнал, от кого исходит приглашение.

Леон, успевший привыкнуть к наплыву неожиданных и необычных гостей, встретил Алонсо довольно радушно. Глава семейства Гальяни так

до конца и не понял, кто такая Женевьева и почему она поселилась в их доме. Он был рад, что на его плечи не возложили обязанности выдавать ее замуж и выделять ей приданое. С точки зрения Леона, Орнелла была на редкость странной женщиной (в этом она явно превзошла Беатрис) и, вероятно, потому имела таких же странных знакомых.

Сандра нажарила к позднему ужину рыбы, которую наловили Данте и Паоло: покрытые золотистой чешуей рыбешки благоухали морем и дымом. Орнелла видела, с какой заботой Женевьева отделяет белую сочную мякоть от острых костей и подает кусочки Алонсо, и начала кое о чем догадываться.

Орнелла успела сообщить слепому музыканту о письме Антуана Дюверне.

— Надо соглашаться. Такое послание приходит раз в жизни, — сказал Алонсо.

— Ты не понимаешь. В первую очередь я должна заботиться о муже и дочери.

— Да, — произнес он с легкой иронией, — я и впрямь не могу этого понять.

Орнелла догадалась, что имел в виду Алонсо. Он страдал оттого, что ему казалось, будто окружающим всегда приходилось заботиться о нем, а

не наоборот. Он был приговорен к этому с рождения, и все уверения в том, *что* может подарить человеку его музыка, оставались напрасными.

Видя светлую улыбку на лице Женевьевы, Орнелла думала, что забота о другом человеке, возможность ощущать себя нужным кому-то способны приносить такое счастье, о каком большинство людей не смеют даже мечтать.

Женевьева же была из тех, кто чувствует себя тем сильнее, чем слабее тот, кто находится рядом. Впрочем Алонсо вовсе не был слабым. Он не только умел с первых минут безошибочно распознать родственную душу, но в час сомнений и страхов служить ей верной опорой.

Орнелла ничего не сказала. Она решила понаблюдать, что будет дальше.

Женевьева была полна желания показать Алонсо Корсику, ту Корсику, которую успела узнать и полюбить.

Они уходили гулять ранним утром и возвращались к полудню. Со временем жители Лонтано привыкли к странной паре и уже не провожали их любопытными взглядами. Женевьева рассказывала Алонсо обо всем, что видела, и он старался соединить ее впечатления зрячего человека с теми сотканными из запахов, звуков и прикос-

новений образами, которые успели поселиться в его душе.

Они стояли на мысу. Далеко внизу виднелось беспорядочное нагромождение камней, о которые разбивались волны прибоя. Жалкие кустики упорно цеплялись корнями за горстки земли на выступах скал.

Море тянулось до самого горизонта — изумрудное поле, белые гребни, огромная сила и гигантский простор. Ветер трепал их волосы, теребил одежду, свистел в ушах и бил по лицу.

— Почему ты не хочешь сыграть для меня? — спросила Женевьева.

После нескольких дней общения они, не сговариваясь, перешли на «ты».

— У Корсики есть своя музыка. Мои мелодии ей не нужны.

— Орнелла тоже не поет.

— Она изменилась, и ее песни стали другими.

— Твои мелодии нужны мне.

— Здесь они покажутся тебе чужими.

Они говорили обо всем без утайки. Их души соединились мгновенно, как две половинки. Впрочем, Женевьева считала, что Алонсо не придает этому особого значения. Он так же хорошо понимал и Орнеллу; они нередко разговаривали

в такой же манере.

Его внутренний взгляд и легкая улыбка будто принадлежали другому, недоступному ей миру, миру музыки, природы, загадочных чувств. Он будто слушал таинственный, неслышный прочим зов, рожденный шевелением листвы, шумом дождя, ветра и морских волн. Если его окликали, он вздрагивал и с явной неохотой пытался вернуться в реальность.

— Почему ты решила поселиться на Корсике? — спросил Алонсо.

Женевьева помолчала, потом ответила:

— Не думаю, что это навсегда.

— Кто знает! Наверное, местные парни не дают тебе прохода?

Она улыбнулась.

— Они не знают языка, на котором со мной можно разговаривать.

— Я чувствую твою улыбку, — задумчиво произнес Алонсо. — Всякий раз, когда ты улыбаешься, в мою душу проникает приятное тепло.

— Ты даже не знаешь, красива ли я.

— Я не могу представить, как ты выглядишь: ведь я никогда ничего не видел. Что для меня женщина? Ее дыхание, ее запах, голос, шуршание одежды, прикосновение руки или… губ.

Женевьева затаила дыхание.

— Ты хочешь меня поцеловать?

— Я бы не отказался сделать себе самый ценный подарок в жизни.

— Я тоже.

Когда он обнял ее, все изменилось: это она, а не он вдруг сделалась беспомощной и слепой. Женевьева попала в плен его сильных рук и нежных, но настойчивых губ. Этот поцелуй выпил из нее все силы, а главное — сорвал с ее души те покровы, что наслаивались друг на друга в течение многих лет, когда она ощущала себя брошенной и никому не нужной.

Когда Алонсо отпустил Женевьеву, она вцепилась в него, чтобы не упасть.

— Ты самая прекрасная девушка на свете, — прошептал он. — Это… это все равно, что при жизни попасть в рай!

— У тебя… у тебя кто-нибудь есть? — спросила она, мучительно краснея, и забыв о том, что он не может этого видеть.

— Ты имеешь в виду подруга, женщина? Нет.

Женевьева покрепче ухватилась за его рукав и отчаянно проговорила:

— Алонсо! В Лонтано есть небольшая церковь, в которой можно обвенчаться, после чего все

мои поцелуи, вся моя жизнь будут принадлежать тебе.

Он отстранился от нее, и его лицо потемнело.

— Я никогда не смогу причинить горе такой молоденькой девушке. Я слышал… ты дочь графа, у тебя есть имя и деньги, а я всего лишь уличный музыкант.

Женевьева рассмеялась.

— Может, я и была дочерью графа, но только жизнь сделала из меня парию. Фамилия Леруа была бичом, которым меня хлестали всю жизнь. Вдовец с шестью детьми решил жениться на мне, когда мне исполнится шестнадцать, чтобы иметь в доме бесплатную служанку и няньку, и, по словам моих воспитательниц, я должна была благодарить за это Бога, как за величайшую милость. Единственная правда из всего, что ты сказал, это то, что у меня в самом деле есть деньги. Андреа Санто пришлет мне сколько нужно по первой же просьбе. Мы сможем уехать куда захотим и жить так, как нам понравится. Тебе не придется выступать на улицах. Отныне ты сможешь играть только для меня.

— Жаль, что я смутил твою душу, — сказал Алонсо. — Я скорее сломаю свою гитару, чем отвечу на твое предложение.

— Что значит гитара, когда ты разбил мое сердце! — воскликнула Женевьева и побежала вниз.

Тропинка была крутой, но она перескакивала с камня на камень столь бесстрашно, словно ее подгоняла неведомая сила.

Из ее глаз текли слезы, которые тут же смахивал ветер. Зря она думала, будто любовь сильнее кровавого прошлого, предрассудков, недостатков и обид. Напрасно выбрала человека, который, как ей казалось, умел испытывать нежность от прикосновения к ладони опавшего листа или капли дождя — к лицу, находить истину в обыденных, незамысловатых вещах.

Женевьева преодолела почти четверть спуска, как вдруг ей пришло в голову, что Алонсо может сорваться с тропы, да и вообще едва ли решится сойти вниз без посторонней помощи, и повернула обратно.

Алонсо стоял на прежнем месте, словно размышляя, упасть ли ему вниз или расправить невидимые крылья и взлететь наверх.

Женевьева остановилась возле него, прерывисто дыша, и промолвила:

— Я вернулась.

— В том-то и беда, — тяжело произнес Алонсо. — Тебе всегда придется возвращаться, даже

если ты этого не захочешь.

Они пришли домой в молчании. Алонсо отправился в отведенную ему комнату, а Женевьева присоединилась к женщинам, хлопотавшим по хозяйству, и кое-как дотянула до вечера.

Вечером Орнелла позвала ее прогуляться вдоль берега.

Хотя уже стемнело, еще не все лодки вернулись с моря — время от времени вдали раздавался скрип весел в уключинах и хлюпанье воды. Мачты, на которых болтались спущенные паруса, неподвижно смотрели в черное небо. Воздух заполняли сотни запахов, пробуждавшихся только ночью.

Орнелла и Женевьева слушали шепот ветра в тростнике и ленивый плеск волн. Их собственные шаги по влажному песку почти не были слышны. Одна не привыкла, а другая отвыкла ходить без обуви, и сейчас они наслаждались его прикосновением, похожим на прикосновение мокрого шелка. Они смеялись, шлепая себя по рукам и лицу в попытке отогнать назойливых москитов.

— Если б ты уехала в Италию, я бы отправилась с тобой, — сказала Женевьева. — Помогла бы воспитывать Джульетту.

— Тебе плохо здесь?

— Я никогда не стану своей на Корсике. Я буду чужой везде.

— Ты поссорилась с Алонсо?

— Ты же знаешь, с ним невозможно поссориться. Он просто дал понять, что все мои надежды напрасны.

— Алонсо еще не знает, что самая сильная любовь, это любовь вопреки предрассудкам и запретам. Тебе нужно ему помочь, помочь преодолеть этот барьер.

— Каким образом?

— Этого я не знаю. Готовых способов не существует. Прислушайся к своему сердцу.

— Ты все здесь знаешь, — немного помолчав, сказала Женевьева. — Можешь подсказать, где есть местечко, пригодное для купания, такое, где нас никто не сможет увидеть?

Орнелла улыбнулась.

— Конечно, могу. Я знаю много таких мест.

Утром Женевьева проснулась с иным чувством. Она долго лежала в постели, следя за солнечными бликами, рассыпавшимися по постели, и тенями, пробегающими по чисто выбеленным стенам. Со двора и из кухни доносились голоса женщин. Как бы рано ни пыталась встать Женевьева, ей никогда не удавалось опередить Сандру и Анжелу.

Орнелла поднималась разве что к завтраку, не обращая внимания на косые взгляды и намеренно громкие вздохи Сандры. Анжела, мягкая и сдержанная по натуре, приветливо кивала и ставила перед невесткой кружку со свежим молоком, клала теплый хлеб и кусок душистого сыра.

Женевьева появилась на кухне вовремя — Сандра едва разожгла огонь в очаге. Вошла заспанная Мирелла и улыбнулась Женевьеве. Хотя эта девочка была куда ближе к ней по возрасту, чем Орнелла, они едва ли обменялись парой фраз. Сказывалось незнание языка и совершенно разные условия, в которых выросли обе.

Алонсо был взволнован — Женевьева сразу это почувствовала. Она едва дождалась, пока будет убрана и вымыта посуда, — эту работу они обычно завершали вдвоем с Мирелой, — и вышла во двор.

Слепой гитарист стоял под большим деревом, обнимая одной рукой могучий шершавый ствол.

— Прости, что я так обошелся с тобой, — тяжело произнес он. — На самом деле ты влюбилась не в меня, а в мою гитару, в мою музыку. Я зря поддался слабости. Мне не надо было приезжать.

— Значит, ты меня все-таки любишь?

— Когда я впервые услышал твой голос, а потом

ощутил прикосновение твоих пальцев, в меня вошло то, что вы называете светом, а я — любовью. Когда неожиданно появился Дино, пригласил меня на Корсику и передал веточку вереска, сказав, что ее прислала Женевьева Леруа, я решил, что если девушка, которая видела меня всего лишь несколько минут, не забыла обо мне за целый год, значит, я ей и вправду небезразличен. Я не ошибся, но теперь совесть не позволяет мне воспользоваться твоей наивностью.

— Я вовсе не так наивна, как тебе кажется, хотя, в отличие от тебя, не понимаю, зачем человеку надо отказываться от счастья.

Алонсо печально улыбнулся.

— Мне уехать сегодня, или мы больше не будем об этом говорить?

— Не будем. Пойдем гулять? — спросила Женевьева.

— Да, если ты свободна.

Она молча взяла его за руку и повела за собой.

Начался сбор винограда, и Леон с сыновьями и работниками с рассвета пропадали на виноградниках. Минувшую неделю мужчины без устали чинили старые и плели новые корзины, а женщины обшивали их холстом. Женевьеве нравилось семейство Гальяни, и она уважала

Леона. Пусть он мало что видел и знал, кроме своих полей, пастбищ и виноградников, он был истинным королем своей земли, причем королем справедливым и щедрым.

Она не собиралась отлынивать от работы в пору, когда была дорога каждая пара рук, но сегодня был особый случай.

— Куда ты меня ведешь?

— Туда, откуда нам обоим не будет возврата.

Женевьева быстро переняла у него своеобразную манеру общения, полную легкой иносказательности и мягкой иронии.

Она внимательно посмотрела на Алонсо. Его лицо казалось суровым и неподвижным, и было трудно представить, как печально, тонко и нежно он умеет улыбаться.

— Главное, чтобы тебе не пришло в голову нас утопить, а на остальное я согласен.

Они пришли в укромную пустынную бухту, окруженную отвесными скалами.

Толщу воды пронизывали столбики света, на дне колыхались темно-зеленые водоросли, а камни были облеплены полчищами черных мидий. Море бурлило и пенилось, обтекая ноги Женевьевы и Алонсо.

— Я хочу искупаться, — сказала она.

— Хорошо, — ответил он и сел на песок.

Женевьева знала, что он не может ее видеть, и все же, когда она расстегивала платье, ее пальцы дрожали.

— А ты?

— Я не умею плавать.

— Я тоже не умею, но здесь мелко и нет течений. Нам не грозит опасность.

— Ты уверена? — улыбнулся Алонсо и добавил: — Ты будешь видеть меня, а я тебя — нет. Это несправедливо.

— Я отвернусь и не стану смотреть, пока ты не окажешься в воде.

Женевьева вошла в море первой, наслаждаясь тем, как вода мягко обволакивает тело. Интересно, какие ощущения испытает Алонсо, чувства которого обострены до предела? Она посмотрела вниз. Там бурлила жизнь: переливаясь яркими боками, шныряли юркие рыбки, извивались какие-то мерцающие нити, колыхались прозрачно-белые купола медуз.

Женевьева подняла голову и едва не ахнула. Алонсо осторожно ступал по песку, и его стройное, гладкое тело было залито солнцем. Прежде ей казалось, что обнаженный мужчина не может выглядеть привлекательно; отчасти такому

мнению способствовали разговоры, которые она слышала в приюте, когда воспитательницы сравнивали мужчин с демонами-искусителями. Однако сейчас в роли соблазнительницы предстояло выступить ей самой.

— Где ты? — спросил Алонсо, войдя в воду по пояс. — Можешь повернуться.

У Женевьевы перехватило дыхание, и она с трудом прошептала:

— Я здесь.

Она поддела воду ладонью, и жемчужная завеса брызг окрасилась золотом солнца. Алонсо ответил тем же, и оба рассмеялись.

Женевьева сделала несколько шагов по дну и сказала:

— Ты меня не видишь, но ты можешь ко мне прикоснуться.

Она взяла его за руку, и Алонсо ощутил упругость и мягкость ее груди. Страсть вскипела в нем бурной волной, и все доводы разума разлетелись в прах. Щупальца сомнений разжались, и сердце забилось свободно и буйно.

Его губы осторожно скользили по ее шее, а руки — по талии и бедрам, лаская, исследуя и изучая. Почувствовав его возбуждение, она напряглась, и он отстранился.

— Прости. Ты само совершенство. И ты свела меня с ума.

Наступила тишина, а после из мрака внезапно выплыл нежный голос Женевьевы:

— Ты любишь меня, а я — тебя. Мы молоды и свободны. Почему бы нам не принадлежать друг другу?

Алонсо ничего не ответил. Он приподнял Женевьеву, оторвав ее ноги от дна, крепко прижал к себе и нашел губами ее губы.

Когда их тела соединились, что-то в ней оборвалось, рухнув вниз, а потом так же стремительно взмыло вверх. Они превратились в единое целое. Волны качались в ритме движений их тел. Солнечные блики на воде трепетали, будто живые. В эти минуты для Алонсо существовала только Женевьева, ее дыхание, похожее на шум прибоя, ее волосы, своим прикосновением напоминающие шелковую ткань, объятия ее рук, берущие в вечный плен. И он нисколько не удивился, когда темнота его внутреннего мира вдруг взорвалась ослепительным светом.

— Так ты женишься на мне, чтобы спасти мою честь?

— Конечно, женюсь. А пока… можно я продолжу ее губить?

Они лежали между камней на песке, и волны лизали их ноги. Женевьева уютно устроилась в изгибе руки Алонсо и положила голову ему на плечо. Над влюбленными носились чайки, едва не задевая их своими крыльями. Солнце ласкало кожу, а море источало сильный терпкий запах.

— Все так близко, — прошептал Алонсо.

— Все?

— Да, все, что способно подарить счастье.

— У тебя были женщины? — спросила Женевьева.

— Я играл в борделях, и иные девушки желали отблагодарить меня таким образом. Несколько раз я соглашался, а потом заметил, что после этого мне становится противной даже моя музыка. У меня оставалось ощущение какой-то липкой грязи, чувство того, что кто-то чужой запустил в меня руку и шарит там в поисках сокровенного. С тобой все не так. Я ощущаю ласку твоего сердца и чистоту твоей души.

Они вернулись домой к вечеру, держась за руки, пьяные от счастья и утомленные любовью.

— Я бы хотела, чтобы мы поженились в Италии, — шепнула Женевьева Орнелле за ужином, и та печально улыбнулась.

Двор был заставлен корзинами с виноградом,

зеленым и синим, прозрачным и покрытым тончайшим восковым налетом. В воздухе стоял дурманящий запах липкого сока, на который слетались осы и которым были испачканы лица и руки детей.

Взрослые были заняты до самого вечера; только Орнелла по обыкновению сидела на крыльце.

На закате рядом опустился Дино. Он выглядел усталым, но довольным.

— Слышала новость? Отец как староста Лонтано выступил за запрет кровной мести. И мы больше не будем воевать с нашими соседями. Леон считает, что в то время, как император томится на острове, корсиканцы должны сплотиться, а не убивать друг друга.

— Хорошо бы это стало законом!

— Да. Тогда я был бы спокоен за наших детей.

— Детей?

— Я уже говорил тебе, что хочу мальчишку.

Орнелла неподвижно смотрела туда, где переливались небесные витражи, а облака уплывали вдаль, будто корабли, чьи паруса были окрашены закатом в цвета меда и крови.

— Полагаешь, наши дети останутся на острове? — задумчиво спросила она.

— Кто знает! Если они захотят выбрать иную

судьбу, я не стану их удерживать, — сказал Дино и заметил: — Мне кажется, ты давно порываешься в чем-то признаться, но никак не можешь решиться.

Орнелла повернулась и посмотрела в лицо мужа. Прошло много лет, но глаза у Дино остались прежние — серые с золотистыми точками, любящие, понимающие и добрые.

— Просто я уже приняла решение.

— Не посоветовавшись со мной? — улыбнулся он и легонько коснулся ее руки.

— Да, потому что оно было единственно возможным и верным.

Он продолжал улыбаться.

— Ты уверена?

Орнелла встала и принесла письмо Антуана Дюверне. Дино пробежал его глазами. Она ждала, что на его лицо ляжет тень, но он оставался спокойным.

— Это не навсегда, — на всякий случай сказала Орнелла, — быть может, на несколько сезонов.

— Что в этой жизни случается навсегда? Если мы приехали на Корсику, это не означает, что мы купили билет в один конец!

— Я думала, для тебя важно остаться именно здесь.

— Работа на земле отвлекла меня, но не поработила. Я уже не только сын своего отца. Я повидал многое, но еще не все. Почему бы нам не посетить родину наших предков? Полагаю, в нынешние времена Италия, как никогда, нуждается в опытных офицерах.

Орнелла встрепенулась.

— Мы могли бы заехать в приют и взять мальчика, а потом отправиться в Италию на три-четыре года. Как раз пройдет достаточно времени, чтобы твои родители поверили, будто сына родила я!

— Но ты будешь занята в театре.

— Не настолько, чтобы мне не хватило времени заботиться о детях. К тому же Женевьева обещала мне помочь.

— Если Женевьева и Алонсо станут продолжать в том же духе, вскоре после свадьбы ей придется возиться с собственным малышом.

Орнелла покраснела.

— Ты заметил?

— Я еще не разучился отличать безумно влюбленных от обычных людей.

— Ты не станешь возражать, если Алонсо и Женевьева поедут с нами?

— Нет. Они заслужили возможность отыскать свое место в мире, как это случилось с большин-

ством из нас.

Орнелла крепко обняла и страстно поцеловала мужа, а потом положила голову на его плечо.

Время шло, взрослые давно уложили детей и легли спать, а Орнелла и Дино все говорили, мечтали, строили планы. Солнце село; горизонт протянулся шелковой ниточкой, такой же тонкой и алой, какой порой казалась Орнелле нить ее жизни.

Было далеко за полночь, когда они вернулись в дом. Корсика погрузилась во мрак; нигде не было видно ни огонька, птицы умолкли, и до слуха долетал лишь вечный шум моря и легкий гул далеких горных потоков: казалось, где-то в ночи неустанно шепчет призрачный голое, голос надежды, голос судьбы.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.